

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН:
100 лет истории**

МОСКВА
2019

УДК 902/904
ББК 63.4
И71

Ответственный редактор
Н.А. Макаров

Редакционная коллегия
П.Г. Гайдуков, Е.Г. Дэвлет, Г.Г. Король, Н.В. Лопатин

Рецензенты
А.П. Бужилова, Ш.Н. Амиров

Институт археологии РАН: 100 лет истории. — М.: ИА
И71 РАН, 2019. — 320 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-270-4

Книга посвящена столетию российской академической археологии, отсчет которого ведется от декрета об образовании Российской академии истории материальной культуры в 1919 г. В серии очерков излагается история становления Института археологии Академии наук как центрального археологического учреждения России, находящегося в ее столице. Делается обзор важнейших направлений научной деятельности института, рассмотрена история его подразделений и наиболее известных экспедиций, основных книжных серий и периодических изданий, представлены научные портреты ученых ИА РАН, во многом определивших развитие российской археологии в XX веке.

УДК 902/904
ББК 63.4

Иллюстративные материалы происходят преимущественно из Научно-отраслевого архива ИА РАН, их подборка выполнена стараниями сотрудников архива. Часть фотографий и других иллюстраций предоставлена сотрудниками института, действующими и бывшими, а также их родственниками и коллегами. Иное происхождение иллюстраций указано в подписях к ним и в текстах статей.

ISBN 978-5-94375-270-4

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-270-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2019

© Авторы статей, 2019

Институт археологии: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Н.А. Макаров

Институт археологии РАН — современное научное учреждение, формирующее новое знание о древних обществах и культурах, но потенциал института во многом определяется интеллектуальными традициями и организационными установками, сложившимися много десятилетий назад. Реалии современной жизни, стремительное обновление археологической науки, необходимость адекватной реакции на новые вызовы наследию, участие института в масштабных проектах, связанных с сохранением памятников древности, в последние годы не оставляли времени, чтобы оглянуться назад, осмыслить результаты собственной научной деятельности центрального археологического учреждения России в XX веке. Столетие российской академической археологии не позволяет дальше откладывать начало этой работы. Эта книга — первый опыт обращения к прошлому Института археологии РАН, обзора важнейших направлений его научной деятельности, освещения наиболее значительных научных проектов советских десятилетий и создания научных портретов ученых, определивших лицо московской

археологии XX века. Серия очерков, посвященных отдельным подразделениям института, наиболее известным и продуктивным экспедициям, главным героям, создателям новых научных направлений и школ, не претендует на полноту охвата истории института, но позволяет в общих чертах представить тематику, масштабы и колорит академической археологии в Москве.

Основные вехи истории Института археологии как будто бы хорошо известны, но создание связной картины его становления как центрального археологического учреждения России, находящегося в ее столице, оказывается непростой задачей. Этот путь легко представить как цепочку административных преобразований, в результате которых учрежденная 18 апреля 1919 г. в Петрограде Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) превратилась в московское академическое учреждение. Подлинная история сложнее, она соединяет в себе традиции различных научных школ Петрограда и Москвы и наследие различных организаций. Действительно, современный Институт археологии — преемник РАИМК, созданной декретом Совнаркома на осно-

ве упраздненной Императорской археологической комиссии как головное научное учреждение, в задачи которого входили «всестороннее исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта... и разработка научных основ их охраны, ...теоретическая разработка всех вопросов, связанных с археологией, ...и производство археологических раскопок...» При этом реальным ядром развития института в Москве стала московская секция РАИМК, организованная в том же 1919 г., первоначально представлявшая собой научную структуру с неопределенным статусом и скудным финансированием, но последовательно стремившаяся к самоорганизации московских археологов и консолидации их в полноценном научном учреждении. Однако становление института как академического центра в столице невозможно представить вне связи с более широкой средой московских археологов и историков, трудоустроенных в разных организациях (ГИМ (тогда РИМ), МГУ, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, московские музеи), при этом объединенных общим интересом к древностям и поддерживавших тесные цеховые связи.

*С.В. Киселев, член-корреспондент
АН СССР (1953 г.), заместитель
директора института в 1945–1951 гг.*

Перевод дирекции Института истории материальной культуры в Москву в 1943 г. был обусловлен трагическими обстоятельствами войны. Но в Москве к этому времени сложилась прочная платформа для развития академической археологии. Здесь институт получил в 1957 г. свое современное имя, более точно отражающее содержание его исследований. Здесь была впервые развернута программа систематического археологического изучения древних и средневековых культур на территории Советского Союза, призванная раскрыть их своеобразие и значимость в мировой истории.

Таким образом, Институт археологии, как и ИИМК РАН, остается наследником старейшей археологической организации, созданной в России, в Санкт-Петербурге, в 1859 г. для изучения и сохранения памятников древности. Но в его генеалогии не менее значимы «московские корни», интеллектуальные ресурсы и практический опыт археологической деятельности научных и музейных учреждений Москвы конца XIX – начала XX в.

Московская археология 1920–1930-х годов, ее научные идеи, практические занятия и организационное устройство знакомы нам сегодня в меньшей степени, чем археологическая наука Ленинграда этих десятилетий. Очевидно, что характер организации археологического цеха в двух столицах был различным, основная масса ленинградских археологов была сосредоточена в РАИМК–ГАИМК, тогда как московские исследователи древностей были рассеяны по разным учреждениям. Важнейшей точкой опоры для них был ГИМ. Московская секция РАИМК и сменившее ее в 1932 г. Московское отделение ГАИМК (размещавшиеся в ГИМ) выступали в этой ситуации как структуры, объединившие ученых, имевших общие исследовательские интересы, но не располагавших ресурсами для финансирования их научных занятий. Положение изменилось с переходом ГАИМК в систему АН СССР и реорганизацией ее в Институт истории материальной культуры (ИИМК) с отделением в Москве в 1937 г. В столице, таким образом, появилась академическая структура археологического профиля, которая дала работу двум десяткам

ученых. Руководителем отделения в 1939 г. был назначен С.П. Толстов.

Московское отделение (МО) РАИМК изначально объединяло ученых нескольких поколений, старую университетскую профессию, включая членов закрытого в 1923 г. Московского археологического общества (Д.Н. Анучин, М.М. Богословский, С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, С.К. Богоявленский, А.А. Захаров), и молодых исследователей, воспитанников В.А. Городцова и Б.С. Жукова. Московская археология первых послереволюционных десятилетий формировалась в значительной степени под влиянием идей и научных интересов В.А. Городцова, работавшего в ГИМ (до 1929 г.), Институте археологии и искусствознания РАНИОН и преподававшего археологию в разное время на разных факультетах МГУ. В.А. Городцов, участвуя в работе Московской секции РАИМК, не рассматривал ее как потенциальную точку объединения научных археологических сил. Известны его проекты создания археологической службы как централизованной структуры в системе Музейного отдела Главнауки, предусматривавшие лишение РАИМК статуса головного учреждения. Однако воспитанники В.А. Городцова (С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, А.Я. Брюсов, Б.А. Рыбаков, О.Н. Бадер и др.) стали наиболее деятельными организаторами исследований на платформе РАИМК и составили костяк МО ИИМК в системе РАН.

Воспринятые ими проблематика и методы «городцовской школы» со свойственным ей интересом к археологической классификации, культурной стратиграфии и механизмам распространения культурных явлений оказали заметное влияние на содержание исследовательской работы МО ИИМК, а впоследствии — ИА АН СССР. Принято считать, что «московские новаторы» (воспользуюсь словами Л.С. Клейна) выступили в конце 1920-х годов застрельщиками внедрения в археологию марксистской теории, использования археологических материалов для реконструкции социально-экономических отношений и смены общественных формаций, однако они же (А.В. Ар-

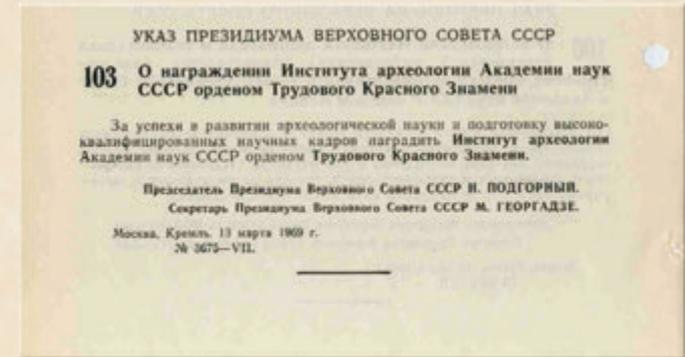
циховский, С.В. Киселев, А.П. Смирнов, А.Я. Брюсов) в конце 1930-х оказались главными проводниками «историзма», прямого обращения к материальным памятникам для воссоздания конкретно-исторических явлений во всем их многообразии — от древних производств до особенностей повседневной жизни. Живой интерес к древностям и формирование собственных независимых взглядов на предмет и методы археологической науки оказались сильнее теоретических установок, навязывавшихся в разные годы в различных версиях.

Историографические исследования последних лет в полной мере раскрывают картину чисток и репрессий в научных учреждениях, в обстановке которых проходили реорганизации РАИМК–ГАИМК и ее московского филиала. Гонения на исследователей старой формации разрушали связь между поколениями и так или иначе подталкивали молодых ученых дистанцироваться от предшественников. Демонстративный отказ от наследия московской археологии дореволюционного времени, критика «бытописательства» и дилетантских методов полевых работ предшественников — общее место в публикациях «новаторов» конца 1920 – 1930-х годов, но внимательное чтение текстов открывает их тесную связь с научными интересами корифеев дореволюционной поры. Оттуда — московский эмпиризм, приверженность углубленным вещеведческим штудиям, увлечение комплексными историко-археологическими изысканиями.

Ключевыми для становления института как мощной исследовательской структуры стали конец 1940-х – 1950-е годы, время послевоенного подъема, осознания ценности исторического наследия России и респу-

блик Советского Союза и создания новой исторической памяти «великой державы», в которой немалое место заняли материальные древности далеких эпох. Проведение в начале весны 1945 г. (в последние месяцы войны!) Всесоюзного археологического совещания — первого масштабного форума, для подведения общих итогов археологических исследований в СССР и планирования дальнейших работ обозначило роль московского ИИМК как реального центра археологической науки. В это время была заложена основа современной организационной структуры института — система отделов и секторов, образованных по хронологическому или культурно-историческому принципу, дополнявшаяся подразделениями, в ведении которых тогда находились научный контроль над полевыми исследованиями на всей территории России (отдел полевых исследований) и сбор и хранение отчетной документации о разведках и раскопках (архив). Эта структура, отчасти воссоздававшая в новых исторических реалиях организационные установки Императорской археологической комиссии, открывала возможности, с одной стороны, для централизованного планирования исследований, с другой стороны, для проведения их в широком пространственном и хронологическом диапазоне, ориентировала на поиски новых культур и обследование «белых пятен».

В укреплении научных позиций ИИМК и академической археологии в целом в те годы наиболее заметную роль сыграл член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев, заместитель директора ИИМК (1945–1951), ученый секретарь Президиума АН СССР (1950–1954), счастливо сочетавший в себе научные и организационные способности.

Связанное с его именем включение в сферу интересов московской археологии Сибири и Монголии расширило ее пространственные горизонты и обогатило общее видение мира древности.

1960–1970-е годы принесли с собой новые идеи и проблематику. Археология постепенно выходила из-под пресса догматического истмата, сочетая установки на «историзм» с признанием ценности конкретно-археологических изысканий и традиционного вещеведения, и осознавала реалии научно-технической революции. Исследования древностей отдельных хронологических периодов развивались в полноценные научные направления с разнообразной тематикой и дополнялись новыми. «Информационный взрыв», обусловленный расширением раскопок и стремительным накоплением новых материалов, потребовал серьезных разработок в области систематики древностей, археологического источниковедения и общей стратегии сбора и использования первичных археологических данных.

Прогресс естественных наук ставил на повестку дня использование их методов и достижений для расширения познавательных возможностей археологии. Начало внедрению в Институте археологии дендрохронологии, спектрального анализа, палинологии и некоторых других методов естественных наук было положено организацией в 1960 г. специальных кабинетов для соответствующих исследований, в 1967 г. они были выделены в лабораторию естественнонаучных методов. Создание

Б.А. Рыбаков, академик АН СССР (1958 г.), руководил институтом в 1956–1987 гг.

дендрохронологической шкалы Севера Восточной Европы и разработки в области истории древнейшей металлургии и горного дела, основанные на использовании результатов спектрального и металлографического анализов, на несколько десятилетий закрепили положение лаборатории в качестве лидера в мобилизации современных технологий для решения масштабных задач изучения древности.

Присутствие СССР на мировой арене в качестве сверхдержавы предполагало продвижение археологии за рамки национальных границ, изучение важнейших мировых цивилизационных очагов. В 1961 г. в институте была создана группа зарубежной археологии. Работы Иракской экспедиции института в 1969 г., организованные Р.М. Мунчаевым, положили начало российским археологическим раскопкам в Месопотамии, продолжавшимся до 1984 г. в Ираке, а с 1988 г. — в Сирии. Институт, таким образом, включился в изучение узловых проблем древнейшей истории — становления производящего хозяйства и первых протогородских центров на Ближнем Востоке.

Исследовательские программы института 1960–1970-х годов, как, впрочем, и последующих десятилетий, крайне разнообразны по своему содержанию, концептуальным основам и используемым методикам. В них широко представлены этногенетические исследования и историко-технологические разработки, конкретно-археологические изыскания и теоретические штудии о характере археологических источников и корректных методиках реконструкции прошлого по материальным остаткам. Экспедиционные проекты на новых для института территориях — в Болгарии и Афганистане — органично сочетались с традиционными для московской археологии исследованиями памятников центра Европейской России, древнерусских курганов и дяковских городищ. В канун 50-летия Института археологии (1968 г.) полевые работы на территории Советского Союза и за его пределами вели 49 экспедиций и отрядов института, под грифом ИА было выпущено 16 книг.

Стоит подчеркнуть, что организация научной работы в институте почти всегда предполагала некоторую полифонию, сосуществование, взаимодействие и конкуренцию различных научных школ и исследовательских групп с собственными подходами к изучению древностей. Важным началом, определявшим стиль жизни и планирования исследований (хотя и нарушавшимся временами), было уважительное отношение к индивидуальным исследовательским интересам и характерам ученых.

Яркая и властная фигура академика Б.А. Рыбакова, последовательного проводника «археологического историзма», в течение более 30 лет руководившего институтом (1956–1987), закономерно ассоциируется в нашем сознании с изучением Средневековой Руси и восточного славянства, от новаторского для своего времени «Ремесла Древней Руси» (М., 1948) до вызвавшей справедливое недоверие книги о древнерусском язычестве (1987 г.). Сегодня следует признать, что Б.А. Рыбаков, казалось бы, целиком увлеченный собственными исследованиями, много сделал для организационного укрепления института, развития его как научного центра, ориентированного на широкий охват археологической проблематики; для позиционирования академического учреждения как структуры, в ведении которой находятся сохранение, выявление и учет археологического наследия, способной собирать в своем архиве отчетную документацию обо всех полевых изысканиях на территории России и брать на себя масштабные археологические работы на новостройках.

С организацией в составе института в 1972 г. сектора археологических сводов академическая наука взяла на себя ответственность за формирование археологической части свода памятников истории и культуры Российской Федерации, которая включала систематическое археологическое обследование многих регионов страны. Создание в том же 1972 г. сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций придавало институту функции штаба организации спасательных раскопок при строительстве крупных народнохозяй-

ственных объектов и дало возможность трудоустройства и профессиональной самореализации десяткам молодых ученых.

Б.А. Рыбаков был инициатором двух крупнейших серийных изданий, задуманных для обобщения археологических материалов и перевода их в исторический формат. Задуманный им «Свод археологических источников» (САИ, первый выпуск вышел в 1961 г.) был призван в системном виде представить археологические древности на территории СССР, снабдить исследователей каталогами вещевых находок и археологических памятников. Издание 20-томной «Археологии СССР», по замыслу главного редактора, должно было раскрыть общее содержание отдельных периодов ранней истории и характер крупнейших культурных общностей древности и средневековья (первая книга увидела свет в 1981 г.). Ежегодник «Археологические открытия» (издавался с 1965 г.) оперативно знакомил с результатами полевых работ, проводившихся на всей территории СССР.

Реалии организации науки и охраны исторического наследия в Советском Союзе 1960–1980-х годов формировали институт как учреждение с исключительно разнообразными функциями — от разработки теоретических основ археологии в условиях роста интереса к археологической теории на Западе (отдел теории и методики создан в 1985 г.) до составления паспортов археологических памятников и выдачи открытых листов на право полевых работ. Опыт показал, что подобное «собрание функций» было вполне органично для центрального археологического учреждения и во многом соответствовало общим интересам археологического сообщества Советского Союза.

История Института археологии во второй половине XX в. — это история нового археологического открытия Северной Евразии, выявления и изучения ярких археологических памятников различных эпох на огромных территориях от Балтики до Монголии, создания общей картины исторического процесса на территории нашей страны от момента первоначального расселения здесь

древнейших человеческих групп до раннего Нового времени. Маршруты экспедиций советского времени отмечены сенсационными находками. Мировую известность получили открытия наскальной живописи в Каповой пещере на Урале, палеолитических погребений на стоянке Сунгирь под Владимиром, усадеб и мостовых средневекового Новгорода, кладов драгоценных украшений в Старой Рязани, сокрытых в момент разорения города Батыем. Раздвигая привычные для советской науки географические границы полевых изысканий, экспедиции Института археологии выявили памятники олдувайской эпохи в Аравии, исследовали царские погребения античного периода на территории Афганистана и поморские становища на архипелаге Шпицберген.

И все же главный результат работы института в советский период — соединение разрозненных археологических материалов в целостное полотно, реконструкция динамики освоения и исторического лица Евразии, развития и взаимодействия древних культур.

Конец 1980-х годов — время максимального расширения исследовательской работы Института археологии в советский период. Ее проявления представлены во всем многообразии — от экспедиций и общей численности трудоустроенных специалистов до археологического книгоиздания. В 1988 г. было организовано 62 экспедиции, издано 20 книг. В эти годы казалось, что институт и советская археология в целом обладают безграничным потенциалом роста. И одновременно — остро ощущался запрос на обновление проблематики исследований, создание более свободной атмосферы для обсуждения новых идей и практической организации археологической отрасли, полноценной интеграции национального археологического цеха в мировую науку.

Возглавивший Институт археологии в 1988 г. академик В.П. Алексеев в полной мере осознавал вызовы и настроения этого беспокойного времени и за короткое время своей работы в качестве директора (1988–1991) успел немало сделать для поддержки новых начинаний, вызревавших в 1980-е. Стоит напомнить, что само появление В.П. Алексеева в должности директора

В.П. Алексеев, академик АН СССР (1987 г.), руководил институтом в 1988–1991 гг.

*Е.Г. Дэвлет, ученый секретарь
института в 2001–2018 гг.*

Института археологии произошло в непростой обстановке: на выборном собрании коллектива института большее число голосов получил Г.А. Федоров-Давыдов, более известный московской археологической среде, чем В.П. Алексеев, антрополог по своей основной специальности. Отделение исторических наук АН СССР, в компетенции которого находились кадровые решения, не согласилось с выбором коллектива. Амбициозная программа развития института, подготовленная В.П. Алексеевым, предусматривала в качестве одного из приоритетов палеоэкологические исследования, изучение биологического состояния древних и средневековых обществ, разработку новых подходов к реконструкции палеосреды и оценку ее как фактора, воздействовавшего на историческое развитие древних и средневековых коллективов.

Становление новых и укрепление уже сложившихся научных направлений предполагали создание в институте соответствующих структурных подразделений. В.П. Алексеев поддержал идею развития сектора археологии Москвы (создан в 1987 г.), ставшего основой для кристаллизации археологии позднего средневековья — раннего Нового времени как самостоятельного научного направления. Организация в 1990 г. в составе отдела теории и методики группы физической антропологии открыла широкие перспективы исследований по биоархеологической и палеоэкологической тематике. Создание в 1992 г. сектора палеолита и мезолита реализовало идеи В.П. Алексеева о необходимости расширения исследования культур каменного века на базе московских научных учреждений. Общий стиль организации работы и научного общения, формировавшийся в институте в те годы, создавал благоприятную обстановку для поиска и постановки новых исследовательских задач, научного роста молодых сотрудников, скорейшей подготовки публикаций, налаживания широких международных связей.

Сегодня можно уверенно сказать, что тревожное время перестройки, во многом благодаря В.П. Алексееву, оказалось для института необычайно продуктивным: оно продвинуло научные горизонты, пробудило новые творческие

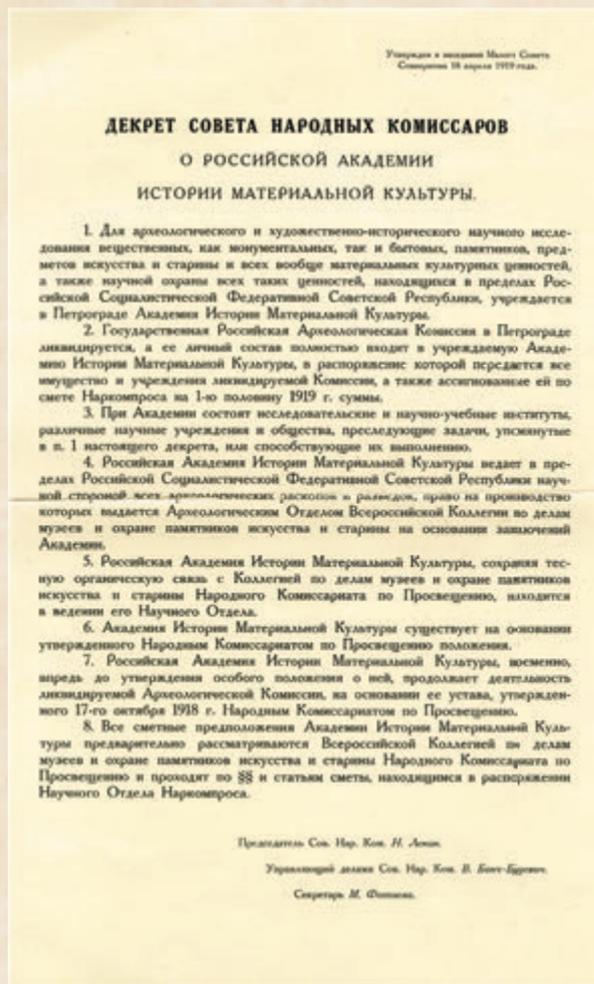
силы московской археологии, дало уверенность в себе молодому поколению ученых. Этот мощный позитивный заряд обеспечил устойчивость института в 1990-е.

Новейшая история Института археологии РАН, результаты научной работы московской академической археологии за последнюю четверть века остаются за пределами настоящего издания. Они получили освещение в других изданиях Института, в которых сконцентрированы результаты наиболее значимых и резонансных полевых проектов последних лет и аналитических исследований. Широко представлены в прессе и материалы, рассказывающие о работе института в области сохранения археологического наследия и совершенствования правовой базы археологической деятельности. Время подводить итоги того, что сделано институтом за последние годы, еще не пришло. Московская академическая археология советского времени, получившая развитие в МС РАИМК – МО ГАИМК – МО ИИМК АН СССР – ИИМК АН СССР – ИА АН СССР, — большая самостоятельная тема, не требующая послесловия. Книга создана для того, чтобы привлечь внимание к археологическим проектам второй половины XX в., значение и масштабы которых сегодня недооценены.

Идея настоящего издания принадлежит доктору исторических наук Е.Г. Дэвлет (1965–2018). История археологии не была предметом специальных исследовательских интересов Екатерины Георгиевны, но, работая в качестве ученого секретаря института (2001–2018), она в силу своих служебных обязанностей постоянно обращалась к его прошлому, научному наследию и организационному опыту советской поры, экспедиционным архивам и биографическим материалам пассионариев московской археологии. Осознание ценности этого наследия, остающегося вне поля зрения новых поколений археологов, дало толчок началу работы. Структура, содержание и дизайн книги разрабатывались Екатериной Георгиевной. Она готовила и подбирала материалы для издания вплоть до августа 2018 г. Эта работа была завершена Г.Г. Король и П.Г. Гайдуковым в развитие ее первоначального замысла.

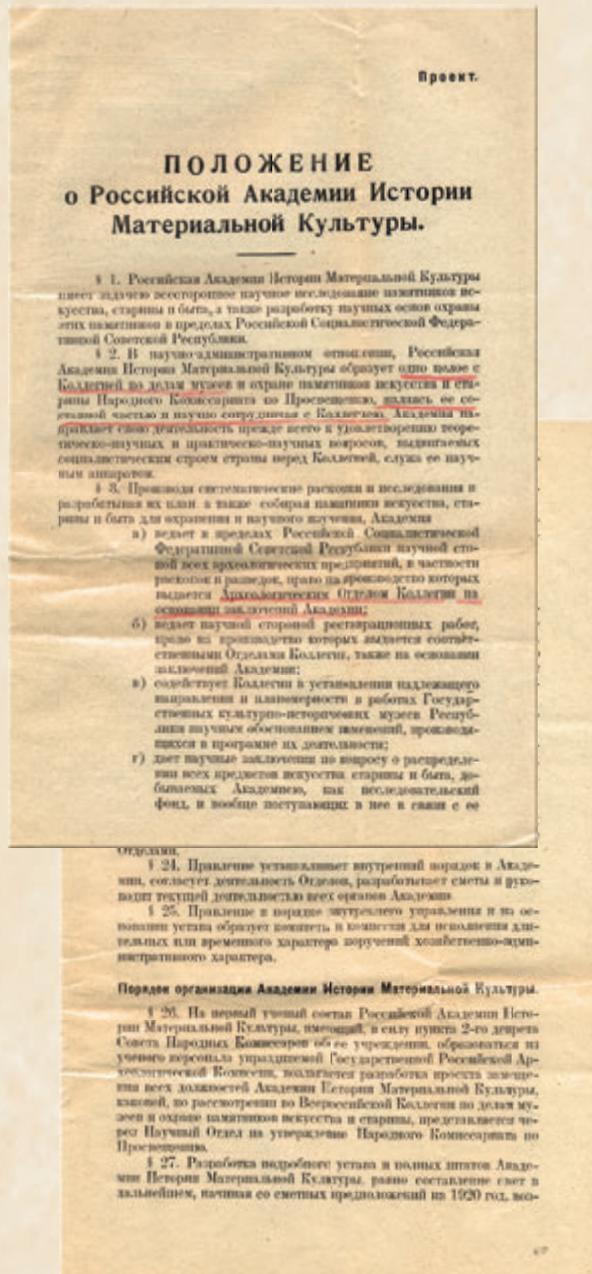
Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы

П.Г. Гайдуков, И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых

Декретом Совнаркома 18 апреля 1919 г. была учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), подчиненная Научному отделу Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР. Функции ИАК — Императорской археологической комиссии (1859–1917) и ее преемницы Российской государственной археологической комиссии (1917 – начало 1919 г.) перешли к РАИМК. История преобразования ИАК и деятельность РАИМК–ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры) — ИИМК (Институт истории материальной культуры) в Петрограде–Ленинграде отражены в ряде трудов. История современного Института археологии АН СССР/РАН (ранее Московская секция РАИМК–ГАИМК, Московское отделение ГАИМК–ИИМК) еще ждет своего исследования. Она кратко освещалась в связи с более ранними юбилеями института (Киселев, 1944; Рыбаков, 1968; Шелов, 1991; Гуляев, 2000; Макаров, 2007). Настоящий очерк посвящен предыстории ИА РАН — его существованию в организационных рамках РАИМК–ГАИМК и ИИМК АН СССР вплоть до 1945 г., когда институт стал головным научным учреждением России в области археологии.

Московская секция РАИМК–ГАИМК. Уже в первоначальном уставе РАИМК упоминается Московская секция — МС (Устав..., 1919. С. 27). Первое заседание Совета секции состоялось 28.08.1919 г.; возглавлял МС в 1919–1921 гг. этнолог В.В. Богданов; обязанности ученого секретаря исполнял Н.Б. Бакланов; 18.08.1921 г. новым председателем секции стал Ю.В. Готье. Московская секция изначально объединяла штатных сотрудников РАИМК (Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, П.Д. Барановский, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, И.Э. Грабарь, А.А. Захаров, В.К. Клейн, А.П. Мюллер, А.А. Новосадский, Н.Д. Протасов, Д.Н. Эдинг), работавших в разных учреждениях Москвы. К 1.01.1922 г. в ней числились 32 научных сотрудника. В составе МС предусматривалось три отделения: этнологическое, археологическое, историко-художественное и две постоянные комиссии — по изучению древностей Центральной России, карт и древних путей, пользующихся в «научно-административном отношении» правами отделений (Бухерт, 2005. С. 409). В деятельности секции предполагался широкий спектр историко-гуманитарных исследований.

Положение о РАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 1, 4).

В феврале 1923 г. на Совете РАИМК был поставлен вопрос о реорганизации структуры Академии, но из-за отсутствия средств и помещений для работы МС с 1.07.1922 г. фактически прекратила свою деятельность. Официально она не была расформирована, к тому же несколько ее членов оставались в качестве представителей РАИМК в Москве (Катагощина, 1993. С. 88). Прекращение деятельности МС выглядело неестественным шагом, учитывая ее востребованность и контакты с Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР (далее Музейный отдел), который в 1919–1922 гг. постоянно обращался в МС за справками и экспертными заключениями. Возобновление деятельности секции произошло в 1924 г. Ключевую роль в ее возрождении сыграли Музейный отдел и лично Н.И. Седова (Троцкая). Она неоднократно обращалась к Н.Я. Марру, указывая на важность работы подразделения РАИМК в Москве. По ходатайству Н.Я. Марра перед НКП РСФСР 14 февраля состоялось общее собрание членов МС, началось восстановление ее деятельности. На оживление ученой и научно-консультационной работы в Москве ее руководитель Д.Н. Егоров (1928. С. 3). В июле 1924 г. на защиту секции встали ГИМ, Центральное бюро краеведения, Научная ассоциация востоковедов, направившие обращения в Главнауку.

На втором собрании Московской секции (28 февраля) была определена ее структура из четырех комиссий (археологическая, этнологическая, по истории быта, по истории искусства) и утвержден руководящий состав (президиумы) комиссий; пятая комиссия — по музееведению — учреждена на заседании 13 марта. Весной 1925 г. началась деятельность лаборатории по изучению древних тканей. На том же заседании был принят проект «Положения» и «Инструкции» МС. Совет РАИМК утвердил штат МС. Из архивных

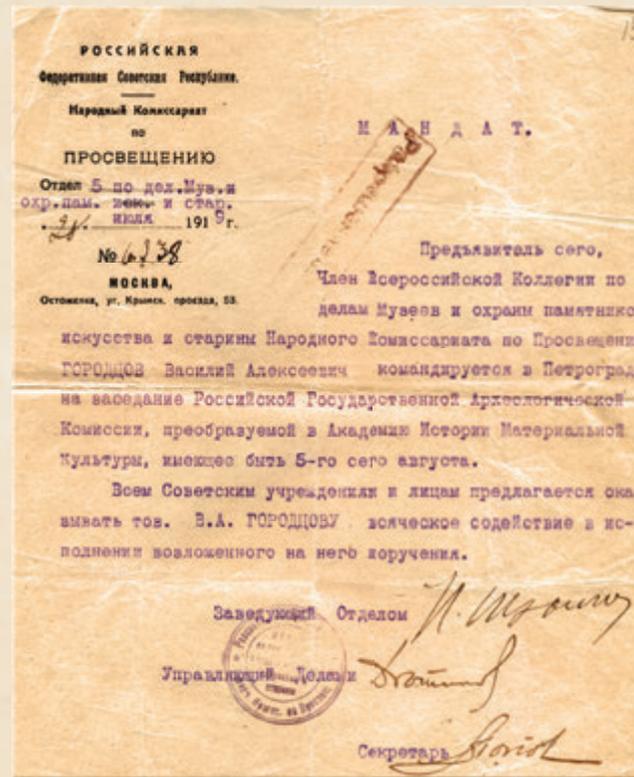
документов следует, что помимо сотрудников ликвидированной в 1922 г. секции в состав воссозданного учреждения «вошли виднейшие научные специалисты Москвы, числом 55 человек». К апрелю 1925 г. МС «закончила свою внутреннюю организационную работу, определившую ее структуру как научно-исследовательского учреждения по вопросам археологии, этнологии, истории быта, искусства, музееведения...» (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 92. Л. 22).

В 1926 г. РАИМК была реорганизована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК) в системе НКП РСФСР; МС продолжила в ней свою деятельность. До закрытия в 1929 г. ею руководил Д.Н. Егоров, заместителем председателя был Ю.В. Готье, а ученым секретарем — Н.Д. Протасов. Структурно к 1928 г. МС состояла из пяти комиссий: археологии (Ю.В. Готье, секретарь А.А. Захаров), этнологии (В.В. Богданов), истории быта (М.М. Богословский, с 1928 г. С.В. Бахрушин), истории искусства и музееведения (Б.П. Денике и Г.Л. Малицкий); научно-технической лаборатории по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (В.К. Клейн). Секцией руководил президиум, избранный ее пленумом; президиумы стояли и во главе комиссий. В совокупности они образовывали Совет Московской секции. В секциях состояли их члены (список утверждался в Ленинграде) и сотрудники (Бухерт, 2005. С. 414).

Д.Н. Егоров, подводя в 1928 г. итоги работы МС, основной ее задачей, как и РАИМК–ГАИМК в целом, видел «нахождение, хранение и изучение памятников материальной культуры» (Егоров, 1928. С. 3). Важным условием успеха ее деятельности была тесная связь с Музейным отделом, что позволяло «с особой внимательностью отзываться на многочисленные учено-консультационные запросы и вопросы реформы и рационализации строительства, охраны, хранения, популяриза-

ции археологических и историко-бытовых древностей нашей страны...» (Егоров, 1928. С. 3). Но в том же обзоре о деятельности МС Д.Н. Егоров с сожалением констатировал, что крайняя скудость средств затрудняла ее работу. Большинство сотрудников МС работали на общественных началах, получая лишь небольшие пособия; полный оклад был только у 4 членов; к 1929 г. в штате секции состояло 9 членов и 136 сотрудников — «аппарат полноценного научно-исследовательского института» (Сорокина, 2015. С. 337).

Другая сложность работы МС заключалась в отсутствии собственного помещения. Секция не имела собственной библиотеки и пользовалась абонементом ГИМ. Отсутствие ассигнований свело практически к нулю самостоятельную издательскую деятельность. Единственный труд, вышедший под грифом МС, — сборник «К десятилетию Октября» (1928). Публикации сотрудников секции регулярно появлялись в российских и зарубежных журналах. Полевые археологические, этнографические и исторические исследования велись преимущественно в кооперации с другими организациями в разных регионах СССР. Некоторое финансирование от РАИМК–ГАИМК выделялось на научно-техническую лабораторию тканей и шитья; ее «приютил» ГИМ, предоставив два помещения — для химических и технологических работ (Клейн, 1928. С. 29).

Мандат, выданный члену Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины НКП РСФСР В.А. Городцову на проезд в Петроград. 28 июля 1919 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 13).

По общему признанию специалистов, археология была ведущим направлением в деятельности МС. По сравнению с другими структурными подразделениями работа Комиссии по археологии оценивается как наиболее результативная и организованная (Сорокина, 2015. С. 336). Комиссия оформилась и работала с 24.02.1924 г. и первоначально имела следующий состав: В.А. Городцов (председатель), И.Н. Бороздин

Список членов и сотрудников Московской секции РАИМК, получающих академический паек.

Имя	по кат. 1929 г.	Имя	по кат. 1929 г.
1) Якушкин Д.Н.	Чижевский	15) Рихтер В.А.	Архив
2) Бакланов Н.П.	Академ	16) Куфтин Б.А.	Чижевский
3) Барановский Н.Д.	Музей. орд.	17) Мовалевский М.А.	Кереманский
4) Бахрушин С.А.	Чижевский	18) Мурашев Н.Н.	Академ
5) Бодяков В.В.	Академ	19) Мухоморов А.П.	Воскресенский
6) Барановский М.Н.	Муз. орд.	20) Кедров А.И.	Чижевский
7) Бороздин И.И.	Кереманский	21) Новосильский А.	Чижевский
8) Бучаев В.В.	Чижевский	22) Орловский А.А.	Кереманский
9) Готье Ю.В.	Чижевский	23) Профессор Н.Д.	Кереманский
10) Грабарь И.Э.	Муз. орд.	24) Сергиевский А.А.	Чижевский
11) Завишвили Н.Н.	Кереманский	25) Мухоморов Н.И.	Кереманский
12) Жуков Б.С.	Чижевский	26) Шмит Д.Н.	Муз. орд.
13) Захаров А.А.	Чижевский		
14) Захаров А.Н.	Муз. орд.		

Зам. председ. Моск. секц. А.А. Захаров
Секретарь Ф.В. Баллод

Список членов и сотрудников Московской секции РАИМК, получающих академический паек (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 61. Л. 35).

(зам. председателя), А.А. Захаров (секретарь), Ф.В. Баллод, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Н.Д. Протасов, Ф.И. Шмит, Д.Н. Эдинг. Вскоре В.А. Городцов и Ф.В. Баллод вышли из состава комиссии, и ее председателем стал Ю.В. Готье. Кроме того, в мае 1924 г. в составе археологической комиссии выделена особая подкомиссия по изучению памятников трипольской культуры.

В 1928 г. Комиссия по археологии состояла из 4 сотрудников и 22 членов-сотрудников, своего бюджета не имела. В 1924–1928 гг. состоялось 61 заседание комиссии. Часть из них были объединенными, т.е. с участием 2–3 комиссий МС, иногда совместно с другими научными коллективами Москвы (Бухерт, 2005. С. 412). В основном доклады касались археологических работ в разных регионах страны, заметно меньше было

В.А. Городцов с учениками. Слева направо в первом ряду: Е.Н. Дмитриева, В.П. Левашева; средний ряд: Л.А. Евтюхова, М.Е. Фосс, В.А. Городцов, <...>, <...>, А.Я. Брюсов, <...>, <...>; верхний ряд: П.А. Дмитриев, О.Н. Бадер, М.В. Городцов, <...>, <...>, Е.В. Веймарн, А.П. Смирнов, А.В. Арциховский, <...>. Начало 1920-х годов (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

В.К. Клейн в научно-технической лаборатории по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (НВА ГИМ).

докладов об общих проблемах развития археологической науки в СССР и за рубежом (Захаров, 1928. С. 6). Среди докладчиков — Н.В. Бакланов, Е.Н. Басова, А.С. Башкиров, В.Д. Блаватский, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, Б.Н. Граков, К.Э. Гриневич, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, А.В. Збруева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Куфтин, Е.Г. Пчелина, П.С. Рыков, Л.П. Семенов, Н.В. Сибилёв, В.Ф. Смолин, А.А. Фомин, М.Е. Фосс, Ф.И. Шмит, Д.Н. Эдинг, Н.Л. Эрнст и др. (Бухерт, 2005. С. 415–419). Выступавшие представляли многие научные центры. Активно участвовали в заседаниях археологи Ленинграда (Б.Л. Бога-

евский, В.К. Шилейко, Л.А. Мациулевич, А.А. Спицын, А.А. Миллер, В.В. Струве, В.В. Гольмстен, С.А. Теплоухов и др.), и это реальное подтверждение консолидации археологических сил страны. Крайне редко выступали в Москве зарубежные ученые. В протоколах зафиксированы лишь доклады эстонца Эрика Лайда и шведа Туре Арне (Бухерт, 2005. С. 418).

Вопрос о судьбе МС вновь стал предметом обсуждения в начале 1929 г.; он был инициирован планируемой реорганизацией и «чисткой» ГАИМК. В секции поползли слухи о слиянии ее с Институтом археологии и искусствознания РАНИОН. В ГАИМК состоялось производственное совещание (12.02.1929 г.), посвященное работе МС. После отчетного доклада Д.Н. Егорова развернулись дебаты, и прежде всего о судьбе секции. Н.Я. Марр был сторонником того, чтобы объединить МС, ИАИ и Объединение доисториков Антропологического общества МГУ и подчинить это новое образование ГАИМК. По итогам дискуссии в протоколе совещания работа МС была признана успешной, но отмечено, что в дальнейшем необходима «теснейшая увязка с работами Академии», в частности, с Раскопчной комиссией (Сорокина, 2015. С. 338).

Вопрос о «параллелизме» учреждений археологического профиля в Москве, неоднократно

поднимавшийся в ГАИМК и Музейном отделе на протяжении 1920-х годов, тем не менее, вновь «всплыл» спустя два месяца. Государство стремилось реорганизовать гуманитарные науки и сократить расходы на их содержание, и ГАИМК, посчитав МС за балласт, предпочла его сбросить. Секция после февральского совещания по-прежнему не получала финансирования. В ответ на запрос о ее дальнейшей судьбе из ГАИМК был получен ответ за подписью Н.Я. Марра, гласивший, что в связи с реорганизацией Академии по постановлению Президиума РАНИОН от 23.04.1929 г. МС прекращает существование «в ее настоящем виде». Д.Н. Егоров был освобожден от должности 20.11.1929 г., в августе следующего года арестован по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу», через год приговорен к ссылке в Ташкент, где и скончался в ноябре 1931 г. Репрессии не обошли стороной и других известных сотрудников бывшей МС: в начале 1930-х годов были арестованы А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, Ю.В. Готье, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, Б.А. Куфтин и др.

После освобождения от должности Д.Н. Егорова бывшие сотрудники МС провели 25.11.1929 г. совещание и обратились к руководству ГАИМК с вопросом о продолжении существования МС как таковой. Официальной телеграммой (27.11.1929 г.) за подписью Н.Я. Марра был получен ответ: ГАИМК и

В.В. Богданов

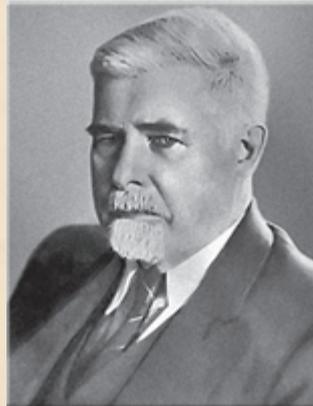
Ю.В. Готье

Д.Н. Егоров

Н.Б. Бакланов

С.В. Бахрушин

Б.С. Жуков

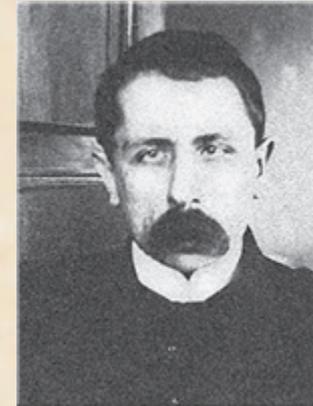
Г.Л. Малицкий

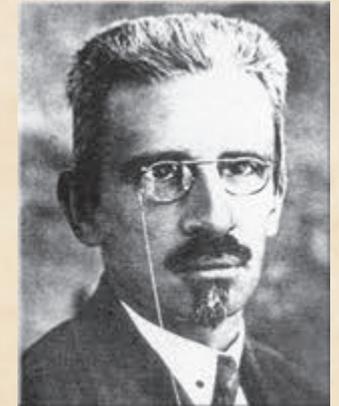
М.М. Богословский

Президиум РАНИОН вынашивают мысль о реорганизации МС и ИАИ в единое отделение ГАИМК в Москве (Кондратьева, 2005. С. 185).

Подводя итоги деятельности МС РАИМК–ГАИМК, отметим, что в ее задачи, как и головного отделения в Ленинграде, входило исследование материальной культуры во всех видах и формах. Численность (за счет внештатных сотрудников) позволяет считать МС крупным научно-исследовательским центром. Протоколы заседаний за 1924–1928 гг. свидетельствуют о том, что секцией выполнена огромная научно-исследовательская работа по разным направлениям археологии и смежных наук. Секция находилась в постоянном и тесном контакте с

А.А. Захаров

И.Н. Бороздин

Группа историков и археологов, работавших на раскопках во время строительства Московского метрополитена. Слева направо сидят: Д.Д. Букинич, А.Е. Алихова, Т.С. Пассек, В.А. Городцов, Л.А. Евтюхова, А.Я. Брюсов, А.В. Збруева, Д.Н. Эдинг; стоят: М.В. Талицкий, <...>, А.П. Смирнов, В.И. Лебедев, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, С.В. Киселев, П.А. Дмитриев, М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, 1930-е годы.

Музейным отделом НКП РСФСР как в методических аспектах (подготовка и рассмотрение инструктивных документов), так и в консультативных (заключения по заявкам на выдачу открытых листов и иным вопросам). Не имея собственных средств на проведение полевых исследований, секция работала в кооперации с другими учреждениями. Деятельность МС — из-за отсутствия самостоятельного финансирования и в этой связи добровольного (не оплачиваемого) статуса большинства работавших в ней ученых — «была

организована скорее по принципу научного сообщества, а не научно-исследовательского учреждения» (Сорокина, 2015. С. 339). В ситуации рубежа 1920–1930-х годов, когда резко усилилось идеологическое давление со стороны государства, МС со своей «вольницей» не вписывалась в новые реформируемые структуры ГАИМК.

Московское отделение ГАИМК. В 1929–1930 гг. прежняя структура ГАИМК и РАНИОН была коренным образом сломана. Это было началом великого перелома в советской археологии и эт-

нологии, их перестройки на марксистские «рельсы», причем зачастую марксизмом в археологии и этнологии называлось «новое учение о языке» Н.Я. Марра, или «яфетическая теория». Новая структура ГАИМК определялась «не по признаку подхода к источникам, а исключительно по социологическому признаку» (Платонова, 2010. С. 235). На повестке дня провозглашался лозунг изучать не вещи, а общественные отношения, стоящие за ними. Место этнологии и археологии заняли история дородового общества, рабовладельческого общества, феодального общества. Таковы были названия институтов ГАИМК, заменивших прежние отделения, разряды и комиссии в Ленинграде и Москве (см. Алёшкин, 2013. С. 113, 114).

Большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии НКП РСФСР от 3.03.1930 г. РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры, а затем 26 октября ликвидирована. Сотрудники этих учреждений (прежде всего «старые специалисты») прошли через проверку и чистку советского бюрократического аппарата. В 1931 г. часть московских археологов, состоявших ранее на службе в МС и ИАИ, образовали сектор археологии в Государственной академии искусствознания (ГАИС) во главе с В.А. Городцовым. Последняя была создана на основе Государственной академии художественных наук и ряда секторов РАНИОН. Молодое поколение учеников В.А. Городцова и Б.С. Жукова к тому времени было трудоустроено в ГИМ, а также в Институте и Музее антропологии (ИА–МА) 1-го МГУ. Полевые и научные работы бывшими членами и сотрудниками МС не прекращались и после ее закрытия, хотя масштабы раскопок заметно уступали исследованиям ленинградских коллег. В 1930–1931 гг. были проведены раскопки

Брянской (В.А. Городцов), Минусинской и Саяно-Алтайской (С.В. Киселев), Карельской (А.Я. Брюсов), Казахстанской и Кустанайской (Б.Н. Граков, О.А. Кривцова-Гракова) экспедиций.

ГАИМК, благодаря более активному внедрению марксистской археологии по сравнению с распущенными МС и ИАИ и вновь образованным сектором археологии ГАИС, оказалась в начале 1930-х годов среди лидеров гуманитарной науки в СССР. Академия не могла оставить без контроля существовавшие на тот момент организации московских археологов (ГАИС, ГИМ, ИА–МА), и она в очередной раз пошла на создание в Москве своего филиала, планируя превратить его в такой же центр марксистской археологии, как и головной институт в Ленинграде. Московское отделение ГАИМК открыто в марте 1932 г. постановлением Сектора науки (бывшая Главнаука) НКП РСФСР. Оно по-прежнему арендовало помещения в ГИМ (как ранее МС РАИМК–ГАИМК), пока в 1938 г. уже МО ИИМК не переехало в Б. Черкасский пер., 4 (Городцов, 2015, кн. 2. С. 264). Официальное открытие отделения состоялось 8 апреля в Доме ученых.

В состав вновь созданного отделения вошли сотрудники разных московских учреждений. Кадровая политика велась руководством ГАИМК избирательно (Городцов, 2015, кн. 1. С. 352). Членами МО ГАИМК не были утверждены такие авторитетные археологи, как К.Э. Гриневич, А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, А.В. Филиппов и др. Руководством ГАИМК делался упор на привлечение молодых кадров археологов, этнографов и лингвистов, чтобы московский центр «поставил бы по-марксистски изучение истории материального производства» (Мишулин, 1932. С. 73). Руководящий состав, прежде всего заведующих секторами, МО ГАИМК получало от Комакадемии. Возглавляли МО ГАИМК в 1930-е годы историки и партийные функционеры, дале-

Заседание Сектора материального производства первоначально — Кооператив. Дворца искусств состоится 23 III в 6 часов доклад Т. Киселева „Разложение рода на Енисее“.

Секретарь Яценков

Записка В.А. Городцова с информацией о докладе С.В. Киселева «Разложение рода на Енисее». 23.03.1933 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 29 об.).

кие от собственно археологической деятельности: в 1932–1933 гг. — историк-антиковед А.В. Мишулин (до 1937 г. зам. директора, в ГАИМК с 1930 г.), в 1934–1937 гг. (до ареста в июле 1937 г.) — политический деятель и историк А.Г. Иоаннисян; ученый секретарь С.П. Толстов (1935–1937 гг.).

В январе 1933 г. Коллегия НКП РСФСР пришла к выводу о необходимости очередной реорганизации ГАИМК. Через год на базе секторов Академии образованы научно-исследовательские институты (см. Алёшин, 2013. С. 113, 114). Реорганизация произошла и в МО ГАИМК. Помимо институтов и кафедр в отделении действовало несколько комиссий: полевых исследований, по изучению вопросов этнологии, по работам на Метрострое, Фатьяновская и др.

В 1932 г. в составе ГАИМК создан специальный Комитет по работам на новостройках (председатель бюро Н.Я. Марр, ученый секретарь Б.А. Латынин). С началом крупных хозяйственных работ (особенно после Постановления ВЦИК и СНК «Об охране археологических памятников» от 10.02.1934 г.) сотрудники МО ГАИМК приняли в них самое активное участие.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ.

8 апреля с.г. в 7 ч. веч. /точка/ в Доме Ученых /Крестинская ул., 16/ состоится заседание посвященное открытию Гос. Академии Истории Материальной Культуры /Иск.Отделения/ на которое Вы приглашаетесь.

Порядок заседания:

Андр. Н.Я.МАРР. Вступительное слово.
И.К.ДУБИТОВ. Приветствие от НКПРСР.
С.Н.БЕЛОВОСКИН. Классовые корни буржуазной археологии.
А.В.МИШУЛИН. Программа работ ИИИИМК.

После заседания товарищеский чай. Вход по билетам.

Дирекция ИИИИМК.

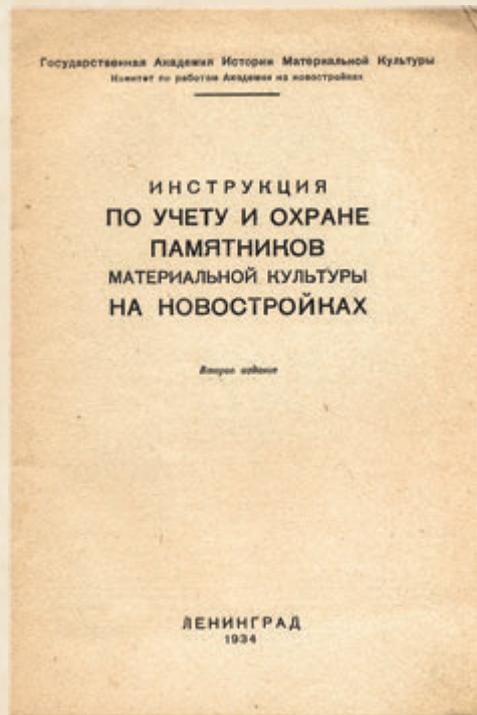
Пригласительный билет В.А. Городцову на заседание, посвященное открытию МО ГАИМК. 8.04.1932 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 308. Л. 19).

СОСТАВ ГРУПП ДОКЛАССОВОГО СЕКТОРА МО ГАИМК.

№	Имя	Группа	Состав группы	Директор
1.	Франция элемент части этнографич. музея в связи с археологическими отношениями родного общества	10/IX	Дубов, Федорен, Яков, Толстов, Киселев, Торопов, Митрофанов.	Я.Я.МАРР
2.	Проблема Триполья	10/IX	Городцов, Яков, Понатовский, Яценков, Толстов, Писарев	ТАСОВ
3.	Материальный базис родного общества в связи с археологическими отношениями родного общества	10/IX	Дубов, Яков, Федорен, Толстов, Киселев, Торопов, Митрофанов, Городцов	Я.Я.МАРР
4.	Обмен в доклассовом обществе	1/IX	Яков, Толстов	Я.Я.МАРР
5.	Культурная жизнь в системе производ. отношений	5/IX	Яков, Толстов, Писарев, Яценков, Толстов, Федорен	ТАСОВ
6.	Производственные единицы	1/IX	Киселев, Яков, Толстов, Торопов	ТАСОВ

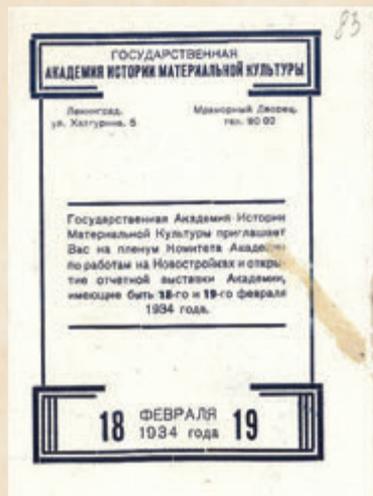
Секретарь сектора: Дубов.

Состав групп доклассового сектора МО ГАИМК. 1933 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 29 об.).

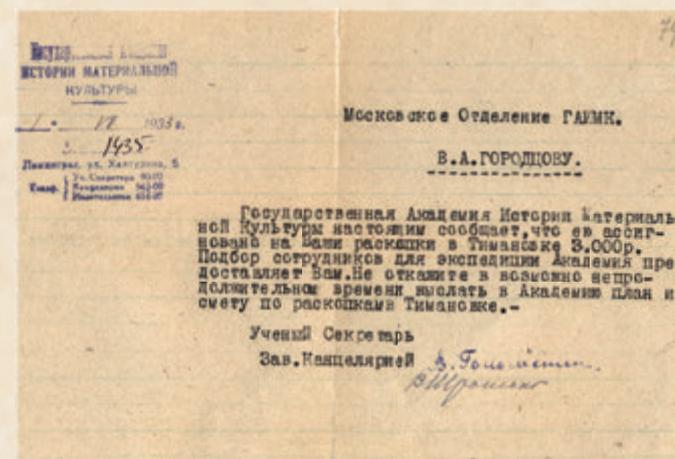

О.Н. Бадер, Б.С. Жуков и сотрудники Ветлужской экспедиции ИА-МА 1-го МГУ.

Масштабные разведки и раскопки были проведены в зонах строительства канала Волга–Москва (О.Н. Бадер), проектируемых ГЭС на Южном Урале (Б.Н. Граков), железнодорожной линии Уфа–Ишимбаево (П.А. Дмитриев, К.В. Сальников). Археологический надзор на строительстве первой очереди Московского метрополитена (А.В. Арциховский и Т.С. Пассек) впервые позволил масштабно исследовать культурный слой Москвы; были изучены деревянные жилища, укрепления Белого и Земляного городов, стены и башни Китай-города, древние гидротехнические сооружения, находки керамики, оружия, орудий труда, украшений и др. В первой половине 1930-х годов, кроме того, удалось осуществить масштабные раскопки в рамках исследовательских проектов в Новгороде (А.В. Арциховский), на Оке, в Чувашии и Северном Причерноморье (О.Н. Бадер), на Украине (Т.С. Пассек), в Среднем Поволжье (А.П. Смирнов), на Кубани (В.А. Городцов), в бассейне р. Десна (М.В. Воеводский), на Тамани (В.Д. Блаватский). Начатые в те годы исследования были прерваны на период Великой Отечественной войны, а затем с успехом продолжены после ее окончания.

Пригласительный билет В.А. Городцову на пленум Комитета ГАИМК по работам на новостройках. Февраль 1934 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 83, 84).

Письмо В.А. Городцову из ГАИМК с уведомлением об assignовании его раскопок Тимоновской палеолитической стоянки. 1.06. 1933 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 74).

С 1934 г. проблематика научных исследований в МО ГАИМК в целом стала освобождаться от псевдомарксистских социологических тем. Молодое поколение московских археологов, несмотря на попытки некоторых из них создать «марксистскую археологию» (Арциховский и др., 1932), в целом сохранило верность исследовательским направлениям археологической и палеоэтнологической научных школ В.А. Городцова и Б.С. Жукова. Пример тому — отчет о выполнении производственного плана МО ГАИМК за 1936 г. В нем фигурируют рукописи следующих завершенных тем: «Житийные миниатюры как исторический источник» (А.В. Арциховский), «Западносибирские татары» (С.В. Бахрушин), «Петроглифы Карелии» (А.Я. Брюсов), «Итоги раскопок Елизаветинского городища» (В.А. Городцов), «Саяно-Алтайское нагорье до русского завоевания» (С.В. Киселев), «Статуэтки трипольской культуры» (Т.С. Пассек) и др. Значительная часть этих рукописей в дальнейшем была опубликована.

Оценивая деятельность воссозданного в 1932 г. МО ГАИМК, следует признать, что в итоге «в Москве начало работу уже не “общество” с непонятными функциями и неопределенной программой действий, а научное подразделение ГАИМК. Сменился состав, исчезла самостоятельность, зато появилось финансирование» (Сорокина, 2015. С. 338).

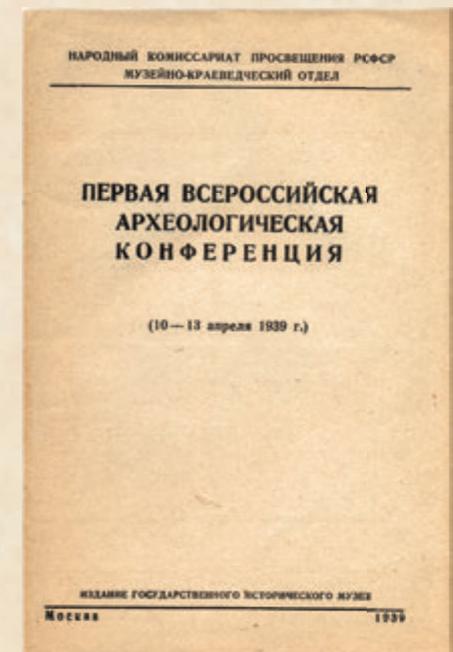
Московское отделение ИИМК АН СССР. В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) в составе Академии наук СССР. ИИМК теперь получает официальный статус учреждения союзного значения. В середине 1930-х годов ГАИМК, а следом и ИИМК, несомненно, переживали кризис. В Академии и Институте прошли две большие волны арестов — 1933–1934 и 1936–1937 гг. Московских археологов они коснулись меньше, чем ленинградцев, но опасность репрессий сковывала нормальную научную деятельность в Москве не меньше, чем в Ленинграде. В августе 1937 г. структура ГАИМК была ликвидирована.

Первоначально планировалось организовать в составе Отделения общественных наук АН СССР на базе

ГАИМК Институт археологии. Но в итоге 5 августа было принято постановление Президиума АН СССР о приеме ГАИМК в систему Академии наук и о реорганизации ее в Институт истории материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра в Ленинграде с отделением в Москве. В Ленинграде оставались архивы и библиотека института. 5 октября Президиум установил задачи ИИМК: изучение истории культуры обществ древности и средневековья, развивавшихся на территории СССР, по вещественным памятникам с использованием всех остальных видов источников и аналогичное изучение обществ, связанных с историей СССР. Тогда же утверждена структура института. 15 октября 1938 г. в связи с образованием новых отделений ИИМК вошел в состав Отделения истории и философии АН СССР. После ареста А.Г. Иоаннисяна руководящие посты в МО ИИМК заняли С.П. Толстов (директор в 1939–1942 гг.) и О.Н. Бадер (ученый секретарь с 1937 г. до лета 1941 г.). На конец 1940 г. в составе отделения был 21 сотрудник (в Ленинграде — 59). Планы работ на 1937 г. были довольно обширными, они были сверстаны еще в конце 1936 г. в рамках МО ГАИМК.

В пятилетие, предшествовавшее началу войны, МО ИИМК продолжило ранее начатые полевые исследования своих экспедиций: Крымской палеолитической, Азово-Черноморской, Деснинской, Никопольской, Ильской. В 1937 г. организованы и продолжались до 1940 г. работы Вологодской, Фатьяновской, Подмосковной, Гоцевской, Северокавказской, Хорезмской и других экспедиций, с 1938 г. действовали Новгородская, Куйбышевская, с 1939 г. — Мордовская, с 1940 г. — Звенигородская, Вщижская, Свердловская, с 1941 г. — Саяно-Алтайская экспедиции. Работы крупнейших из них возобновились после окончания войны.

Предвоенные годы по праву считаются целым этапом в истории ИИМК. В 1939 г. произошла смена руководства: директором ИИМК стал М.И. Артамонов, Московское отделение возглавил С.П. Толстов; к руководству институтом наконец-то пришли профессионалы, а не назначенцы Комакадемии. Благотворная психологиче-

В Институт
Истории Материальной культуры
А.Н. СССР.

Заявление

13 текущего 1941 году я вместе
с профессорами археологическими
исследованиями неолитической и брон-
зых эпох, с профессорами археологическими
и историческими, в приходе Центрального
Заклада, в Грузии, на Триалетском
хребте и в долине Ахалкалак, в Грузии,
к р. Кура. Считаю при этом необходимым
в своем заявлении указать на то, что
в настоящее время в Грузии, в частности
в Закавказье, имеются и находятся
Состояние Института Археологической
Исторической Науки, Физико-математической
и Литературной.

Считаю при этом необходимым
на сумму 10000 р.

Заявление В.А. Городцова в ИИМК о планах раскопок в Грузии, на Триалетском хребте. Июнь 1941 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 183).

ская атмосфера в коллективах способствовала заметному росту научных результатов и достижений. Активизировалась публикационная деятельность. Наряду с альманахом «Российская археология» стали выходить серийные издания «Материалы и исследования по археологии СССР», «Краткие сообщения о полевых исследованиях ИИМК АН СССР». Археологические статьи постоянно появлялись на страницах журналов «Советская этнография» и «Вестник древней истории». Во всех этих изданиях регулярно публиковались статьи сотрудников МО ИИМК.

В предвоенные годы археологи Ленинграда и Москвы включились в работу над капитальными коллективными трудами. В этом списке — первый том «Всемирной истории», «История культуры Древней Руси», «Очерки истории СССР», «Античная культура Северного Причерноморья» и др. Все эти обобщающие работы были опубликованы уже после войны. В эти же годы в МО ИИМК готовятся монументальные монографии, которые определяют высокий уровень отечественной археологической науки 1940–1950-х годов. Среди них — «Ремесло Древней Руси» Б.А. Рыбакова, «Древний Хорезм» С.П. Толстова, «Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху» А.Я. Брюсова, «Волжские булгары» А.П. Смирнова, «Периодизация трипольских поселений» Т.С. Пассек и др.

Среди конференций тех лет — по изучению четвертичного периода в Киеве (1939 г.) и Воронеже (1941 г.), по этногенезу народов Севера в Москве (1940 г.). Важнейшее значение имела 1-я Всероссийская археологическая конференция музеев системы НКП РСФСР (апрель 1939 г.), состоявшаяся под эгидой Музейно-краеведческого отдела НКП РСФСР, но ее главными организаторами были сотрудники МО ИИМК и ГИМ А.Я. Брюсов и Д.А. Крайнов. Они выступили с пленарными докладами «Состояние архео-

логических исследований и задачи дальнейшей работы» и «О проекте пятилетнего плана археологических работ музеев РСФСР». Особое внимание в прениях и в резолюции привлек вопрос об охране памятников. Отмечена необходимость переработать на новой основе охранное законодательство, укрепить сотрудничество музеев и ИИМК. В резолюции прозвучал призыв к ИИМК — созвать осенью 1939 г. Всесоюзную археологическую конференцию, которая «должна послужить сильнейшим средством нового подъема археологической работы в СССР и организации ее во всесоюзном масштабе» (Первая..., 1939. С. 13). Фактически ученики В.А. Городцова спустя десятилетие вновь стали продвигать его план о созыве Всесоюзного археологического съезда, который не удалось провести в 1929 г.

В конце весны — начале лета 1941 г. в ИИМК возникла конфликтная ситуация. Она была инициирована сотрудниками МО, которые поставили вопрос о воссоздании самостоятельного Института археологии и искусствознания (до 1930 г. существовавшего в рамках РАНИОН) в системе АН СССР. «Эта докладная записка о создании отдельного института подписана всеми основными работниками МО ИИМК'а — всеми без исключения», — так утверждал А.В. Арциховский (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39). На заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г. развернулась бурная полемика; главными действующими лицами были директор ИИМК М.И. Артамонов и его подчиненный, руководитель МО С.П. Толстов. Выступления Толстова, а также А.В. Арциховского и О.Н. Бадера были эмоциональными и достаточно аргументированными. Главной проблемой во взаимоотношениях с головным институтом был для МО ИИМК «вопрос научно-исследовательского планирования», а именно: полное отстранение от него московских археологов. Подобная ситуация привела к едино-

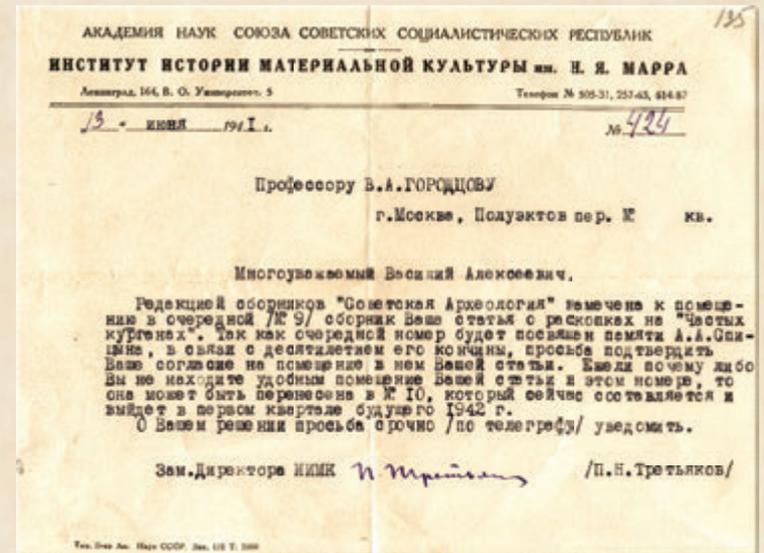
гласному мнению сотрудников МО о желательности отделения от ИИМК. Они были готовы на любое решение проблемы для получения хотя бы некоторой автономии, в частности, на преобразование МО ИИМК в отдел археологии в Институте истории АН СССР, с которым их связывала общая работа над томами «Истории СССР», «Всемирной истории», «Истории культуры».

В итоге принято компромиссное решение. По предложению академика-секретаря Отделения истории и философии А.М. Деборина была создана комиссия (М.И. Артамонов, С.П. Толстов, Г.Н. Войтинский); ей поручалось разработать статут МО ИИМК и представить его на утверждение в отделение. Вырисовывалось следующее решение комиссии: МО ИИМК — автономная организация (при подчинении головному институту в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом. Такой выход из конфликта соответствовал политике руководства АН, стремившегося ограничить рост числа организаций. Пусть не в полной мере, но были удовлетворены и требования стремившихся к автономии сотрудников МО ИИМК.

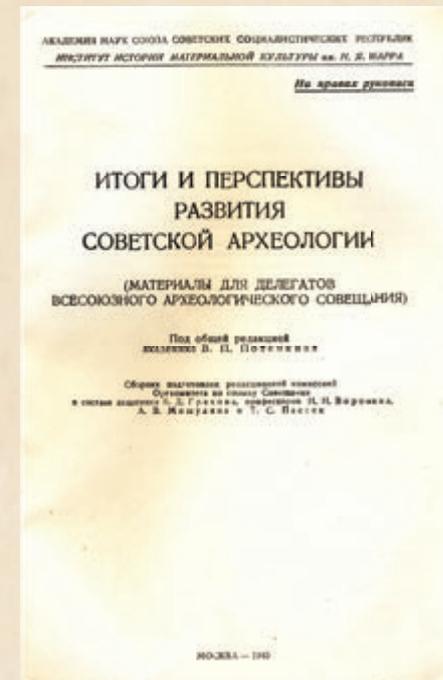
Принятию этого решения летом или осенью 1941 г. Отделением истории и философии помешало начало войны. С июня 1941 г. планы менялись сообразно военной обстановке, а также распоряжениям АН и правительственных органов. Сотрудники ленинградской части ИИМК, не ушедшие на фронт и не погибшие во время блокады, были эвакуированы в Среднюю Азию, Куйбышевскую область, Казань и Елабугу, где работали по государственным заданиям (Фархадская ГЭС, Уральская алмазная экспедиция, Экспедиция особого назначения и др.) и научным

планам института. В начале осени 1941 г., когда на фронтах сложилась крайне сложная обстановка, в московское ополчение ушли О.Н. Бадер, С.П. Толстов, А.П. Смирнов, В.Д. Блаватский, Д.А. Крайнов, Е.И. Крупнов, П.А. Дмитриев и др.

В октябре связь сотрудников МО ИИМК с Ленинградом полностью прервалась. В Москве 10 октября также началась подготовка к эвакуации, но в условиях неразберихи тех дней в Ташкент отправились только два человека — временный руководитель отделения А.В. Збруева и бухгалтер Л.Н. Эсаулов. В списке сотрудников, «остающихся для охраны коллекций», было всего две фамилии: Е.И. Горюнова, старший научный сотрудник, и В.Н. Чернецов, младший научный сотрудник. Тем не менее из 22 штатных научных и научно-технических сотрудников МО ИИМК в Москве в конце декабря 1941 г. или в январе 1942 г. оставались ученый секретарь Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, В.А. Городцов, Е.И. Горюнова, С.В. Киселев, С.А. Тараканова, А.П. Смирнов, В.Д. Блаватский, машинистка-секретарь А.А. Александрова, лаборант Е.М. Тихонова; в ополчение ушли семеро, в армию призваны трое, в Ташкент с эшелоном АН отбыли два человека; остальные сотрудники переведены или выехали для работы в другие учреждения; после лечения в госпитале и демобилизации из армии (20.01.1942 г.) в Ташкенте находился заведующий МО ИИМК С.П. Толстов. Уполномоченным для руководства группой, оставшейся в Москве, стал «явочным порядком» этнолог и археолог В.Н. Чернецов, обладавший с 1920-х годов немалым опытом работы в экстремальных условиях таежных и приполярных экспедиций

Отношение В.А. Городцова из ИИМК им. Н.Я. Марра о публикации его статьи о раскопках Частых курганов. 13.06.1941 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 135).

А.В. Мишулин

С.П. Толстов

О.Н. Бадер

Б.Д. Греков

А.Д. Удальцов

С.В. Киселев

В.Н. Чернецов

А.В. Арциховский

Т.С. Пассек

на Ямале и в Северном Зауралье. Осенью и зимой 1941–1942 гг., когда руководитель МО ИИМК С.П. Толстов не мог выбраться в Москву из Ташкента, именно на Чернецова легло фактическое руководство отделением. Благодаря его организаторским усилиям в 1942 г. сформировалось инициативное «московское ядро ИИМК», оставшееся сравнительно дееспособным на фоне находившихся в блокадном Ленинграде и разбросанных по стране коллег.

В сохранении организационного единства МО ИИМК важную роль сыграло участие в Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца. Последний ходатайствовал в комиссии Президиума АН СССР по рассмотрению штатов о включении в план МО ИИМК на 1942 г. «оборонных» тем. «Работа группы продолжалась наперекор всему. Вернулись на службу технические сотрудники, уволенные в связи с эвакуацией МО ИИМК. Участие в делах различных комиссий и организаций оборонного назначения помогло до определенной степени сохранить юридическое лицо. Через некоторое время московская группа сумела открыть собственный счет в банке, добилась перевода всех кредитов МО ИИМК в Москву и наладила регулярную выплату зарплаты сотрудникам, минуя Ташкент» (Платонова, 1991. С. 53). В осенние месяцы 1941 г. сотрудники группы по мере сил и возможностей вели наблюдения за земляными работами, учет и регистрацию находок, сделанных при массовом рытье траншей и строительстве укреплений.

План работы Московской группы на 1942 г. предусматривал выезды на места археологических и архитектурных памятников в освобожденные районы для экспертизы разрушений историко-культурных ценностей. С ноября эта работа велась по заданию Чрезвычайной государственной комиссии: совершены поездки в Истру, Волоколамск, Ярополец, Иосифо-Волоцкий монастырь, Можайск, Бородино, Дмитров и др., составлялись списки пострадавших памятников. Часть сотрудников привлечена к работам Экспедиции особого назначения (ЭОН). В частности, Средневожский отряд ЭОН (С.Н. Бибиков, П.П. Ефименко, А.П. Смирнов и др.) обследовал старые гипсовые выработки в низовьях Камы; в них планировалось разместить склады боеприпасов. В 1942 и 1943 гг. удалось продолжить раскопки Звенигородского городища (Н.Н. Воронин, Б.А. Рыбаков).

Сотрудники МО ИИМК (В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, С.А. Тараканова) чи-

тали публичные лекции для солдат и офицеров Красной Армии. Часто проводились научные заседания (совместно с ГИМ и Академией архитектуры). Иногда они проходили в квартире В.А. Городцова, который выступил с докладами «Связь катакомбной культуры с крито-эгейской культурой», «Миниатюрные культовые домики в древних культурах Евразии и Египта», «Хвалынская культура палеометаллической эпохи» и др. В.Н. Чернецов с коллегами пытались вернуть в Москву «застрявшего» в Ташкенте С.П. Толстова, добились постановления Президиума АН СССР о вызове в Москву для руководства ими директора ИИМК М.И. Артамонова.

К 1943 г. стало ясно, что раздробленность Елабужской, Ташкентской и Московской групп ИИМК — главное препятствие на пути любых организационных мер по упорядочению работы института. Сложившаяся до войны структура ИИМК уже не отвечала реальному положению дел. Запоздалая и плохо организованная эвакуация ИИМК из осажденного Ленинграда, распыленность его по стране, катастрофическое уменьшение количества сотрудников, погибших в блокаду и на фронтах, нанесли институту невосполнимый урон. Насущным стал вопрос о местонахождении основной базы ИИМК. Коллектив МО ИИМК к 1943 г. обрел довоенный облик. Из армии вернулись сотрудники, ушедшие на фронт в 1941 г. Они включились в экспертную работу по заданию Чрезвычайной государственной комиссии. В Москве волею судьбы оказались археологи (Н.Н. Воронин, П.Н. Шульц и др.), до войны работавшие в Ленинграде.

В итоге МО ИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением института. Этому в немалой степени способствовала инициатива сотрудников отделения и, прежде всего, В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло

участие московских археологов в государственных проектах по документированию разрушенных фашистами памятников археологии, истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. «Конституирование» автономного МО ИИМК энергично и аргументированно отстаивали С.П. Толстов, А.В. Арциховский, О.Н. Бадер на заседании Отделения истории и философии АН СССР (11.06.1941 г.). Решение об этом было принято, но отложено из-за военного времени; фактически зимой 1941/1942 г. МО ИИМК работало в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой «инициатива снизу» московских археологов оказалась вполне успешной.

В итоге, исходя из реального положения дел, Академия наук в июле 1943 г. официально перевела дирекцию ИИМК в Москву. Руководителем института стал академик Б.Д. Греков, но всю основную работу вел его заместитель А.В. Мишулин.

В конце 1943 г. утверждено положение о двух равноправных отделениях — Московском и Ленинградском — со своими учеными советами и разделением отделов. В начале 1944 г. в Москву окончательно переведены сектора славяно-русской археологии, а также неолита, бронзового и железного веков. Кроме того, здесь образовался ряд новых подразделений и исследовательских групп (истории искусств, вспомогательных дисциплин, военных древностей и др.). В Ленинграде остались сектора палеолита, античной археологии, восточной археологии, группы изучения бронзового века, Древней Руси, а также архивы и лаборатория археологической технологии.

В 1944 г. ситуация на фронтах коренным образом изменилась. ИИМК, помимо работ по заданию Чрезвычайной государственной комиссии в Крыму (В.Д. Блаватский), на Северном Кавказе

(В.Н. Чернецов), Украине (Б.Н. Граков, Т.С. Пассек, Б.А. Рыбаков), Смоленщине (А.В. Арциховский) (Материалы..., 1945. С. 141–158), активизировал полевые археологические исследования. С 1945 г. они приобрели уже масштабный характер. Подмосковная экспедиция (А.В. Арциховский) продолжила раскопки вятичских курганов, О.А. Кривцова-Гракова возобновила исследование Абашевского могильника, А.В. Збруева провела разведки в бассейне р. Сысола в Коми АССР, начались работы Галичской (М.Е. Фосс), Псковской (С.А. Тараканова), Владимирской (Н.Н. Воронин), Рязанской (М.В. Воеводский), Старорязанской (А.Л. Монгайт), Поросской (Т.С. Пассек), Никопольской (Б.Н. Граков), Тавро-Скифской (П.Н. Шульц), Пантикапейской (В.Д. Блаватский), Северобарабинской (В.Н. Чернецов) экспедиций. За самоотверженную работу в годы Великой Отечественной войны некоторые сотрудники МО ИИМК награждены медалью «За оборону Москвы», а патриарх московских археологов В.А. Городцов за заслуги в общественной и научной деятельности удостоен ордена Ленина.

Важное патриотическое значение приобрела в годы войны просветительская деятельность. Ученые отделения включились в написание научно-популярных книг в серии «Культурные сокровища народов СССР». Среди законченных к 1943 г. книг — «Древнерусские города» и «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв.» (Н.Н. Воронин), «Древний Псков» (С.А. Тараканова), «Памятники культуры древней Сибири» (С.В. Киселев), «Памятники античного искусства Сев. Причерноморья» (В.Д. Блаватский), «Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры» (Н.М. Коробков), «Древнее Подмосковье» (Н.Н. Воронин и М.А. Ильин). В.А. Городцов подготовил к публикации 2-е издание книги «Археология. Т. 1. Каменный период», а также многолетний труд «Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха», но издать их в

годы войны было проблематично. А.П. Смирнов завершил работу над докторской диссертацией «Волжские булгары». С.В. Киселев и Т.С. Пассек представили рукописи «Таштыкские памятники на Енисее» и «К вопросу о древнем населении в Днепро-Днестровском бассейне».

Начиная с 1943 г. в МО ИИМК намечена обширная научная программа на ближайшее пятилетие. Она предусматривала ревизию всех принятых в то время хронологических систем неолита, бронзового и раннего железного веков; изучение этногенеза и культуры различных народов СССР в тесном сотрудничестве с антропологами и лингвистами; дальнейшее углубление изучения античной культуры; исследование древнерусской культуры в широком плане (история городов, история жилища, проблемы язычества, истоки русского военного искусства). Реализация этой программы, по словам С.П. Толстова, должна была явить собой «грандиозное произведение, которое будет достойно нашей страны» (цит. по: Платонова, 1991. С. 69). Первые результаты этой работы появились уже в 1944 г. Удалось подготовить к печати монографию «История культуры Древней Руси» (т. 1), сборник «Военные древности» (т. I и II), главы Н.Н. Воронина по истории древнерусского зодчества и Б.А. Рыбакова о прикладном искусстве Киевской Руси и славянском языческом искусстве для «Истории русского искусства» (т. I), а также исследования «Окский неолит» (А.Я. Брюсов), «К вопросу о хронологии северного неолита Европейской части СССР» и «Беломорская культура» (М.Е. Фосс), «Позднее Триполье» (Т.С. Пассек), «Фатъяновская культура» (О.А. Кривцова-Гракова), «Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье» и «Харакс» (В.Д. Блаватский), «Каменское городище на Днепре» (Б.Н. Граков), «Изобразительное искусство обских угров» (В.Н. Чернецов), «Археологические памятники Башкирии булгаро-татарской эпохи» и

«Памятники древних славян на Нижней Волге и Дону» (А.П. Смирнов), «Лыжи на Руси» (А.В. Арциховский), «Палеолитические стоянки Аникеевров и Бугорок» (М.В. Воеводский) (Рефераты..., 1945. С. 25–40). Большая часть этих работ опубликована сразу же после войны.

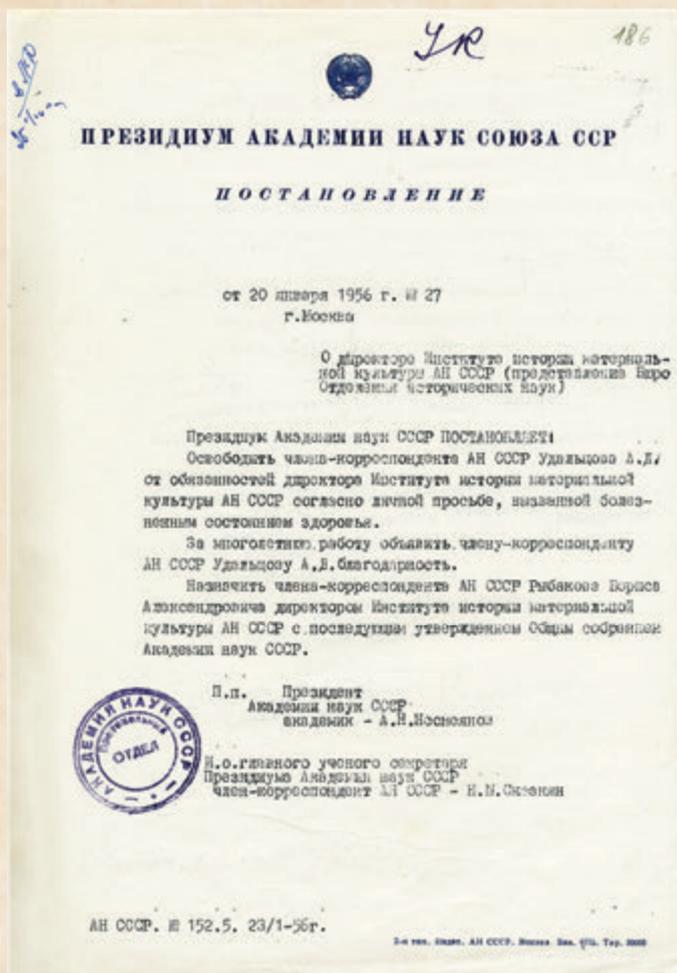
В конце декабря 1943 г. в Москве состоялась научная сессия (совместно с Институтом этнографии), посвященная вопросам этногенеза славян. Наряду с вышедшим в 1941 г. в осажденном Ленинграде сборником «Этногенез восточных славян» (МИА, № 6) сессия подвела некоторые итоги многолетних работ в области изучения славянского прошлого. Но наиболее важным научным мероприятием, организованным московской частью ИИМК еще до завершения Великой Отечественной войны, стал созыв Всесоюзного археологического совещания в Москве в конце февраля — начале марта 1945 г. (Итоги..., 1945). Совещание сыграло огромную роль в дальнейшем развитии археологии в СССР. Поводом стали два юбилея: в 1944 г. исполнялось 85 лет со дня основания Императорской археологической комиссии и 25 лет — Института истории материальной культуры. Президиум АН СССР поддержал эту инициативу.

В обращении Оргкомитета по подготовке совещания к его участникам подчеркивалось, что Всесоюзное археологическое совещание ныне состоится впервые. Первое из них собиралось в Москве, последующие совещания или съезды (и эта оговорка не случайна!) намечались, как ранее в дореволюционной России, в других городах Союза. Совещание 1945 г. по масштабу и значимости в полной мере сопоставимо с дореволюционными археологическими съездами, оно, безусловно, в реальности было Всесоюзным археологическим съездом. Совещание было организовано учениками В.А. Городцова (и в первую очередь С.В. Киселевым, хотя он и не входил в состав Оргкомитета совещания). Городцов безуспешно стремился на

протяжении 1920–1930-х годов возобновить деятельность Всероссийских съездов. Этот вопрос вновь поднимался его учениками в 1939 г. на конференции музеев НКП РСФСР. С широкой программой мер по восстановлению археологической службы страны выступил в 1943 г. П.Н. Шульц; один из пунктов его программы — возобновление традиции проведения археологических съездов. Это предложение поддержал Н.Н. Воронин.

Решимость дирекции ИИМК, а затем Президиума АН СССР провести в годы войны Всесоюзное археологическое совещание соответствовала патриотическому настрою тех военных лет. Действительно, советским археологам необходимо было не только подвести итоги своей деятельности за 25 лет, но и наметить дальнейшие пути работы в соответствии с новыми задачами военного и послевоенного периода. Совет народных комиссаров в итоге поддержал эту инициативу. Многими исследователями отмечалось, что в годы войны заметно ослаб идеологический пресс государства. И это тоже способствовало организации и проведению совещания. Его программа состояла из трех пунктов, и по каждому из них были созданы специальные секции во главе с академиками Б.Д. Грековым, И.И. Мещаниновым и И.Э. Грабарем. Пункты таковы: 1) итоги археологической работы за 27 лет (1917–1944); 2) вопросы планирования и организации научных работ археологов СССР на ближайшее пятилетие; 3) состояние законодательства и охраны археологических памятников в СССР (Итоги..., 1945. С. 12, 13).

Совещание закрепило ведущую роль московского ИИМК в структуре археологических учреждений страны. 9 февраля 1945 г. московская часть ИИМК решением Президиума АН СССР стала основным археологическим учреждением АН, а ленинградская — ее филиалом. В 1946 г. директором ИИМК назначен член-корреспондент А.Д. Удадьцов, но всю практическую работу вел

его заместитель С.В. Киселев; именно его перу принадлежит статья о 25-летнем юбилее института, опубликованная в «Вестнике АН СССР» (Киселев, 1944). В 1956 г. директором стал Б.А. Рыбаков (в ИИМК с 1943 г.). Постановлением АН СССР от 4 сентября 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР.

Авторы признательны сотруднице Научно-ведомственного архива ГИМ И.В. Клошковой за подбор персональных фото и С.Г. Картюку за предоставленную для ознакомления рукопись статьи (Картюк С.Г. Московское отделение ИИМК, лето 1941 – зима 1941/42 гг. // РА. 2019. № 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Алёшкин В.А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщ. ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.
- Бухерт В.Г. Московская секция Государственной академии истории материальной культуры (1919–1929) // Археографический ежегодник за 2004 год / Ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 409–427.
- Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935; кн. 2: 1936–1944. М.: ИД Триумф принт, 2015. Кн. 1 — 687 с.; кн. 2 — 695 с.
- Гуляев В.И. Введение // Институт археологии: история и современность / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 3–23.
- Егоров Д.Н. Общий очерк деятельности Московской секции // К десятилетию Октября. М.: МС ГАИМК, 1928 (Сб., вып. I). С. 3–5.
- Захаров А.А. Обзор деятельности Комиссии по археологии // К десятилетию Октября. М.: МС ГАИМК, 1928 (Сб., вып. I). С. 6–11.
- Итоги и перспективы развития советской археологии: (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Ред. В.П. Потемкин. М.: ИИМК, 1945. 197 с.
- Катагощина М.В. Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: Материалы по истории культуры и науки в России / Ред. А.К. Афанасьев. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ, вып. 84). С. 88–95.

- К десятилетию Октября: Сб. Вып. I. М.: МС ГАИМК, 1928. 69 с.
- Киселев С.В. 25 лет советской археологии: (К юбилею Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР) // Вестник АН СССР. 1944. № 9. С. 24–44.
- Клейн В.К. Опыты лабораторного исследования древних тканей // К десятилетию Октября. М.: МС ГАИМК, 1928 (Сб., вып. I). С. 29–41.
- Кондрагьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа: международный альманах. Вып. 5. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 185–188.
- Макаров Н.А. Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии РАН / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13.
- Мишулин А.В. К открытию отделения ГАИМК в Москве // Сообщ. ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 72–74.
- Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.) / Ред. Г.Г. Бережной. М.: ГИМ, 1939. 72 с.
- Платонова Н.И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. I / Ред. В.П. Алексеев и др. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 45–78.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отделение истории и философии / Ред. В.П. Волгин. М.; Л.: АН СССР, 1945. 62 с.
- Рыбаков Б.А. Советская археология за 50 лет // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 28–37.
- Сорокина И.А. Московская секция Академии истории материальной культуры // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 329–341.
- Устав Российской академии истории материальной культуры. Пг.: РАИМК, 1919. 30 с.
- Шелов Д.Б. 70 лет Институту археологии // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. I / Ред. В.П. Алексеев и др. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 9–30.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Отдел письменных источников (ОПИ) ГИМ. Ф. 540. Д. 18, 20, 88–97, 130.
- Рукописный отдел Научного архива (РО НА) ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1921 г. Д. 62; 1922 г. Д. 90; 1937 г. Д. 21; Оп. 6а. Д. 8, 10, 15; Оп. 7. Д. 7; Ф. 35. Оп. 6. Д. 29.

Дневник
Мохомедов
Экспедиция
Костюкова Костюков
Кузнецов Адам
СССР
1950

Очерки научных направлений

Очерки научных направлений

Экспедиции

Издательские традиции

Персоналии

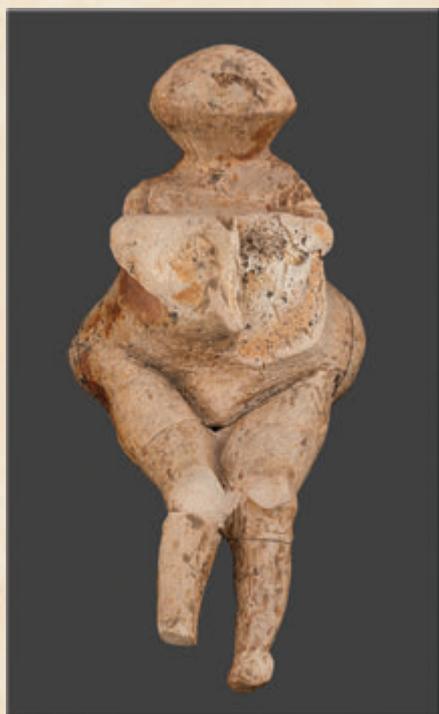
Приложения

Участники Северной экспедиции (С.В. Ошибкина), 1990-е годы.

Отдел каменного века

Х.А. Амирханов

Статуэтка из бивня мамонта. Хоты-лёво 2 (Брянская обл.), 2016 г.

Отдел археологии каменного века — относительно молодое подразделение Института археологии РАН. Его становление и развитие занимают лишь последнюю четверть отмечаемого столетия, когда институт функционирует как головное академическое учреждение страны археологического профиля. Существование в Москве организационной структуры, предназначенной для изучения археологии каменного века, было бы оправданным и намного раньше. Именно здесь осуществляли плодотворную научную деятельность несколько поколений видных ученых начиная с классиков российской первобытной археологии А.С. Уварова, В.А. Городцова, А.Я. Брюсова, Б.С. Жукова, М.Е. Фосс, которые взрастили плеяду талантливых учеников.

Учреждение в институте отдела каменного века пришлось на время перестроечных перемен. В начале 90-х годов прошлого века Ленинградское отделение Института археологии РАН приобрело статус самостоятельного учреждения, что означало его отделение от московского института. В результате головное археологическое учреждение страны Институт археологии РАН оказался практически без кадров, занимающихся изучением древнего каменного века, и структурного соответствующего подразделения.

К моменту создания в ИА РАН отдела специалисты в области археологии каменного века в Москве были рассредоточены в нескольких учреждениях — ИА РАН, Государственном историческом музее, Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (МГУ), единично — в Институте этнологии и антропологии РАН и Музее истории г. Москвы. Естественная в административном смысле раздельность усугублялась фактической разобщенностью исследователей. Некоторые из них (М.Д. Гвоздовер, Д.А. Крайнов, А.А. Формозов, Л.В. Грехова, Н.О. Бадер, Л.В. Кольцов, С.В. Ошибкина, И.К. Цветкова и др.) были признанными экспертами в тех или иных направлениях первобытной археологии и объединяли вокруг себя небольшие группы своих учеников и последователей. Однако не существовало заметного общения между сложившимися группами ученых и ощущения какой-то интегрированной, объединяющей всех научной среды. Одна из амбициозных задач при создании отдела каменного века в ИА РАН как раз и состояла в попытке формирования такой среды. Предполагалось, что в ней царил бы атмосфера творческой раскованности, разумеется, не теряющая при этом базовых методико-методологических ориентиров, устоявшихся в археологической науке.

Таким образом, в 1994 г. на базе сектора палеолита и мезолита, организованного двумя годами ранее в составе отдела неолита и бронзы, в ИА РАН был учрежден отдел каменного века, возглавил его Х.А. Амирханов.

В настоящее время в отделе работают 11 специалистов (4 доктора и 7 кандидатов наук), пользующихся высокой научной репутацией и ведущих работы в 3 направлениях изучения каменных индустрий — типологическом, технологическом и трасологическом. В возрастном отношении это наиболее молодой коллектив в составе научных подразделений института.

Конечно, не было иллюзий в возможности тотального объединения всех специалистов конкретного направления и долговременного существования в конкретных организационных формах такого сообщества, члены которого несходны между собой уже одним тем, что они творческие люди. Казалось достаточным, чтобы существовало хотя бы регулярное научное общение между специалистами разных учреждений, и не только московских. Можно с удовлетворением сказать, что отчасти это удалось. Например, только в первые 4 года работы отдела с докладами на нем выступили более 20 человек, представлявших 15 разных научных учреждений страны.

Программа регулярных научных заседаний отдела складывалась не спонтанно. При ее формировании в отделе исходили из стремления к достижению творческого обмена и взаимного усвоения опыта представителей различных школ и исследовательских групп. Эта идея реализовывалась не только на теоретическом уровне, но и в практике полевых археологических изысканий. Примером этому может служить то, что к участию в раскопках знаменитой теперь Зарайской стоянки (Московская обл.) были приглашены члены разных экспедиций (Костенковская, Гагаринская, Авдеевская), которые изучали ранее однокультурные с Зарайском памятники, но имели при этом отличающиеся друг от друга методические подходы. Опыт каждого из них был адаптирован к реальным особенностям изучавшихся ими культурных слоев. Сплав этого опыта, может быть не всеми сразу по-

нятый, послужил в Зарайске почвой для возникновения нового методического приема, позволяющего выделять на палеолитическом памятнике тонкие пласты археологического палимпсеста. Есть доля заслуги отдела в том, что именно в два последних десятилетия обозначился выраженный акцент на дробном хронологическом членении культурных отложений на многих памятниках верхнего палеолита Русской равнины, в отношении которых данная проблема раньше не рассматривалась.

Несмотря на недолгую историю, к настоящему времени отдел приобрел свой особенный исследовательский облик. Его характеризуют оригинальная и разнородная научная тематика и нестандартные разработки методики полевых исследований. В активе отдела имеются открытия экстраординарной значимости, а также обобщения регионального и даже общесторического охвата. Осуществляемые в отделе разработки конкретных проблем первобытной археологии, регулярные раскопки памятников сопровождаются совершенствованием методических основ археологических исследований, развитием научной

Отделу 20 лет. Слева направо сидят: Е.В. Леонова, С.В. Ошибкина, М.П. Зимица, Л.В. Грехова; стоят (1-й ряд): В.Я. Сергин, О.И. Успенская, Х.А. Амирханов, Д.К. Еськова, К.Н. Гаврилов, С.Ю. Лев, А.В. Трусов; 2-й ряд: М.Г. Жилин, Д.В. Ожерельев, А.Б. Селезнев, А.А. Симоненко, М.Н. Мещерин, 2012 г.

Статуэтка бизона из бивня мамонта. Зарайская стоянка, 2001 г.

Е.В. Леонова. Экспериментальное изготовление каменного наконечника, 2016 г.

Костяные наконечники, мезолит. Становое (Ивановская обл.), 2009 г.

терминологии, уточнением базовых дефиниций, детализацией и дополнением классификационных схем обработки археологического материала.

Своеобразным боевым крещением для молодого отдела стала реализация масштабного научного проекта «Восточный граветт на Русской равнине». Это важное для верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы полузабытое понятие было «реанимировано» в стенах отдела, что дало новый импульс для исследований памятников, характеризующих собой образцы наивысшего развития палеолитической культуры на Русской равнине. Достижения российских археологов в этой области продемонстрированы на представительной международной конференции с участием ученых из 15 стран, проведенной отделом в Зарайске и Москве (1997 г.). Конференция проводилась в условиях, когда в стране были лишь минимальные возможности для финансирования и организации подобных мероприятий. Скудость ресурсов компенсировалась в этот момент активностью и энтузиазмом сотрудников отдела. Первоначальный костяк кадров отдела в эти годы пополнился молодыми сотрудниками — выпускниками кафедры археологии МГУ. Эту группу составили К.Н. Гаврилов, Е.В. Булочникова, Е.В. Леонова, А.Б. Селезнев, С.Ю. Лев и не столь молодой, но не менее активный А.В. Трусов. В 2000-е годы коллектив отдела пополнился еще двумя выпускниками кафедры — О.И. Александровой (Успенской) и Д.К. Еськовой, а также перспективным палеолитоведом Д.В. Ожерельевым.

Сотрудники — специалисты в области мезолита, вели на начальном этапе функционирования отдела исследования, связанные с проблемами изучения мезолита Волго-Окского междуречья и Севера европейской части России. Наиболее значимыми событиями в этой области стали монографические публикации стоянки Веретье I С.В. Ошибкиной (М., 1997) и труды по изучению бутовской культуры, опубликованные Л.В. Кольцовым. Авторы этих трудов — ведущие в своей области ученые, осуществили огромную редакционную работу, выступив в качестве главных редакторов двух томов фундамен-

тальной серии «Археология СССР» (Мезолит СССР. М., 1989; Неолит Северной Евразии. М., 1996), подготовка которых была поручена отделу.

Заметным событием стали работы по изучению костяного вооружения из раскопок торфяниковых стоянок мезолита лесной зоны Восточной Европы, выполненные М.Г. Жилиным. В 1999 г. им была защищена докторская диссертация по теме «Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы». Проблематика изучения иеневской культуры в это же время активно разрабатывалась Е.В. Леоновой, защитившей в 1998 г. кандидатскую диссертацию, посвященную планиграфическому анализу дюнных мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья.

Традиционными темами для отдела в 1990-е годы были также исследования палеолитических жилищ (В.Я. Сергин), а также неолитических могильников и поселений лесной зоны Русского Севера (М.П. Зимины). Значительным результатом выполнения последней темы стала публикация М.П. Зиминой двух томов монографии «Древнейшие могильники Валдайского Приозерья» (М., 1999–2000).

Кавказское направление работ в рассматриваемые годы было представлено скромно. К сожалению, остались не доведенными до значимого результата новые раскопки в навесе Сосруко в Кабардино-Балкарии, начатые аспиранткой Т.М. Кузнецовой. В противоположность этому, значимой и в высшей степени профессиональной была работа Г.П. Романовой по антропологическому изучению скелетных остатков младенца из среднепалеолитического слоя Мезмайской пещеры (Апшеронский р-н Краснодарского края). Скрупулезный анализ позволил идентифицировать этот палеоантропологический материал как относящийся к неандертальцу. Определение морфометрическими средствами видовой принадлежности палеоантропологических остатков индивида возрастом в несколько первых месяцев жизни — задача чрезвычайно сложная и ответственная. Тем приятней было подтверждение этого определения европейскими исследователями с использованием методов палеогенетического анализа по костному материалу.

Главным результатом работ по тематике зарубежной археологии в рассматриваемые годы стало издание книги Х.А. Амирханова, посвященной неолиту и постнеолиту Хадрамаута и Махры (М., 1977) — двух крупнейших историко-культурных областей Южной Аравии. Выделение в этом регионе новой ранне-неолитической культуры со своими специфическими характеристиками было замечено и оценено коллегами, а также зарубежными специалистами, проводившими исследования в данном регионе. В 2002 г. автор этих работ был избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

В высшей степени результативной была полевая деятельность сотрудников отдела. За годы своего существования отделом проведены десятки экспедиций в разные регионы страны: центральные и северные области России, Поволжье, Средний Дон, Урал, Северный Кавказ. Открыты десятки новых памятников и возобновлено изучение старых объектов, часть которых имеет принципиальное значение для реконструкции древнейшей истории крупных регионов нашей страны. Особого упоминания заслуживают раскопки пещеры Двойная и навеса Чыгай на Северо-Западном Кавказе, осуществляющиеся на протяжении ряда лет Е.В. Леоновой. Эти работы дали принципиально важные данные для освещения проблемы эволюции культуры Западного и Южного Кавказа на заключительных этапах последнего оледенения и в начале послеледниковой эпохи. На материалах этой экспедиции О.И. Александровой успешно апробирована методика обнаружения на каменных орудиях микроостатков материала органического происхождения. Это расширяет сферу функционального метода изучения каменного инвентаря и возможности реконструкции хо-

Мухкай II (Дагестан), стратиграфическая траншея, 2015 г.

Мухкай Па, общий вид раскопа, 2014 г.

Каменные изделия – чоптеры, тики. Мухкай Па, 2012 г.

Стоянка Зарайск Б (Московская обл.), 2012 г.

Мезолитическая стоянка Вторая Береговая (Среднее Зауралье), 2009 г.

Костяные наконечники. Вторая Береговая, 2009 г.

Пещера Двойная (Губское ущелье, Северо-Западный Кавказ), 2014 г.

Находки из памятников Губского ущелья, 2010, 2011 гг.

зайственных и производственных занятий обитателей стоянок каменного века.

Весьма результативными были работы в последние 10–15 лет и в других направлениях исследований. Известен вклад отдела каменного века в разработку проблематики эпохи олдована в археологии нашей страны. Во многом благодаря проводимым исследованиям в периодизацию археологии страны включена новая эпоха — олдован, а протяженность первобытного раздела истории России увеличена более чем на 1 млн лет. В изучении группы памятников олдована Центрального Дагестана наибольшие результаты достигнуты при раскопках многослойной стоянки Мухкай II (начальник экспедиции — Д.В. Ожерельев; научный руководитель — Х.А. Амирханов).

В эти годы сотрудники отдела продолжали исследования по тем направлениям, которые сложились в основном на предыдущем этапе. Однако работы ведутся на новом уровне. Активно идет обобщение накопленных ранее источников с опорой на мультидисциплинарный подход и использование результатов разнообразных лабораторно-аналитических работ естественнонаучного характера.

С середины 2000-х годов организационное руководство Зарайской экспедицией осуществляет С.Ю. Лев. Коллективом авторов (Х.А. Амирханов, Н.Б. Ахметгалева, А.П. Бужилова, Н.Д. Бурова, С.Ю. Лев, Е.Н. Машенко) опубликован фундаментальный труд, обобщивший результаты исследований Зарайска 1999–2005 гг. (М., 2009). Отдельно отметим находки в Зарайске памятников первобытного искусства, анализ которых позволил по-новому рассмотреть вопросы соотношения стилистики и периодизации искусства малых форм, типологии женских изображений.

Очерки научных направлений

Экспедиции

Издательские традиции

Персоналии

Приложения

Граветская тематика результативно разрабатывалась также на материалах Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. В 2008 г. Хотылево 2 было опубликовано К.Н. Гавриловым монографически (М.). В эту работу вошли результаты анализа как материалов брянского археолога Ф.М. Заверняева, открывшего и исследовавшего стоянку, так и новые сведения, полученные во время раскопок 1993–2003 гг. В ходе новых исследований на стоянке обнаружены великолепные образцы палеолитической скульптуры малых форм. Издана обобщающая работа (Гаврилов К.Н. Верхний палеолит бассейна Десны. М.; СПб., 2016).

Сотрудниками отдела А.Б. Селезневым и К.Н. Гавриловым в эти годы была подхвачена эстафета исследований широко известной в научном мире верхнепалеолитической стоянки Сунгирь. На новый уровень подняты проблемы археологической стратиграфии и хронологии культурных отложений, а также анализ планиграфии памятника. Приведена в соответствие с современными требованиями типология каменного инвентаря стоянки. По этим и другим аспектам, связанным с изучением Сунгирия, совместно с отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) под эгидой Комиссии по верхнему палеолиту Международного союза до- и протоисторических наук проведен специальный коллоквиум с широким участием специалистов из европейских стран. Издан солидный том работ участников этого научного собрания, и значительная его часть посвящена сунгирской проблематике (Le Sungirien. Saint-Petersbourg 2016 / S. Vasilyev, A. Sinitsyn, M. Otte, eds. Liège, 2017).

Очень активно в 2000–2010-е годы сотрудники отдела продолжали разрабатывать мезолитическую тематику. М.Г. Жилин опубликовал

серию монографических исследований, посвященных костяному вооружению и торфяниковым стоянкам лесной зоны Восточной Европы. В это же время ученый занялся изучением финальнопалеолитических и неолитических материалов этой территории, а также расширил географию своих научных поисков, обратившись к Уральскому региону. Обобщающие работы были опубликованы также Л.В. Кольцовым (Мезолит Британских островов. М., 2005; Финальный палеолит лесной зоны Восточной Европы. М., 2008 (в соавторстве с М.Г. Жилиным)) и С.В. Ошибкиной (Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006).

Помимо исследовательской работы сотрудники отдела ведут научно-организационную и просветительскую работу в музеях и высших учебных заведениях страны. Отражением эффективности проводимой педагогической деятельности и профессиональной состоятельности является то, что в стенах отдела подготовлено за недолгие годы его существования 13 кандидатов наук.

Сотрудники остаются активно включенными в научную жизнь не только общероссийского, но и международного уровня. Помимо регулярного участия в работе авторитетных научных мероприятий, за прошедшие годы реализованы проекты, которые осуществлялись совместно с французскими, немецкими и шведскими коллегами. Несколько сотрудников отдела входят в международные научные общества и являются членами их организационных структур (UISPP), выступают в роли организаторов научных секций международных научных форумов.

Путь, пройденный отделом за прошедшие годы, демонстрирует наличие у него неординарного исследовательского потенциала. Этот ресурс — залог достижений Института археологии

РАН в области изучения археологии каменного века и в будущем. Но к радости по этому поводу пришивается и чувство тревоги за сохранение преемственности исследований ввиду дисбаланса между «старением» отдела и пополнением его новыми кадрами. Казалось бы, еще недавно отдел был признанным лидером в стране в области изучения мезолита Восточной Европы, а сейчас в нем остался всего один сотрудник, занимающийся этой проблематикой на условиях полной занятости. Конечно и наше, и любое другое подразделение такого рода не способно охватить своими занятиями всю проблематику исследований большого раздела науки. Однако вряд ли можно считать естественным то, что сейчас в отделе работает сотрудников меньше, чем их было 20 лет назад. Тем более что актуальность проводимых исследований доказывается практикой, а их эффективность общепризнана. Возможно, общее улучшение состояния в области организации научных исследований в стране, в расчете на которое осуществляется на протяжении последних лет реформирование Российской академии наук, найдет отражение и в функционировании отдела каменного века ИА РАН.

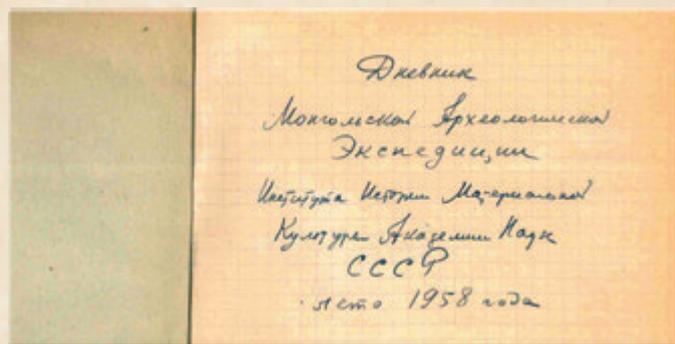
Ж. Пелегрин и Х.А. Амирханов. Российско-французский семинар на Зарайской стоянке, 2010 г.

С.В. Киселев. Монгольская экспедиция, монастырь Эрдэн-Цзу, 1948 г.

С.В. Киселев. Работы в Читинской области, 1957 г.

Полевой дневник С.В. Киселева.

Отдел бронзового века

А.Ю. Скаков

Отдел бронзового века — структурное подразделение Института археологии РАН, созданное в 1944 г. как сектор неолита и бронзы. Нынешнее название отдел носит с 1994 г., когда из него был выделен сформированный в 1992 г. сектор палеолита и мезолита, ставший отделом каменного века. В 50–80-е годы в секторе неолита и бронзы, помимо изучения древностей бронзового века, велись успешные исследования всех периодов каменного века: труды этих лет А.А. Формозова (1928–2009), Л.В. Кольцова (1935–2017), Г.Н. Матюшина (1927–2000), В.Ф. Старкова, С.В. Ошибкиной, Х.А. Амирханова, М.Н. Зиминой, В.Я. Сергина. Кроме того, было положено начало археологическому изучению Арктики (В.Ф. Старков), а также родилось историографическое направление нашей науки (А.А. Формозов).

Так сложилось, что все руководители отдела бронзового века были выдающимися исследователями, причем достаточно широкого профиля, выходящего далеко за рамки проблематики эпохи бронзы. Во главе отдела (тогда сектора) в 1951–1962 гг. был С.В. Киселев (1905–1962),

крупнейший специалист по археологии Сибири и Монголии. В 1962–1970 гг. сектор возглавлял выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов (1904–1970). В 1973–1988 гг. руководителем был Н.Я. Мерперт (1922–2012), одновременно, в 1961–1980 гг., заведующий группой зарубежной археологии, энциклопедически разносторонний специалист по археологии степей Евразии эпохи бронзы и раннего средневековья, древних Балкан и Переднего Востока. В 1988–1994 гг. сектор (отдел) возглавлял М.Ф. Косарев (1931–2017), известный специалист по археологии Сибири, формам древнего мировоззрения, теоретическим вопросам археологии и древней истории. С 1994 г. руководителем отдела стал В.В. Волков (1933–2000), внесший значительнейший вклад в археологию Центральной Азии бронзового и раннего железного веков. С 2000 г. отдел возглавляет исследователь бронзового века Северного Кавказа и степей Евразии А.Н. Гей.

Сфера научных интересов сотрудников отдела традиционно выходит за пределы Российской Федерации и стран постсоветского

Е.И. Крупнов (слева), В.А. Кузнецов (справа). Осмотр поселения Сержень-Юрт, Чечня, 1963 г.

Е.И. Крупнов (сидит). Поселение Сержень-Юрт (кобанская культура), 1963 г.

пространства, включая, в разные периоды, Болгарию, Венгрию, Египет, страны Ближнего Востока, Ирак, Афганистан, Монголию. При этом показательно, что в исследованиях отдела на протяжении всех десятилетий его существования доминировала региональная тематика, в его рамках, по сути, сложилось несколько устойчивых направлений работы, сохраняющих свою географическую привязку, независимо от личности, интересов и приоритетов руководителей подразделения.

Одно из важнейших направлений в работе отдела — исследование южной части степей Евразии, Предкавказья, Северного Кавказа и Закавказья. Традиционно «кавказское» направление связано в первую очередь с именем Е.И. Крупнова, его археологической школой (Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.И. Козенкова, В.В. Бжания (1934–2014) и мн. др.), а также уже многочисленными «учениками его учеников». Е.И. Крупнов, ученик В.А. Городцова, в 1933 г. начал свою экспедиционную деятельность на Кавказе и в ходе многолетних работ исследовал значительное количество неординарных и эталонных памятников эпохи поздней бронзы (каякентско-хорочоевская археологическая культура), поздней бронзы — раннего железа (кобанская культура), раннего и развитого средневековья. Необходимо особенно отметить его работы по докобанским (с эпохи ранней бронзы) памятникам Северной Осетии (МИА, № 23. М.; Л., 1951), публикации ряда памятников Северного Кавказа эпохи поздней бронзы — раннего железа. Особенно значительным вкладом в науку стала монография «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960), за которую Е.И. Крупнову в 1963 г. была присуждена Ленинская премия. Монография, посвященная памятникам кобанской культуры, до сих пор в значительной степени определяет научные подходы к исследованию этого феномена.

В.И. Марковин (1922–2008) — один из учеников Е.И. Крупнова — также сочетал активную полевую деятельность и создание основополагающих и фундаментальных исследований. В центре его внимания находились культуры эпохи бронзы и раннего железного века Дагестана, Чечено-Ингушетии (МИА, № 122. М., 1969)

и других регионов Кавказа. Это в первую очередь северокавказская культура, или, как стал считать в дальнейшем сам В.И. Марковин, северокавказская культурно-историческая общность эпохи средней бронзы. Ученый исследовал и опубликовал ряд разновременных памятников, но поистине титанической работой стало исследование, с проведением обмеров, сотен дольменов Северо-Западного Кавказа. Можно уверенно утверждать, что труды В.И. Марковина по культурам эпохи бронзы на территории современного Дагестана, по выделению северокавказской общности, по культуре строителей дольменов и их архитектурным особенностям стали основополагающими в становлении данных направлений археологии Кавказа.

Древности Северного Кавказа эпох ранней и средней бронзы, учитывая широкий фон синхронных памятников Западной и Центральной Европы, Балкан, Передней Азии и Ближнего Востока, на протяжении десятилетий исследует С.Н. Корневский. В 2004 г. издана монография «Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии» (М.). Ученым рассмотрены разнообразные аспекты материальной и духовной жизни не только названной общности, но и ряда культур предшествующего энеолитического периода на Кавказе и в Причерноморье.

А.Н. Гей — признанный специалист по энеолиту и бронзовому веку юга Восточной Европы и Северного Кавказа (с 1981 г. руководитель Северо-Кавказской экспедиции) — обобщил многолетние исследования, обосновав выделение новотиторской культуры конца раннего — начала среднего этапов эпохи бронзы в Степном Прикубанье (М., 2000). М.В. Андреева подвела итоги своих изысканий в монографии «Восточноманычская катакомбная культура» (М., 2014). Работы А.Ю. Скакова посвящены изучению кобано-колхидского графического искусства, памятников Центрального Кавказа и Западного Закавказья эпохи поздней бронзы — раннего железа. С 2002 г. А.Ю. Скаков начал исследования на территории Абхазии, продолжающиеся по сей день

Н.А. Кетрару, Т.С. Пассек, Э.А. Рикман, В.С. Титов. Молдавская экспедиция, п. Будишты, 1956 (?) г.

Участники сессии Института археологии. Нижний ряд (слева направо): Д.М. Атаев, Е.П. Алексеева, Е.И. Крупнов, А.А. Иессен, ?, Р.М. Мунчаев; средний ряд: Т.Б. Попова, Н.В. Анфимов, В.Г. Котович; верхний ряд: В.М. Котович, В.А. Кузнецов, В.И. Марковин, В.И. Канивец, В.В. Бобин. Москва, конец 1950-х годов.

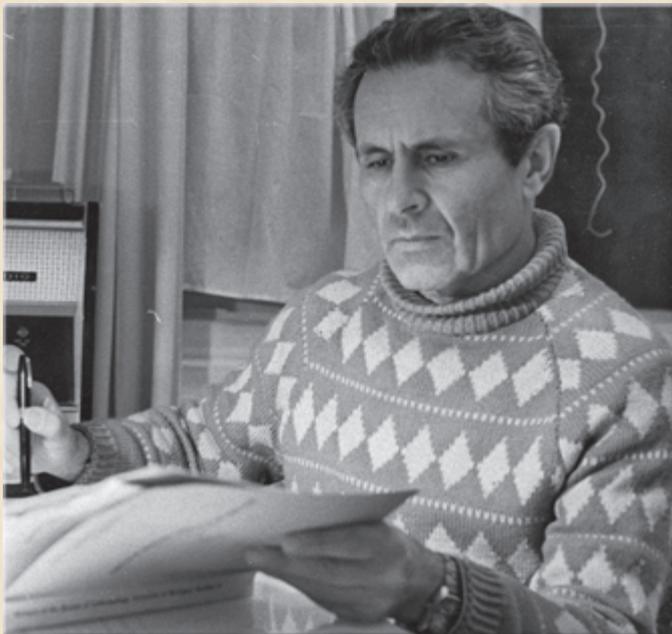
Н.Я. Мерперт, В.И. Сариниди. Куйбышевская (?) экспедиция, 1953 г.

М.А. Дэвлет в Минусинском музее, 1960-е годы.

Н.Я. Мерперт (стоит справа), В.С. Титов, Л.И. Авилова (сидят). Варненский некрополь, Болгария (раскопки И. Иванова), 1985 г.

Н.Я. Мерперт, 1970 (?) г.

(совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований Академии наук Абхазии и Абхазским государственным музеем). За это время раскопаны и введены в научный оборот поселенческие и погребальные памятники эпохи поздней бронзы, раннего железного века, финала поздней античности — начала раннего средневековья.

Сотрудник отдела (с 2017 г.) Р.А. Мимоход еще в 2013 г. опубликовал монографию «Юлино-кавказская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века» (М.). Ранее им или с его участием исследовались комплексы преимущественно эпохи бронзы на территории Северного Кавказа, Саратовского Поволжья, Нижнего Дона. Совместно с А.А. Клещенко, А.Ю. Скаковым и другими сотрудниками института велись планомерные раскопки ряда памятников в зоне строительства олимпийских объектов в г. Сочи.

Таким образом, применительно к археологии Кавказа в рамках отдела выработалось несколько основных направлений исследования: культуры Северного Кавказа и Предкавказья эпохи ранней бронзы; культуры этих регионов эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе; культуры Кавказа (включая Закавказье) эпохи поздней бронзы — раннего железа; памятники древнего искусства данных регионов.

В те же годы, что и Е.И. Крупнов, памятники соседнего региона, степей Юга России, изучал Н.Я. Мерперт (1922–2012). Крупнейший ученый, лауреат Государственной премии РФ (1999 г.), исследователь внес огромный вклад в изучение разновременных археологических памятников Восточной Европы, Балкан, Передней и Центральной Азии. Необходимо сказать и об О.А. Кривцовой-Граковой (1895–1970), со-

труднице отдела (сектора) прошлых лет. Уделив внимание эпохе бронзы Западного Казахстана, в дальнейшем она обратилась к культурам поздней бронзы Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья (МИА, № 46. М., 1955). Некоторое время (15 лет) в отделе работал известный ученый В.П. Шилов (1917–1995). Исследуя первоначально преимущественно меотскую культуру и памятники раннего железного века Предкавказья и Нижнего Подонья, он уже с 1950-х годов начинает интересоваться культурами энеолита и бронзового века юга Восточной Европы. Особенно важным вкладом в науку стали его «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья» (М., 1975) и «Древние скотоводы калмыцких степей» (М., 2009). Последняя монография опиралась и на раскопки отряда Волго-Донской экспедиции института в Калмыкии в 1980–1987 гг., которыми руководил В.П. Шилов.

Памятники эпохи средней и поздней бронзы лесостепной и лесной зон Восточной Европы изучает Ю.В. Лунькова; особенности погребального обряда (с акцентом на проблемах теории археологии и реконструкции мировоззренческих представлений) древних культур восточноевропейской степи и лесостепи — В.И. Мельник. Еще одна тема, разрабатываемая исследователем, — роль природно-климатических факторов в культурном развитии. Смежную тематику, в том числе по материалам срубной культуры Заволжья, разрабатывал Г.Г. Пятых. Кроме того, он активно вел полевую деятельность, проводя в 1985–1989 гг. в рамках Дагестанской экспедиции института охраняемые раскопки курганных групп в Северо-Западном Прикаспии, в бассейне нижнего течения р. Сулак (Северный Дагестан).

Соседний регион, Северный и Северо-Восточный Прикаспий, на протяжении многих

лет исследовался Л.Л. Галкиным (1927–2016). Начиная с 1964 г. он проводил работы на археологических памятниках Среднего и Нижнего Поволжья, Волго-Уральского междуречья, Западного Казахстана. При этом объектом его интересов были памятники различных периодов: от энеолита и бронзы до скифского времени и эпохи Золотой Орды.

Еще одно направление работы отдела связано с археологией Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Н.Я. Мерперт создал настоящую научную школу, около 40 его учеников стали кандидатами и докторами наук. Закономерно, что именно им было определено формирование научных направлений, работы по которым продолжает отдел и в настоящее время, — это культуры эпохи энеолита и бронзы степи и лесостепи Восточной Европы и зарубежная археология: Балканы и Ближний Восток.

Исследование раннеземледельческих культур на юго-западе СССР Кукутень-Триполье, Гумельница, открытие культуры линейно-ленточной керамики на территории Молдавии связаны с работами крупной

комплексной Молдавской экспедиции института и ее бессменным руководителем Т.С. Пассек (1903–1968). Эта тематика стала традиционной для отдела/сектора бронзы на многие годы. Ученики Пассек — Е.К. Черныш (1924–2006), В.С. Титов (1932–1990), А.П. Погожева (1933–2017) — продолжили работы на энеолитических памятниках Западной Украины, Молдавии и юго-востока Европы. Так, В.С. Титов разрабатывал вопросы хронологии древнеземледельческих культур Европы, проблемы становления производящего хозяйства. Итогом стали монография по неолиту Греции (М., 1969), разделы в коллективных трудах по археологии Венгрии каменного века (М., 1980) и конца II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. (М., 1986), исследование по неолиту Карпатского бассейна (М., 1996).

В 1961 г. была создана Болгаро-советская/российская (с 1992 г.) экспедиция института, в которой работал Н.Я. Мерперт, исследовавшая (по 1971 г.) многослойное поселение Эзеро. Итогом стала коллективная монография «Эзеро раннебронзового селище» (София, 1979). С 1982

Монгольская экспедиция. В.В. Волков, 1969 г.

Северо-Кавказская экспедиция (Е.И. Крупнов), Северная Осетия, 1965 г.

Находки эпохи поздней бронзы – раннего железа. Северо-Кавказская экспедиция, Северная Осетия, 1965 г.

Н.Я. Мерперт. Куйбышевская конференция, 1977 г.

Устюртская экспедиция (Казахстан). Л.Л. Галкин, 1990-е годы.

по 2001 г. под руководством Н.Я. Мерперта в раскопках телья Юнаците (Плоская могила) во Фракии участвовала группа сотрудников отдела: В.С. Титов, Л.И. Авилова, В.И. Балабина и Т.Н. Мишина. Изучались отложения эпохи ранней бронзы и энеолита. Результаты исследований опубликованы в двух книгах (София, 1995; М., 2007) и более чем в 60 статьях в журналах. Готовятся к публикации материалы, не введенные в научный оборот.

В отделе продолжает развиваться и ближневосточный вектор исследований: в 2008 г. издана монография Л.И. Авиловой «Металл Ближнего Востока в контексте социально-экономических и культурных процессов (энеолит — средний бронзовый век)» (М.).

Следующее важнейшее направление работы отдела — исследование памятников археологии бронзового века Сибири. Оно во многом было задано личностью и трудами первого руководителя сектора члена-корреспондента АН СССР (1953 г.) и лауреата Государственной премии (1950 г.) С.В. Киселева. Классикой археологии стала его монография «Древняя история Южной Сибири» (МИА, № 9. М.; Л., 1949; переизд. М., 1951). В последнее десятилетие своей жизни ученый готовил обобщающую работу — книгу «Энеолит и бронзовый век Старого Света», опирающуюся в первую очередь на многолетние лекционные курсы, прочитанные им на историческом факультете МГУ (к сожалению, монография осталась незаконченной). Кроме того, С.В. Киселев внес огромный вклад в изучение разновременных памятников археологии Монголии.

Памятники бронзового и раннего железного века этого региона зарубежья стали объектом научных изысканий В.В. Волкова. В публикациях он во многом опирался на собственные полевые исследования, будучи в 1969–1992 гг. заместителем начальника Советско-монгольской историко-культурной экспедиции. В 1981 г. им опубликована ставшая сразу библиографической редкостью монография «Оленные камни Монголии» (М.; переизд. в 2002 г. с дополнениями).

Сибирское направление в работе отдела развивалось также благодаря таким ученым, как В.Н. Черне-

цов (1905–1970) и В.И. Мошинская (1917–1980). Показательно, что в центре внимания В.И. Мошинской стояли не только вопросы культурогенеза и межкультурных связей, но и проблематика, связанная с искусством и идеологическими представлениями народов Урала и Сибири. В свою очередь В.Н. Чернецов, своего рода «человек-легенда», совмещал археолого-этнографические экспедиции, исследования истории и культурогенеза, древнего искусства (наскальных изображений), работы по этнографии и фольклористике.

Продолжателями трудов В.И. Мошинской и В.Н. Чернецова стали известные исследователи древностей Сибири М.Ф. Косарев и М.А. Дэвлет. М.Ф. Косарев в 1984 г. опубликовал фундаментальную монографию «Бронзовый век Западной Сибири» (М.). Возглавляя в течение ряда лет Западно-Сибирскую археологическую экспедицию Института археологии, обработав огромный массив археологического материала, опубликовав несколько фундаментальных монографий, М.Ф. Косарев особое внимание уделял проблематике реконструкции древнего мировоззрения. Не случайно в 1990 г. им в институте был организован семинар «Проблемы изучения и реконструкции древнего мировоззрения», а своего рода итогом его пути в науке стала монография «Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам» (М., 2003), далеко выходящая за рамки сибирской проблематики и написанная увлекательно и доступно, но не в ущерб научности изложения.

М.А. Дэвлет совмещает работы, основанные на традиционных археологических подходах, предполагающие выделение культур, определение их генезиса и механизмов развития, анализ материальной культуры, с особо пристальными и глубокими исследованиями памятников древнего искусства (в первую очередь петроглифов). Можно сказать, что именно благодаря работам М.А. Дэвлет, опубликовавшей в ряде монографий многочисленные петроглифы Сибири, возникло новое направление в отечественной археологии. Неким итогом стал фундаментальный труд (совместно с Е.Г. Дэвлет)

«Мифы в камне. Мир наскального искусства России» (М., 2005).

Изучение археологии бронзового и раннего железного веков Сибири и в первую очередь Забайкалья в рамках отдела связано также с именем Ю.С. Гришина (1925–2015), исследовавшего среди прочих и общие вопросы добычи цветных металлов. Древние культуры Зауралья и Западной Сибири — основная тема исследований Т.М. Потемкиной, кроме того — археоастрономия и попытка определения ее места и возможностей в системе археологических исследований. Проблематикой андроновской исторической общности, доисторических степных миграций и происхождения индоиранцев до середины 1980-х годов занималась в отделе Е.Е. Кузьмина (1931–2013).

Некоторые направления работы отдела в прошлые десятилетия, к сожалению, по ряду причин перестали существовать. Одно из них (изучение древностей Центральной Азии) связано с именем выдающегося археолога В.И. Сарианиди (1929–2013), автора ряда открытий мирового уровня. Необходимо упомянуть находку им в 1978 г. в ходе работ Советско-афганской археологической экспедиции «бактрийского золота» — царских погребений I в. до н.э. в Тилля-Тепе. Не менее ярким стало открытие «страны Маргуш» или Бактрийско-Маргианского археологического комплекса конца III – II тыс. до н.э., работы по изучению которого были начаты еще в 1974 г. и увенчались в итоге исследованием городища Гонур-Депе с царским некрополем.

Второе «исчезнувшее» направление — изучение культур эпохи энеолита — бронзы северной части Восточной Европы. Сотрудниками института было сделано немало — это работы видных археологов А.Я. Брюсова

М.Ф. Косарев (1931–2017).

В гостях у В.И. Марковина (Г.Г. Пятых и В.И. Балабина), 2007 г.

(1885–1966), М.Е. Фосс (1899–1955), О.Н. Бадера (1903–1979), Д.А. Крайнова (1904–1998), П.М. Кожина (1934–2016).

В последние годы (2014–2016) работа отдела была сосредоточена на коллективной плановой теме «Модели формирования и развития культур и транскультурных феноменов в энеолите — бронзовом веке степных и горных областей Евразии». Исследовались закономерности и особенности развития и взаимодействия археологических культур в хронологическом диапазоне от VI–V до начала I тыс. до н.э., характер локальных культурных традиций и транскультурных феноменов, в том числе традиций древнего искусства. Особое внимание уделено изучению своеобразных контактных зон, возникших на границах горных и степных областей Евразии, механизму трансляции культурных инноваций и формам межкультурных контактов.

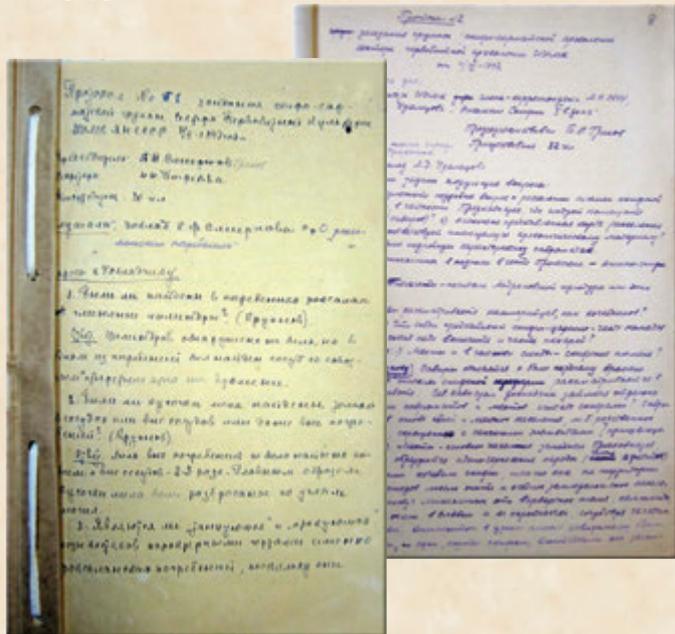

Отдел скифо-сарматской археологии

А.А. Малышев

К.Ф. Смирнов (в центре), сидят М.П. Абрамова (в центре), Г.А. Брыкина (вторая справа), Увакский могильник, Южное Приуралье, 1960 г.

Протоколы № 1, 2 заседания группы скифо-сарматской археологии сектора первобытной археологии ИИМК, 1947 г.

К середине 40-х годов XX в. был накоплен значительный материал по археологии кочевников раннего железного века, поставивший большое количество вопросов истории и археологии скифских и сарматских племен, требовавших всесторонней научной разработки. 7 февраля 1947 г. на заседании Скифо-сарматской группы сектора Первобытной культуры ИИМК АН СССР прозвучал доклад К.Ф. Смирнова «О роксоланских погребениях». В этом же году появляется книга крупнейшего специалиста по скифо-сарматской археологии, классической филологии и античной керамической эпиграфике Б.Н. Гракова «Скифи», который в январе 1948 г. возглавил сектор скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР (с 1982 г. — отдел ИА РАН). В издании, в продолжение традиции обобщающего источниковедческого исследования крупнейшего русского антиковеда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (Л., 1925), дана всесторонняя характеристика населения Скифии Геродота.

Состав небольшого в конце 40 – начале 50-х годов подразделения состоял главным об-

разом из учеников профессора кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова Б.Н. Гракова, который вырастил несколько поколений талантливых специалистов в области скифо- и сарматоведения. Эти годы отмечены успешными защитами диссертаций П.Д. Либерова, Н.Н. Погребовой, О.Д. Дашевской и аспирантки кафедры археологии МГУ А.И. Мелюковой. В начале 50-х в аспирантуру ИИМК АН СССР были приняты В.Г. Петренко и М.Г. Мошкова.

Уже тогда сложились и успешно развиваются до нашего времени связи сектора скифо-сарматской археологии с кафедрой археологии МГУ, появилась традиция растить кадры еще со студенческой скамьи. Выпускники аспирантуры ИИМК АН СССР кандидат исторических наук И.В. Яценко и сотрудник сектора скифо-сарматской археологии в 60-е годы, а впоследствии профессор МГУ Г.А. Федоров-Давыдов вырастили поколения специалистов, среди них и нынешний состав отдела скифо-сарматской археологии.

Особое значение в истории сектора имело организованное по инициативе Б.Н. Гракова

Р.М. Мунчаев и Е.И. Крупнов, Чечня, 1963 г.

Всесоюзное совещание по вопросам скифо-сарматской археологии 1952 г.: были подведены некоторые итоги развития этого направления в 30–40-е годы, отмечена важность координации усилий научных центров Москвы, Ленинграда и Киева.

Материалы конференции позволяют ответить на вопрос, почему в трудное послевоенное время оказалась так востребована скифская тематика? Нет сомнения, что «история изучения скифов — это почти история археологии в России» (Смирнов А.П. Скифы. М., 1966. С. 11). Однако решающей оказалась другая причина — это повышенный интерес к проблемам, связанным с этногенезом славян, возможным участием в нем скифских и сарматских племен. Книга Б.А. Рыбакова «Геродотова Скифия. Историко-географический анализ» (М., 1979) свидетельствует о том, что эта проблема осталась магистральной для Института археологии АН СССР/РАН на долгие годы.

Среди заслушанных на Всесоюзном совещании докладов оказалась слабо представленной сарматская тематика. Благодаря усилиям Константина Федоровича Смирнова — заведующего сектором в 1953–1956 гг. — восточный вектор в исследованиях затем усилился, расширилась география экспедиционных работ. В этот же период складывается плодотворное сотрудничество отдела с Государственным историческим музеем.

В 1956 г. ИИМК АН СССР возглавил Б.А. Рыбаков, а сектор скифо-сарматской археологии — Алексей Петрович Смирнов (1956–1974), ученики профессора В.А. Городцова и академика Ю.В. Готье. Почти 20-летний период А.П. Смирнов не только заведовал скифо-сарматским сектором, но и был заместителем директора ГИМ. ГИМовскую закалку имел еще один ученик В.А. Городцова — Е.И. Крупнов, сотрудник сектора в 1956–1963 гг. В начале 80-х годов в скифо-сарматский сектор из археологических фондов ГИМ перешла М.П. Абрамова.

Под руководством А.П. Смирнова в подразделении произошли серьезные изменения, вне всякого сомнения, его можно назвать архитектором скифо-сарматского отдела. К 1960 г. в составе подразделения трудились

14 человек, т.е. вдвое больше, чем в начале 50-х. В начале 70-х годов отдел насчитывал уже 24 сотрудника.

Интенсивно росла квалификация сотрудников: в 1956–1978 гг. защищено семь докторских (Е.И. Горюнова, В.И. Гуляев, Ю.В. Кухаренко, В.В. Кропоткин, П.Д. Либеров, Э.А. Симонович, К.Ф. Смирнов) и 13 кандидатских (В.А. Башилов, Г.А. Брыкина, В.И. Гуляев, В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, О.Н. Мельникова, В.А. Могильников, М.Г. Мошкова, Г.Ф. Никитина, В.Г. Петренко, А.И. Пузикова, Н.Л. Членова, И.Г. Розенфельдт) диссертаций.

С 1956 г. резко возрос объем экспедиционных работ, в том числе охранно-спасательных: в этом году реализовано 14 экспедиционных проектов (Куйбышевская, Чебоксарская и Чувашская экспедиции — под непосредственным руководством А.П. Смирнова), что в 4 раза больше, чем в предыдущие сезоны. Значительно расширилась и география работ: скифские памятники Нижнего Поднепровья на западе, археологические памятники Ферганы (Киргизия) на востоке.

Исследовательский тематический охват и в географическом, и в хронологическом отношении был чрезвычайно широк. В 1961 г. А.П. Смирнов писал: «Расширение тематики скифов и савроматов и проблемы их этногенеза следует искать за пределами узкой территории, где размещалась их история, известная уже по письменным источникам» (Сектор скифо-сарматской археологии // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 130). Практически отдел, не меняя своего официального названия «скифо-сарматской археологии», стал выполнять функции, связанные с изучением археологии раннего железного века в целом. Однако центральными остаются вопросы скифо-сарматской археологии, т.е. история скифов, сарматов и их ближайших соседей.

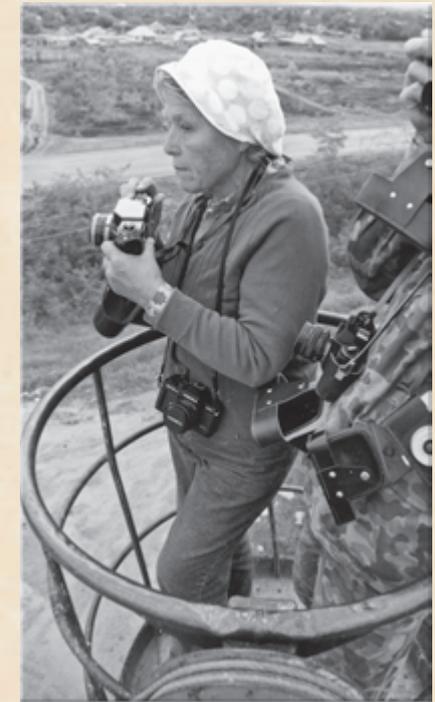
Самыми первыми экспедиционными проектами сектора на скифских поселениях Нижнего Днепра (Скифская степная экспедиция) и наиболее резонансных в Неаполе Скифском в Крыму (Тавро-скифская экспедиция) руководили Б.Н. Граков и П.Н. Шульц, а позднее Н.Н. Погребова. В дальнейшем они были продолжены О.Д. Дашевской и В.С. Ольховским.

Могильник Красное Знамя (Ставропольский край), курган 1, раскопки В.Г. Петренко, 1973–1974 гг.

В.И. Козенкова, Сержень-Юрт, Чечня, 1960 г.

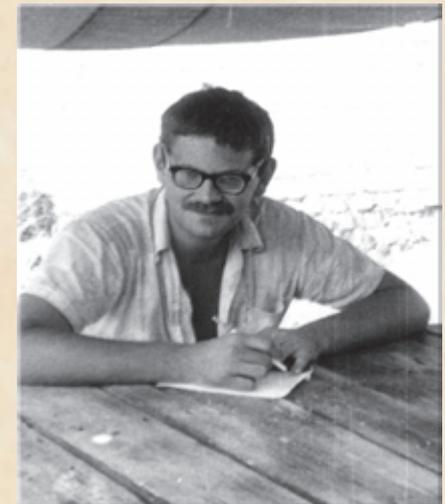
В.Г. Петренко, Новозаведенский могильник (Ставропольский край), 1997 г.

Т.М. Кузнецова (крайняя слева), Келермесский могильник, Адыгея, экспедиция Гос. Эрмитажа (рук. А.Ю. Алексеев, в центре), 1989 г.

Г.Ф. Соловьева, М.П. Абрамова, И.С. Каменецкий, Танаис, Нижний Дон, 1958 г.

В.Е. Маслов, Новозаведенное, 1989 г.

А.П. Смирнов и К.А. Смирнов, Ага-Базар, Среднее Поволжье, 1952 г.

Б.Н. Граков, Каменское городище на Днепре (Украина), 1950 г.

К.Ф. Смирнов (третий справа) и М.Г. Мошкова (четвертая слева), Южное Приуралье, 1966 г.

Серия классических произведений по скифологии принадлежит А.И. Мелюковой («Вооружение скифов», 1964; «Скифия и фракийский мир», 1979; «Краснокутский курган», 1981). Скифский отряд Молдавской (позднее Западно-скифской) экспедиции изучал памятники степного и лесостепного Нижнего и Среднего Поднестровья предскифского и скифского периодов. Весомый вклад в изучение скифской культуры в целом и в частности лесостепного Днепро-Правобережья (Тясьминская и Поросская группы) внесла В.Г. Петренко.

Одной из наиболее дискуссионных проблем истории скифов периода архаики остается вопрос о времени появления и характере скифов на Северном Кавказе. Заметным импульсом в изучении этой темы стали открытия в Центральном Предкавказье подкурганых скифских захоронений, датируемых второй половиной VII — началом VI в. до н.э. Особый интерес вызывает монументальный погребально-поминальный комплекс могильника Красное Знамя (раскопки В.Г. Петренко в 1973–1975 и 1978–1980 гг.).

Свою историографию имеет проблема изучения предскифских и раннескифских памятников Восточной Европы: погребальный обряд, датировка материала и характеристика локальных раннескифских групп (В.В. Дворниченко), типология и хронология уздечных наборов и оружия памятников предскифской и раннескифской эпохи (С.Б. Вальчак), классификация и датировка лепной посуды раннескифского времени (В.Е. Маслов), вопросы раннескифской истории и хронологии скифской археологической культуры, а также типология «скифских зеркал» (Т.М. Кузнецова).

Как фундаментальный можно оценить вклад в развитие отечественной скифологии В.С. Ольховского по изучению погребально-поминальных скифских традиций и тесно связанной с ними монументальной скульптуры. Трагическая гибель ученого, только приступившего весной 2002 г. к своим обязанностям заведующего, стала большой утратой для отдела и научного направления в целом.

А.П. Смирнов (слева), Татарстан, 1952 г.

Болгары, Татарстан, раскопки А.П. Смирнова, 1957 г.

Погребение знатной женщины-кочевницы. Филипповка 1, Южное Приуралье (Л.Т. Яблонский), 2013 г.

К.Ф. Смирнов, Южное Приуралье, 1950–1960-е годы.

К.Ф. Смирнов (в центре) и сотрудники Чкаловской экспедиции. Отъезд со двора Оренбургского музея, 1957 г.

Л.Т. Яблонский в экспедиции, Южное Приуралье, 2005 г.

Серебряное зеркало с позолотой, IV в. до н.э. Филипповка 1, 2013 г.

В.А. Могильников (в центре), А.П. Окладников (слева), Л.М. Плетнева. Западносибирское археологическое совещание (Томск), 1972 г.

М.П. Абрамова (в центре), И.С. Каменецкий (справа). Граковские чтения (Москва), 1999 г.

Изучение локальных групп Лесостепи в рамках Донской экспедиции под руководством П.Д. Либерова, а позднее его учеников (В.И. Гуляев, А.И. Пузикова) ввели в научный оборот огромный массив памятников подкурганых захоронений и десятки поселений.

Благодаря усилиям К.Ф. Смирнова по изучению древностей Сарматии приоритетность этого направления для скифо-сарматского отдела стала несомненной. Наиболее значителен его вклад в разработку савроматского этапа по периодизации, предложенной Б.Н. Граковым. Систематизация материалов раннесарматской (прохоровская) культуры IV–II вв. до н.э. стала основой исследования К.Ф. Смирнова «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» (М., 1984). Вопросы изучения этой культуры рассмотрены также ученицей К.Ф. Смирнова — М.Г. Мошковой. Памятники поздних этапов сарматской (сармато-аланской) культуры исследуются на материалах Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья.

В 90-е годы под руководством заведующей отделом (1993–2002) М.Г. Мошковой при участии археологов исследовательских центров Волгоградского университета, МГУ им. М.В. Ломоносова и археологов из Италии (Рим, Неаполь, Болонья) был реализован проект по созданию компьютерной базы данных по погребальному обряду курганных древностей Азиатской Сарматии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.).

Многолетние экспедиционные исследования К.Ф. Смирнова охватывают весь ареал савромато-сарматской культуры: междуречье Дона и Волги. Сотрудники отдела с успехом продолжили заложенные им традиции. Пожалуй, наиболее масштабные исследования связаны с работами в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье: прежде всего группа, к со-

жалению, так и не опубликованных курганных могильников Кривая Лука и опубликованные после всесторонних комплексных исследований материалы Покровских курганов на Илеке. Из указанных регионов происходят одни из самых резонансных находок экспедиций Института археологии РАН: захоронение представителя высшей воинской аристократии из могильника Косика (Нижнее Поволжье, раскопки В.В. Дворниченко и Г.А. Федорова-Давыдова, 1984 г.) и погребальные комплексы из Филипповских курганов (Южное Приуралье, раскопки Л.Т. Яблонского, 2004–2014 гг.).

В работе конференций по археологии Северного Кавказа, систематически проводимых в память о выдающемся кавказоведе, сотруднике сектора скифо-сарматской археологии в 1956–1962 гг. Е.И. Крупнове, принимали участие не менее трети сотрудников сектора, в их числе и его ученики: М.П. Абрамова, В.Б. Ковалевская, В.И. Козенкова. Монография Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960), удостоенная Государственной премии СССР, в значительной мере была посвящена древностям одного из самых ярких явлений эпохи поздней бронзы — раннего железного века (XII–IV вв. до н.э.) кобанской археологической культуры. На протяжении полувека традиции, заложенные выдающимся ученым, развивает сотрудница отдела В.И. Козенкова. Кропотливое многолетнее накопление материалов по данной тематике (раскопки памятников в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии в 70-х годах) позволило издать серию авторских монографий по кобанской культуре Северного Кавказа. На данный момент — одной из самых изученных.

Проблемы хронологии, расселения, взаимодействия и смешения населения степей, равнинно-предгорных и горных районов изу-

Голова изваяния, Байте 1, Казахстан, раскопки В.С. Ольховского, 1997 г.

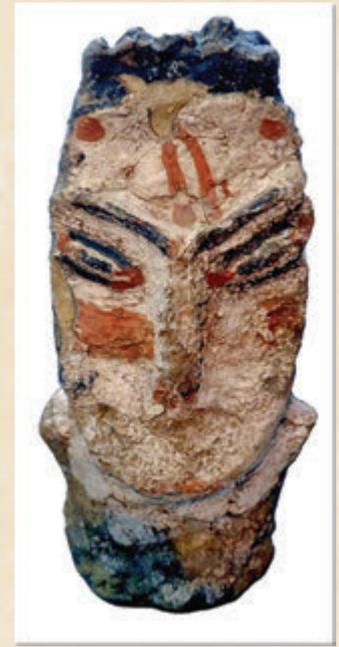
К.А. Смирнов, Зарядье, 1957 г.

В.В. Кропоткин, Украина, 1960–1970-е годы.

В.А. Могильников, Алтайский край, 1981 г.

Идол. Кайрагач, Киргизия, раскопки Г.А. Брыкиной, 1970-е годы.

В.С. Ольховский, Тамань, 2002 г.

Б.Н. Мозолевский, А.И. Мелюкова и Е.В. Черненко обсуждают находки из Толстой могилы, Киев, 1971 г.

Г.А. Брыкина – начальник Ляйлякской экспедиции, Киргизия, 1990-е годы.

чаются сотрудниками отдела в разных регионах Северного Кавказа, Средней Азии и Сибири. О скифском периоде сказано выше. В наиболее развернутом виде это реализовано в исследованиях М.П. Абрамовой, которой выделено два периода (скифский и сарматский) политическо-го господства ираноязычных племен на территории Центрального Предкавказья. М.П. Абрамова, В.Б. Ковалевская и В.Ю. Малашев внесли свой вклад в развитие остающейся до сих пор дискуссионной проблемы путей формирования аланской культуры Северного Кавказа эпохи Средневековья.

В середине 50-х годов экспедиции отдела начинают работать в Среднеазиатском регионе: Ак-Бешимский отряд Киргизской экспедиции под руководством Л.П. Зяблина, в дальнейшем в Ферганской долине проводили исследования Т.Г. Оболдуева (городище Эйлатан) и Г.А. Брыкина.

На границе Южного Приуралья и Северного Казахстана вела исследования М.Г. Мошкова, в конце 80-х В.С. Ольховским был полностью раскопан культовый комплекс Байте кочевого населения на плато Устюрт. В докторской диссертации Л.Т. Яблонского (1991 г.) — заведующего

отделом в 2001–2016 гг. — приведены результаты комплексных исследований населения Южного Приуралья в раннем железном веке.

Не менее значителен вклад сотрудников сектора в археологическое изучение Сибири. Помимо обобщающих работ, посвященных археологии карасукской археологической культуры эпохи бронзы и хронологии памятников тагарской культуры раннего железного века, Н.Л. Членова успешно разрабатывала остродискуссионную так называемую аржанскую проблему. В основу монографических исследований кочевников Южной Сибири В.А. Могильниковым были положены результаты многолетних, с середины 60-х до 90-х годов, работ Иртышского отряда Западно-Сибирской и Алейской (Алтайской) экспедиции.

Как уже указывалось выше, в конце 50 – начале 80-х годов особенно востребованы были исследования археологических культур, связанные с праславянским горизонтом памятников Восточной Европы. Сотрудникам сектора удалось выделить из общей массы «полей погребений» памятники различной культурной принадлежности римского времени и эпохи Великого переселения народов и сформулировать особенности зарубинецкой и

липицкой (Ю.В. Кухаренко), а также черняховской археологических культур (Э.А. Сымонович, В.В. Кропоткин).

Ю.В. Кухаренко открыл и раскопал ставшие классическими могильники зарубинецкой культуры в Полесье. Памятники раннего железного века Белоруссии, в частности, милоградской культуры, систематизированы в работах О.Н. Мельниковской. Серьезный вклад в изучение культурного взаимодействия варварского мира с Римом и Византией, хронологию древностей этого горизонта внес руководитель сектора с 1974 по 1988 г. В.В. Кропоткин. Сотрудниками отдела велись исследования в разных частях ареала черняховской культуры: Нижнее Приднепровье (Э.А. Сымонович, О.А. Гей), Западная Волынь (В.В. Кропоткин), Приднестровье (Г.Ф. Никитина).

В 60–70-е годы сотрудниками отдела интенсивно изучались и памятники раннего железного века центральных регионов России в составе ряда многолетних экспедиций: Московской (А.Ф. Дубынин), Среднерусской (Е.И. Горюнова), Мордовской (А.Е. Алихова), Чебоксарской (А.П. Смирнов, Ю.А. Краснов), Поволжской, а также Чувашской (А.П. Смирнов).

Конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики», Москва, 2017 г.

Очерки научных направлений

Экспедиции

Издательские традиции

Персоналии

Приложения

В Институте археологии по инициативе А.П. Смирнова была создана межсекторальная группа угро-финской археологии, которая не институализировалась, как в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР, в самостоятельное подразделение. Это направление работ было продолжено К.А. Смирновым, который посвятил свою жизнь изучению проблем финно-угорской археологии, и прежде всего памятникам дьяковской археологической культуры. Исследованию дьяковских древностей посвятили себя также И.Г. Розенфельд и Х.И. Крис.

Археологические культуры и их исследование не связаны с современными политическими границами, что отразилось в темах изданий сотрудников отдела: Ю.В. Кухаренко «Археология Польши» (М., 1969); А.И. Мелюкова «Скифия и фракийский мир» (М., 1979), упомянутая выше.

Фундаментальность исследований может быть обеспечена широким применением сравнительно-исторического материала. Об этом свидетельствуют результаты исследований данных о путях становления производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) у населения Лесостепи (П.Д. Либеров) и Восточной Европы в целом (Ю.А. Краснов) в эпоху раннего железного века. Заведующим отделом (1988–1993) В.А. Башиловым и В.И. Гуляевым успешно разрабатывалась проблематика развития производящего хозяйства и раннегосударственных образований на археологических материалах Латинской Америки доколумбова периода.

Об авторитете московского центра скифо-сарматских исследований свидетельствуют состав стажеров и аспирантов, регулярные защиты в ИА РАН диссертаций по данной тематике ученых из Украины (Б.А. Шрамко, В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, А.М. Лесков); Поволжья (Б.Ф. Железчиков, А.С. Скрипкин); Приура-

лья (А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов); Северного Кавказа (М. Багаев).

О потенциале отдела и результативности его работы свидетельствует вклад в реализацию общепитутских программ: «Материалы и исследования по археологии СССР», «Свод археологических источников» и «Археология СССР». В частности, в создании 6 томов последнего издания приняли участие 13 сотрудников, наиболее востребованной оказалась эрудиция специалиста по Сибири В.А. Могильникова, участвовавшего в подготовке 3 томов. Удалось издать версию тома о скифо-сарматских древностях на английском языке (отв. ред. Дж. Дэвис-Кимболл, В.А. Башилов и Л.Т. Яблонский, 1995).

Судя по серии защит докторских диссертаций в конце 80 – начале 90-х годов: М.П. Абрамовой, В.И. Козенковой, М.Г. Мошковой, В.А. Могильникова, Н.Л. Членовой, Л.Т. Яблонского, научная зрелость подразделения на данном этапе достигает своего максимума.

Современный отдел по составу и спектру изучаемых тематик во многом схож с сектором Б.Н. Гракова в 1950-е годы. Вся история отдела позволяет надеяться, что и в будущем его сотрудников ждут насыщенные научные поиски и яркие открытия.

XVI Крупновские чтения, Ставрополь, 1990 г.

Исследователи Фанагории: в центре – В.Д. Блаватский, крайняя слева – М.М. Кобылина, справа – Т.В. Блаватская, 1947 г.

Отдел классической археологии

А.А. Завойкин, В.А. Гаубов

Сектор античной археологии как специальное научное подразделение института (ИИМК АН СССР) был создан в 1944 г. (на основе группы античной археологии) по инициативе профессора В.Д. Блаватского, который и стал его первым заведующим. В 1988 г. сектор античной археологии был преобразован в отдел античной археологии, а в 1992 г. — в отдел классической археологии ИА РАН.

На протяжении 70 с лишним лет существования этого подразделения его возглавляли крупные ученые, внесшие значительный вклад в изучение памятников античной эпохи как на территории нашей страны (Северное Причерноморье, Средняя Азия), так и за ее пределами (Албания, Афганистан, Сирия). Это В.Д. Блаватский (1944–1970), Н.И. Сокольский (1971–1973), И.Т. Кругликова (1973–1979), Г.А. Кошеленко (1979–2008) и В.Д. Кузнецов (с 2008 г.). Научный авторитет, широта кругозора, научные пристрастия и личные качества этих людей во многом определили направления и масштабы исследовательских задач. Важную роль играло личное участие молодых сотрудников

в работе экспедиций, возглавляемых руководителями сектора (отдела), а также научное руководство заведующих подразделением при подготовке диссертационных исследований. Благодаря этому в рамках общей «московской школы археологии» формировались ее тематические «отделения».

С момента основания сектора важнейшие направления его научных исследований базировались на необходимости гармонично сочетать масштабные полевые работы на разных памятниках, обработку новых археологических материалов и их публикацию с углубленным изучением античной культуры в целом. На протяжении десятилетий приоритеты и соответственно темы основных направлений исследований изменялись. Это объясняется и серьезными социально-политическими переменами в жизни нашей страны, и самим развитием археологической науки, а также в определенной степени пониманием актуальных задач руководителями сектора (отдела). Впрочем, некоторые фундаментальные направления оставались центральными в работе под-

М.М. Кобылина (1897–1988).

И.Б. Зеест (1902–1981).

разделения на протяжении всего времени и не потеряли своей актуальности по сей день.

Так, с конца 1950 – начала 1960-х годов в работе сектора приоритетными были следующие проблемы: 1) закономерности исторического развития античного города (полиса); 2) взаимоотношения античных центров Северного Причерноморья с местными племенами; 3) материальная и духовная культура античных государств Северного Причерноморья. С начала 2000-х годов обобщенно тема плановой работы отдела формулировалась: «Античные государства Причерноморья и Средней Азии» (с 2003 г. — «Центры античной цивилизации в системе евразийских культур»), а с 2014 г. общая тема научных исследований — «Северное Причерноморье и Центральная Азия в античное и раннесредневековое время: материальная, духовная культура и этнические процессы».

В рамках широких тем, объединивших усилия сотрудников для решения наиболее важных проблем античной археологии и истории, осуществлялась конкретная деятельность отдельных ученых в полевых и кабинетных исследованиях. Несомненно, на выбор проблематики влияли не только принятое в тот или иной период общее направление работ подразделения, авторитет и научные пристрастия его руководителей, но и не в малой степени — научные интересы и амбиции самих сотрудников. За прошедшие 70 с лишним лет сменилось 3 их поколения. При этом можно говорить о прямой научной преемственности этих поколений, которую обеспечивали взаимосвязь научных руководителей и их аспирантов, сохранение традиций московской школы античной археологии, созданной В.Д. Блаватским и развиваемой его учениками и преемниками, и, наконец, существование особой научной среды, сформировавшейся в стенах института.

В числе приоритетных тем в работе подразделения всегда было и остается исследование боспорских городов. Сразу после окончания Великой Отечественной войны возобновились раскопки крупнейшего из них — столицы Боспорского государства. Работами в Пантикапее руководил В.Д. Блаватский (1945–1958). В них приняли участие практически все сотрудники сектора (и не только они).

В 1947 г. М.М. Кобылина после перерыва начала исследования второй столицы Боспора — Фанагории. Раскопки на разных участках этого памятника продолжаются. В течение десятилетий менялись не только руководители Фанагорийской экспедиции (до 1975 г. — М.М. Кобылина; 1975–1977, 1979–1988, 1991, 1992 — В.С. Долго-руков; с 1993 г. — В.Д. Кузнецов), места расположения раскопов, их масштабы (от нескольких десятков–сотен до 2 и 3 тыс. м² в наши дни), но также и научные задачи, которые решались и решаются в ходе этих работ. На сегодняшний день изучение Фанагории — крупнейший проект отдела, в ходе реализации которого проводятся раскопки широкими площадями городских слоев (от VI в. до н.э. до X в. н.э.) и некрополя.

Раскопки велись и на других античных городищах. С 1960 г. И.Б. Зеест исследовала античные напластования Гермонассы. В начале 1950-х годов Д.Б. Шелов провел разведки на Нижнем Дону, а в 1955 г. начал раскопки наиболее «выдвинутого» в варварский мир города — Танаиса. Изучение этого важнейшего античного центра продолжалось под его руководством, а затем под руководством Т.М. Арсеньевой весьма плодотворно на протяжении многих лет. В 1960-е годы Н.И. Сокольский проводил раскопки городища Кепы. Исследования этого города были продолжены в 1984–1989 гг. В.Д. Кузнецовым. В 1960-е годы И.Т. Кругликовой положено начало изучению одного из крупных городов Боспора — Горгиппии, а в 1970–1999 гг. под руководством Е.М. Алексеевой раскопки Горгиппии и ее некрополя приобрели весьма значительный размах и дали важные научные результаты. С 1985 по 1988 г. Б.Г. Петерсом, а затем, с 1989 по 2010 г., А.П. Абрамовым проводились исследования Патрея.

Таким образом, на протяжении всего периода с 1944 г. по настоящее время сотрудниками сектора (отдела) выполнен огромный объем работ по изучению широкого круга проблем истории античных городских центров Боспора (в особенности — азиатской части государства). Это не только вопросы археологической топографии и истории конкретных городов, но также и общего

Очерки научных направлений

Экспедиции

Издательские традиции

Персоналии

Приложения

И.Т. Кругликова (1917–2008).

исторического плана (колонизация региона и ее особенности; образование Боспорского государства и место в нем полиса; периодизация истории и культуры Боспора и связи его с центрами Средиземноморья; взаимодействие эллинской и варварских культур и др.).

Наряду с исследованиями городских центров в 1950-е годы начинает развиваться другое важное направление научной деятельности подразделения — изучение памятников сельской округи городов Боспора. До этого момента анализ проблемы древнегреческого полиса имел несколько односторонний характер, так как основой его экономики было сельское хозяйство, а сам полис в территориальном плане представлял собой единство городского центра (или центров) и его сельской округи (хоры).

Инициатором этих работ стал В.Д. Блаватский, который еще в 1950 г. организовал археологические разведки на Таманском п-ове. Однако наиболее значительная роль в исследованиях памятников хоры этого региона принадлежит Н.И. Сокольскому. С конца 1950-х годов он начал обследование Таманского п-ова, особое внимание уделил разведкам в северо-западной его части. Через несколько лет эти работы стали полномасштабными исследованиями множества ранее неизвестных памятников. В 1960 — начале 1970-х годов Таманская экспедиция Н.И. Сокольского, который в 1971 г. возглавил сектор, — наиболее крупная в Северном Причерноморье. Работы охватили значительную часть Таманского п-ова, а главное — систему укреплений («крепостей-батареек») Фонталовского п-ова. После безвременной кончины Н.И. Сокольского исследования на этих памятниках были продолжены Э.Я. Николаевой (Ильичевская крепость) и Ю.М. Десятчиковым (крепость в пос. Кучугуры и др.). Другая ученица Сокольского, Е.М. Алексеева, в 1970-е годы проводила работы на горгиппийской хоре: исследовались усадьбы, крепость, некрополи местного варварского населения.

На ряде сельских поселений и некрополей Тамани и Синдики (Анапский р-н Краснодарского края) много лет ведутся исследования и Восточно-Боспорской экспедицией во главе с Н.И. Сударевым. В том же на-

правлении еще в середине 1950-х годов под руководством Н.А. Онайко начаты работы (продолжались до начала 1980-х годов) на юго-восточной окраине Боспора, вблизи Геленджика и Новороссийска (раскопки архайического — раннеклассического «Торика», Раевского городища, серии домов-крепостей). Разносторонние комплексные исследования памятников региона возобновлены экспедицией А.А. Малышева и плодотворно продолжаются в наши дни.

Таким образом, многолетние раскопки и разведки, проведенные сотрудниками подразделения в азиатской части Боспора за пределами городов, следует признать весьма результативными. Они принесли многочисленные ценные сведения по истории сельских поселений и организации системы обороны этой территории, ставшей заслоном от активизировавшихся сарматских племен, охранявшим житницы Боспора и торговые пути от переправы через Боспор Киммерийский (Керченский пролив) до кавказских перевалов.

Данное направление исследований успешно реализовывалось и на памятниках сельской территории Европейского Боспора. В 1950-е годы сначала разведки, а затем раскопки под руководством И.Т. Кругликовой охватили Восточный Крым и продолжались в течение 25 лет. На пространствах от Старого Крыма до Керченского пролива обследовано около 200 археологических памятников античного времени: поселения (городища, усадьбы и отдельные населенные пункты), дома, некрополи (курганые, грунтовые), остатки древних сторожевых башен, дорог, колодцев, систем землепользования и т.д. Таким образом, была заложена прочная основа современного археологического изучения античных сельских памятников региона и впервые на обширном материале изучена история сельского хозяйства Боспора.

Проводились И.Т. Кругликовой (в 1973 г. она возглавила сектор) раскопки на хоре Херсонеса Таврического, хотя и в меньших масштабах. В настоящее время в Западном Крыму многолетние исследования ведутся отделом только на городище Кара-Тобе под руководством С.Ю. Внукова.

С 1975 г. постоянные комплексные исследования сельской территории Европейского Боспора продолжены А.А. Масленниковым. Основное внимание Восточно-Крымской экспедиции было сосредоточено на районе Крымского Приазовья как наиболее перспективном в отношении количества, разнообразия и сохранности археологических объектов. Значение этих работ трудно переоценить. Благодаря им впервые получена возможность составить предметное представление о характере (типах), облике, устройстве, быте населения и роли в жизни Боспора сельских поселений и маленького города (Зенонов Херсонес), начиная с V в. до н.э. и до конца античной эпохи. Плодотворные исследования восточнокрымских памятников в наши дни продолжаются уже с участием учеников А.А. Масленникова.

В целом вклад сотрудников подразделения в изучение античных памятников и истории сельских территорий Боспора выглядит более чем внушительно. Следует признать, что эти исследования гармонично дополняют и расширяют наши знания по истории как греческого, так и варварского населения Боспора — древнейшего государственного образования на территории России.

Еще одно важное направление в работах сектора (отдела) неразрывно связано с именем Г.А. Кошеленко, учителем которого был В.Д. Блаватский, определивший главные ориентиры в научных интересах своего ученика. Речь идет об исследовании античных памятников Средней Азии. В 1979 г. по инициативе Г.А. Кошеленко (в том же году он возглавил сектор) организована Среднеазиатская экспедиция, которая проводила масштабные работы по составлению археологической карты Мервского оазиса (античная Маргиана), а также раскопки ключевых памятников в Туркмении (Чильбурдж, Гёбеклы-депе, Эрк-кала). Особенно впечатляющие результаты принесли раскопки пограничной крепости Гёбеклы-депе на северо-западной границе

Мервского оазиса. Помимо новых сведений для изучения истории фортификации Маргианы парфянского и сасанидского времени был получен разнообразный археологический материал (керамика, монеты, терракотовые статуэтки, изделия из металла, дерева, кости, остраконы и т.д.). Однако гордостью экспедиции стала, пожалуй, самая крупная в мире коллекция булл — оттисков печатей парфянского времени на глине. Она насчитывает свыше 3 тыс. экз. и включает несколько десятков сюжетов и групп. Изучение и анализ булл дают важные сведения не только в сфере парфянского искусства, но также об экономических отношениях и религиозных воззрениях в Парфянской державе.

С начала 2000-х годов в составе экспедиции работают два отряда: Бактрийский и Парфянский.

Создание самостоятельных отрядов расширило «сферу влияния» экспедиции, в поле зрения которой теперь включены такие историко-культурные области, как Бактрия и Парфия. Бактрийский отряд под руководством Н.Д. Двуреченской проводит раскопки на юге Узбекистана (Кампыртепа, Узундара). Основное внимание уделяется изучению эллинистического периода в истории древней Бактрии. В последние годы масштабные работы сосредоточены на уникальном памятнике — горной крепости Узундара, ставшей одним из главных источников по истории и материальной культуре Бактрии за последние 40 лет. Парфянский отряд, возглавляемый В.Н. Пилипко, осуществляет систематические раскопки в династическом центре парфянских царей — Старой

Н.А. Онайко на раскопках Раевского городища, 1955 г.

Подводные исследования в акватории Черного моря: В.Д. Блаватский (слева) и Б.Г. Петерс разбирают находки, конец 1950 – начало 1960-х годов.

Подводные исследования в акватории Черного моря: впереди – первые профессиональные археологи-подводники Г.А. Кошеленко (в центре) и Б.Г. Петерс (справа), сзади – В.Д. Блаватский (в центре) и Т.В. Блаватская, конец 1950 – начало 1960-х годов.

Нисе (Митридаткерт), где среди прочего обнаружены культовые сооружения с остатками настенной росписи и глиняной раскрашенной скульптуры, а также на территории собственно города — современного городища Новая Ниса.

Работы экспедиции в Средней Азии были начаты в рамках единой страны как «внутренние», а продолжают уже в качестве зарубежных. В разные годы сотрудники подразделения принимали участие в исследовании античных памятников за пределами нашей страны и ранее. Однако эти работы не были непосредственно связаны с основной тематикой сектора. Можно сказать, что проведение археологических работ на зарубежных памятниках было продиктовано обстоятельствами. Но эта деятельность, безусловно, имела положительные результаты, в частности — способствовала расширению и укреплению связей с антиковедами других стран. В 1959–1960 гг. под руководством В.Д. Блаватского работала Албанская археологическая экспедиция. Главным объектом исследования была Аполлония Иллирийская (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). В составе участников работали сотрудники сектора Н.И. Сокольский, И.Т. Кругликова, Н.А. Онайко, Г.А. Цветаева, И.Б. Зеест. Второй объект — античный город Орика (работы возглавила М.М. Кобылина). В 1969–1979 гг. функционировала Советско-афганская экспедиция (руководитель И.Т. Кругликова). На северо-западе Афганистана (от Герата до Мазари-Шарифа) проводились масштабные разведочные работы, а также раскопки нескольких значимых памятников кушанского времени (Джагат-тепе, Емши-тепе, Дильберджин), которые дали интересные результаты.

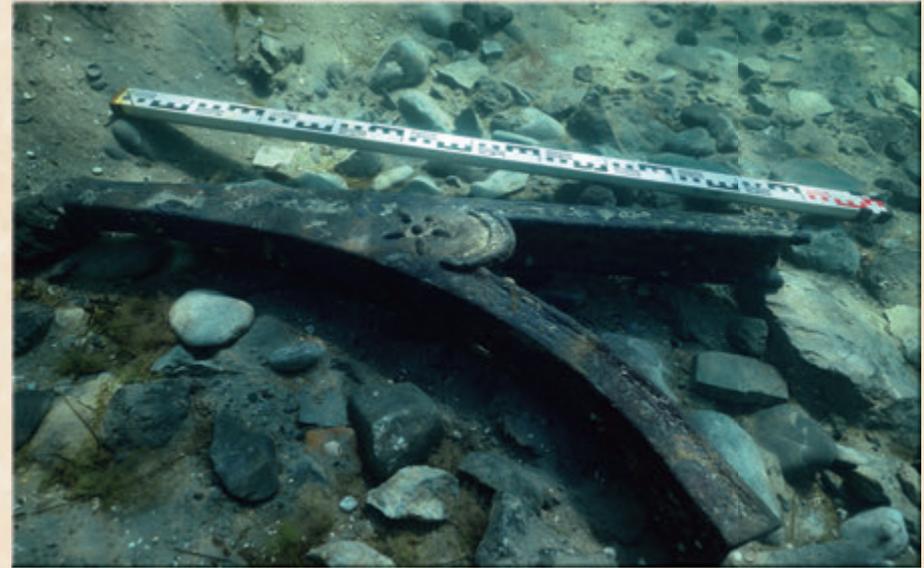
Следует сказать и о таком специфическом виде научных исследований, как подво-

дные разведки и раскопки. Организатором и вдохновителем этой деятельности также стал В.Д. Блаватский. Им впервые в нашей стране была создана Подводная Азово-Черноморская (Донузлавская) экспедиция (1957–1964). Работы проводились в прибрежных водах Фанагории, Гермонассы, Пантикапея, на юго-западном побережье Крымского п-ова возле Херсонеса и оз. Донузлав, а также в районе Ольвии и Тиры. Важную роль в подводных исследованиях играли ученики Блаватского — Г.А. Кошеленко и Б.Г. Петерс, первые в СССР профессиональные археологи-подводники. По результатам работ была составлена карта находок в акваториях Азовского и Черного морей. Первый опыт раскопок под водой в затопленной морем части Фанагории позволил сделать ряд важных заключений относительно северной границы города, его площади и стратиграфии затопленного участка.

В 1998 г. обследование затопленной части Фанагории возобновлено Фанагорийской экспедицией под руководством В.Д. Кузнецова. Работы продолжают целенаправленно и в настоящее время. Принципиально новые технические возможности позволили создать подробные современные карты древних остатков в затопленной части городища, проведены подводные раскопки уникального причального сооружения (в конструкции которого найдены замечательные памятники античного искусства, архитектурные детали и эпиграфические документы), открыты остатки военного судна времени Митридата VI и др. Подводные исследования в Фанагории ведутся на самом передовом научном и техническом уровне и служат своего рода образцом. Фанагория стала «полигоном», на котором разрабатываются и совершенствуются новейшие методики работ такого рода.

Расчистка военного корабля, затонувшего у берегов Фанагории в 63 г. до н.э. 2014 г.

Бронзовый таран биремы, затонувшей у берегов Фанагории в 63 г. до н.э. 2015 г.

Подводные исследования в Фанагории. Архитектурные детали в фундаменте причального сооружения III–V вв. н.э. 2007 г.

Издавания Фанагорийской экспедиции отдела классической археологии.

Н.И. Сокольский (стоит) и Г.А. Кошеленко (в кузове экспедиционной машины, слева). Керчь, 1956 г.

Г.А. Кошеленко. Старая Нуса (Туркмения), полевой лагерь экспедиции, 1986 г.

Бесспорно, основные направления полевых работ, открытые в ходе их памятники и находки играли и играют определяющую роль в научных исследованиях сотрудников. Результатом этого стали не только многочисленные и тематически разнообразные публикации, но и работы обобщающего характера. Так, вслед за монографией В.Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1953) появилась книга И.Т. Кругликовой «Сельское хозяйство Боспора» (М., 1975), а затем серия исследований А.А. Масленникова (Эллинская хора на краю ойкумены (Сельская территория Восточно-Европейского Боспора). М., 1998; Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1–2. М., 2010, 2012), продолжающая эту же тематику. Результаты систематических исследований боспорских городов также получили отражение в отдельных научных статьях, сборниках и монографиях (например, Фанагория. М., 1956 (МИА, № 57); Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970; Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997). На основе обобщения исследований материалов археологии, эпиграфики, нумизматики и античной литературной традиции написана монография А.А. Завойкина «Образование Боспорского государства» (Симферополь, 2013). Итогом разведочных работ в Средней Азии стала двухтомная публикация *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995*. Roma, 1998 (под ред. А. Губаева, Г. Кошеленко, М. Този). Перечислить хотя бы малую часть даже крупных работ, прямо связанных с тематикой полевых исследований, не представляется возможным.

Помимо них заметную долю в трудах специалистов подразделения составляют работы вещеведческого плана. Ограничимся упоминанием

таких этапных в отечественном антиковедении исследований, как «Керамическая тара Боспора» И.Б. Зеест (МИА, № 83. М., 1960), «Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.» Д.Б. Шелова (М., 1956), «Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья» Н.И. Сокольского (М., 1971), «Античные бусы Северного Причерноморья» Е.М. Алексеевой (САИ, вып. Г1–12. М., 1975, 1978, 1982). Они, как и другие, не упомянутые здесь, сохраняют свою научную значимость десятилетиями.

Весьма позитивную роль в изучении и систематизации археологических материалов, в том числе античных, сыграло издание «Свода археологических источников». В этой серии были опубликованы корпуса разнообразных категорий и групп вещевого материала (терракота, бусы, предметы импорта, керамические строительные материалы и т.д.).

Особо необходимо выделить серию работ Г.А. Кошеленко, в которых этот крупный отечественный антиковед выходит далеко за рамки исследований регионального уровня (такова, например, его монография «Культура Парфии». М., 1966) и затрагивает фундаментальные проблемы античного общества и его культуры в целом, концентрируя внимание на проблеме греческого полиса (например, «Греческий полис на эллинистическом Востоке». М., 1979). К обобщениям высокого уровня следует отнести и книгу В.Д. Кузнецова «Организация общественного строительства в древней Греции» (М., 2000).

Упоминания заслуживают и публикации эпиграфических памятников, найденных в Северном Причерноморье. Прежде всего отметим работы А.И. Болтуновой, которая приняла активнейшее участие и в подготовке «Корпуса боспорских надписей» (М.; Л., 1965). Эта традиция в работах подразделения находит продолжение (В.Д. Кузнецов, Н.В. Завойкина).

Г.А. Кошеленко (слева от центра кадра) и Пьер Лериш, руководитель франко-сирийской экспедиции, на раскопках в Дура-Европос, 2001 г.

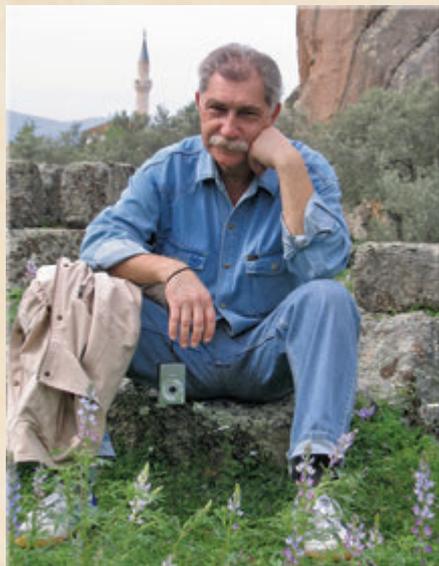
Р.М. Мунчаев и В.Д. Кузнецов, научно-культурный центр Фанагорийской экспедиции, 2013 г.

Г.А. Кошеленко читает лекцию швейцарским студентам. Старая Ниса, 1990-е годы.

В.Д. Кузнецов за работой на «Верхнем городе» Фанагории, 2016 г.

А.А. Масленников в Геракле-на-Латмосе. Турция, 2008 г.

А.А. Завойкин в Приене. Турция, 2014 г.

Н.И. Сударев, А.А. Масленников, В.Д. Кузнецов, Н.В. Завойкина в Крымском Приазовье, 2010 г.

По результатам разносторонних исследований античной цивилизации сектором (при участии сотрудников других научных учреждений) подготовлен ряд содержательных сборников: «Античная цивилизация» (М., 1973); «История и культура античного мира» (М., 1977); «Художественная культура и археология античного мира» (М., 1976); «Проблемы античной культуры» (М., 1986); «Очерки археологии и истории Боспора» (М., 1992). Но, пожалуй, наиболее важным издательским проектом стала публикация тома «Античные государства Северного Причерноморья» (М., 1984), входящего в состав 20-томного издания «Археология СССР». В подготовке тома приняли участие все сотрудники сектора. В нем подведен итог полутора столетий исследований памятников античной археологии Северного Причерноморья. Такое же значение имело и издание тома «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии», вышедшего в той же серии в 1985 г.

В 1990-е годы многое изменилось в жизни страны, что отразилось и на организации издательского дела — многое стало зависеть от инициативы самих исследователей. Так, сотрудники отдела и Магнитогорского гос. университета с 1994 г. организовали издание журнала «Проблемы истории, филологии и культуры» (к 2018 г. увидело свет 58 выпусков); с 1998 г. по настоящее время выходит ежегодник отдела «Древности Боспора» (опубликовано 22 тома, 23-й подготовлен к печати) с монографическими приложениями (3 тома в 5 книгах).

Значительную роль сотрудники отдела сыграли в подготовке и публикации трехтомного издания «Античное наследие Кубани» (М., 2010), в котором обобщены итоги исследований в Прикубанье с древнейших времен до конца античности, памятникам которой, разумеется, уделено наибольшее внимание.

Последним по времени и крупнейшим проектом отдела стало новое издание «Фанагория. Результаты археологических исследований» (выпущено 7 томов, М., 2013–2018 гг.). В нем публикуются исследования материалов наиболее масштабных раскопок одного из крупнейших греческих центров Причерноморья.

Сотрудники сектора (отдела) немало сделали и для популяризации достижений отечественных ученых-антиковедов. Ими подготовлен ряд научно-популярных книг. В значительной мере благодаря усилиям археологов на местах их полевых работ организованы музей-заповедники (Танаис, Горгиппия, Фанагория).

Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья

А.М. Обломский

Поселение Выдрин, Курская обл., Сейминско-Суджинская экспедиция, 2016 г.

Хронологически тематика отдела охватывает в основном период III–VII вв., территориально — Восточную Европу от лесостепи до лесной зоны (от Карпат до Юго-Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья). Постоянно приходится обращаться и к предыстории обозначенного периода, т.е. к первым векам н.э., и к следующей эпохе (VIII в.), а также к культурам, важным для понимания процессов, связанных с основными для работы отдела регионами.

В истории Евразии III–VII вв. — время кризисов и массовых миграций населения. Для Восточной Европы выделяется три их «пика». К III в. в лесном и лесостепном Поднепровье на позднезарубинецкой культурной основе формируется ряд раннеславянских группировок киевской археологической общности и близких ей. Они распространяются до верховий Западной Двины, отдельные группы появляются на Хопре и Черемшане в бассейнах Дона и Волги. В Поочье оформляются мощинская культура, рязано-окская группа финнов, в Волго-Камском регионе — культуры азелинско-мазуниского круга и др. Из бассейна Вислы на юго-восток проникают носители пшеворской и вельбаркской культур со значительным германским компонентом. Начинается экспансия на запад и северо-запад кавказских аланов.

Натиск с северо-востока на территорию Римской империи фиксируется как Скифские войны 230–270-х годов, приведшие к гибели ряда позднеантичных центров, эвакуации провинции Дакия, формированию от Нижнего Дуная до Северского Донца полиэтничной черняховской археологической культуры — одной из ярчайших в европейском Барбарикуме.

Толчок к радикальной смене ситуации связан с появлением гуннов к западу от Дона в 370-е годы. В ходе миграций на запад в основном германского населения в V в. на землях от Атлантического побережья до Подунавья формируется ряд «варварских королевств», гибнет Западная Римская империя. В Восточной Европе прекращает существование черняховская культура, начинается экспансия славян, приведшая к формированию новых образований (культур псковских длинных курганов, пражской, пеньковской, колочинской и др.) в разных регионах огромной территории от Юго-Восточной Эстонии на северо-западе до Эльбы на западе, юго-восточных отрогов Альп, Дуная на юго-западе, Среднего Поволжья на востоке. В степи на смену ираноязычным кочевникам приходят группировки тюркского круга. С гуннской эпохой связано и появление центров власти на Дону и западнее, которые обозна-

Поселение Пены, Курская обл., Сейминско-Суджинская экспедиция, 2013 г.

чены богатыми кладами и погребениями. Существенные сдвиги населения фиксируются в Юго-Западном Крыму, на Северном Кавказе. В Волго-Уральском регионе складывается новый спектр культур. Практически во всем Балтийском регионе отмечаются смены культур и направлений культурных связей.

В середине–второй половине VII в. в Восточной Европе происходит новая волна потрясений, конечно, в связи с геополитическими процессами, затронувшими другие регионы — от Средиземноморья до Центральной Азии. На юго-востоке формируется Хазарский каганат, влияние которого в VIII в. на севере фиксируется от Среднего

Поднепровья до Среднего Поволжья. В Среднем Поволжье прекращают существование именьковская и ряд других культур, появляются памятники новинковского типа и др. Западнее катастрофический финал пеньковской и колочинской культур маркируют выпадение горизонта кладов круга Мартыновки, пожары на ряде колочинских городищ, распространение традиций, связанных в основном с пражской археологической культурой. Распад прежних культур фиксируется в Поочье и в Юго-Восточной Прибалтике. Новые конфигурации культурных связей и трансформации культур отмечаются и севернее — от востока Прибалтики до Прикамья.

В ходе этих процессов формируются основы современной этнокультурной карты Европы, в ее истории кончается эпоха Древности и начинается эпоха Средневековья.

Тематика исследований, связанных с этой сложной эпохой Великого переселения народов и раннего средневековья, едина по нескольким причинам. Во-первых, в ходе описанных выше драматических событий многие группы населения оказались очень далеко от мест своего первоначального обитания, что привело к интенсивному взаимодействию культурных групп и переплетению их элементов. При изучении многих культур необходимо привлекать материалы довольно отдаленных областей.

Во-вторых, основные ритмы и динамика многих этнокультурных процессов едины на территории Центральной и Восточной Европы, связаны с другими регионами. В-третьих, в период Великого переселения народов во многих регионах особенно ярко проявляется сходство стилей и элементов культуры престижа (украшений, ремесленных наборов, оружия), на основании которых датируются памятники. Определение хронологии материалов этой эпохи невозможно при помощи использования только локальных шкал. Необходи-

мы работы по обобщению и систематизации хронологических колонок.

В-четвертых, из-за тесного переплетения культурных традиций изучение истории любого народа этого периода (например, славян) невозможно без учета общего этнокультурного контекста. При этом «точек соприкосновения» при исследовании соседних славянских, тюркских, финно-угорских, балтских и других культур значительно больше, чем при сравнении материалов эпохи Великого переселения народов и Древней Руси.

Наше научное подразделение — сравнительно новое, тем не менее, несмотря на короткий срок его существования (с 2014 г.), у отдела была своя предыстория, тесно связанная с общей логикой исследования археологии Восточной Европы в римское время и раннее средневековье.

В структуре Института археологии до начала XXI в. единая по своей сути тематика изучения культур лесостепной и лесной зон Восточной Европы I–VII вв. не нашла отражения. Из числа ученых, специально исследовавших этот период, В.В. Кропоткин, Э.А. Сымонович, Г.Ф. Никитина, О.А. Гей в разное время работали в отделе скифо-сарматской археологии; И.П. Русанова, А.К. Амброз, В.В. Седов, В.И. Кулаков, А.М. Обломский, И.В. Исланова, И.О. Гавритухин, В.Е. Родинкова, Н.В. Лопатин — в славяно-русском отделе. Еще в 1970-е годы было осознано, что проблематика археологии эпохи Великого переселения народов в широком смысле этого понятия едина. При изучении периода массовых миграций невозможно заниматься историей какого-либо одного этноса или культурного круга, не учитывая «фона» — более общих процессов. Насущно назрело выделение этой проблематики в качестве особого направления исследований института. Нечто подобное происходило и в Киеве, где в Институте археологии Академии наук УССР по инициативе В.Д. Барана был образован отдел раннеславян-

Очерки научных направлений

Экспедиции

Издательские традиции

Персоналии

Приложения

Грунтовый могильник Пены, Курская обл., Сейминско-Суджинская экспедиция, 2009 г.

Брянский клад III в., нагрудная цепь.

ской археологии, в состав которого вошли специалисты не только по собственно ранним славянам, но и по полиэтническим структурам, таким, как культуры черняховская и карпатских курганов.

По этой причине в конце 1980-х годов были приняты первые попытки образования в рамках славяно-русского отдела особой группы, связанной в основном с раннеславянской проблематикой. Инициатором этого выступила И.П. Русанова, идея была поддержана С.А. Плетневой, в то время возглавлявшей отдел славяно-русской археологии. Вопрос о создании специализированной группы неоднократно обсуждался на заседаниях отдела, но в 1980–1990-е годы это предложение не получило поддержки большинства его сотрудников.

Тематика археологии народов Европы римского времени и эпохи Великого переселения народов не только в России, но и за рубежом становилась все более актуальной. Только в середине – второй половине 1990-х годов с участием специалистов института различные аспекты истории и археологии этих периодов обсуждались на специализированных конференциях в Кракове, Лодзи, Будапеште, Париже, Санкт-Петербурге, Алуште, Москве, Ижевске, Туле, Люблине, Минске. Активно публиковались археологические материалы этого периода и рассматривались письменные источники, был написан ряд обобщающих трудов, появились многие серийные издания. Требовалось объединение специалистов по тематике археологии эпохи Великого переселения народов и в Москве.

Особую роль в этом сыграла серия научных публикаций «Раннеславянский мир», которая была задумана как продолжение сборника, вышедшего под редакцией И.П. Русановой и С.А. Плетневой (Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990). С тех пор опубликован уже выпуск 19 (Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. М., 2017). Электронные версии всех изданий серии доступны на сайте Института археологии на странице отдела.

Именно вокруг издания статей и монографий в этой серии сложилась группа единомышленников (А.М. Обломский, И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, В.Е. Родинкова, В.Ю. Малашев, А.В. Мастыкова, И.Р. Ахмедов, О.А. Щеглова, И.В. Белоцерковская, А.Г. Фурасьев, А.М. Воронцов, О.А. Радюш, И.Е. Бирюков и др.), которые, несмотря на принадлежность к разным учреждениям и различие взглядов на конкретные вопросы, показали, что они могут работать вместе вплоть до издания коллективных монографий. Первым опытом в этом отношении стала публикация Гапоновского клада VII в. в контексте анализа синхронных древностей от Кавказа и Балкан до лесной зоны Европы (Раннеславянский мир, вып. 3. М., 1996).

Научная группа по изучению древностей эпохи Великого переселения народов была создана 15 декабря 2002 г. решением Ученого совета Института археологии РАН в рамках славяно-русского отдела. В особый отдел в качестве самостоятельного подразделения института она была преобразована в 2014 г., о чем упомянуто выше. Основная цель научных исследований сотрудников — изучение характера этнокультурного перелома, который происходит на территории Восточной Европы в середине–третьей четверти I тыс. в эпоху Великого переселения народов; реконструкция общей картины изменений и их интерпретация как этнических, политических или другого рода. Для этого необходимо сопоставление археологических структур позднеимского времени (вторая половина II – IV в.) и начала раннего средневековья (V–VII вв.), а также специальное изучение памятников гуннского периода (конец IV – V в.).

В настоящее время деятельность отдела сосредоточена на нескольких направлениях.

1. Выделение и характеристика археологических общностей и изучение этнокультурных процессов позднеимского времени и раннего средневековья. Это направление предусматривает уточнение карт, издание сводов, публикацию материалов эталонных поселений и могильников.

2. Хронология как памятников и археологических общностей, так и категорий вещей.

3. В рамках общей проблематики большое внимание традиционно уделяется исследованию культурных и политических связей, ряда этнографических особенностей древних сообществ на основе анализа набора украшений, оружия, ременной гарнитуры, деталей конского снаряжения. Особое значение имеет изучение древнего ремесла, торговых и других связей, как ближних, так и дальних.

В содружестве с Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» отдел проводит периодические конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов» (в г. Тула и на базе музея в с. Монастырщина Тульской обл.), которые проходили в 2006, 2008, 2010, 2012 и 2015 гг. По итогам конференций опубликованы сборники статей.

Отдел проводит также периодические семинары по итогам полевых исследований с привлечением заинтересованных коллег из других учреждений. Два таких международных семинара состоялись в 2016 и 2017 гг. Кроме того, поддерживаются тесные контакты с археологами научных центров России, Белоруссии, Украины и Молдавии — вплоть до участия в совместных конференциях, программах, публикациях и экспедициях.

Особое место в работе отдела традиционно занимает сотрудничество археологов России и Сербии. Первая российско-сербская археологическая конференция «Судьбы народов Восточной и Южной Европы — взгляд через века» проведена в гг. Белград и Нови Сад (Сербия) в 2014 г., вторая — в Москве в 2017 г. По итогам первой конференции опубликованы ее материалы «Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем средневековье» (Нови Сад, 2017). Сохраняются давние связи и с другими европейскими коллегами.

Сотрудники отдела ведут активные исследования в следующих экспедициях: Раннеславянская (А.М. Обломский), Балтийская (В.И. Кулаков), Сейминско-Суджинская (О.А. Радюш), Верхневолжский отряд (И.В. Исланова), Суджанский отряд (В.Е. Родинкова), О.А. Хомякова — в Самбийской.

На заседаниях отдела рассматриваются доклады по актуальным вопросам археологии Европы I тыс. В ряде случаев были организованы совместные с другими отделами института — в основном скифо-сарматской археологии и сохранения культурного наследия — обсуждения. Еще со времен образования группы принято расценивать такие заседания в качестве доступного для всех желающих клуба для дискуссий.

А.М. Обломский, И.В. Исланова, Д. Радичевич (Сербия) в комнате отдела, 2014 г.

Поселение Куриловка 2 (Курская обл.), Суджанский отряд, 2018 г.

Разведка в Тверской обл., Верхневолжский отряд, 2009 г.

Городище Заречье (предполагаемый Новгород Малый), Украина. Б.А. Рыбаков — в центре, рядом с ним — А.В. Кузина и А.А. Мединцева, 1964 г.

Отдел средневековой археологии

А.В. Чернецов, И.Н. Кузина

Отдел (первоначально сектор) славяно-русской (в настоящее время средневековой) археологии был создан в Институте истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН) в 1951 г., а его руководителем стал выдающийся археолог-славист Б.А. Рыбаков. Отдел был образован путем объединения секторов древнерусской археологии, который возглавлял Н.Н. Воронин, и славянского этногенеза, руководимого П.Н. Третьяковым. Это были годы становления института (после перевода его дирекции в Москву в 1943 г.) в качестве ведущего археологического учреждения страны.

Для создания крупного исследовательского коллектива, призванного решать масштабные задачи, отвечать за развитие проблематики, имеющей исключительное научное и общественно-политическое значение, в Москве имелись тогда вполне благоприятные условия. Многие сотрудники новообразованного сектора — выпускники кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кафедра была создана и долгое время возглавлялась крупнейшим российским археологом и выдающимся педагогом А.В. Арциховским. Немаловажно, что многие сотрудники создаваемого отдела были участниками исследования средневекового Новгорода, эталонного памятника древнерусской археологии. Опыт, полученный ими в Новгородской экспедиции, оказался весьма полезным для выработки высоких требований к научному уровню исследований, проводимых по всей стране.

Важную роль в истории отдела с момента его образования играл Б.А. Рыбаков, который руководил им более 20 лет (1951–1974). В 1956 г. Борис Александрович стал директором института, поэтому он располагал большими возможностями для постановки перед отделом масштабных задач, таких как проблематика славянского этногенеза, язычества и его пережитков, и многих других вопросов, связанных с историей культуры.

В то же время большую роль продолжали играть крупные ленинградские ученые, переехавшие в столицу, — П.Н. Третьяков и

Н.Н. Воронин. П.Н. Третьяков, крупнейший археолог-славист, проработал в московском институте сравнительно недолго (1946–1951), тем не менее его труды оказали большое влияние на работы позднейших исследователей. В отличие от П.Н. Третьякова, основные работы которого находились строго в русле чисто археологической проблематики, Н.Н. Воронина, остававшегося сотрудником отдела до конца жизни, можно охарактеризовать как гуманитария широкого профиля. Его основная тема — исследование памятников древнерусского зодчества. Н.Н. Воронин был редактором томов монументального академического издания «История культуры Древней Руси» (М., под общей редакцией академика Б.Д. Грекова и профессора М.И. Артамонова), первый том которого был опубликован в 1948 г., т.е. непосредственно перед созданием нового сектора.

В 1974 г., когда Б.А. Рыбаков становится академиком-секретарем Отделения истории АН СССР, руководство отделом переходит к С.А. Плетневой, основные научные интересы которой располагались в области изучения кочевнических культур. Соответственно в отделе проблематика нерусского населения Восточной Европы начинает играть значительную роль. Среди полевых работ Светланы Александровны центральное место занимают исследования Маяцкого археологического комплекса. Основные работы исследовательницы связаны с хазарской проблематикой (монография «От кочевий к городам». М., 1967), ею подготовлена также фундаментальная сводка половецких каменных изваяний (М., 1974). Среди учеников С.А. Плетневой — такой авторитетный специалист, как Г.Е. Афанасьев, начинавший свою научную деятельность в отделе.

В дальнейшем тематика, разрабатывавшаяся сотрудниками отдела, то несколько расширялась, то, напротив, сужалась в зависимости от изменений структуры института. В 1987 г. в составе отдела создан сектор археологии Москвы под руководством С.З. Чернова. С 1993 г. сектор возглавляет Л.А. Беляев, и вскоре это подразделение приобретает самостоятельный статус (с 2014 г. — отдел археологии Московской Руси).

В 1991 г. на базе Шпицбергенской экспедиции создана группа арктической археологии под руководством В.Ф. Старкова. Позднее она была введена в состав отдела славяно-русской археологии, а затем отдела археологии Московской Руси.

В 1993 г. из состава отдела в качестве самостоятельного подразделения выделена группа средневековой археологии евразийских степей, которой первоначально руководила С.А. Плетнева, а затем — И.Л. Кызласов. В настоящее время группа вновь введена в состав отдела средневековой археологии.

В 2002 г. в рамках отдела славяно-русской археологии создана группа по изучению древностей эпохи Великого переселения народов, выделившаяся в 2014 г. в самостоятельный отдел археологии Великого переселения народов и раннего средневековья под руководством А.М. Обломского. Появление этого подразделения в известной мере возрождает традиции сектора славянского этногенеза, когда-то возглавлявшегося П.Н. Третьяковым.

Политические перемены последних десятилетий определенным образом оказывают влияние на деятельность отдела. Это становится особенно очевидным при сопоставлении ситуации первых лет его существования и реалий сегодняшнего дня. Первоначально исследования отдела и Института археологии были в значительной мере ориентированы на изучение памятников, расположенных на территории союзных республик, прежде всего Украины (работы Б.А. Рыбакова, А.В. Кузы, Б.А. Тимошука, И.П. Русановой, Ю.Ю. Моргунова, А.М. Обломского и др.), Белоруссии (исследования Л.В. Алексеева и З.М. Сергеевой), Молдавии (работы Г.Б. Федорова). Однако формирование республиканских археологических школ приводило к постепенной смене столичных иссле-

С.А. Плетнева и Т.И. Макарова, 2000-е годы.

В.Ф. Старков (справа) и П.Ю. Черношвитов (в центре) на Шпицбергене, 2000-е годы.

*С.Д. Захаров на раскопках могильника
Кладовка в Вологодской обл., 2013 г.*

Обломок горшка первой половины XIII в. с надписью – уникальная находка. Городище Ростиславль, Московская обл., 2011 г.

дователей местными кадрами. После распада СССР возможности работ за пределами территории России оказались ограниченными. Тем не менее сотрудники отдела продолжают работать над тематикой, связанной с памятниками Украины и Белоруссии, поддерживают контакты с коллегами из этих стран.

Несмотря на то что вопросы славянского этногенеза не могут решаться без обращения к памятникам, находящимся за рубежом, археологические работы российских археологов-славистов за пределами своей страны не приобрели значительного размаха ни в советское время, ни в последующие годы. Можно говорить лишь об эпизодическом участии археологов отдела в полевых исследованиях средневековых памятников Болгарии и Венгрии. Так, книга В.В. Кухаренко «Археология Польши» (М., 1969) основана на публикациях польских археологов.

Проблематика славянского этногенеза и этнической истории восточных славян в первые послевоенные десятилетия представлялась чрезвычайно актуальной. Б.А. Рыбаков, понимая, что для создания широкой этногенетической картины необходима большая работа по выявлению и картографированию археологических памятников, основал монументальное серийное издание «Свод археологических источников», первые выпуски которого вышли из печати в 1961 г. Среди них были имеющие прямое отношение к проблематике славянского этногенеза: «Средневековые памятники Полесья» Ю.В. Кухаренко (М., 1961) и его же «Зарубинецкая культура» (М., 1964). В той же серии выходит работа И.П. Русановой «Курганы полян X–XII вв.» (М., 1966), подготовленная в русле построений А.А. Спицына, установившего соответствия картины расселения восточных славян в Начальной летописи и региональных особенно-

стей материалов курганных могильников. После революции 1917 г. идеи А.А. Спицына получили дальнейшее развитие в работах А.В. Арциховского и Б.А. Рыбакова. В той же серии опубликованы и фундаментальные сводки В.В. Седова «Новгородские сопки» (М., 1970) и «Длинные курганы кривичей» (М., 1974).

В.В. Седов был масштабно мыслящим исследователем, становление которого проходило в годы его работы в составе отдела (1954–1974). Именно тогда им была опубликована новаторская работа «Сельские поселения Смоленской земли VIII–XV вв.» (М., 1960), ознаменовавшая прорыв в развитии отечественной поселенческой археологии, подготовлена докторская диссертация «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья», защищенная в 1967 г. и опубликованная в 1970 г. Исследователю принадлежит наиболее масштабная и фундаментальная концепция славянского этногенеза и ранней истории славян. Определенная слабость этой концепции — преувеличенное представление автора о познавательных возможностях археологических источников в качестве индикаторов этноязыковой принадлежности тех или иных памятников.

Этноархеологическая проблематика долгое время занимала значительное место в исследовательской деятельности сотрудников отдела. Она разрабатывалась также по отношению к неславянскому населению Восточной Европы, прежде всего к финно-угорским народам. Здесь необходимо отметить исследования Л.А. Голубевой и А.Е. Леонтьева, посвященные этнической истории веси и мери, взаимоотношениям этих народов с восточными славянами, процессам ассимиляции аборигенного населения.

Среди исследователей, прилагавших усилия к систематизации обширного круга древностей, до некоторой степени остается в тени фигура такого крупного исследователя, как А.К. Амброз (1929–1985). Между тем именно им была создана единая хронологическая шкала позднеантичных и раннесредневековых древностей в весьма масштабных географических рамках.

В работах представителей следующего поколения сотрудников отдела ареальные исследования в русле так

называемой поселенческой археологии не только не снижают темпов своего развития, но, напротив, приобретают широкий размах. Работы под руководством Н.А. Макарова на Русском Севере, начатые в те годы, когда он еще входил в состав коллектива отдела, в известной мере продолжали традиции исследований предшествующего поколения археологов — решались проблемы славянской колонизации, расселения, формирования общинных и владельческих структур. При этом этнический аспект отступает на второй план, более важную роль начинают играть проблемы утверждения государственности на окраинах и социально-экономическое развитие территорий. В дальнейшем сфера интересов исследователя распространяется на регион Суздальского Ополя, где им были проведены масштабные исследования.

Изучение поселенческих структур в Подмосковье, начатое в те годы, когда сектор археологии Москвы был структурным подразделением отдела славяно-русской археологии, связано с именами С.З. Чернова и Н.А. Кренке, которые представляют новую генерацию исследователей, формирующих современные подходы к археологическому изучению поселенческих структур, новаторские методики разведок и стационарных исследований памятников с помощью комплексного использования широчайшего спектра методов естественных наук. Кроме того, каталогизация и картографирование археологических памятников Подмосковья — тематика, в разработку которой был ранее внесен весьма весомый вклад такими сотрудниками отдела, как Р.Л. Розенфельдт и А.А. Юшко.

Работами Н.А. Макарова и С.З. Чернова фактически начинается новый этап развития славяно-русской археологии, в котором, наконец-то, получило свое полноценное освещение в археологической литературе аграрно-историческое направление. Исследования в этом направлении проводились и ранее, однако подобные работы были совершенно недостаточно обеспечены материалом, прежде всего из-за слабой изученности сельских поселений. Из числа памятников, связанных с сельским населением, в достаточной мере были изучены лишь материалы курганных могильников.

Свои подходы к изучению поселенческих структур искали и другие сотрудники отдела: В.А. Буров, посвятивший много лет исследованиям одной из волостей Новгородской земли, и Б.А. Тимошук, занимавшийся изучением памятников Западной Украины (Буковины).

Говоря об археологических разработках, охватывающих значительные ареалы, необходимо отметить, что они представлены еще одной важной разновидностью. Это крупные исследования, посвященные историко-археологическому изучению отдельных земель-княжений. В 1955 г. Л.В. Алексеев защитил кандидатскую диссертацию «Полоцкая земля в IX–XII вв.» (издана в 1966 г., М.). В 1961 г. опубликовано и защищено в качестве докторской диссертации известное исследование А.Л. Монгайта «Рязанская земля» (М.). В дальнейшем Л.В. Алексеев посвящает свой труд Смоленскому княжеству (Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980), А.А. Юшко публикует монографию «Московская земля XI–XIV вв.» (М., 1991). Сборник «Великое княжество Рязанское. Историко-археологическое изучение памятников» (М., 2000).

Сотрудники отдела средневековой археологии, ноябрь 2017 г. Слева направо сидят: Е.А. Армарчук, Н.В. Жилина, А.А. Медынцева, И.Е. Зайцева, И.Н. Кузина. Стоят: А.В. Чернецов, Н.Н. Фарраджеева, Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль, Г.Е. Дубровин, В.С. Флеров, И.Л. Кызласов, Вл.В. Седов, А.Е. Леонтьев, В.Н. Чхаидзе, Ю.Ю. Моргунов.

А.А. Медынцева исследует надписи-граффити в монастырском комплексе IX–X вв. Болгария, начало 1980-х годов.

Раскопки архитектурного отряда Новгородской экспедиции. Церковь Благовещения на Городище. Западная часть церкви 1103 г. Съемка 2016 г.

логические исследования и материалы» (М., 2005; отв. ред. А.В. Чернецов) можно рассматривать как дополнение и корректировку ряда положений по отношению к классической монографии А.Л. Монгайта.

Археология древнерусского города — наиболее важное направление деятельности отдела. Базовым памятником для изучения городских древностей средневековой Руси был и остается Великий Новгород. Работы сотрудников института представляют собой фундаментальные исследования важнейших блоков материалов Новгородской экспедиции. Это, например, известные работы А.Ф. Медведева (1916–1984) о новгородском оружии и П.И. Засурцева (1912–1974) о постройках средневекового Новгорода, вышедшие в 1959 г. В том же году опубликована большая работа М.В. Седовой, посвященная ювелирному ремеслу Новгорода Великого, в расширенном и дополненном виде вышедшая в свет в качестве монографии в 1981 г. (Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.). В 1956 г. опубликована (МИА, № 55) статья Г.П. Смирновой «Опыт классификации керамики древнего Новгорода», посвященная наиболее массовому материалу из раскопок любого средневекового памятника. В 1982 г. защищена кандидатская диссертация В.А. Бурова «Социальная топография Новгорода XIV–XV вв.», а в 1992 г. опубликована фундаментальная работа П.Г. Гайдукова «Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп» (М.). Это первое монографическое исследование одного из крупных раскопок, исследованных экспедицией. В 2010 г. увидела свет книга Г.Е. Дубровина «Никитинский раскоп в Новгороде» (М.), а в 2016 г. — «Плотницкий конец средневекового Новгорода» (М.). Н.Н. Фараджева на новом уровне продолжает начатые П.И. Засурцевым исследования по

строек и усадеб средневекового города. Эти исследования проводятся в тесном сотрудничестве с П.Г. Гайдуковым.

Вл.В. Седов постоянно обращается к архитектурно-археологическому изучению новгородских храмов и монастырей. Надписи на штукатурке новгородских храмов входят в круг интересов А.А. Медынцевой, выдающегося специалиста в области эпиграфики. Изложенного выше достаточно, чтобы утверждать, что сотрудники отдела внесли чрезвычайно весомый вклад в работы Новгородской экспедиции и в исследования полученных в ходе ее работ материалов.

Еще один эталонный памятник древнерусской археологии — городище Старая Рязань. Уже более 70 лет изучение этого памятника входит в сферу научных интересов отдела. Как памятник археологии Старая Рязань сильно уступает Новгороду по древности, а также по длительности существования в качестве крупного городского центра. Эталонное значение памятника состоит в другом — разорение Старой Рязани монголами привело к его превращению в классический мертвый город, в отличие от других исторических городов не занятый современной городской застройкой. Значительная часть памятника может рассматриваться как однослойный комплекс, который представляет в сравнительно чистом виде своеобразный моментальный снимок древнерусского стольного города второй половины XII – первой трети XIII в. В культурном слое Старой Рязани сохранились многочисленные клады ювелирных изделий, сокрытые во время осады города. По количеству кладов, связанных с взятием города Батыем, Старая Рязань уступает только Киеву.

Работы на городище в первые послевоенные годы (1945–1950) и впоследствии про-

водились Институтом археологии (А.Л. Монгайт) совместно с Рязанским музеем и завершились изданием фундаментальной монографии (Монгайт А.Л. Старая Рязань, 1955. МИА, № 49). Исследования Старой Рязани возобновлены ученым в 1966 г., а с 1970 г. руководство экспедицией переходит к В.П. Даркевичу. Итоговая монография о работах 1970–1979 гг. опубликована им в 1995 г. (Древняя столица Рязанской земли. М.). Новый этап работ экспедиции начат в 1994 г. под руководством А.В. Чернецова, когда был проведен разрез вала древнейшей части городища (Северное городище), а на неукрепленном посаде выявлен участок с «мокрым» культурным слоем. Также были проведены масштабные разведки в округе памятника, позволившие представить себе динамику развития поселенческих структур микрорегиона. Результаты исследований этого периода отражены в ряде важных публикаций.

На первый взгляд археология средневековой Москвы должна была занимать первостепенное место в деятельности отдела славяно-русской археологии. Однако по ряду причин в разработке этого научного направления более важную роль играли другие учреждения, а также отдельное подразделение института (сектор археологии Москвы). Тем не менее сотрудники отдела принимали участие в раскопках в Москве, обращались к московской проблематике, в их числе — Р.Л. Розенфельдт и Д.А. Беленькая. В последние годы сотрудники отдела активно привлекаются к масштабным раскопкам в историческом центре Москвы, в частности, на территории Кремля.

Большой вклад внесен сотрудниками отдела в изучение художественного ремесла средневековой Москвы. Здесь следует прежде всего отметить работы Т.В. Николаевой (1921–1984), посвященные преимущественно церковно-археологической проблематике, памятникам мелкой пластики. Произведения московского прикладного искусства XV–XVI вв. неоднократно рассматривались в работах А.В. Чернецова об изготовленных кремлевскими мастерами резных великокняжеских посохах конца XV в., золоченых дверях кремлевских соборов XVI в., декоре Большого Сиона Успенского собора 1486 г.

Надо отметить монографию Н.В. Жилиной, посвященную изучению важнейшей регалии московских великих князей и царей — шапки Мономаха (М., 2001). Из сказанного выше становится ясным, что вклад отдела славяно-русской археологии в изучение московских древностей был весьма существенным.

Трудно дать общую характеристику исследования материалов древнерусских городов в отделе славяно-русской археологии, поскольку именно эти разработки в течение многих лет были здесь доминирующими и приоритетными. Преимущественно с городами связана многолетняя экспедиционная деятельность Б.А. Рыбакова. География руководимых им раскопок включает Тьмутаракань, Чернигов, Белгород Киевский, Путивль, Витачев, Вщиж. Обращался он к раскопкам отдельных городов Центральной России (Звенигород, Александров). Следует отметить большую активность сотрудников отдела в изучении городов Владимиро-Суздальского княжества, прежде всего Владимира (Н.Н. Воронин) и Суздаля, который в 1974–1991 гг. исследовался М.В. Седовой. Результаты ее изысканий отражены в фундаментальной монографии 1997 г. «Суздаль в X–XV вв.» (М.). Ранее она же исследовала раскопками малый город Владимиро-Суздальской земли Ярополч Залесский, древностям которого посвящена книга, опубликованная в 1978 г. (М.). Многолетнее археологическое изучение Ростова Великого под руководством А.Е. Леонтьева дало весьма важные материалы по истории города. В 1979–1989 гг. раскопками средневековой Твери руководила Н.В. Жилина. Наконец, один из древнейших русских городов на северной окраине Владимиро-Суздальской земли — Белоозеро, начиная с 1949 г. в течение многих лет исследовался Л.А. Голубевой. В дальнейшем на современном уровне эти работы продолжил С.Д. Захаров, опубликовавший эталонный свод материалов с этого памятника (Древнерусский город Белоозеро. М., 2004).

На территории Северо-Запада проводились исследования Старой Руссы, в 1966–1978 гг. возглавлявшиеся А.Ф. Медведевым, затем, с 1985 г. — В.Г. Мироновой. В 1970 г. В.В. Седов, в то время еще сотрудник отдела,

М.В. Седова и М.Д. Полубояринова на раскопках, 1960-е годы.

А.В. Чернецов в экспедиции на городище Старая Рязань, 2005 г.

Работы по рекультивации старых раскопов на городище Белоозеро, 2012 г.

Раскоп в Старой Рязани, 2011 г.

приступил к многолетнему археологическому исследованию Изборска, одного из наиболее ранних древнерусских городов, связанного со становлением русской государственности.

Сотрудники отдела обращались также к памятникам Западной Руси, в пределах современной Белоруссии и Смоленщины. В 1954 г. опубликована монография Н.Н. Воронина «Древнее Гродно» (МИА, № 41). Малые города Смоленщины изучались Л.В. Алексеевым (Мстиславль) и Т.В. Сергиной (Вязьма).

Наряду с крупными городскими центрами на Руси существовало множество сравнительно небольших городов, значение которых в процессах государственного освоения территорий было весьма велико. Проблема «малых городов» упирается в трудноразрешимый вопрос исторического и археологического источниковедения. Где следует провести границу между средневековым городом и сельским поселением? Этот вопрос пытался решать А.В. Куза, который составил свод всех известных древнерусских городищ (Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996) и готовил специальную монографию о «малых городах» (Малые города Древней Руси. М., 1989). К сожалению, основные публикации ученого вышли после его кончины. А.В. Кузе удалось предложить удачный набор критериев для отнесения средневековых памятников к городскому типу.

В 1972 г. начинается многолетняя полевая деятельность Ю.Ю. Моргунова, посвященная изучению Посульской линии обороны. В результате этих исследований генезис Переяславского княжества получает историческое осмысление как своеобразное разрастание системы пограничных крепостей.

Обратимся к более частным проблемам, разрабатывавшимся сотрудниками отдела. Это архитектурно-археологические изыскания. Здесь прежде всего необходимо упомянуть труды Н.Н. Воронина. Его работа, посвященная зодчеству Владимиро-Суздальской земли, была защищена в качестве докторской диссертации в 1946 г. (опубликована в 1961–1962 гг. М.). Продолжил эти исследования Г.К. Вагнер (1908–1975), изучавший богатейший

архитектурный декор белокаменных соборов Владимиро-Суздальской земли. Среди работ этого незаурядного ученого выделяется монография «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев Польской» (М., 1964).

Серьезное внимание сотрудников отдела привлекала проблематика изучения ремесленных производств средневековой Руси. Эта тема была центральной в научной деятельности создателя отдела Б.А. Рыбакова, подготовившего фундаментальное исследование «Ремесло Древней Руси» (М., 1948). Вновь обращается к подобной проблематике Б.А. Колчин, начинавший свою научную карьеру в отделе славяно-русской археологии. Он публикует монографию «Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси». М., 1953 (МИА, № 32), в которой широко используются результаты металлографических анализов.

Исследователи ремесленных производств, естественно, не могли пройти мимо наиболее массового материала — керамики. Здесь необходимо отметить исследования по классификации и хронологии керамических изделий Г.П. Смирновой, Р.Л. Розенфельда и И.П. Русановой. Позднее к этой проблематике обращаются представители более молодого поколения — Т.В. Сергина, В.Ю. Коваль, И.Ю. Стрикалов. Классификацию и хронологию древнерусских стеклянных изделий разрабатывают М.Д. Полубояринова и И.Н. Кузина. Изучением древнерусского ювелирного ремесла занимались М.В. Седова и Т.И. Макарова. В настоящее время к исследованию подобных материалов обратились Н.В. Жилина и И.Е. Зайцева. Важнейшие работы В.П. Даркевича (1934–2016) были посвящены импортным произведениям художественного ремесла, обнаруженным на территории средневековой Руси. Возрождается одно из традиционных направлений дореволюционной науки — церковная археология, в развитие проблематики которой включаются Л.А. Беляев и А.В. Чернецов.

Наряду с чисто археологическими исследованиями ряд сотрудников отдела разрабатывают вопросы вспомогательных исторических дисциплин. Это, в частности, нумизматика (Г.Б. Федоров, позднее П.Г. Гайдуков,

Разведки в Курской области. Н.Н. Фараджева, Н.В. Лопатин, Л.П. Гайдукова, П.Г. Гайдуков, 1980 г.

И.В. Исланова и сотрудники экспедиции в Тверской обл., 1997 г.

В.Л. Державин на маршруте. Бухта Колсбей, Шпицберген, 2000-е годы.

Экскурсия в Московском Кремле. Слева направо: А.Е. Зайцев, А.В. Чернецов, И.Е. Зайцева, И.Л. Кызласов, В.С. Флеров, Н.Г. Самойлович, Е.А. Армарчук, В.Ю. Коваль, 2016 г.

В.А. Буров на раскопках в Соловецком монастыре, 2007 г.

Болгарское городище, 2015 г.

А.А. Гомзин), сфрагистика (П.Г. Гайдуков), эпиграфика (А.А. Медынцева). К анализу письменных источников неоднократно обращались Б.А. Рыбаков, Л.В. Алексеев, В.А. Буров, А.В. Чернецов, Г.Е. Дубровин. Известный специалист по археологии Южной Сибири (Хакасия, Тува) И.Л. Кызласов является авторитетнейшим исследователем памятников древнетюркской рунической письменности.

Сотрудники отдела принимали активное участие в исследованиях памятников Волжской Болгарии и Золотой Орды. Это прежде всего М.Д. Полубояринова, многолетний участник работ в Болгаре, разрабатывавшая важную тему взаимодействия средневековой Руси с Волжской Болгарией и Золотой Ордой. Этой проблематике посвящены ее монографии «Русские люди в Золотой Орде» (М., 1978) и «Русь и Волжская Болгария в X–XV вв.» (М., 1993). Типологией и хронологией керамики Волжской Болгарии специально занималась сотрудница группы археологии евразийских степей Н.А. Кокорина. В настоящее время отдел продолжает полевые исследования Болгара (В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев). Проблемами изучения древностей степной части Восточной Европы занимаются Е.А. Армарчук, В.С. Флеров и В.Н. Чхаидзе.

К числу наиболее важных фундаментальных коллективных публикаций, над которыми работала значительная часть сотрудников отдела, следует отнести несколько томов серийного издания «Археология СССР» («Археология»). Это прежде всего два тома, объединенных названием «Древняя Русь». Первый из них с подзаголовком «Город, замок, село» опубликован в 1985 г. (М.; отв. ред. Б.А. Колчин). Второй том — «Быт и культура» — вышел в 1995 г. (М.; отв. ред. Б.А. Колчин и Т.И. Макарова). Проблематика, связанная с изучением средневековых древностей кочевников евразийских степей, нашла свое отражение еще в одном томе серии — «Степи Евразии в эпоху средневековья», изданном в 1981 г. (М.; отв. ред. С.А. Плетнева).

Сотрудники отдела постоянно принимают участие в организации и проведении больших и малых научных

мероприятий. Для истории отдела важно его участие в работах Международных конгрессов славянской археологии. Первый из них проходил в Варшаве в 1965 г. Особенно велика роль сотрудников отдела в проведении последующих конгрессов. Это киевский конгресс 1985 г., проводившийся совместно киевским и московским Институтами археологии, и последний, который состоялся в Новгороде в 1996 г. Труды этого конгресса были опубликованы в пяти томах в 1997–1999 гг.

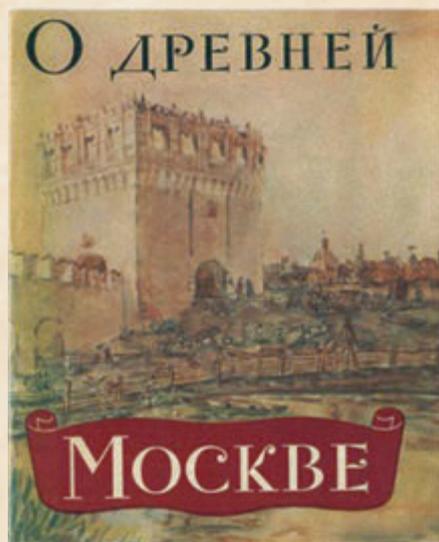
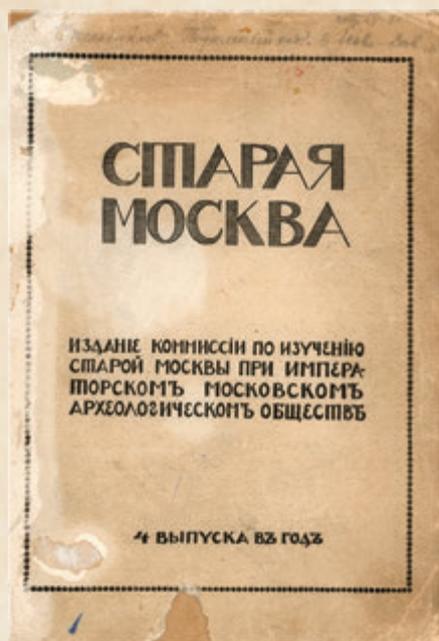
Среди менее крупных научных мероприятий отметим проведенные в 2000 и 2002 гг. конференции «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?» и «Древняя Русь: взаимодействие Севера и юга» (материалы опубликованы в 2003 и 2005 гг.). В 2012 г. проведена международная конференция «Русь в IX–XI вв. Общество, государство, культура» (материалы опубликованы в 2014 г.). Большое значение имела проведенная в 2011 г. в Рязани конференция «Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза». Сотрудники отдела — постоянные организаторы и участники научных семинаров «Археология и история Пскова и Псковской земли», «Археология Владимиро-Суздальской земли», «Археология Подмосковья» и мн. др.

В 2006 г. в России была возрождена традиция проведения Всероссийских археологических съездов. Во всех съездах в составе делегации Института археологии всегда представлена большая группа археологов-славистов, сотрудников нашего научного подразделения.

Сегодня отдел средневековой археологии выступает достойным продолжателем и хранителем традиций, заложенных в 1951 г. и созданных за более чем 60-летнюю историю отдела славяно-русской археологии трудами выдающихся российских ученых. Он по праву является одним из ведущих методических центров российской средневековой археологии, коллегией наиболее авторитетных и опытных археологов, работающих в сфере исследований российского Средневековья.

Отдел археологии Московской Руси

Л.А. Беляев

Сборник Комиссии МАО. Вып. 1, 1912 г. (вверху); книга М.Г. Рабиновича, 1964 г. (внизу).

Как структурное подразделение отдел Московской Руси один из самых молодых в институте, он существует всего несколько лет, с 2014 г. Это научное направление — одно из наиболее актуальных и в то же время традиционных в исторической ретроспективе. Его цель — выделить явления, которые определили своеобразие «московской цивилизации», особенности жителей Московии, тем самым — и культуру их прямых потомков. А это значит — помочь понять истоки современной России.

Направление, конечно, много старше и отдела, и института, его корни глубоки и восходят к середине XVIII в., когда академик Г.Ф. Миллер и поэт А.П. Сумароков обратили внимание на тексты древних надгробий. В XIX в. изучали собрание Оружейной палаты, а поиск национального стиля вывел на первый план зодчество Московского периода. Началом полевых исследований стала «древнерусская экспедиция» (1851 г.) графа А.С. Уварова: в Суздале были проведены раскопки на воеводском дворе и открыта усыпальница князей Пожарских. После реставрации Кремлевского дворца, Палат бояр Романовых и Крутицкого подворья началось изучение изразцов: они вошли в мейнстрим «русского стиля» и стали предметом музейного собрания. Появились первые научные каталоги монет

и печатей Московской Руси. Существенно продвинулась художественная археология, т.е. натурное изучение икон и фресок, миниатюр рукописей, резной и литой пластики, надгробий. Во второй половине XIX в. представители Церкви описали «с натуры» имевшиеся в храмах древности, краеведы и историки собрали обширный архивный материал для церковно-археологических (статистических) очерков. Московские древности интересовали историков-славянофилов и музейное сообщество (И.Е. Забелин и др.), а случайные находки возбуждали интерес даже у рядовых горожан, что отметил наблюдательный А.П. Чехов еще в пору работы репортером.

«Поздняя» археология России заняла прочное место в деятельности Московского археологического общества (МАО) и Императорской археологической комиссии (ИАК), была широко представлена на Археологических съездах. Ее отличал национальный, государственный и конфессиональный характер, и она приняла на себя часть ответственности за идеологическую основу Империи. По этой причине часть общества видела в археологии Московского царства тормоз прогресса и орудие «охранителей устоев».

Такое отношение усилилось после революции: ученых, носивших мундир Императорского двора, зачислили

в «дипломированные лакеи старого режима». Но начавшиеся в стране строительные работы неизбежно открывали памятники «царского времени». На месте будущего мавзолея В.И. Ленина осенью 1924 г. москвичи увидели, впервые с 1802 г., огромный кирпичный ров Кремля 1500-х годов. Варварский снос церковных памятников потребовал «аварийных» исследований, спасения декора и погребений. Наблюдения и фиксацию вели историки и археологи (В.В. Городцов, его ученик А.В. Филиппов, Н.Д. Виноградов), архитекторы (П.Д. Барановский), художники (А.В. Васнецов), фотографы (А.Т. Лебедев), краеведческие общества и музеи.

В 1920-х годах знаток городских древностей Н.П. Миллер организовал в чудом уцелевшей «Старой Москве» систему контроля над переработкой культурного слоя города и сбор архивного материала для работ на прокладке линий метрополитена. Материалы Метростроя быстро обработали и издали, и книга, хотя и выстроена на архивной основе (в ней нет археологических планов и разрезов), демонстрирует сплав источников, археологических методик, естественных (анализ силикатов) и точных (анализ орудий труда А.В. Арциховским) наук.

Поворотный момент в рождении «исторической археологии» в России — создание в 1946 г. в Институте истории материальной культуры (ИИМК) отдела археологии Москвы и его археологической экспедиции, МАЭ. О них думали еще в начале 1940-х годов, планируя празднование 800-летия столицы России.

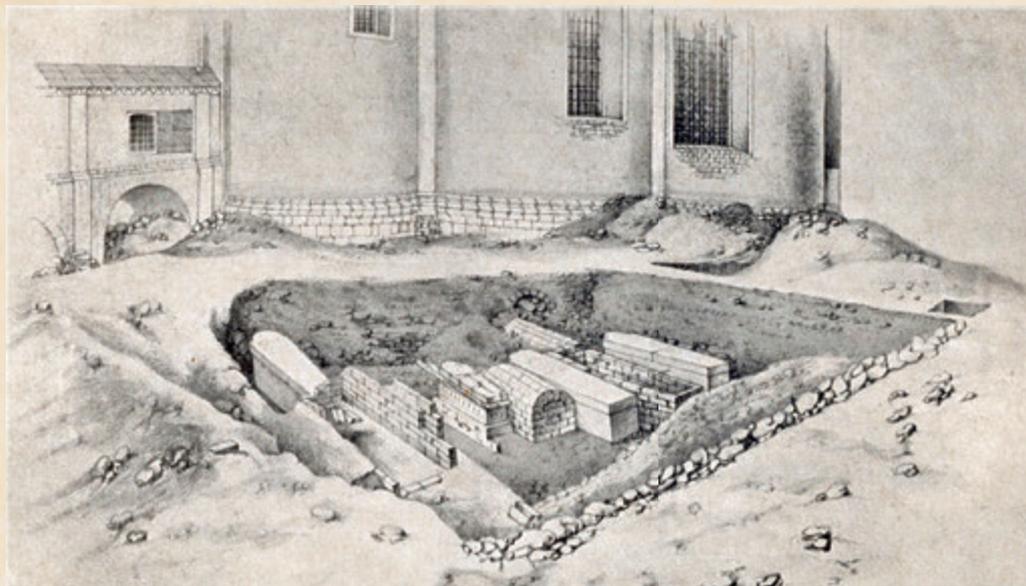
МАЭ стала первой долговременной структурой АН СССР для изучения археологии позднего средневековья и Нового времени — пока на материалах столицы княжества-эпонима. МАЭ, работая в тесном контакте с Музеем истории и реконструкции г. Москвы (МИРМ), провела первые методически правильные раскопки на мысу Яузы, в Гончарной слободе (1946–1953, М.Г. Рабинович), начала широкие исследования в Зарядье и в Кремле на участке Дворца Съездов (Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович).

Обработав материалы 1930–1950-х годов, МАЭ и МИРМ издали четыре тома «Материалов и исследо-

ваний по археологии Москвы», книгу М.Г. Рабиновича «О древней Москве», свод московской керамики (Р.А. Розенфельд), корпус надгробных надписей (Б.В. Гиришберг) и др. труды. Московскому периоду была посвящена глава в базовом курсе А.В. Арциховского; на материалах Китай-города защищались первые диссертации (в том числе Д.А. Беленькой). Хотя в 1960-х годах археологические работы в Москве затихли (в «Основах археологии» Д.А. Авдусина (М., 1977) послемонгольский период просто опущен), развернулись исследования в ходе реставрационных работ, а также продолжились наблюдения и сбор случайных находок, особенно в Кремле (Н.В. Шеляпина/Владимирская; Т.Д. Панова и др.), где изучалась и вещевая типология, а конец 1980-х годов ознаменовали два клада, скрытые в зиму нашествия войск Батыя.

Конец 1970-х – 1980-е годы стали ключевыми и для выработки методики комплексного изучения памятников XIV–XVII вв. в Московском княжестве (А.А. Юшко, С.З. Чернов), на окраинах Москвы (Чёртов городок XII в., некрополь XIV–XV вв. и остатки дворца XVII в. в Коломенском: Н.А. Кренке, Л.А. Беляев) и в ее монастырях (Данилов, Богоявленский и Высоко-Петровский: Л.А. Беляев). Правда, специальная структура для изучения Москвы в ИА РАН формально не существовала, но в области русской археологии XIII–XVIII вв. вел исследования фактически каждый археолог-медиевист в стране. На заседаниях отдела славяно-русской археологии ИА хронологически близкие материалы регулярно представлялись известными учеными (В.А. Буров, Н.А. Кренке, Т.И. Макарова, М.Д. Полубояринова, В.Ф. Старков, С.З. Чернов, А.А. Юшко и др.). На этой почве сложилось ядро будущего отдела, где особое место заняли историко-археологические исследования культурных ландшафтов.

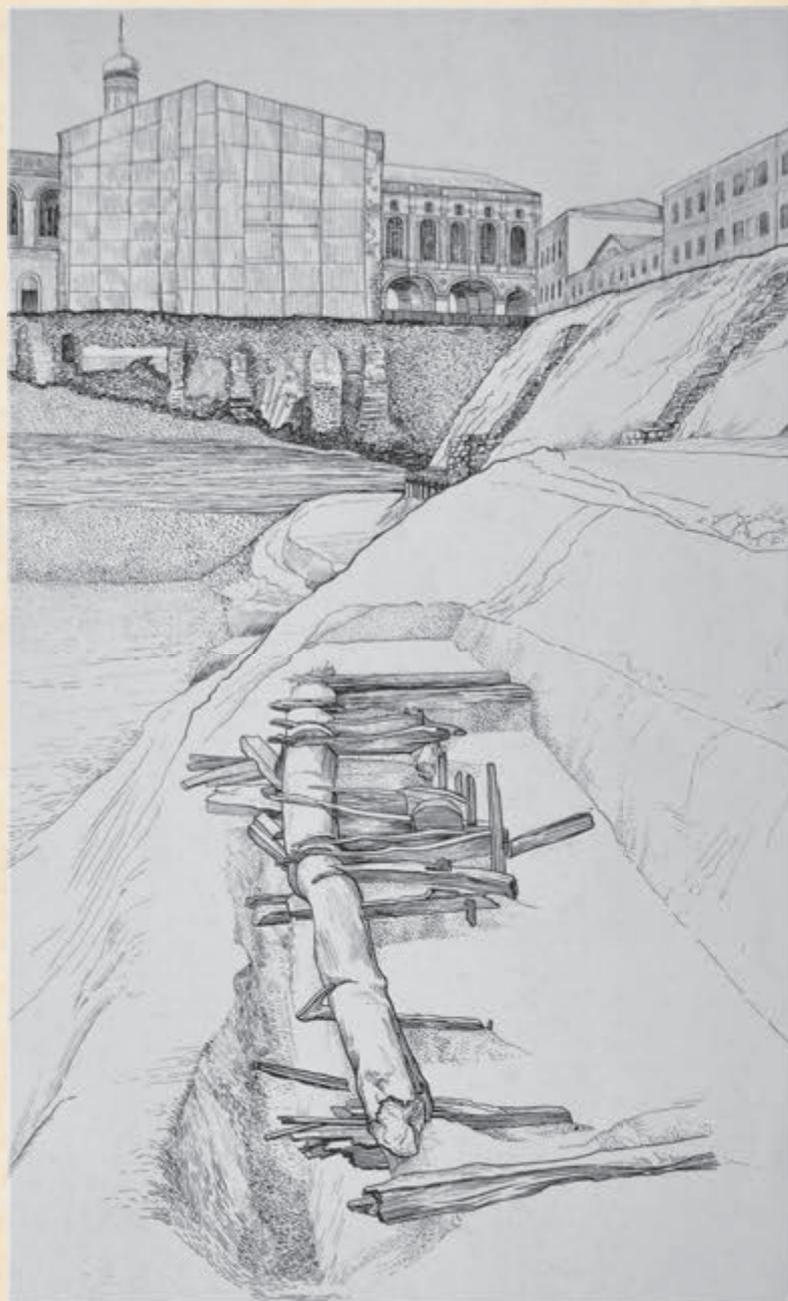
В 1987 г. был выделен особый сектор археологии г. Москвы (рук. С.З. Чернов, с 1993 г. — Л.А. Беляев) и создана новая МАЭ. Ее первые достижения широко известны, это масштабные раскопки на Красной площади: в 1988 г. у здания Исторического музея в Москве была

Вид раскопа графа А.С. Уварова (1851 г.) на месте усыпальницы рода князей Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля.

Романов двор. Кухонные печи Опричного дворца (до 1571 г.). Рисунок Л. Ланцмана.

Кремль. Конструкция вала XII в. Рисунок конца 1950-х годов.

М.Г. Рабинович (слева) и П.В. Засурцев (справа) слушают комментарий А.Г. Филиппова на раскопках Гончарной слободы, 1946 г.

Его Святейшество Патриарх Алексий II и настоятельница Юлиания на временной выставке археологических находок в Зачатьевском монастыре, 13.04.2006 г.

найдена берестяная грамота; в 1989–1991 гг. полностью изучена зона Казанского собора и здание Раската XVII в., а в начале 2000-х годов — приделы Покровского собора. На основе собранных материалов уточнена хронология московской керамики (Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991), сектор начал издавать междисциплинарную серию «Культура средневековой Москвы». В конце 1990 – 2000-х годах организован ряд стационарных раскопок широкой площадью, в спокойном режиме, в исторически значимых урочищах (Романов двор, парк Царицыно); на подмосковных селищах и могильниках; в одном из древнейших монастырей города, Зачатьевском (Алексеевском). Их результаты легли в основу археологического раздела «История Москвы с древнейших времен до наших дней» (М., 1997). Фундаментальным успехом стал трехтомник «Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты» (М., 2004–2005), до сих пор служащий, в том числе, археологической картой (авторскому коллективу присуждена Забелинская премия Президиума РАН в 2009 г.).

Заметно возрос интерес к археологии позднего периода и вне Москвы. Одна из первых монографий по археологии начала XVIII в. связана с Санкт-Петербургом, а позже археология его дворцов, садов, инфраструктуры выросла в отдельную ветвь, с собственными сериями археолого-краеведческого характера (Archaeologia Petropolitana и др.). Параллельно развивалось исследование технологий (черной металлургии, производства стекла и др.) XVI–XVII вв., и наряду с этим — история освоения пространства будущей России: засечных черт, крепостей южных «линий». Большую роль играли работы за Полярным кругом, в том числе археология русского мо-

репления вплоть до Шпицбергена; изучение деятельности первопроходцев в Сибири, на Дальнем Востоке.

Все же центром развития археологии Московского царства и ранней Империи как особого направления до начала XXI в. оставалась столица. В 2004 г. на круглом столе журнала «Российская археология» древности позднего периода признали потенциально важными для науки и подчеркнули их общероссийскую значимость (см. РА. 2005. № 1). Восприятие археологической составляющей в культурном наследии сдвинулось далеко за грань не только XVII, но и XIX в., сразу в начало XX столетия, где и было закреплено законодательно. Археология Московской Руси и Российской Империи XVII–XIX вв. обсуждается теперь на многолюдных конференциях, в том числе на Всероссийских археологических съездах. Для развития направления созданы научные коллективы в Сибири, где его называют «русская археология» (Томский университет, М.П. Черная и др.), на Русском Севере (Вологда, Архангельск) и в городах Центральной России (Тула и мн. др.). Несомненно, период Московской Руси вошел в круг традиционной археологической системы.

Отдел археологии Московской Руси ИА РАН сохраняет лидирующую роль в развитии этого научного направления в России. Ядро коллектива укрепилось в ходе долговременных исследовательских проектов, таких как работы в Зачатьевском Алексеевском (с 2003 г.) и Воскресенском Ново-Иерусалимском (2009–2016) монастырях. Работа на многих других объектах формирует и объединяет специалистов, глубоко заинтересованных в истории XIV–XVIII вв.

Отдел занят решением основной задачи, стоящей перед направлением: выработать

Ново-Иерусалимский монастырь. Работы на некрополе у Подземной церкви свв. Константина и Елены (западный участок), 2013 г.

Ново-Иерусалимский монастырь, восточный участок некрополя у Подземной церкви, 2013 г.

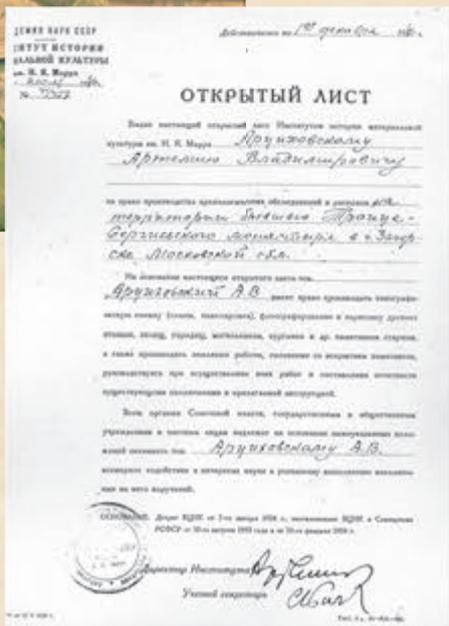
Находки при раскопках Казанского собора: навершие плети XVII в., ложечка для ладана. Резная кость. Рисунки Л. Ланцмана.

Ново-Иерусалимский монастырь. Раскопки трехчастного подклетка и фундамента Колодца с ангелом, 2012 г.

Спасо-Евфимиевский монастырь в Суздале. Раскоп на месте усыпальницы князей Пожарских и Хованских, 2007 г.

проблематику и сформировать собственную «повестку дня», окончательно определить свое место в кругу других ветвей археологии и особенно в исторической науке как таковой. Отдел подобрал для этого рабочий инструментарий: мультидисциплинарные научные форумы, включающие гуманитариев (историков, источниковедов, культурологов, искусствоведов) и специалистов по естественным наукам, технологиям, ранним индустриям. В 2014–2017 гг. отдел провел ряд «объединительных» конференций, выступив организатором совместно с Институтом истории РАН, историческими факультетами (РГГУ и др. вузы), научными отделами музеев. Здесь генерируют и обсуждают новые идеи, выстраивают самостоятельные (часто неординарные) подходы к истории, позволяющие лучше понять явления прошлого на основе использования разнородных материалов и методов. В дискуссиях участвуют коллеги из всех регионов России. Материалы дискуссий публикуются оперативно и на высоком уровне проработки (Средневековая личность в письменных и археологических источниках. М., 2016; От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда, 2016; Керамические строительные материалы в России. М., 2016; и др.).

Проблемы археологии Московской Руси заняли важное место в программах академических исследований Президиума РАН, направленных на раскрытие национального своеобразия России. Отделу удалось обозначить особенности трансформации московской культурой внешних импульсов, раскрыть базовые законы выбора или отказа от их принятия, механизмы дальнейшей переработки и усвоения.

Важный путь разработки проблематики — решение конкретных задач археологии

и истории в рамках коллективной плановой темы отдела. До 2017 г. она обозначалась как «Культура Московской Руси и ее истоки» и подразделялась внутри на специальные проекты. Среди них — изучение социально-экономического устройства Московского княжества XIII–XV вв. на примере волостных деревень, архаичных социальных образований, на которых жила «служебная организация» на княжеских землях до начала широкого распространения вотчины. С.З. Черновым такие образования изучены в природных ландшафтах Мещерской низменности, на границе низменности и моренной равнины и на Клинско-Дмитровской гряде. Удалось составить представление о роли промыслов, полеводства, скотоводства и ремесла в экономике крестьянского двора; проследить особенности домостроительства и материальной культуры; выделить этапы становления церковной жизни в крестьянских волостях.

Особое место занимают диахронные исследования Н.А. Кренке исторических локусов, лежащих вокруг Москвы. Это модели и отчасти генетически связанные с будущей Москвой зоны: комплексы поселений в районе Звенигорода и Вязьмы, городской слой Смоленска и даже расположенная далеко на западе, вне зоны славянского мира, средневековая Пруссия. Одновременно им вовлекаются в исследование крайне поздние объекты, такие как оранжереи XVIII–XIX вв., бытовые ямы и настенная эпиграфика XX в., усадьбы раскулаченных крестьян и даже военные объекты двух мировых войн этого столетия.

Традиционной базой развития отдела остается археология монастырей: с 2007 г. по настоящее время постоянно изучаются Новодевичий (с 2013 г.), Донской (с 2015 г.),

Ново-Иерусалимский монастырь. Раскопки колоколотейного комплекса 1650-х годов (Л.А. Беляев, О.А. Тихова/Воронова), 2011 г.

Солодовые палаты XVII в., Ново-Иерусалимский монастырь. Один из залов экспозиции находок 2009–2017 гг.

Солодовые палаты XVII в. Горн для обжига изразцов и посуды, раскрыт и законсервирован in situ в 2013 г.

Зачатьевский монастырь в Москве. Строительство подземного музея вокруг остатков соборного комплекса XVI–XIX вв., 2007 г.

Высоко-Петровский (работы возобновлены в 2016 г.) и др. монастыри Москвы. Отдел исследует и отдаленные от центра крупные комплексы. Так, работы в исключительно важном для истории России Соловецком монастыре позволили В.А. Бурову поставить его археологию, историю и архитектуру на новую надежную основу (за развитие этой тематики он в 2015 г. удостоен престижной Макариевской премии за работы в области истории России).

Новые перспективы открылись и для изучения некрополей. Выработана методика идентификации погребений исторических личностей (склепы архиепископа Никифора (Феотоки) и Н.В. Гоголя, усыпальницы бояр Романовых и Черкасских в Новоспасском монастыре и Пожарских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля и др.) и виртуального восстановления поздних кладбищ в целом (реконструирован некрополь Данилова монастыря; идет работа с монастырской частью Новодевичьего кладбища). Удалось раскрыть происхождение и сложную символику материальных элементов русского погребального обряда. Были установлены иконографические параллели надгробиям XIV–XVII вв. в средиземноморском мире; выявлена роль надгробия в развитии национальной памяти; у антропоморфных саркофагов и ритуальной посуды для елзя открыта глубокая корневая система, соединяющая восточно- и западно-христианские традиции с рудиментами древневосточных культур.

Огромную роль работы отдела сыграли в формировании современных представлений о церковной топографии, архитектуре, общей истории планировки позднесредневекового города: за монографию «Сакральное пространство средневековой Москвы» (М., 2010;

Л.А. Беляев в соавторстве с А.Л. Баталовым) присуждена премия Москвы в области науки и культуры 2014 г. Их же монография о церкви Вознесения в Коломенском удостоена Забелинской премии (ГИМ, 2015 г.). Коллекции вещей эпохи позднего средневековья и Нового времени исключительно обильны и массово пополняются постоянными раскопками в бесчисленных крупных и малых городах, слободах, монастырях, селах и деревнях. Они служат прекрасной базой для типологического и технологического анализа важнейших областей производства и торговли: текстильных изделий (И.И. Елкина) и керамики, включая бытовую посуду, печные и архитектурные изразцы (О.Н. Глазунова). Их исследователи стали признанными экспертами в своих областях.

Практика показала, что массовый интерес к «национальной археологии» России столь же глубок и очевиден. В отделе выработан особый подход к историческим комплексам как элементам культурного наследия, включающий трансформацию объектов археологии в мемориальные структуры: законсервированные руины и музейные экспозиции (Романов двор, Зачатьевский и Ново-Иерусалимский монастыри), исторические некрополи и др.

На наших глазах археология Московского периода образует все более значительную базу для национального исторического нарратива, в том числе в области преподавания истории и культурологии. Стремление играть эту роль формулируется как одна из основных задач отдела.

Ю.Н. Захарук (1914–1997).

В.И. Гуляев (р. 1938 г.).

Отдел теории и методики

Д.С. Коробов

По сравнению с другими подразделениями Института археологии, работа которых посвящена изучению крупных археологических эпох и культур (бронзовый век, скифо-сарматский мир, классическая археология или средневековые Древней Руси), отдел теории и методики представляется достаточно молодым. Он был сформирован в качестве структурной единицы в 1985 г. Возникновению отдела предшествовал постоянно растущий с начала 1970-х годов интерес к теоретическим дискуссиям об основах нашей науки — понятиях объекта и предмета в археологии, проблеме выделения археологических культур, интерпретации поселенческой и погребальной археологической информации, методической работе с археологическими источниками. Еще в 1972 г. в Институте археологии АН СССР в Москве в рамках ежегодной сессии, посвященной итогам археологических исследований, возникает специальная секция теории и методики археологии. Позже вопросы теории и методологии археологической науки обсуждались на страницах одного из выпусков «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» (1978. Вып. 152). Затем в институте появляется межсекторальная группа по теории, методике и истории археологии, организованная в конце 1981 г. На ее основе в феврале

1985 г. и возникает новое подразделение — отдел теории и методики.

Первоначально в составе отдела было восемь сотрудников (В.И. Гуляев, И.С. Каменецкий, В.Б. Ковалевская, Е.Е. Кузьмина, Г.Н. Матюшин, Э.В. Сайко, А.А. Узянов, П.Ю. Черновитов) во главе с доктором исторических наук Ю.Н. Захаруком, являвшимся к тому моменту ведущим специалистом в области теоретической археологии в Москве. К концу 1985 г. в отдел была включена группа «История керамики» во главе с А.А. Бобринским, в которую входили Ю.Б. Цетлин и Е.В. Волкова. Таким образом, сформировавшийся более 30 лет назад состав отдела отражал основные направления его работы, сохранившиеся и поныне.

На момент возникновения отдела представлялись весьма актуальными дискуссии общетеоретического характера, упомянутые выше. Однако постепенно общий интерес к теоретическим вопросам сменяется вниманием к более конкретным приложениям разнообразных теоретических и методических подходов в изучении археологических источников, прежде всего поселений и погребений. Это связано с исчезновением единой идеологической основы в нашей науке, долгие годы базировавшейся на принципах диалектического и исторического материализма, и заме-

В.Б. Ковалевская. Приэльбрусье, Малый Карачай, 1979 г.

не ее нахлынувшим из зарубежной литературы многообразием теорий и методик.

Теоретические дискуссии, захватившие археологическое сообщество СССР и позднее России на рубеже 1980–1990-х годов, отразились в ходе работ нескольких конференций, проведенных отделом, материалы которых стали уже библиографической редкостью, но до сих пор находят своего заинтересованного читателя. Это прежде всего сборники статей «Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект)» (отв. ред. В.И. Гуляев и Г.Е. Афанасьев, М., 1990) и «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» (отв. ред. В.И. Гуляев, М., 1999). Тогда в отделе под руководством В.И. Гуляева (1986–1994) и И.С. Камеицкого (1994–2003) разрабатываются методики анализа массового археологического материала, компьютерные методы обработки археологических источников разных видов, формируются крупные банки данных по поселениям и погребениям Юга России. Активнейшим образом в этом направлении долгие годы трудится В.Б. Ковалевская — один из старейших наших сотрудников.

Эта работа продолжалась в 2000-е годы, когда отдел вновь возглавил В.И. Гуляев (2003–2015), она ведется и поныне. Интерес к теоретическим и методическим проблемам в изучении разнообразных археологических источников отражается в работе конференций, традиционно проводящихся в отделе: «Методы изучения культурного слоя в археологии» (2004 г.), «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» (2005 г.), «Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этнографическим источникам)»

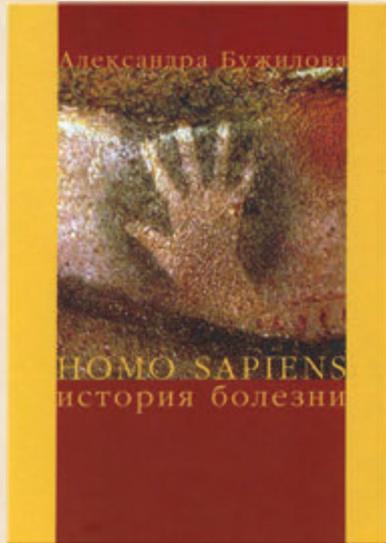
(2006 г.), «Поселения как исторический источник: теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии» (2008 г.), «Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде» (2010 г.), «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ» (2012 г.), «На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам)» (2014 г.).

Существенное расширение горизонтов в совершенствовании методических подходов при изучении археологического материала внесла группа физической антропологии, включенная в отдел директором института академиком В.П. Алексеевым в 1990 г. С момента своего появления и по сегодняшний день основным направлением в работе группы, возглавлявшейся с 1992 по 2007 г. академиком Т.И. Алексеевой, а с 2007 г. по настоящее время — академиком А.П. Бужиловой, стало внедрение экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях.

Коллективом антропологов (М.В. Добровольской, М.Б. Медниковой и их многочисленными учениками и последователями) разработаны новые и адаптированы классические методы для изучения широкого спектра биологических особенностей населения прошлого и воссоздания его образа жизни.

Исследования ведутся по двум основным направлениям: историческая экология человека и методика биологических исследований. Проводятся исследования биологии палеопопуляций, воссоздаются особенности демографической ситуации, социальной стратификации внутри общества, состояния здоровья людей, показателей их физического развития, видов физических нагрузок, характера питания и др.

Систематическая совместная работа археологов и антропологов способствовала появлению в научной практике такого жанра, как «биоархеологические реконструкции». Этот термин обозначает комплексное исследование антропологических материалов конкретного археологического памятника с воссозданием индивидуальных особенностей образа жизни, состояния

А.П. Бужилова, 2013 г.

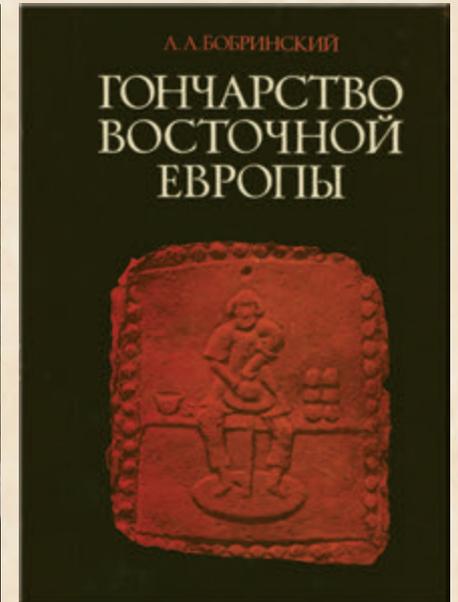
Участники Сирийской экспедиции (2005 г.) за камеральной обработкой материалов: М.Б. Медникова, Ю.В. Лунькова, М.В. Добровольская.

Погребение из саркофага Георгиевского собора Новгорода (Вл.В. Седов в центре). И.К. Решетова выполняет раскладку скелета, 2015 г.

А.А. Бобринский, 2003 г.

И.С. Каменецкий (1930–2014).

здоровья, конституциональных особенностей тех людей, останки которых были обнаружены при раскопках. Таким образом, историческая экология человека, изучаемая в группе физической антропологии, позволяет использовать биологические подходы и методы при решении конкретных исторических задач.

Сотрудники группы работают с широким спектром археологических объектов. Среди наиболее значимых работ можно отметить анализ ископаемых скелетных останков из отложений Денисовой и Окладниковской пещер на Алтае; комплексное изучение верхнепалеолитических людей из захоронений на стоянке Сунгирь; исследование происхождения и адаптивных особенностей неолитического населения лесной полосы Восточной Европы (по материалам Сахтышских стоянок); разработку новых методических подходов к изучению останков погребенных из социально значимых захоронений эпохи бронзы (представители социальной элиты майкопской, новотиторской и абашевской культур); изучение древнего населения Северной Месопотамии (из раскопок археологического памятника Телль Хазна I) и древнего Египта (по материалам раскопок Гизехского некрополя, совместно с Институтом востоковедения РАН); выявление специфики индивидов из социальных групп, связанных с различными видами деятельности (например, колесничие или металлурги); анализ морфологических индикаторов верховой езды применительно к кочевникам раннего железного века и средневековья; изучение палеодемографической специфики «варварского» и античного населения в Северном Причерноморье. Отдельную главу составляют разносторонние исследования средневековых групп населения Восточной Европы. Важнейшее место в ней занимают исследования палеоантропологии Древней Руси. Так, всесторонне изучены антропологические аспекты колонизации Русского Севера; воссоздана картина гибели средневекового Ярославля в 1237 г.

Результаты исследований опубликованы в многочисленных статьях и монографиях (Бужилова А.П. *Homo sapiens: история болезни*. М., 2005; Доброволь-

ская М.В. *Человек и его пища*. М., 2005; Ископаемый Номо из Хвалынска. М., 2008; Медникова М.Б. *Неизгладимые знаки. Татуировка как исторический источник*. М., 2007; *Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода Homo из пещеры Окладникова на Алтае*. Новосибирск, 2011; Trinkaus E., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V. *The People of Sungir. Burials, Bodies, and Behavior in the Earlier Upper Paleolithic*. Oxford, 2014). Кроме того, группой издавался серийный сборник статей «OPUS: междисциплинарные исследования в археологии» (2000–2009).

Другим направлением, ставшим традиционным с момента образования отдела, является изучение древней керамики. Оно имеет свои корни с момента создания в 1963 г. кабинета «История керамики» по инициативе академика Б.А. Рыбакова — директора Института археологии АН СССР. Прозорливость этого решения проявилась не только в понимании важности специального исследования древней керамики — одного из наиболее массовых и информативных археологических источников, но и в назначении руководителем нового подразделения 33-летнего А.А. Бобринского, всего год назад защитившего кандидатскую диссертацию. Подтверждением этому служат научные результаты, полученные сотрудниками кабинета за время его работы. До 1985 г. он был одним из подразделений лаборатории естественнонаучных методов, возглавляемой Б.А. Колчиным, а с 1985 г. в полном составе был переведен в отдел теории и методики, которым в то время руководил Ю.Н. Захарук. С этого момента кабинет был преобразован в группу «История керамики», и вплоть до 2010 г., т.е. 47 лет, ею руководил А.А. Бобринский. Сотрудники группы — М.Г. Гусаков (до 1984 г.), И.А. Гей (до 2013 г.), Ю.Б. Цетлин (с 2010 г. — руководитель), Е.В. Волкова, О.А. Лопатина, О.Л. Шарганова.

С самого начала перед сотрудниками подразделения академиком Б.А. Рыбаковым была поставлена задача разработки новых методов изучения керамики как ис-

Расчистка погребения. Курганный могильник Колбино (Воронежская обл.). М.В. Добровольская – в верхней части снимка, 1998 г.

Приготовление пицци и образование нагара на сосуде. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства, 2015 г.

Фотофиксация погребения. Рюриково городище, Великий Новгород. И.К. Решетова, 2015 г.

М.В. Добровольская и М.Б. Медникова за описанием материалов из скальных погребений Гизехского некрополя (Каир). Экспедиция Института востоковедения РАН, 2014 г.

Занятие по конструированию сосудов. Самарская экспедиция по изучению древнего гончарства (справа – Ю.Б. Цетлин), 2011 г.

А.А. Формозов (1928–2009).

точника исторической информации и применения их на практике к конкретным археологическим материалам.

Работа группы велась по различным направлениям. К основным теоретическим достижениям коллектива следует отнести создание системы технико-технологического изучения керамики, разработку методов изучения форм глиняной посуды, специализированных устройств для обжига, разработку теории происхождения и развития гончарного круга, а также гипотезы происхождения и развития гончарства, обоснование методики определения пола гончаров по ногтевым отпечаткам на сосудах, реконструкции культурной стратиграфии поселений с перемешанным слоем по данным керамики, периодизации культур по результатам анализа орнамента на глиняной посуде. Было проведено всестороннее изучение гончарства фатьяновской культуры эпохи бронзы, изучается гончарное производство носителей дьяковской культуры раннего железного века. В ходе разработки различных методов сформировался новый методологический подход к исследованию древней керамики, названный «историко-культурным», суть которого и результаты его применения отражены в серии изданий.

Важное направление работы группы — активное участие ее сотрудников в Самарской экспериментальной экспедиции по изучению древнего гончарства, организованной более 25 лет назад учениками А.А. Бобринского И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной. Сотрудники группы активно участвуют в международных научных конференциях и сами организуют таковые: 1991 г. в Самаре, 2013 г. в Москве, 2015 г. на базе Самарской экспериментальной экспедиции, 2016 г. в Санкт-Петербурге. Группа «История керамики» работает в тесном контакте с аналогичными научными центрами в Опшне (Украина), Лионе (Франция), Лейдене (Нидерланды), Лондоне и Бредфорде (Великобритания), Стокгольме и Лунде (Швеция), Уитоне (Иллинойс, США).

Все накопленные за многие годы материалы служат не только основой для разработки новых методов изучения древней керамики, но и для обучения и подготов-

ки специалистов в области ее исследования. В связи с этим педагогическая деятельность представляет собой одно из важнейших направлений работы сотрудников группы. За прошедшие 50 с лишним лет подготовлено большое количество квалифицированных исследователей, которые сейчас работают во многих научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Самары, Великого Новгорода, Петрозаводска, Оренбурга, Барнаула, Тюмени, Тобольска, Челябинска, Йошкар-Олы, Екатеринбурга, Новосибирска, Ижевска и Уфы (Россия), Киева (Украина), Петропавловска и Караганды (Казахстан).

В настоящее время в коллективе «керамистов» продолжают дальнейшая разработка новых методов изучения обжига сосудов, их формы и орнаментации, уточнение системы терминов историко-культурного подхода, практическое изучение керамики неолита, бронзы, раннего железа и средневековья.

Занятия теоретическими и методическими проблемами не предполагают активной полевой деятельности, которая составляет основу работы большинства подразделений института. Тем не менее за свою более чем 30-летнюю историю сотрудники отдела посвятили немало усилий накоплению новой археологической информации в поле. И здесь уместно остановиться прежде всего на работе группы зарубежной археологии, которую с 1988 по 2006 г. возглавлял выдающийся ученый, доктор исторических наук Н.Я. Мерперт. Он был участником экспедиций в Монголии (1947–1948, раскопки Каракорума) и Египте (1961–1963, поселение Хор-Дауд), вел исследования в Болгарии на теллях Эзеро (1961–1971) и Юнаците (1982–1997). Николай Яковлевич вместе с другими сотрудниками отдела участвовал в работе институтских экспедиций в Месопотамии. Здесь же следует отметить, что сотрудники отдела принимали самое активное участие в работах Иракской и Сирийской экспедиций (Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, И.М. Безрученко, В.И. Гуляев, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, М.В. Добровольская и М.Б. Медникова), составляя в разные годы основу их коллектива.

Н.Я. Мерперт (1922–2012).

Хочется остановиться на еще одном важном направлении, которое активно разрабатывается сотрудниками отдела, — истории нашей науки. Понимание важности изучения истории археологии приходит в начале 1980-х годов, когда в Институте археологии АН СССР формируется упомянутая выше межсекторальная группа по теории, методике и истории археологии. В это время основным исследователем истории археологии в институте был один из основателей данного направления А.А. Формозов, проработавший в отделе теории и методики с 1986 г. вплоть до своего ухода на пенсию. В стенах отдела им были написаны многочисленные монографии и статьи, широко известные археологам России. В 2000-х годах российской историей археологии, особенно дореволюционного периода, активно занимался А.С. Смирнов, итогом стало издание монументального труда (Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки конституциональной истории XIX – начала XX века). М., 2011). Историкографические исследования активно проводились И.С. Каменецким, издавшим монографию по истории изучения меотов (М., 2011). Истории мезоамериканской археологии посвящено специальное исследование В.И. Гуляева (М., 2010).

Творческая активность сотрудников отдела, прежде всего А.С. Смирнова, послужила толчком к организации первых конференций по истории археологической науки, ставших в последние годы значимым событием в жизни института. Начало им было положено в феврале 2013 г., когда состоялся круглый стол «История археологической науки для настоящего и будущего». В нем участвовали ученые из ведущих научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Ижевска, Красноярска, Курска, Самары, Киева. Материалы опубликованы в сборнике статей, вышедшем как четвертый выпуск серии «Очерков истории отечественной археологии» (М., 2015). Круглый стол вызвал большой интерес у научной общественности. Следующее мероприятие проводилось уже в форме конференции «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» (Москва, февраль 2015 г.).

Список присутствующих пополнился докладчиками из Казани, Кемерово, Новосибирска, Петрозаводска, Саратова, Донецка. Были изданы тезисы выступлений (М., 2015). Свыше 10 докладов опубликовано полностью в виде статей в Кратких сообщениях ИА РАН (2015–2016. Вып. 240–243).

Интерес к проблемам историографии археологии, который явственно прослеживается не только в России, но и за рубежом, привел к организации в ноябре 2016 г. Всероссийской конференции «Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника». Целью ее стало освещение истории идей в археологической науке — эволюции взглядов, как на ключевые археологические проблемы, так и на частные аспекты развития археологических культур, периодизаций, памятников, категорий находок.

На этом фоне выделяется Международная конференция «1917 год: российская археология на переломе эпох» (материалы опубликованы), организованная отделом теории и методики в апреле 2017 г. В докладах и сообщениях 32 авторов из многочисленных городов и учреждений России дается представление и о развитии науки, и о судьбах людей, проливается свет на многие события и явления, долгие годы остававшиеся в тени. Много внимания уделено переписке ученых, их дневникам и мемуарам, на страницах которых отражены живые впечатления очевидцев драматических событий, начиная с предвоенного времени (до 1914 г.) и заканчивая началом 1930-х годов. Именно в этот период был пройден путь от реалий Российской империи до «великого перелома» в Советской России, произошли кардинальные перемены в развитии страны, общества, науки.

Отдел теории и методики успешно продолжает свою работу. К означенным выше направлениям прибавились исследование археологических памятников с помощью геоинформационных технологий, разработка неразрушающих способов изучения археологических объектов и структур с использованием данных дистанционного зондирования и геофизического обследования, современных фотограмметрических способов фиксации и

Д.С. Коробов, Самбийская экспедиция (Калининградская обл.), 2010 г.

трехмерного моделирования (Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.; СПб., 2017; Reinhold S., Korobov D., Belinskij A.V. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus. Studien zu einer neu entdeckten bronzezeitlichen Kulturlandschaft im Hochgebirge des Nordkaukasus. Bonn, 2017). Эти работы, так же как и комплексные палеогенетические исследования костных материалов носителей аланской и салтовомаяцкой культур, были инициированы Г.Е. Афанасьевым и продолжаются его учениками. Все это позволяет надеяться на то, что уровень исследований сотрудников отдела отвечает современным требованиям к нашей науке и имеет перспективы развития в будущем.

Подмосковная экспедиция, поселение Воймежное (А.В. Энговатова), начало 1990-х годов.

И.И. Артеменко (1924–1989).

На сегодняшний день в Российской Федерации сложилась система спасательной археологии. В ней значительную роль на протяжении XX в. играла академическая наука. В XXI в., даже с приходом рыночных отношений, значение академических институтов остается достаточно стабильным. Выработанная поколениями археологов общая система научной регламентации (получение разрешения на проведение археологических исследований (открытого листа); обязательная отчетность), методы исследования памятников археологии, методика полевой фиксации и форма представления отчетной документации, единой на территории всей страны, действуют и в отношении спасательной археологии.

Все большее значение приобретает комплексно-территориальный подход к сохранению объектов археологического наследия *in situ* в окружающем их ландшафте. Важной задачей является обеспечение комплексного характера и полномасштабности исследований при спасательных раскопках археологических памятников, попадающих в зону строительства. Их организация и проведение — одна из важнейших сторон деятельности отдела. Ведутся такие работы на широких площадях, с соблюдением всех современных методов исследования, а также с привлечением широкого круга специалистов.

Отдел сохранения археологического наследия

А.В. Энговатова

История отдела началась в 1972 г., когда приказом директора Института археологии АН СССР Б.А. Рыбакова был создан сектор новостроечных экспедиций. Однако само явление — проведение упреждающих работ на месте будущего строительства — возникло в России гораздо раньше. Первые отдельные археологические работы при строительстве проводились еще в конце XIX в. Но осуществление предварительных исследований и раскопок как система археологических мероприятий стало складываться в конце 1920 – начале 1930-х годов. Во многом это было обусловлено начавшимся масштабным строительством (Волго-Донской канал, ДнепроГЭС, Московский метрополитен, Баксанская ГЭС, Пермская ГЭС и др.), а также общей нацеленностью советской государственной системы на плановую экономику.

В 40–60-е годы XX в. система охранной археологии в Советском Союзе действовала с разной степенью эффективности. С 1970-х годов количество охранных работ начинает расти. На этом фоне «в связи с увеличением объема новостроечных работ» с целью повышения координации и взаимодействия на базе уже функционирующих новостроечных экспедиций в составе Института археологии АН СССР и был организован специальный сектор новостроечных экспедиций.

Ю.А. Краснов (1931–2000).

С.А. Беляев (р. 1936 г.).

Г.Е. Афанасьев (р. 1946 г.).

А.С. Смирнов (1949–2015).

В 1984 г. он был переименован в сектор охранных раскопок и вместе с сектором археологических сводов вошел в состав недолго просуществовавшего отдела археологической службы. В 1988 г. вновь стал самостоятельным в ранге отдела охранных раскопок, переименованного в 2015 г. в отдел сохранения археологического наследия. В разные годы подразделение возглавляли И.И. Артеменко (1972–1973), Ю.А. Краснов (1974–1982), С.А. Беляев (1982–1983), Г.Е. Афанасьев (1983–1993), А.С. Смирнов (1994–2003), с 2004 г. им руководит А.В. Энговатова.

В первые годы своего существования сектор новостроечных и хоздоговорных экспедиций был вспомогательным подразделением института. В 1972 г. в составе сектора числились восемь сотрудников, и была организована одна экспедиция — Среднеднепровская под руководством И.И. Артеменко. В дальнейшем новые экспедиции и отряды формировались практически ежегодно, в 1973 г. их было четыре, в 1974 г. — шесть. К 1980 г. штат сотрудников вырос до 22 человек, к этому времени в секторе действовало 6 постоянных экспедиций: Донская, Поволжская, Ставропольская, Средневожская, Волго-Окская и Деснинская, а всего в 1982–1984 гг. сектором совместно с другими отделами института было организовано 22 экспедиции.

В первые годы сотрудники сектора были освобождены от выполнения плановых научных тем, перед ними ставились задачи практического обеспечения полевых исследований в зонах строительных работ по крупным государственным программам — строительству Чебоксарской ГЭС, Большого Ставропольского канала, ирригационно-мелиоративных систем в Нечерноземье и мн. др.

С 1984 г. сотрудники получили возможность работы по плановым научным темам. К этому времени работы на новостройках уже принесли огромный фактический материал, определявший состояние источниковой базы буквально по всем отраслям археологических знаний. Отражением научной работы подразделения стало возросшее количество публикаций и несколько защищенных кандидатских диссертаций. С работой в отделе в 1970–1980-е годы связаны имена таких сотрудников, как С.Н. Корневский, И.С. Каменецкий, А.Е. Леонтьев, А.Н. Гей, М.В. Андреева, Т.Н. Мишина, И.А. Сорокина, И.В. Исланова, Р.Ф. Воронина, В.С. Флеров, А.А. Завойкин, В.В. Дворниченко.

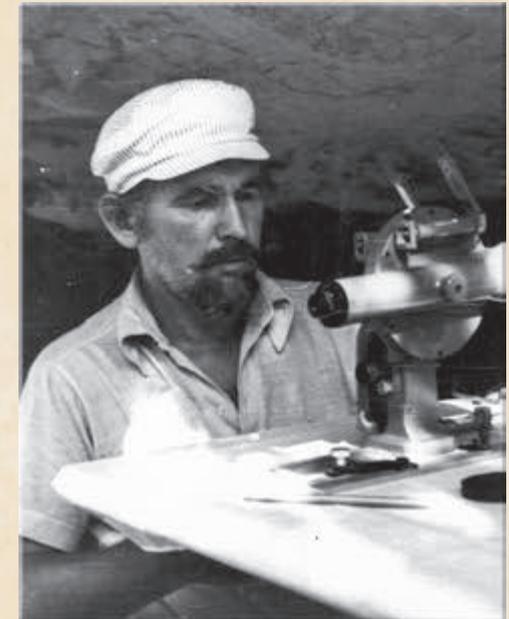
Перемены начала 1990-х годов негативно отразились на работе отдела. С развалом плановой экономики количество новостроечных экспедиций резко сократилось, некоторые специалисты перешли из отдела в другие научные подразделения, многие вообще ушли из профессии. Но именно в это время при сохранившемся «костяке» отдела в нем формируется новая генерация исследователей, способных работать в сложившихся экономических условиях. Ряд экспедиций — Деснинская (А.С. Смирнов, Р.А. Нигматуллин), Подмосковная (А.В. Энговатова, В.В. Сидоров), Окская (А.Н. Сорокин) — смогли пережить наиболее кризисное время и со второй половины 1990-х годов, привлекая новые кадры, превратились в мощные научные подразделения внутри отдела. Изменилась география проводимых полевых исследований. Если раньше, в соответствии с планами народнохозяйственных строек, они в большей степени охватывали юг России (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская и Астраханская обл.), то в 1990 – начале 2000-х годов наиболее масштабные полевые исследования велись в центре

Донская экспедиция. Ростовская обл., ст. Слободская. Второй справа (в первом ряду) – Ю.А. Смирнов, в центре – И.Д. Кушнарев, крайний слева – А.А. Узянов, 1978 г.

А.Н. Гей. Лебеди 1 (Краснодарский край), 1979 г.

И.С. Каменецкий. Уччулан (Карачаево-Черкесия), 1978 г.

России (Московская, Смоленская, Калужская, Тверская, Ярославская обл.), а также в Москве.

Самым крупным проектом в то время стали работы Деснинской экспедиции на трассе магистрального газопровода Ямал–Европа, когда на значительной территории — от равнин Центральной Европы до западносибирской тундры — совместно с коллегами из Белоруссии и Польши были исследованы многочисленные памятники от эпохи камня до средневековья.

Имея сравнительно стабильный уровень финансового обеспечения, именно отдел охранных раскопок стал первым, где в массовом порядке появились персональные компьютеры и стали применяться компьютерные технологии. В 1993 г. была проведена первая конференция «Опыт компьютерной обработки археологических материалов». Сотрудники отдела апробировали и разрабатывали для археологических нужд различное программное

обеспечение. Результатом этих разработок стали специализированные издания отдела, первым из которых стал сборник статей «Базы данных в археологии» (М., 1995), открывший серию «Компьютер в археологических исследованиях». Логическим развитием этого направления стало создание в отделе в 2002 г. специальной группы археолого-географических информационных систем (АГИС) под руководством Д.С. Коробова, впоследствии ставшей самостоятельным подразделением.

С середины 1990-х годов важной сферой деятельности отдела помимо организации охранных исследований в зонах строительства становится разработка методических вопросов сохранения археологического наследия. Сотрудники отдела участвовали в разработке федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятие которого в 2002 г. при-

вело к изменению подхода к понятию «охранная археология». Если прежде наличие памятника в зоне строительства автоматически вело к его аварийным раскопкам, то новый подход предполагал, прежде всего, определение состава необходимых охранных мероприятий в зонах строительства на этапе проектных работ, разработку рекомендаций по обеспечению максимальной сохранности археологических объектов, определение их границ и охранных зон. Как необходимая составляющая этих работ специалистами отдела была разработана «Методика определения границ территорий объектов археологического наследия» (рекомендована к применению Министерством культуры РФ с 01.01.2012 г.).

Сегодня в отделе 28 штатных научных сотрудников, из них 2 доктора и 14 кандидатов наук. Более 100 сотрудников работают по контракту, среди них также есть кандидаты наук.

Разведка в Брянской обл. Слева направо: Ю.А. Смирнов, Л.И. Верещинский, А.В. Кашкин, В.И. Кулаков, И.Д. Кушнарев, 1972 г.

Деснинская экспедиция. Разведки (Р.А. Нигматуллин — второй справа), 1999 г.

Ежегодно отделом организуется более 20 экспедиций и отрядов, работающих практически во всех областях европейской части страны от Соловков до Сочи и от Калининграда до Приуралья. Самые крупные из них — Подмосковная (А.В. Энговатова), Волжская (О.В. Зеленцова), Самбийская (А.Н. Хохлов), Сочинская (Р.А. Мимоход), Волго-Окская (А.В. Кашкин), Ильичевский отряд Южной Новостроечной (А.В. Бонин).

В 2008–2012 гг. одним из основных объектов охранных работ была территория будущих олимпийских объектов в Сочи (Краснодарский край). В зоне строительства проведены спасательные раскопки на 12 объектах археологического наследия в Имеретинской низменности и на Красной Поляне. Были исследованы поселения и могильники разных эпох от I тыс. до н.э. до средневековья. Главным событием стало открытие византийского храма X в. у с. Веселое, который был полностью исследован, сохранен *in situ* и музеефицирован, при этом в проект трассы автодороги были внесены изменения.

Кроме олимпийских объектов в 2011 г. в Краснодарском крае проводились охранные работы на участке строительства морского порта Тамань, где в ходе разведок обследованы 26 памятников археологии разных эпох. Охранные исследования в крае продолжились и в 2013–2014 гг. на объектах проекта «Южный поток». На площади более 50 тыс. м² обследовано более десятка памятников, древнейшие из которых относились к эпохе бронзы (IV–II тыс. до н. э.), а наиболее поздние — к средневековью (XI–XIV вв.).

С 2014 г. ведутся масштабные спасательные работы на территории Таманского п-ова и Крыма, где осуществляются крупные проекты по созданию новой инфраструктуры — там

строят мосты, новые дороги и порты, прокладывают газопроводы и линии электропередач. Все эти работы сопровождаются спасательными археологическими работами, в ходе которых исследуются разнообразные памятники (селища, поселения, городища, курганы, некрополи, городские культурные слои, оборонительные сооружения). Например, при строительстве подъездных путей к мостовому переходу через Керченский пролив проведены исследования на поселении Виноградный 7 на общей площади около 100 000 м². Здесь изучены остатки усадеб эллинистического и римского времени, раннего средневековья, погребальные комплексы разных эпох, отрезки древних дорог, остатки фортификационных сооружений.

Более 10 лет продолжают спасательные работы на территории Калининградской обл., связанные со строительством Балтийской трубопроводной системы, подземного газохранилища и скоростной автомобильной дороги. В результате открыты и исследованы десятки памятников разных эпох — поздней бронзы, римского времени, эпохи Великого переселения народов, средневековья и Нового времени. Археологические исследования по автомобильной трассе велись параллельно со строительством, что позволило сохранить объекты культурного наследия.

В Калининграде (Кёнигсберге) спасательные работы на больших площадях проводились в центральной части города, исследованы культурные отложения XIII–XX вв., остатки разновременных оборонительных сооружений, городских некрополей.

Дорожное строительство в центральных областях также сопровождается спасательными работами — при сооружении моста через Оку у г. Муром Владимирской обл. проведе-

ны спасательные раскопки Подболотьевского могильника и поселения, известных науке уже более 100 лет. Исследованы погребения VIII–XI вв., принадлежавшие летописному племени мурома, населявшего эти края до прихода древнерусского населения.

Масштабные разведочные работы в Нижегородской обл., Чувашии и Марий-Эл (Волжская экспедиция), связанные с планами подъема уровня Чебоксарского водохранилища, проведенные на стадии проектирования, позволили предусмотреть в будущем проекте устройство специальных дамб для защиты особо значимых археологических памятников, как известных ранее, так и выявленных в ходе разведок.

Важными объектами спасательных работ отдела в XXI в. стали исторические города — Ярославль, Смоленск, Владимир, Тверь, Ростов Великий, Переславль, Дмитров, Новгород Великий, Москва. Некоторые из этих проектов осуществлялись совместно с отделами средневековой археологии и археологии Московской Руси. Строительство и прокладка коммуникаций, принявшие большие масштабы на волне экономического подъема страны, грозят полным уничтожением многовековых культурных отложений в городах. В отличие от линейных объектов — трубопроводов, автострад, линий коммуникаций, проектирование которых можно корректировать при обнаружении объектов археологического наследия, площадки, отведенные под строительство в городе, как правило, пересмотру не подлежат и должны быть полностью исследованы. Спасательные раскопки в исторических городах дают богатый материал о всех сторонах жизни горожан на протяжении многих столетий, развитии городской территории, топографии древних улиц, истории городских укреплений.

Важным условием успешного проведения археологических исследований является привлечение широкого круга специалистов — антропологов, археозоологов, почвоведов, палеоботаников. Именно спасательные раскопки при их значительных масштабах дают значимые и показательные серии антропологического материала как древних могильников, так и городских некрополей. Комплексное исследование материалов конкретного памятника позволяет реконструировать индивидуальные особенности образа жизни, состояния здоровья, видов физической активности, характера питания, а также демографической ситуации и социальной стратификации населения. Примером может служить изучение материалов санитарных захоронений XIII в. и городских некрополей «смутного времени» в Ярославле, госпитальных захоронений солдат армии Наполеона на территории Кёнигсберга.

В 2012 г. отделом начата работа над коллективной плановой темой «Сохранение археологического наследия Европейской России: современные методические подходы, геоинформационные и картографические методы, практика спасательных раскопок» (руководитель А.В. Энговатова), посвященной научной обработке и введению в оборот материалов, полученных при проведении спасательных работ в разных регионах России.

С 2001 г. для оперативной публикации результатов проведенных спасательных работ учреждено серийное издание «Материалы охранных археологических исследований» (т. 20 — 2017 г.). С 2004 г. отдел проводит ежегодный семинар «Археология Подмосковья». Семинар давно вышел за пределы обозначенного в названии региона и собирает многочисленных исследователей Центральной России

Деснинская экспедиция. Брянская обл. (А.С. Смирнов), 1987 г.

Участники работ по исследованию семейной усыпальницы Ермоловых в приделе Троицкой церкви. Орел. Слева направо: М.А. Курицын, О.А. Радюш, М.Б. Медникова, А.В. Тихомиров, А.В. Энговатова, Е.Е. Васильева, 2013 г.

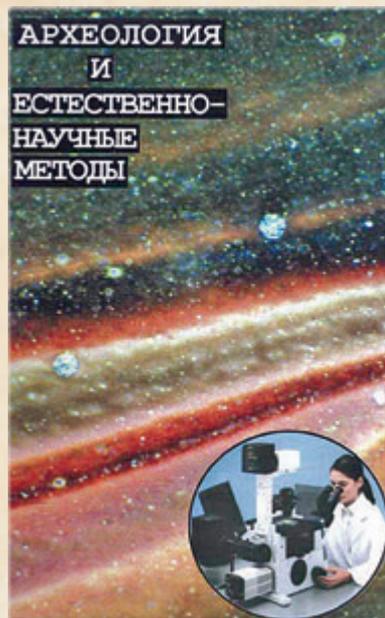

от Смоленска до Костромы. По результатам очередного семинара ежегодно издается сборник статей (вып. 14 — 2018 г.).

В рамках отдела продолжается работа над серийным изданием «Археологическая карта России (АКР)». Ее ведет коллектив отдела археологических сводов и карт, объединенный в 2015 г. с отделом сохранения археологического наследия в единое подразделение. В этом же году вышел очередной том «АКР. Нижегородская область. Ч. 4», а в 2017 г. — «АКР. Республика Мордовия» (всего издан 31 том), готовятся выпуски, посвященные памятникам Москвы, Липецкой и Псковской обл.

Отдел участвует в международных мероприятиях по проблемам сохранения археологического наследия. В последние годы сотрудники отдела принимали участие в конференциях по этой тематике в Польше, Украине, Франции и Германии. Семинары, посвященные методике проведения охранных работ, проводились совместно с Государственным институтом охранных археологических исследований (INRAP) в России и Франции.

Сегодня отдел сохранения археологического наследия самый многочисленный. 100-летний юбилей института он встречает большим количеством исследований по спасению памятников археологии, которым грозят уничтожение и повреждение при осуществлении строительных проектов на территории разных регионов Европейской России.

Б.А. Колчин и Р. Плейнер. Великий Новгород, 1962 г.

Лаборатория естественнонаучных методов

С.В. Кузьминых

В середине 1950-х годов произошли существенные изменения в структуре ИИМК/ИА АН СССР. Важнейшие из них связаны с созданием подразделений естественнонаучного профиля — лаборатории археологической технологии в Ленинграде и лаборатории естественнонаучных методов в Москве. В ИА АН СССР инициатива обсуждения вопросов использования методов естественных и технических наук в археологии шла снизу. «Возмутителями спокойствия» выступили А.Л. Монгайт и Б.А. Колчин. Первый оставался в числе немногих советских ученых, кто благодаря связям с коллегами из Западной и Центральной Европы был в курсе новейших естественнонаучных разработок. Второй имел немалый опыт экспериментальных и археометаллографических исследований древнерусского, и прежде всего новгородского кузнечества.

Инициатива снизу нашла поддержку сверху. Б.А. Рыбаков был не чужд восприятию новых методов; некоторые из них с успехом использовались в его фундаментальном труде «Ремесло Древней Руси» (М., 1948). Понимал он и необходимость объединения разрозненных естественнонаучных групп в единое структурное подразделение, а также важность расширения диапазона исследований естественного и технического циклов в институте. В на-

чале 1959 г. доклад Б.А. Колчина и А.Л. Монгайта был вынесен на Ученый совет института. Обсуждение данной проблемы вызвало очевидный интерес — текст доклада был очень быстро опубликован в «Вестнике Академии наук СССР» и в журнале «Вопросы истории». Осенью 1959 г. последовало распоряжение Б.А. Рыбакова об организации под негласным руководством Б.А. Колчина некоего коллектива внутри камеральной лаборатории, который бы обеспечивал развитие в институте методов естественных и технических наук. Официально приказ о выделении лаборатории естественнонаучных методов из состава камеральной лаборатории был подписан лишь в 1967 г. Однако реальная история лаборатории, безусловно, восходит к концу 1959 – началу 1960 г., когда началась практическая работа нескольких «кабинетов» (так первоначально именовались исследовательские группы).

Кроме Б.А. Колчина и групп В.И. Цалкина (остеология), А.В. Кирьянова (агробиология) и Г.Н. Лисицыной (пыльцевой анализ) в лаборатории оказались кабинеты дендрохронологии, спектрального анализа, металлографии, петрографии и археомагнитного датирования. Реальных групп было две: дендрохронологии и металлографии. Все прочие направления были представлены единственным человеком каждое. Из множества слож-

Палеогеограф Г.Н. Лисицына, 1960-е годы.

Е.Н. Черных (второй слева) с сотрудниками лаборатории после обследования рудопроявления в окрестностях укрепленного поселения бронзового века Устье I, Южное Зауралье, 1989 г.

нейших и нерешенных задач важнейшая касалась «человеческого фактора». Стратегия была верной — ставка делалась на молодые кадры, прежде всего на выпускников МГУ. Ряд направлений был поручен специалистам кафедр геологического (О.Ю. Круг), географического (Г.Н. Лисицына), физического (Т.Б. Нечаева) профилей. Все прочие кабинеты пополнялись воспитанниками кафедры археологии; всем им предстояло осваивать совершенно новую для себя специальность.

Базовые направления научных исследований сложились не сразу. Испытания временем выдержали семь из них: дендрохронология; история древнейшего горно-металлургического производства (археометаллургия); история железоделательного производства (археометаллография); история скотоводства и охоты (археозоология); история земледелия (археоботаника); палинология (динамика растительного покрова, археоэкология); систематизация радиоуглеродных датировок эпох раннего металла и раннего железа. Разработки, связанные с систематизацией дат ^{14}C , — пусть и не напрямую — оказались востребованы в рамках всех других исследовательских проектов лаборатории. Из прочих направлений дольше других действовал в лаборатории кабинет истории керамики (А.А. Бобринский, Ю.Б. Цетлин, Е.В. Волкова, М.Г. Гусаков), однако в 1985 г. ее сотрудники (вместе с примыкавшей к этой группе Э.В. Сайко) были переведены в сектор теории и методики.

Всего по программам лаборатории работали 44 штатных и внештатных сотрудника, 19 аспирантов и стажеров. Из первоначального состава подразделения в штате до настоящего дня состоят Е.Н. Черных и Н.Н. Терехова, пришедшие в коллектив в 1959 г.

Период успехов. Первый период существования лаборатории (до 1983 г.) можно назвать «подклетно-подвальный» по местам ее дислокации в подклети Троицкой церкви XVII в. «что в Никитниках» и в подвале жилого дома близ пересечения улиц Кржижановского и Профсоюзной. Тем не менее этот период деятельности коллектива можно признать вполне успешным. Свидетельство тому — организация и проведение в начале 1963 г. Всесоюзного совещания по применению в археологии методов естественных и технических наук, инициатором и организатором которого была лаборатория института. В 1965 г. вышла книга «Археология и естественные науки» (М.). В ней сформулированы принципы нового подхода к археологическим материалам и те основные русла, по которым в последующие годы развивались базовые направления аналитических исследований в Советском Союзе.

В 1959 и 1960 гг. начались масштабные работы группы дендрохронологии под руководством Б.А. Колчина с материалами Неревского раскопа Великого Новгорода: были установлены первые календарные даты сооружений X–XV вв. и предложены контуры еще пробной дендрошкалы этого участка города. С ее появлением утратила свою остроту дискуссия о новгородской хронологии (Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский). В последующие годы сбор и обработка образцов древесины из Новгорода были продолжены А.Ф. Урьевой, а из других древнерусских городов — Н.Б. Черных. В итоге к началу 1970-х годов Б.А. Колчину и Н.Б. Черных удалось создать абсолютную дендрохронологическую шкалу севера Восточной Европы.

В начальный период деятельность группы археометаллургии развивалась по двум направлениям: древнейшая металлургия СССР;

цветная металлообработка Восточной Европы раннего железного века и раннего средневековья. Ведущим для Е.Н. Черных как руководителя группы стало первое, рассчитанное на перспективу направление. С самого начала работ акцент был сделан на следующих направлениях: сборы образцов металла и их изучение методом спектрального анализа; типологические характеристики изучаемых изделий; связь металлургических и химических групп металла с той или иной горно-металлургической областью или центром, а при возможности и с конкретными месторождениями. Выход итоговых монографий Е.Н. Черных (МИА, № 132. 1966; № 172. 1970 и др.) придал заметный импульс разработке проблематики бронзового века в СССР. В те же годы велись и другие исследования этого направления (С.Н. Корневский, А.Ц. Геворкян, В.Д. Рузанов).

Второе направление было частью общеинститутской темы, связанной с изучением черняховской археологической культуры. Ее итог — коллективная монография Т.Б. Барцевой, Г.А. Вознесенской и Е.Н. Черных «Металл черняховской культуры» (М., 1972). Велись и другие исследования (Т.Б. Барцева, С.В. Кузьминых, С.Я. Ольговский), охватившие регионы от Северного Кавказа до Волго-Камья.

На рубеже 1960–1970-х годов в деятельность группы вошло третье направление — металлургия и горное дело в древнейшей Болгарии. Исследования, проведенные Е.Н. Черных в 1969–1972 и 1974 гг. в ходе работ Болгаро-советской экспедиции, увенчались поразительными открытиями, которые резко изменили традиционные взгляды об истоках древнейшей металлургии и горного дела в Европе. Книга Е.Н. Черных «Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии» (София, 1978) стала событием в истории болгарской науки — неслучайно Правительство НРБ наградило автора в 1981 г. орденом Кирилла и Мефодия I степени.

«Погружение» руководителя в болгарские материалы способствовало тому, что в деятельности группы обозначилось еще одно направление исследований — разработка теоретических и историко-металлургических

проблем. Важнейшей из них стала концепция металлургических провинций как крупных технологических и историко-культурных систем древности. Вот уже полвека изучение закономерностей развития этих систем — одна из центральных тем историко-металлургических исследований группы археометаллургии.

Деятельность группы археометаллографии поначалу развивалась в трех направлениях: железоделательное производство раннего железного века и средневековья; металлообработка энеолита и бронзового века; моделирование сыродутного процесса производства железа. Большая часть группы (Л.С. Розанова, Г.А. Вознесенская и с середины 1970-х годов М.М. Толмачева и В.И. Завьялов) обратились к разработке различных проблем первого направления. Итоги были подведены в ряде диссертационных работ.

Второе направление развивалось Н.Н. Тереховой на материалах древнеземледельческих культур Южной Туркмении. После защиты диссертации и публикации основных результатов исследования в книге «Очерки технологии древнейших производств» (М., 1975) она также включилась в изучение наиболее ранних этапов железообработки в Восточной Европе.

Работы по физическому моделированию сыродутного процесса были проведены Б.А. Колчиным и О.Ю. Круг в 1961 и 1962 гг. на базе Новгородской экспедиции (в 1962 г. при участии известного чешского ученого Р. Плейнера). Для экспериментов была выбрана реплика древнерусской наземной шахтовой печи X–XIII вв. Эксперименты показали, насколько сложной и трудоемкой была сварка губчатого железа в монолитную крицу. Болотная руда, железо, шлаки, глиняная обмазка печи, сопла и другие объекты были подвергнуты петрографическим, металлографическим и химическим анализам; составлен атлас структур шлаков разных металлургических систем и режимов. Эти эталонные образцы положили начало базе данных, необходимой при сравнении с археологическими материалами.

На первых порах в лаборатории активно велась работа и по другим направлениям. О.Ю. Круг изучала

Поселение Горный 1 в Оренбургской обл. Вертикальный ствол горной выработки, 2002 г.

А.Ю. Сергеев за отбором археоботанических образцов в зоне Гум-Баши (Карачаево-Черкесия), 2015 г.

Е.Е. Антипина и Т.О. Тенейшвили за обработкой костного материала пос. Горный 1, 1994 г.

Мастер С.А. Агапов. Центр исторического моделирования. Самара, 2015 г.

древние технические силикаты — шлаки (металлургические и кузнечные) и керамику. Неумолимо продолжал свои исследования В.И. Цалкин (МИА, № 53. 1960; № 107. 1962; № 135. 1966; № 161. 1970). Его работы как зоолога касались общих проблем одомашнивания животных и породообразования, но применительно к археологии они были направлены на реконструкцию хозяйственной деятельности древних обществ. В изысканиях по истории земледелия наметилось два направления. А.В. Кирьянов и Н.А. Кирьянова работали в основном со скоплениями злаков, доставленных в лабораторию авторами раскопок. На этой основе реконструировались сельскохозяйственные культуры и системы земледелия (МИА, № 61. 1958; № 65. 1959). Г.Н. Лисицына и Л.В. Прищепенко обратились к изучению общих проблем древнейшего земледелия (прежде всего орошаемого) — их внимание было обращено главным образом на зерновые находки из Средней Азии, Кавказа, Ирака, Болгарии (Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977). Развитие лаборатории в 1960 — начале 1980-х годов шло по нарастающей линии по всем направлениям.

Кризис «эпохи перемен». Кризис в функционировании лаборатории — а он совпал со сменой руководителя (в 1984 г. после кончины Б.А. Колчина ее возглавил Е.Н. Черных) — начал ощущаться уже с первой половины 1980-х годов. Негативные тенденции (сокращение финансирования и пр.) сказались сильнее всего именно на лаборатории. Так, к лету 1989 г. пришлось полностью остановить спектроаналитические исследования.

Вместе с тем говорить о полном торможении научно-исследовательских изысканий не приходится. Позитивная инновация этих лет — начало компьютеризации лаборатории.

Примечателен сохранившийся в архиве лаборатории документ (6.01.1986) — письмо академика Б.А. Рыбакова директору Института общей физики академику А.М. Прохорову о содействии в получении во временное пользование персонального компьютера ИМКО-2 для обработки данных спектрального анализа в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР. Лишь с получением в 1987 г. персонального компьютера IBM следует определять старт реальной компьютеризации лаборатории.

Другая важная инициатива — организация Восточноевропейской комплексной археологической экспедиции. Первоначальной ее задачей был сбор культурных злаков с поселений бронзового века путем флотации культурных слоев. В 1989–1992 гг. маршрутами экспедиции были охвачены десятки поселений степной и лесостепной зон — от Зауралья до нижнего течения Дуная. Но важнейшим результатом разведок и поисков стало археологическое открытие в 1989–1990 гг. гигантского Каргалинского горно-металлургического центра в степях Южного Приуралья. Каргалы на полтора десятка лет определили генеральное направление исследований не только группы археометаллургии, но также специалистов по археозоологии и археоботанике. Финалом изысканий Каргалинской экспедиции стал выход книг серии «Каргалы» в пяти томах (М., 2002 (два тома), 2004, 2005, 2007). Этот труд стал событием в отечественной и мировой археологии эпохи раннего металла — и не только в силу уникальности и богатства опубликованных материалов, но главным образом благодаря постановке проблем, о которых сами участники экспедиции до начала исследований даже не подозревали.

Для группы археометаллургии вынужденная

пауза с аналитическими работами позволила сосредоточиться, помимо Каргалинского проекта, на формировании электронных баз данных (БД). К тому моменту архив лаборатории содержал около 40 тыс. проб металла с изделий, рассеянных по гигантским пространствам Евразии, данные их химического состава, а также изображения самих предметов и негативов литейных форм. Подобного архива нет ни в одной профильной лаборатории мира. БД имели единую структуру, но концептуально делились на два блока. Один охватывал металл Циркумпонтийской металлургической провинции (Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская, Л.И. Авилова, Т.О. Тенейшвили, Т.Б. Барцева). Другой блок объединил металл Западноазиатской (ранее Евразийской) металлургической провинции (Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Л.Б. Орловская, С.А. Агапов и В.Ю. Луньков). Эти БД стали основой комплексных исследований группы на новом методическом уровне (например: Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989; Chernykh E.N. et al. The Circumpontic metallurgical province as a system. Bonn, 1991. East and West. Vol. 41, № 1–4).

Группа археометаллографии к началу 1980-х годов создала обширную БД по разным эпохам и территориям. Многолетняя работа по систематизации и обобщению разнообразных данных по технике и технологии обработки черных металлов — от ямной культуры до средневековья — привела к появлению монографии Н.Н. Тереховой, Л.С. Розановой, В.И. Завьялова и М.М. Толмачевой «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе» (М., 1997).

В 1980-е годы основные усилия группы дендрохронологии были сосредоточены на изучении материалов Пскова, Старой Ладogi и Шпицбергена. С началом 1990-х годов значительно сократился объем аналитических исследований. Это позволило Н.Б. Черных завершить в 1992 г. рукопись монографии «Дендрохронология и археология» (М., 1996) — наиболее полный свод дендрохронологических шкал средневековых памятников Восточной Европы. Второе направление исследований — памятники деревянной архитектуры Русского

Севера. Тогда же удалось определить дату самого древнего сооружения легендарной Старой Ладogi — 753 г., который был принят в качестве отправной даты для едва ли не официального празднования 1250-летия Российского государства, отмечавшегося в 2003 г.

Уровень археобиологических исследований в лаборатории после кончины В.И. Цалкина (1970 г.) заметно понизился. Коренной перелом сложившейся ситуации связан с деятельностью Е.Е. Антипиной (с 1989 г.) — она внедрила новые методики сбора, комплектования, исследования и интерпретации остеологических коллекций. Новации позволили кардинально изменить оценку мясного потребления и интенсивность разных форм хозяйственной эксплуатации домашних животных (OPUS. 2008. Вып. 6). Е.Е. Антипина также сформулировала критерии поправок для оценки конкретного стада на базе исходного материала, добываемого из культурных слоев городов и селищ. Результаты исследований были реализованы ею при публикации коллекций из Горного, Телль Хазны I (Сирия), Ярославля и др. памятников.

В конце 1980-х годов обозначились новые методики и подходы к проблемам истории земледелия. Е.Ю. Лебедева начала системный сбор проб карбонизированных злаков с поселенческих памятников различных эпох. Флотация культурных слоев явилась более надежной базой при интерпретации археоботанических данных. Флотационные образцы стали использоваться не только в реконструкции структуры диеты населения, но прежде всего для характеристики аграрного сектора экономики, в частности, структуры урожая.

Новые методики в практике археозоологических и археобиологических исследований привнесли понимание необходимости комплексного подхода к изучению производящего хозяйства. Е.Е. Антипина и Е.Ю. Лебедева начали совместные исследования по оценкам характера и уровня производства продуктов питания на примере конкретных или групп памятников (РА. 2005. № 4). В итоге удалось более четко оценивать взаимосвязь и соподчиненность скотоводства и земледелия и предлагать более надежные модели жизнеобеспечения древнего и средне-

Е.Е. Антипина, пос. Горный 1, 1995 г.

В.И. Завьялов во время эксперимента по моделированию сыродутного процесса. Кузнечный фестиваль, Рязанская обл., 2011 г.

Палинологи А.С. Алешинская и М.Д. Кочанова, поселение Вискаутен (Калининградская обл.), 2010 г.

Р.М. Мунчаев и Е.Н. Черных на Каргалах, 1994 г.

векового населения (Телль Хазна I, Острая Лука, Ярославль и др.).

После кончины Г.Н. Лисицыной (1983 г.) в лаборатории на три года прервались палинологические исследования. С приходом в коллектив Е.А. Спиридоновой (1986 г.), возвращением в него Н.Г. Блохиной, а затем с появлением А.С. Алешинской и М.Д. Кочановой это исследовательское направление обрело новую жизнь. Е.А. Спиридонова основные усилия группы направила на изучение материалов каменного века — палеолита (Костенки, Сунгирь), а также мезолита и неолита Восточной Европы (диссертация А.С. Алешинской 2001 г.). Аналитическая работа велась, кроме того, с материалами средневековья Русского Севера. Среди крупных исследовательских проектов этого времени — книга Е.А. Спиридоновой «Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене» (М., 1991).

Выход из кризиса. Постепенный выход из кризиса был обусловлен началом функционирования российских научных фондов. Для лаборатории особую роль стал играть созданный в 1993 г. Российский фонд фундаментальных исследований. С этих лет началась активная компьютеризация всех групп, стала улучшаться приборная база, что, конечно, отразилось на работе всех научных направлений. После 18-летнего перерыва группа археометаллургии возобновила аналитические работы на базе рентгенофлуоресцентного анализа. Современные микроскопы, приборы и компьютеры появились в большинстве подразделений лаборатории.

Среди новых научных направлений важно обратить внимание на систематизацию радиоуглеродных датировок. Связанное с разработкой хронологии археологических культур энеолита,

бронзового и раннего железного веков, оно «отпочковалось» в середине 1990-х годов внутри основного русла исследований группы археометаллургии.

В конце 1990-х годов в планы работ групп археометаллургии, археозоологии и археоботаники вошло еще одно направление, связанное с выработкой критериев оценки так называемой комплексной экономики. В исследованиях этого направления археозоологические и археоботанические материалы приобретают роль археологических и исторических источников (Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева, Л.В. Яворская). С приходом в 2015 г. в лабораторию А.Ю. Сергеева гораздо большее внимание уделяется изучению не только культурных слоев, так и в строительных материалах.

Группа археометаллографии в качестве основного направления исследований избрала тему «Традиции и инновации в производственной культуре древних народов (на примере кузнечного ремесла)». Здесь на первый план вышла разработка проблем исторического развития, а именно: культурно-исторические связи различных народов по данным археометаллографии, взаимодействие варварского мира и городских цивилизаций в сфере производства, влияние инкультурных факторов на развитие кузнечного ремесла, кузнечное ремесло в деструктивный период.

Группе дендрохронологии во второй половине 1990 – начале 2000-х годов удалось создать дендрохронологическую шкалу Твери — одну из самых протяженных среди дендрошквал археологических памятников Восточной Европы. В те же годы проводились исследования материалов из Торжка, Коломны, Кирилло-Белозерского монастыря, Вологды, Ярославля, Московского Кремля, шла работа по созданию

абсолютной дендрошкалы бассейнов рек Шексны и Сухоны. Но основные усилия А.А. Карпухин и Л.Н. Соловьева направили на решение проблемы хронологии средневековых памятников Древней Руси. Для этого была создана БД более чем 11 тыс. дендрохронологических датировок образцов древесины из 15 городов. Другое направление деятельности группы (Л.Н. Соловьева) — определение пород археологической древесины и угля по микроскопическим признакам (более 2 тыс. различных предметов от III в. до н.э. до XIX в.).

С 1998/1999 гг. в исследованиях палинологов на первый план выходят городские и сельские поселения Древней Руси, а также восточноевропейские памятники раннего железного века, раннего средневековья, Волжской Булгарии и Золотой Орды. С приходом в 2017 г. в лабораторию А.Н. Бабенко к традиционным палинологическим исследованиям добавились анализ непыльцевых палиноморф и изучение пыльцевых спектров и изотопного сигнала зоогенных отложений временных пастушеских стоянок в горных, предгорных и аридных ландшафтах Северного Кавказа, Крыма, Сиро-Палестины и Эфиопии. Результаты исследований группы отражены в книгах «Палеоэкология равнинного палеолита» (М., 2007), «Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье» (М., 2008), «Скорняковское городище на Вятке» (Казань, 2016) и др.

За 60 лет своего существования лаборатория естественнонаучных методов внесла значительный вклад в развитие отечественной археологии. Труды сотрудников лаборатории широко известны в России, немало работ издано за рубежом. Уже с момента своей организации выявлялась лидирующая роль ряда исследовательских групп в появлении в советской и российской археологии важных методологических инноваций. Эту роль лаборатория сохраняет и в наши дни (Междисциплинарная интеграция в археологии. М., 2016).

Отдел полевых исследований

В структуре института отдел полевых исследований (ОПИ) занимает особое место, поскольку его деятельность связана с ведением документооборота, разработкой методических требований к проведению полевых исследований и составлению отчетной документации, а также научной регламентацией археологических полевых работ на территории Российской Федерации. В основные задачи отдела входит и научно-техническое обеспечение процедуры выдачи Министерством культуры РФ разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

Появление этого уникального разрешительного документа было принципиально важной вехой в изучении и сохранении археологических древностей России. В 1889 г. Императорская археологическая комиссия (ИАК) начала выдачу открытых листов, дающих их обладателям право на проведение официальных археологических полевых работ. Следует оговориться, что это делалось и ранее, но порядок выдачи не был закреплен законодательно. Только указом императора Александра III от 11 марта 1889 г. был введен государственный контроль над раскопками и на общественных, ведомственных и казенных землях, возложенный на ИАК, и утвержден разрешительный до-

А.А. Масленников, С.В. Меснянкина

кумент — открытый лист. Одновременно с этим была установлена и процедура оценки (в будущем — научная экспертиза) результатов выполненных археологических полевых работ, представляемых в форме научного отчета, по итогам которой решался вопрос о выдаче открытого листа. Отчеты поступали на хранение в архив ИАК (ныне архив Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург).

Практика выдачи открытых листов не была утрачена и после революции. С 1918 г. данная процедура осуществлялась Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы Наркомпроса РСФСР, в структуре которого имелся Археологический подотдел. При этом РАИМК–ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры), преемник ИАК, лишь выдавала для Отдела заключения по заявкам на получение открытого листа и научным отчетам, не имея решающего голоса. Только в 1935 г., после очередной реформы Наркомпроса, право выдачи открытых листов передано в ГАИМК, двумя годами позже преобразованную в ИИМК АН СССР, располагавшийся в Ленинграде.

С 1937 г. регламентация археологических полевых работ становится компетенцией Академии наук СССР. Практически же этим занимается ИИМК АН СССР, в

котором создается комитет по полевым исследованиям и охране памятников. В 1946 г. в штатной структуре института, функционировавшего уже в Москве, создано новое подразделение — сектор полевых исследований и камеральной обработки. При секторе образован Комитет полевых исследований, в задачи которого входила выдача открытых листов на проведение раскопок и разведок и рассмотрение научных отчетов. В 1951 г. подразделение преобразовано в сектор полевых исследований, а в 1952 г. — в отдел с тем же названием, который существует и поныне.

Первым руководителем комитета и отдела (1946–1954) стал выдающийся археолог А.В. Арциховский. В последующие годы отдел возглавляли А.Я. Брюсов (1955–1965), Л.А. Евтюхова (1966–1974), Д.Б. Шелов (1975–1988). В это время формируется унифицированная система выдачи открытых листов на проведение археологических полевых работ, приема и экспертизы научных отчетов, совершенствуется методика полевых изысканий, осуществляется успешное взаимодействие с академиями наук союзных республик.

Из Положения об охране и использовании памятников истории и культуры (постановление Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. № 865):

«Открытые листы выдаются Академией наук СССР на исследование памятников археологии общесоюзного значения, а также памятников археологии республиканского и местного значения, находящихся на территории РСФСР, и академиями наук союзных республик на исследование памятников археологии республиканского и местного значения, находящихся на территории других союзных республик.

Формы открытых листов и условия их выдачи устанавливаются Академией наук СССР по согласованию с Министерством культуры СССР».

Данное Положение было уточнено Инструкцией о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры (приказ Минкультуры СССР от 13.05.1986 г. № 203), установившей, что формы откры-

Заседание Научного совета по полевым исследованиям ведет А.А. Масленников, декабрь 2017 г.

тых листов и условия их выдачи определяются Инструкцией к открытым листам на право проведения археологических разведок и раскопок, утвержденной президиумом Академии наук СССР по согласованию с Министерством культуры СССР.

В 1988 г. заведующим отделом стал В.В. Седов (с 2003 г. академик РАН), возглавлявший его до 2004 г. Нет нужды особо говорить о том, что представляли собой «революции» 90-е XX в. для нашей страны. Центробежные тенденции, охватившие ее, затронули и сферу организации полевых исследований. Это грозило успешной многолетней практике централизованной регламентации и существующего документального обеспечения археологических полевых работ уничтожением. И во многом благодаря личным качествам и научному авторитету Валентина Васильевича Седова, жесткой позиции Института археологии,

поддержанной РАН, этого удалось избежать и адаптироваться к новым политическим и экономическим реалиям, наступившим после 1991 г. С 2005 г. по настоящее время работой отдела руководит А.А. Масленников.

Порядок выдачи открытых листов, установленный в соответствии с Положением и Инструкцией, упомянутыми выше, сохранялся вплоть до 2009 г., когда была реализована норма Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно данной норме открытые листы выдаются в порядке, устанавливаемом уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти.

Годом ранее создана Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура), ставшая тем самым уполномоченным органом. Росохранкультурой и был издан приказ от 03.02.2009 г. № 15 «Об утверждении “Положения о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению археологического наследия”». Документ этот примечателен во многих отношениях. Им определен перечень документов, представляемых в Росохранкультуру для получения разрешения (открытого листа), сроки их рассмотрения и принятия решения о выдаче либо об отказе в его выдаче, а также продления сроков действия открытого листа или его прекращения. Этот документ обозначил и круг учреждений и организаций, представители которых подают заявления на получение разрешений (открытых листов). Для этого все структуры, участвующие в организации и проведении полевых изысканий, должны иметь уставной целью своей деятельности «проведение археологических полевых работ».

Положением предусматривалось и взаимодействие с РАН — на компетенцию РАН отнесена подготовка заключения о научной обоснованности планируемых археологических полевых работ, с учетом которого Росохранкультурой принималось решение о выдаче или об отказе в выдаче заявителю открытого листа. Взяла на себя Росохранкультура и регламентацию археологических полевых работ, правда, по согласованию с РАН. Порядок взаимодействия Росохранкультуры и РАН при осуществлении выдачи разрешений (открытых листов) регулировался соглашением между сторонами.

В 2011 г. Росохранкультура была упразднена. Функции ее, в том числе выдача открытых листов, переданы Министерству культуры. В том же году председателем Правительства В.В. Путиным по итогам встречи с учеными и студентами-археологами, работавшими на раскопках древнегреческого города Фанагории, Министерству было дано поручение о проработке совместно с РАН вопросов, связанных с расширением полномочий РАН в процедуре выдачи открытых листов.

Порядок выдачи открытых листов установлен Правилами, утвержденными постановлением Правительства РФ от 20.02.2014 г. № 127, в которые в 2017 г. были внесены определенные изменения в связи с новациями в нормативно-правовой базе и с учетом практики применения. При этом разрешение (открытый лист) определено как документ, выдаваемый федеральным органом охраны объектов культурного наследия на основании заключения РАН (ранее — с учетом).

Определены и полномочия РАН в области охраны и сохранения археологических памятников — научная регламентация полевых работ, включая определение порядка их проведения, методов научных исследований, состава и структуры научного отчета о выполненных полевых работах, требований к профессиональным знаниям и навыкам исследователя.

В целях реализации указанных полномочий РАН в 2009 г. был создан Научный совет по полевым исследованиям, задачами которого являются:

- экспертиза материалов о научной обоснованности планируемых археологических полевых работ;
- принятие решений о целесообразности проведения археологических полевых работ;
- утверждение научных отчетов о выполненных археологических полевых работах и принятие решений о передаче научных отчетов на постоянное хранение в состав научно-отраслевого архива Института археологии РАН;
- рассмотрение рекомендаций, правил, методик и иных документов и пособий, научно регламентирующих порядок проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия и принятие решений об их утверждении Отделением историко-филологических наук;
- подготовка аналитических материалов и предложений по перспективным направлениям археологических исследований и развитию международного сотрудничества;
- подготовка предложений по вопросам совершенствования подготовки, переподготовки и повышения квалификации археологов.

Действующий Научный совет утвержден Отделением историко-филологических наук по согласованию с президиумом РАН из числа авторитетных российских археологов, представителей учреждений науки, музеев, высших учебных заведений (всего 10) разных субъектов РФ. В соответствии с Положением о Научном совете организационно-техническое обеспечение его работы осуществляет отдел полевых исследований (ОПИ) ИА РАН.

Российской академией наук заключено Соглашение с Институтом археологии от 17.10.2014 г., в рамках которого также осуществляется взаимодействие по следующим вопросам:

- научная регламентация археологических полевых работ;
- обеспечение экспертизы научных отчетов о выполненных археологических полевых работах на предмет соответствия установленным требованиям;
- рассмотрение заявок на право проведения археологических полевых работ и подготовка заключений РАН;
- хранение научной отчетной документации;
- рассмотрение иных вопросов, относящихся к порядку проведения археологических полевых работ.

Обоснованность выбора ИА РАН как стороны Соглашения опиралась на то, что учреждение имеет:

- более чем полуторавековой опыт проведения археологических полевых работ, их организации и оценки их результатов и более чем полувековой опыт выдачи открытых листов;
- уникальный научный архив обо всех выполненных археологических полевых работах на территории РФ;
- совмещенную с указанным архивом единую базу данных об организациях и физических лицах, когда-либо проводивших археологические полевые работы;
- специализированное структурное подразделение, осуществляющее практическую работу по документальному сопровождению процедуры выдачи открытых листов и ведению соответствующих баз данных — отдел полевых исследований.

На протяжении всего периода своей деятельности ОПИ осуществляет техническую подготовку методических рекомендаций для археологов-полевиков. В первую очередь следует упомянуть «Инструкции к Открытым листам» и последующие «Положения о порядке про-

ведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации». Появление обновляемых редакций «Положений» связано не только с изменениями в законодательстве. «Положения» — результат обобщения лучшей отечественной и мировой практики изучения и сохранения памятников археологии. Последнее издание утверждено Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 20 июня 2018 г. В нем, в частности, присутствуют специализированные разделы, связанные с таким крайне актуальным в настоящее время аспектом полевой археологии, как проведение государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, большее внимание уделено работе с археологическими предметами, структуре и комплектации научного отчета.

При всем многообразии задач ОПИ приоритетное направление его деятельности — сбор, обобщение и анализ информации о текущих полевых исследованиях на всей территории РФ, ведение единой базы данных о них, содержащей также сведения о проводивших работы археологах.

В 2011 г. по инициативе отдела возобновлено издание серии «Методика полевых археологических исследований», первые два выпуска которой вышли в 1983 и 1989 г. В книгах серии рассматриваются как методические аспекты проведения полевых работ на конкретных категориях памятников, так и рекомендации по работе с различными категориями археологического материала и предметов. На сегодняшний день вышло в свет семь сборников (выпуски 3–9). Один из них (вып. 4) «Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: опыт методики российских и украинских полевых исследований» (М., 2011) подготовлен совместно с украинскими коллегами.

В заключение необходимо отметить, что объем полевых работ, проводимых на территории России в последние годы, постоянно возрастает. В настоящее время общее число выданных открытых листов перешагнуло за 25 000. Работа отдела полевых исследований дает возможность обеспечивать целостное видение полевых изысканий, ориентироваться в этом процессе и определять тенденции развития полевой археологии в России, а также способствовать ее высокому методическому уровню.

А.П. Смирнов (1899–1974).

Н.Н. Воронин (1904–1976).

Научно-отраслевой архив

У.Ю. Кочкаров, С.В. Селезнева

Первоосновой Научно-отраслевого архива Института археологии РАН было собрание документальных материалов Московского археологического общества, просуществовавшего с 1864 по 1920 г. На раннем этапе накопление архивных материалов происходило в Ленинграде, куда были переданы все дореволюционные и довоенные документы, в том числе Московского археологического общества. С 1945 г. начал собираться уникальный архивный материал в Москве. В первую очередь это были научные отчеты археологических экспедиций, работавших на всей территории СССР, прежде всего восточноевропейской части страны. Первоначально материал собирался при отделе полевых исследований (ОПИ) института, имевшем право выдачи открытого листа на проведение археологических работ. Согласно существовавшему порядку научные отчеты об исследованиях поступали в ОПИ, где после их рассмотрения оценивалось качество проведенных работ, там же они и накапливались.

Именно в 1945 г., когда началось формирование современного архивного фонда, Московское отделение Института истории материальной культуры (ИИМК) было преобразовано в головную организацию ИИМК АН СССР, а существовавший в Ленинграде институт —

в его Ленинградское отделение. С тех пор отчеты о раскопках на территории РСФСР поступали уже в Москву. Вначале их было немного: в 1945 г. зарегистрировано 7 дел, в 1946 — 37, в 1947 — 56, а в 1948 — 84 дела. Далее количество дел продолжало неуклонно увеличиваться. Первые годы они по-прежнему хранились в ОПИ.

Архив как самостоятельная единица в структуре института появился только в 1951 г., когда в соответствии с постановлением Президиума АН СССР в Институте археологии был образован отдел архивных исследований. Его название показывает, что с самого начала отдел замыслился не просто как хранилище документов, но и как научное подразделение. Архив считался единым — с отделениями в двух городах: Москве и Ленинграде, причем в Ленинградском отделении сразу были образованы рукописный архив и фотоархив как самостоятельные подразделения.

Первым заведующим архивом был Алексей Петрович Смирнов. С 1953 по 1966 г. эту должность занимал Николай Николаевич Воронин. В 1966–1967 гг. архив возглавлял Борис Александрович Колчин. В конце 1967 г. отдел архивных исследований был присоединен к ОПИ, считаясь его внутренним подразделением. Это не означало прекращения деятельности архива, он лишь пере-

Л.А. Евтюхова. Таймень из р. Аргунь (бассейн Амура). Киселев С.В. Отчет 1957 г.

Кость мамонта, найдена на р. Икса (Томская обл.). Трухин Г.В. Отчет 1957 г.

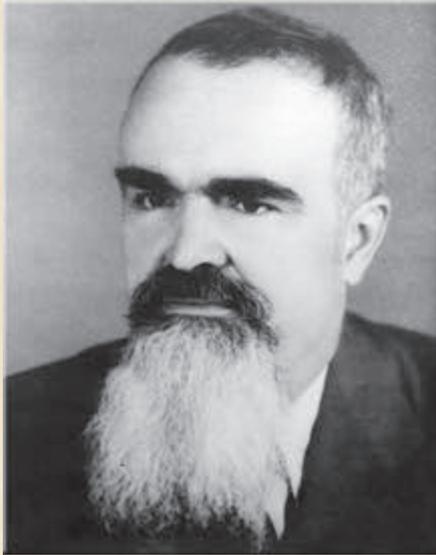
Стенгазета в лагере. Киселев С.В. Отчет 1957 г.

Так доставлялись дрова для лагеря. Киселев С.В. Отчет 1957 г.

Пос. Тура (Эвенкийский р-н, Красноярский край), Андреев Г.И. Отчет 1965 г.

А.В. Арциховский (1902–1978).

стал считаться отдельной административной единицей Института археологии. Внутри ОПИ у каждого из его подразделений были свои задачи, не связанные друг с другом. Отделом полевых исследований в то время заведовала Л.А. Евтюхова, она же координировала и деятельность архива, в котором продолжалась текущая работа по регистрации отчетов, выдаче их исследователям, приему и разбору личных фондов сотрудников института, пополнению фонда административно-управленческой документации, по фонду диссертаций и т.д. Все эти категории документов хранятся в архиве до сих пор, продолжая пополняться. К ним следует добавить коллекцию газетных вырезок об археологических раскопках и находках, собиравшуюся с 1956 г.

В 1976 г. архивное подразделение ОПИ было снова выделено в самостоятельную структурную единицу — Научно-отраслевой архив Института археологии АН СССР. Заведующей архивом была назначена Т.Т. Владимирова, возглавлявшая его до 1987 г. Ей принадлежит и первая публикация (совместно с К.М. Пескаревой) по истории архива (КСИА. 1980. Вып. 163). Затем архивом руководили Ж.Г. Анищенко (1987–1993), И.К. Нестерова (1993–1996), В.С. Нефедов (1996–1998), И.М. Умарова (1999–2012), с 2013 г. — У.Ю. Кочкаров.

В настоящее время в архив продолжают поступать ежегодные полевые отчеты об археологических исследованиях на территории Российской Федерации, в среднем около 2500 дел в год. Многие отчеты состоят из 2–5 томов и более. Благодаря своевременной регистрации и обработке эти материалы в максимально короткие сроки попадают на полки архива. Следует отметить, что каждый археологический отчет — уникальный документ, детально фиксирующий раскопки археологического памятника, который этими раскопками не только исследуется, но и уничтожается. И хотя все находки поступают затем на хранение в музей, многие важные для исследователей материалы содержатся только в архивных делах: планы памятников, описание культурных слоев, места находок археологического материала, эти сведения доступны исследователям прежде всего по материалам отчетов.

Работа по созданию базы данных начиналась по собственному почину сотрудников архива в 1998 г., на далеком не новом тогда 286-м компьютере, в установленной на нем программе «Лексикон». С началом создания базы данных и расширением списка вопросов при регистрации отчетов фактически расширился и круг научной деятельности архива. Ранее относительно подробное описание и обработка материалов касались в первую очередь личных фондов (а также фотофонда — в те годы, когда велась такая работа). В то время отчеты просто получали номера и расставлялись на полках, а затем выдавались читателям. Но это был наиболее многочисленный фонд архива, систематизация дел (отчетов) занимала основное рабочее время сотрудников архива уже своей самой простой обработкой. Еще Н.Н. Воронин отмечал, что «... усилить собственную научную работу архивов ИИМК не представлялось возможным» (Отчет о работе Отдела архивных изысканий ИИМК АН СССР за 1954 г.).

В настоящее время электронная регистрация ведется в базе данных, специально разработанной для архива и ОПИ. Главное, что дает эта база читателю — возможность более точного, чем в рукописном каталоге, поиска отчетов. В архиве существует два карточных каталога: алфавитный (по фамилиям авторов) и территориальный (по административному делению страны). Далее читателю приходилось ориентироваться по году исследований и названию отчета. Электронная версия базы данных об археологических исследованиях предоставляет возможность более быстрого и простого доступа ко всем интересующим читателя сведениям.

Электронная регистрация отчетов позволяет вносить в базу данных множество параметров, составляющих общую характеристику отчета и относящихся к исследованным памятникам археологии, а также к физическому состоянию самого архивного дела (отчета). В последнем разделе фиксируется состояние дела на момент электронной регистрации, отмечается последняя дата проверки его комплектности, оценивается необходимость проведения поисковых, восстановительных и реставрационных работ, фиксируются их реализация и результат.

Б.А. Колчин (1914–1984).

Курган у с. Хрящевка, Самарская обл. Смирнов А.П. и др. Отчет 1951 г.

Городище Болгары. Бани, вид на кабину с юга. Смирнов А.П. и др. Отчет 1951 г.

Городище Болгары. Индивидуальные находки. Смирнов А.П. и др. Отчет 1951 г.

Городище Болгары. Реконструкция бани. Смирнов А.П. и др. Отчет 1951 г.

Л.А. Евтюхова (1903–1974).

Д.Б. Шелов (1919–1993).

Одновременно с этим в архиве совершенствуются и используются базы данных по другим фондам: диссертационному, личных дел сотрудников института, фонду чертежей большого формата, личным фондам исследователей. В архиве введена также электронная регистрация посетителей. В базу вносятся не только данные о самих исследователях и их научных темах, но и номера тех отчетов, с которыми они работают. Составление постоянно пополняющейся электронной базы всех находящихся на хранении отчетов позволяет облегчить и ускорить поиск необходимых дел и материалов. В настоящее время база данных позволяет получить информацию по всем отчетам на уровне района исследований, постепенно в базу вносятся и более подробные сведения. Работа с электронной базой позволяет осуществлять поиск архивных дел не только по традиционному алфавитному каталогу (по фамилиям исследователей), но также выставлять хронологические и территориальные фильтры (по определенным эпохам, регионам, населенным пунктам и т.д.).

Процесс обновления данных был начат с наиболее ранних отчетов, что позволило сотрудникам архива разработать и издать уже пять томов аннотированного каталога, охватывающих материалы 1945–1971 гг. Первый том издан в 2009 г., пятый — в 2017. Нужно отметить, что внесение в базу данных сведений из старых отчетов значительно отличается от простого заполнения определенного количества полей и порой приводит к довольно сложному поиску информации. Это прежде всего касается привязки археологических памятников к местности. Например, памятники, обнаруженные при разведках на месте будущих водохранилищ, часто привязаны к населенным пунктам, также ушедшим под воду, в других случаях приходится сталкиваться с переименованием населенных пунктов в республиках бывшего СССР, с изменением их конфигурации и количества. При этом современная картографическая информация — в особенности по республикам Средней Азии — на русском языке оказывается не столь уж многочисленной и доступной.

Необходимо отметить, что среди материалов, хранящихся в архиве, кроме археологических отчетов, многие

разделы используются неравномерно. Из них более всего востребованы диссертации и делопроизводство института. Однако и другие фонды, несомненно, необходимы исследователям — просто по ним до сих пор недостаточно «внешней» информации. Например, фонд чертежей большого формата помимо чертежей содержит живопись и рисунки, связанные с археологической тематикой. Фотоархив (о месте для хранения которого беспокоился еще Н.Н. Воронин) был систематизирован Г.К. Вагнером и рядом других сотрудников, но с тех пор практически не изучался и не использовался читателями. Во многих архивах читателей привлекают личные фонды. В архиве института их количество не столь велико (около 50), но они связаны с именами известных ученых-археологов. В перспективе — создание и по этим фондам аннотированных каталогов, аналогичных каталогам отчетов, работа над которыми проводится постоянно.

Планируется начать большую работу по оцифровке научного фонда Научно-отраслевого архива. Нововведением для архивного дела в целом является появление электронных версий археологических отчетов. Вопрос о том, как лучше регистрировать, хранить и использовать подобные документы, еще далек от окончательного разрешения.

Сотрудники архива кроме научных отчетов обрабатывают дела, поступающие в другие разделы (диссертации, личные дела сотрудников и аспирантов института, документы бухгалтерии). Проводится постоянная работа по реставрации и восстановлению дел, находящихся в ветхом состоянии (замена переплета, брошюровка и пр.). Следует отметить, что за последние годы значительно увеличилось число посетителей читального зала архива. В их числе — научные сотрудники университетов, академических учреждений, сотрудники органов охраны памятников, реставраторы, искусствоведы, аспиранты, магистры из разных регионов Российской Федерации, а также зарубежные исследователи.

Читальный зал архива, 2018 г.

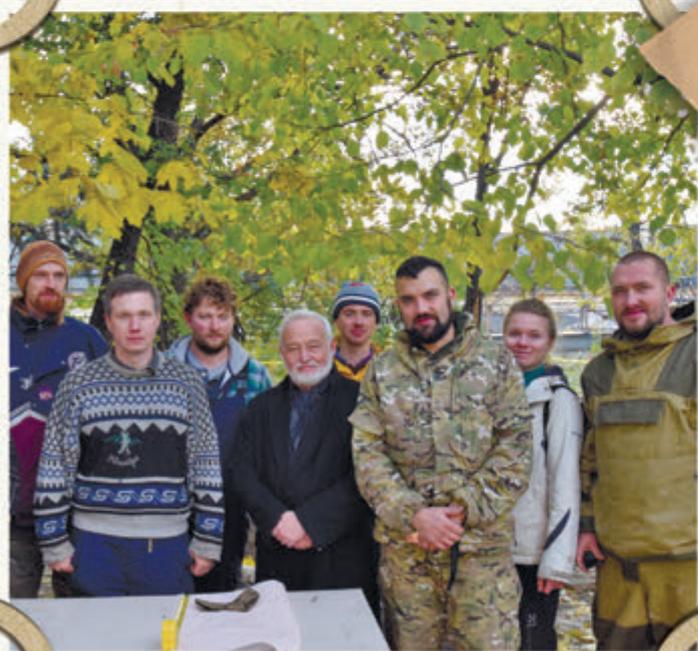

Процесс оцифровки документов в архиве.

Хранилище архивных дел.

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиции

Издательские
традиции

Персоналии

Приложения

О.Н. Бадер у двойного сунгирского погребения, 1969 г.

О.Н. Бадер на Сунгире, 1969 г.

Северная Палеолитическая/ Сунгирская экспедиция

*Трубят старинные ветра:
«Сунгирь, Сунгирь, Сунгирь...»
Им отвечает по утрам
Залязьминская ширь...*

А.П. Шабалин

К.Н. Гаврилов

Сунгирь — одна из самых богатых и исследованных стоянок древнего человека. Северной Палеолитической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера работы велись здесь почти 30 лет: вскрыто более 4,5 тыс. м² памятника, количество артефактов составляет около 70 тыс. предметов, собрана представительная фаунистическая коллекция костей животных ледникового периода.

Сунгирская стоянка расположена на восточной окраине г. Владимир, на высоком участке левого берега р. Клязьма в месте впадающего в нее ручья Сунгирь. На северо-восток от места расположения Сунгирия открываются замечательные по красоте виды на белокаменный храм Покрова на Нерли и резиденцию великого князя Андрея Боголюбского в с. Боголюбово.

Первые находки крупных костей животных (мамонта) и древних артефактов (просверленных плоских подвесок из камня) на месте стоянки сделаны машинистом экскаватора А.Ф. Начаровым в июне 1955 г. при разработке глиняного карьера. В августе–сентябре 1956 г. в результате археологических раскопок на дне карьера О.Н. Бадер установил наличие здесь позднепалеолитической стоянки. Культурный слой с находками костей и каменных орудий залегал на 3-метровой глубине от со-

временной поверхности в слое древней ископаемой почвы плейстоценового возраста, перекрытой сползшими по склону суглинками. Находки были распространены по всей толще почвы, образуя стратиграфические горизонты, свидетельствующие о неоднократном посещении стоянки.

Экспедицией О.Н. Бадера в 1964 и 1969 гг. сделаны сенсационные открытия — погребения древних людей. Это были взрослый мужчина 40–50 лет (одиночное погребение) и двое подростков — мальчик 12–14 лет и девочка 9–10 лет, похороненные вместе, головами друг к другу, в богато украшенной одежде. Эти погребения фактически были двухъярусными. Над погребением взрослого мужчины был найден человеческий череп, предположительно женский. А над детскими останками обнаружен скелет взрослого человека очень плохой сохранности и, что самое важное, — без черепа. Помимо этих антропологических находок были сделаны и другие, но они, к сожалению, носили случайный характер, и мы не знаем ничего об их археологическом контексте.

Среди немногочисленных известных палеолитических захоронений сунгирские погребения — одни из богатейших по составу инвентаря. Погребальная одежда мужчины и детей из погребений Сунгирия была расшита

бусинами из бивня мамонта и клыками песца, а на груди застегивалась костяными булавками. Количество бусин, найденных в могиле детей, насчитывало около 10 тыс. штук. Это позволило воссоздать первоначальный облик их одеяний, оказавшийся похожим на костюм современных северных народов. В детском погребении лежали копья из распряженных бивневых стержней (одно длиной 2,4 м), дробтики, браслеты и другие украшения из мамонтовой кости. Погребения были засыпаны красной охрой — минеральной краской, которая в каменном веке имела ритуальное значение и широко использовалась древними художниками в создании наскальных изображений.

Скелеты сунгирских людей были многосторонне исследованы антропологами. Облик взрослого мужчины восстановил известный советский антрополог, археолог и скульптор М.М. Герасимов. Созданы и скульптурные портреты мальчика и девочки из Сунгира. Было установлено, что сунгирцы были людьми современного физического типа — *Homo sapiens*. Однако особенности их строения позволили ученым говорить о верхнепалеолитическом Человеке сунгирском — *Homo sungirensis*.

По данным палеогенетики, дети из Сунгира были, скорее всего, братом и сестрой, так как имели в составе ДНК одинаковую мутацию. Сунгирских людей относят к кроманьонцам — ранним представителям современного человека, которые по внешнему облику и физическому развитию фактически ничем не отличались от современного человека. Они были высокорослы — рост мужчины достигал 178 см. Муляж захоронения детей и многие находки из Сунгира демонстрируются в экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Исследования под руководством О.Н. Бадера на памятнике продолжались с небольшими пе-

рерывами вплоть до 1977 г. Итоги работы обобщены ученым в монографии «Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка» (М., 1978). После смерти в 1979 г. О.Н. Бадера, внесшего огромный вклад в изучение отечественного палеолитоведения, комплексные археологические исследования на Сунгирской стоянке продолжились в 1986–1995 гг. Работами на памятнике руководили Н.О. Бадер, сын первого исследователя стоянки; Л.А. Михайлова, открывшая однокультурную Сунгирию стоянку Русаниха, и Ю.А. Смирнов — специалист по изучению палеолитических погребений. В 2000–2005 гг. исследования на Сунгире продолжили Н.О. Бадер и А.Б. Селезнев. В 2014 и 2015 гг. раскопки проводила экспедиция ИА РАН под руководством К.Н. Гаврилова.

Археологические исследования 1986–1989 гг. позволили соотнести с каждым из выявленных почвенных уровней отдельный горизонт культурного слоя. Светлой почве соответствовал верхний горизонт с единичными находками, темной почве — нижний горизонт, сильно насыщенный культурными остатками. В 2005 г. во время шурфовки территории, непосредственно прилегающей к уже раскопанной площади Сунгирской стоянки, А.Б. Селезнев в слое древней погребенной почвы возрастом более 100 тыс. лет назад найдено каменное орудие. Помимо орудия в средней части толщи этой почвы обнаружена трубчатая кость животного со следами человеческого воздействия. Данные находки убедительно свидетельствуют о том, что на этой территории должны располагаться памятники каменного века еще более древние, чем Сунгирская стоянка. Раскопки 2014 и 2015 гг. позволили получить новые радиоуглеродные датировки, которые удревели время начала существования Сунгира вплоть до 30 тыс. лет от наших дней.

О.Н. Бадер (крайний слева) и сотрудники экспедиции, фиксация двойного детского погребения, 1969 г.

М.М. Герасимов, О.Н. Бадер, В.И. Громов и сотрудник экспедиции у двойного детского погребения, 1969 г.

Расчистка мужского погребения, на заднем плане – М.М. Герасимов, 1964 г.

Сунгирские находки – фигурки лошадок, бивень мамонта.

Основным занятием сунгирцев была охота на северных оленей, бизонов, лошадей, волков, росомах. Вероятно, добывали и мамонтов. Сунгирскую стоянку отличают большое количество изделий из кости, рога и бивня мамонта (мотыги, острия, выпрямители древков, «жезлы», ритуальные диски, оружие, украшения, фигурки животных), а также высокая техника их обработки. Символом Сунгирия стала «сунгирская лошадка» — маленькая плоская фигурка-амулет большоголовой лошади или сайги из бивня мамонта. Вероятно, ее носили на груди в качестве оберега, на задней ножке имеется сквозное отверстие для подвешивания. На обеих сторонах фигура лошади повторена контуром из неглубоких высверленных точек. Количество точек на фигурке, кратное пяти, свидетельствует о знакомстве обитателей стоянки с пятеричной системой счета.

Сунгирское поселение относится к стрелецкой археологической культуре, в которую исследователи включают ряд памятников в с. Костенки на Среднем Дону, стоянки в Бирючьей Балке на Нижнем Дону, упомянутую выше стоянку Русаниха (в 8 км от Сунгирия) и стоянку Гарчи 1 на Верхней Каме. Кроме того, в Кировоградской обл. современной Украины также известен памятник стрелецкой культуры — стоянка Высь.

Сунгирская стоянка — один из ключевых верхнепалеолитических памятников на территории Восточной Европы, имеет мировую известность. Она относится к археологическим памятникам федерального значения и находится под охраной ЮНЕСКО. Для О.Н. Бадера Сунгирь стал крупнейшим открытием в его богатой научной карьере.

Вот что сам Отто Николаевич писал об этом чрезвычайно плодотворном периоде своей жизни, отмеченном не только открытиями мирового уровня, но и насыщенным человеческим общением, в том числе научным:

«Сунгирь, как и Каповая пещера, принадлежит к числу самых последних из моих крупных исследований...

На многолетних раскопках Сунгирия выросло не одно поколение молодых археологов... Участники сунгир-

ских раскопок — это студенты историки и антропологи МГУ, Пермского, Свердловского, Уфимского, Томского, Казанского, Куйбышевского, Ярославского, Воронежского и других университетов, педагогических институтов Владимира, Москвы, Иванова, Рязани, Тулы, Куйбышева и других городов, владимирские и многие другие школьники старших классов. За годы раскопок на Сунгире многие их участники получили ученые степени кандидата и даже доктора наук.

Лагерь экспедиции на Сунгире из десятков белых палаток всегда являет красочное зрелище и живет полнокровной жизнью, в центре которой находится интерес к замечательному памятнику палеолита, общим и частным вопросам его исследования. Круг интересов "сунгирцев" неизмеримо расширился благодаря совместной работе с геологами под руководством В.И. Громова, с палеоботаниками под руководством В.Н. Сукачева, почвоведов, палеонтологов, палеогеографов и другими специалистами. Замечательные открытия, которыми подарил нас Сунгирь, привлек к нему внимание многих специалистов, в том числе зарубежных, и частые гости оживляли наш сунгирский ландшафт. А в 1963 г. Сунгирь даже послужил базой для проведения Международного симпозиума по стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы. ...

... студент Пермского университета Юра Кутаков, зачищая культурный слой тонкими срезами ножа, наткнулся на какой-то твердый предмет. Вынув его пальцами, Юра увидел у себя на ладони произведение искусства: выточенную из бивня плоскую фигурку лошади с точечным орнаментом на поверхности. Но из-за почти вертикального положения вещи в слое нож, хотя и тупой, срезал торчавший вверх кончик.

Я был очень расстроен: уникальная находка, первая на Сунгире... Как я буду ее показывать? К тому же отсутствие конца делало сомнительным даже самое определение предмета как плоской скульптурки лошади.

На квадрате оставалось в стороне около 2 ведер еще не отброшенной, хотя и просмотренной земли. Я за-

ставил студентов перебрать ее пальцами, но это не привело ни к чему. На следующее утро вся отработанная земля со злополучного квадрата была собрана в ведра и отнесена к мочажинке в конце карьера; там лаборантка, очень добросовестный человек, много часов промывала всю землю через мелкоячеистое сито с водой.

Уже в конце дня я подошел к ней.

– Как дела, Татьяна Николаевна? Так ничего и нет?

– Конечно, ничего! Вы заставили меня целый день заниматься бесполезной работой, — ответила она недовольно. — Люди приходят и поднимают меня на смех.

– Ну, что делать! Уж кончайте. Вот, всего две горсти осталось.

Через несколько минут в предпоследней горсти земли долгожданный обломок был найден. Он оказался задней ножкой фигуры со сквозным отверстием для подвешивания. Амулет! Его носили на шнурке! Так была найдена и восстановлена знаменитая "сунгирская лошадка", скоро ставшая эмблемой Сунгирия и сунгирской дружбы.

Сунгирь оказался щедрым на сюрпризы, как еще ни одна палеолитическая стоянка в моей жизни. И главным сюрпризом были, конечно, две могилы, изумительные по сохранности, сложности погребального ритуала, по богатству сопровождающих вещей, одним словом, богатейшие в мире!

Мы расчищали их очень внимательно и долго. Первую могилу, с погребением пожилого мужчины, ровно 30 дней, без выходных, от солнца до солнца. О находке писали в местной и центральной прессе, и за рубежом. Пока мы работали над погребением, у нас побывало несколько тысяч человек. А при расчистке могилы подростков к нам на раскопки

приезжали ученые из Москвы, Ленинграда, Казани, Перми, Львова, Тбилиси и других городов, и даже сектор палеолита Академии наук прибыл к нам из Ленинграда в полном составе. Это сильно мешало работе, но и радовало нас, так как свидетельствовало о значении наших находок.

Мы не успели расчистить могилу подростков до зимы, хотя владимирские организации построили над могилой барак с печкой, 9 декабря, заключив всю могилу в огромный, 4-тонный ящик, мы увезли его в Москву, где изучали его около полутора лет. Никогда еще глаза археолога не смотрели на такое изумительное богатство палеолитических погребений. ...

Многолетняя работа на Сунгире и его всегда молодой палаточный лагерь, в разные годы ставившийся на разных местах, неизменно сплачивал нас в единую, дружную семью. Здесь, у вечернего костра многое было обсуждено, много сложено стихов и спето песен. Особенно большой популярностью пользуется "Сунгирский романс", слова и мотив которого сочинены В.Н. Копыловой и Г.А. Балевой в 1964 г.:

В Сунгирском карьере лежит мое сердце,
Посыпано охрой, покрыто песком,
В Сунгирском карьере лежит мое сердце,
А Бадер не знает, не знает о том! ...»

Выражаем благодарность А.Н. Бадеру за предоставленную возможность опубликовать выдержку из воспоминаний О.Н. Бадера.

Сунгирь, раскопки 2015 г.

Сунгирь, вид сверху на раскоп 2015 г.

Вид сквозь портал Каповой пещеры, 2017 г.

Копия (в краске) изображения мамонта, зал Рисунков. К.Н. Никахристо, 1974 г.

Уральская Палеолитическая экспедиция (Капова пещера)

А.С. Пахунов

На правом берегу р. Белая, на расстоянии около 150 м от нее расположен обширный, высотой более 10 м портал, открывающий пространство привходовой части Каповой пещеры (Шульган-Таш). Пещера фигурирует в научных описаниях с середины XVIII в., но приобрела всемирную известность позднее, когда в 1959 г. здесь были выявлены изображения, выполненные краской. Корпус их пополнялся в ходе последующих исследований, в том числе экспедиции (1960–1978) института.

Первые сообщения об открытии рисунков изобиловали описаниями животных, никогда не обитавших на Урале. Для обследования пещеры Институт археологии АН СССР командировал О.Н. Бадера, и одной из его первоочередных задач было удостовериться в верхнепалеолитическом времени изображений. В состав первой экспедиции, отправившейся в пещеру в 1960 г., входили археологи, спелеологи и альпинисты, что позволило обследовать не только доступный нижний этаж пещеры, но также и верхний этаж, для посещения которого необходимо было преодолеть два отвесных многометровых подъема. Именно на верхнем этаже пещеры были обнаружены изображения мамонтов, что позволило отнести рисунки к искусству верхнего палеолита и по их стилистике сузить интервал до раннего мадлена. Животные

ледникового периода очень натуралистичны: мамонты и лошади являются центральными мотивами, также зафиксированы изображения носорога, тура и других животных, многочисленны знаки и геометрические формы, среди которых особенно выразительны так называемые трапеции. Значительная древность рисунков подтвердилась и тафономическими особенностями: в некоторых местах краска была перекрыта многовековыми натёками кальцита.

Успешность работ в пещере была напрямую связана с техническим оснащением экспедиции и, прежде всего, с наличием качественного освещения. Использование передвижной электростанции, от которой питались яркие лампы, позволило в 1961 г. существенно продвинуться в изучении рисунков. Благодаря этому открыты новые изображения на западном панно и восточное панно, а также геометрические изображения в зале Хаоса, первоначально отнесенные к железному веку. Новые открытия совершены в 1973 г. во время съемки фильма «Чудо темноты»: благодаря свету мощных ламп исследователи обнаружили новые изображения, а также существенно уточнили детали уже известных рисунков.

Следы краски позже обнаружены и в залах, расположенных ближе ко входу в пещеру и имеющих совре-

менные названия — зал Знаков и Купольный. Сопоставление геометрических изображений с аналогами в искусстве более поздних периодов позволило предположить, что геометрические изображения в пещере древнее, чем считалось прежде: возможно, мезолитические.

Во время первого осмотра пещеры О.Н. Бадер отметил, что многие изображения исписаны туристами, которые использовали в том числе масляные краски. Тогда же стала понятна необходимость проведения реставрационных работ, предваряющих непосредственное изучение древней живописи. Уже в следующие два года большая часть граффити на верхнем этаже была удалена путем тампонажа, а также начата расчистка рисунков из-под кальцитовых натеков на нижнем этаже.

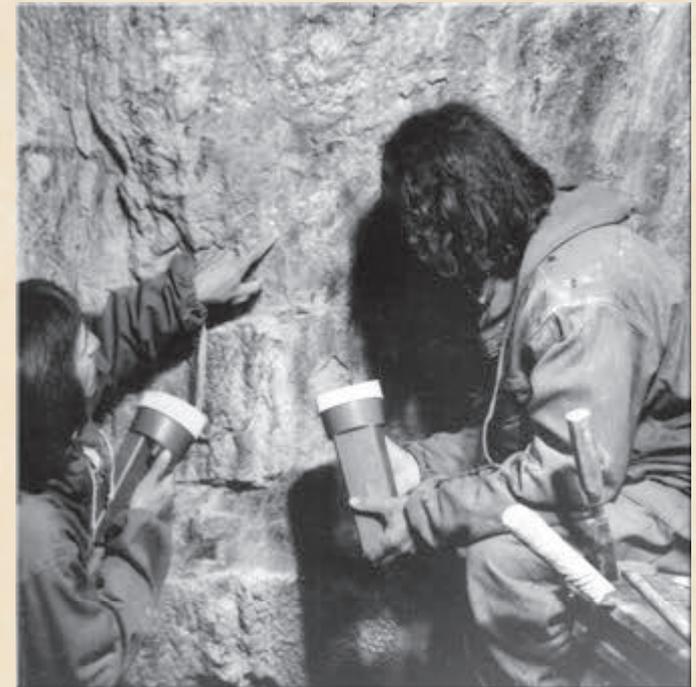
После очистки рисунки фотографировались на черно-белую и цветную пленку, однако основным методом фиксации было их копирование, выполненное художником К.Н. Никахристо, который принимал участие почти во всех последующих экспедициях. При издании книги О.Н. Бадера о Каповой пещере (М., 1965) репродукции данных копий использовались в качестве иллюстраций. В 1976 г., когда в экспедиции не было художника, применялись копирование на целлофан в натуральную величину, перевод контура на ватман и закрашивание краской. Полученные материалы затем использованы К.Н. Никахристо для выполнения рисунков в выбранном стиле.

Наиболее эффектный результат реставрационной деятельности — раскрытие панно с изображениями животных и знаков в зале Хаоса. Оно представляет собой наклоненную вперед плоскость, покрытую слоями кальцита разного времени, толщины и строения. Основная площадь раскрыта из-под кальцитовых натеков группой сотрудников Всероссийского

художественного научно-реставрационного центра им. академика Грабаря в 1976–1978 гг. Реставраторы снимали массивные слои с использованием ударного инструмента, а затем утоньшали слой скальпелями. Всего расчищена площадь около 3 м². В 1976 г. раскрыты две трапеции — меньшая слева и большая в центре композиции. Через два года работы были продолжены, и их итогом стали выявленные изображения двух лошадей и ряда других фрагментов. Небольшие по площади пробные расчистки показали, что рисунки распространяются по плоскости и за пределы уже известных изображений. Одним из результатов расчисток новых рисунков стало понимание того, что изображения животных и знаков неразрывно связаны между собой, а следовательно, выполнены в одно время.

По предположению О.Н. Бадера, хорошая четкость раскрытых изображений может быть обусловлена тем, что рисунки достаточно быстро оказались под защитным слоем кальцита. Недавние работы по изучению палеоклиматических условий в пещере и уран-ториевому датированию наслоений подтвердили данное предположение.

Обнаружив под наслоениями кальцита прекрасно сохранившиеся рисунки, исследователи пришли к мысли о необходимости расширить область поисков на стенах с натечными образованиями кальцита, распространенными на всем среднем этаже пещеры. Поскольку механическая расчистка была весьма трудоемкой задачей, а пробы по химическому растворению кальцита не привели к успеху, исследователи попытались использовать съемку в инфракрасном свете для поиска рисунков, скрытых под кальцитом. Первые пробы, осуществленные в 1976 г., не были удачны, как считалось, из-за недоста-

Реставраторы у панно с фигурами лошадей и знаками, зал Хаоса, 1976 г.

Изображение лошади, раскрытое из-под кальцитовых натеков, зал Хаоса, 1978 г.

Геометрический знак, северная стена зала Знаков, 1962 г.

Изображение верблюда-бактриана, раскрытое из-под кальцитовых налетов, зал Хаоса, 2017 г.

точной мощности источника освещения, однако возобновить эксперименты не получилось.

Одновременно с открытием рисунков в пещере возникла задача ее сохранения как уникального археологического и природного объекта. С началом работы экспедиции ИА АН СССР к 1962 г. было установлено первое ограждение — деревянная решетка с калиткой, призванная ограничить неконтролируемое посещение пещеры. Однако новые надписи на рисунках продолжили появляться. Последовавшие в 1963–1964 гг. газетные публикации о целебных свойствах пещер привели к тому, что люди стали посещать Капову пещеру, как лечебницу, они «...пьют воду, падающую со сталактитов, обивают сталактиты, сталагмиты и натеки со стен, приготавливают из них порошок и мажутся им, едят пещерную глину» (Отчет о полевых работах О.Н. Бадера 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3121). Увеличение туристического потока сказывалось и на сохранности рисунков. Первая металлическая решетка была установлена в 1965 г. вместе с новыми лестницами, ведущими на верхний этаж пещеры. Однако недостаточность принимаемых мер по охране пещеры привела к необходимости в 1971 г. снова проводить очистку рисунков от граффити.

Несмотря на постановление о закрытии пещеры до ее благоустройства, посещение Каповой было включено в туристический маршрут по р. Белая, что неизменно приводило к повышенной антропогенной нагрузке на рисунки. В 1976 г. возникла потенциальная угроза затопления пещеры из-за начинающегося строительства Иштуганского водохранилища, однако после переговоров с руководителями республики и проектных организаций и письма от Института археологии АН СССР был утвержден проект, по которому водохранилище не доходит до пещеры на 15 км. Открытие новых рисунков в результате реставрационных работ и ухудшающаяся сохранность остальных изображений позволили в 1978 г. поставить вопрос о полном закрытии пещеры для посещения туристами.

Помимо изучения живописи в пещере проводились локальные раскопки под панно с рисунками на верхнем

этаже. Так, в 1962 г. выполнен пробный раскоп у восточной стены, а в 1973 г. у западной стены, где под кальцитовой коркой обнаружены многочисленные угли, кусочки охры, кости мелких грызунов, плитки известняка со следами краски, а также несколько галек, которые могли использоваться для перетиранья краски. Также проводились локальные раскопки под рисунками у северной стены зала Знаков, в результате которых были зафиксированы отдельные свидетельства деятельности человека. Дальнейшие археологические исследования, осуществленные в 1980–2010-х годах, показали множественность культурных слоев эпохи плейстоцена и голоцена, разновременность эпизодов использования пещеры в палеолите и последующие эпохи.

Активность в пещере была разнохарактерной, о чем свидетельствуют не только представленные на стенах и сводах изображения и особенности их локализации, но и выявленные очаги, зольные пятна, черепа, а также многочисленные и разнотипные клады пигментов. Клады представляют собой заготовленное сырье, предназначенное, вероятно, не только для рисования на камне, но и для другого типа ритуальной деятельности.

Спустя десятилетия после работ Уральской Палеолитической экспедиции О.Н. Бадера работы по консервации и реставрации рисунков были продолжены, результатом чего стала расчистка изображения верблюда-бактриана, дополнившего многофигурную композицию в зале Хаоса. Высокотехнологичное документирование этого панно, проведенное сотрудниками института в 2017 г., в сочетании с анализом состава красных красок разного оттенка показало совпадение рецептур красок, которыми был выполнен рисунок верблюда и знака справа от него. Это еще раз подтверждает неразрывную связь изображений животных и геометрических мотивов и доказывает одновременность их выполнения. Так на новом технологическом уровне раскрываются этапы становления ранних форм изобразительной деятельности в пещере.

Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР (петроглифы Саянского каньона Енисея)

М.А. Дэвлет в экспедиции, Тува.

Алды-Мозага, изображение оленя.

История открытия и исследования памятников Саянского каньона Енисея тесно связана с историей строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Некоторые из них открыты в середине 1950-х годов во время геодезических работ по проектированию объекта. В 1965 г. создана Саяно-Тувинская (позже Тувинская) экспедиция Академии наук СССР (СТЭАН, руководитель А.Д. Грач, Ленинградское отделение Института археологии), проводившая работы в зоне будущего водохранилища. В составе СТЭАН был отряд, в котором в 1967–1968 гг. работала сотрудница Института археологии М.А. Дэвлет. В 1974 г. была организована группа по изучению петроглифов (в дальнейшем отряд) под ее руководством. Цель отряда — изучение петроглифов и спасательные работы в зоне затопления строящейся ГЭС. Была составлена программа работ и определена их последовательность с учетом высотных отметок памятников, уходящих под воду. В дальнейшем в этот предварительный план постоянно вносились коррективы, поскольку в ходе полевых работ были открыты новые местонахождения петроглифов и объем предстоящих исследований тем самым возрастал. Работы были завершены в 1986 г., когда в конце полевого сезона началось затопление участка Саянского каньона, где работал отряд.

Под руководством М.А. Дэвлет зафиксированы все уходящие под воду камни с изображениями. В 1984 г. сотрудник Тувинского краеведческого музея В.Т. Монгуш, в соответствии с рекомендациями специальной комиссии, занялся спасательными работами по спиливанию петроглифов. Он вывез в Кызыл отдельные образцы каменных глыб. Ныне часть камней с изображениями доступна для обозрения, но это лишь малая толика того, что ушло под воду.

Работами отряда по изучению петроглифов СТЭАН в Саянском каньоне Енисея (и в ведущих из него ущельях) зафиксированы местонахождения наскального искусства: на правом берегу Енисея — Мозага-Комужап, Алды-Мозага, Устю-Мозага, Бижиктиг-Хая; на левом берегу — «У Чингенской воронки», Мугур-Саргол, «Дорога Чингисхана», Саргольское ущелье, Ортаа-Саргол.

Мугур-Саргол — на левобережье Енисея на скалах и отдельно лежащих камнях вдоль реки, всего 371 камень с петроглифами. Урочище расположено напротив устья горной речки Чинге. Скалы и камни, покрытые наскальными рисунками, протянулись вдоль реки полосой на 500 м. На каждом из обнаруженных камней с петроглифами находилось от 1 до 100 и более наскальных изображений. Во время паводков скалы уходили

Е.Г. Дэвлет

Алды-Мозага, изображение быка.

Алды-Мозага, антропоморфная личина.

почти полностью под воду. Специфические сюжеты: личины-маски, подпрямоугольные и округлые фигуры (жилища и загоны для скота), ямки-лунки, символизирующие небесные тела. Для данного памятника характерны мировоззренческие композиции: структура мироздания, «верхний мир», «галерея предков» на фоне звездного неба.

Алды-Мозага — гора на противоположном, правом, берегу Енисея, в непосредственной близости от Мугур-Саргола. Всего 152 камня. Скалы у кромки воды покрыты изображениями, сопоставимыми с мугур-саргольскими, только их значительно меньше (личин менее 40). Чаше, чем на других памятниках, здесь встречаются фигуры выючных животных и сцены с их участием. Уникальна композиция — «круговорот жизни и смерти». Характерны антропоморфные фигуры в грибообразных головных уборах.

Устю-Мозага — гора на правом берегу Енисея у Чингенской воронки. Всего 160 камней с изображениями. Фигуры, сопоставимые с мугур-саргольскими, единичны. Близ вершины есть большая композиция, где среди персонажей уникальная фигура мага. Имеется серия антропоморфных фигур в грибообразных головных уборах. Преобладают петроглифы более позднего времени вплоть до этнографической современности. Под горой Устю-Мозага находится большая композиция с изображением четырех колесниц, выючных животных, охотников, воинов и др., так называемый каменный компас.

Бижиктиг-Хая — гора с самыми крупными в Саянском каньоне петроглифами, фигурами животных. Внутри их контура вписаны как целые изображения животных, так и их части. Всего 99 камней с петроглифами. Другая характерная особенность памятника — скопления крупных ямок-лунок, иногда соединенных между собой желобками.

«Дорога Чингисхана» — петроглифы на скальных выходах и отдельно лежащих камнях, расположенных вдоль тропы, идущей параллельно береговой линии. Выделяется пласт изображений эпохи бронзы, для которых характерны предельный схематизм и удлинённые пропорции.

Преобладают фигуры козлов. Встречаются сцены преследования копытных волками или собаками, а также прекрасные образцы скифо-сибирского звериного стиля.

Мозага-Комужан — гора, на вершине которой скопление главным образом «рядовых» петроглифов (схематические изображения горных козлов). Всего 119 камней. Вблизи реки — несколько крупных композиций, на горном склоне к реке — сцена жертвоприношения, шедевр искусства скифо-сибирского звериного стиля.

У *Чингенской воронки* на левобережье Енисея сосредоточены разновременные петроглифы, в том числе ирреальные фантастические фигуры от эпохи бронзы до этнографической современности.

Саргольское ущелье — зафиксированы динамичные фигуры животных на скалах, обрамляющих ущелье. На одной из плоскостей фигуры более 100 козлов. Кроме того, выявлены средневековые изображения мчащихся всадников.

Ортаа-Саргол — в скоплении сосредоточены блестящие произведения скифо-сибирского звериного стиля. Преобладают зооморфные сюжеты. Имеются изображения образцов национальной женской одежды и сложных причёсок.

Наиболее ранний памятник — Мугур-Саргол. Люди пришли в эти места и выбили первые изображения, когда скалы еще были свободны от петроглифов. Это памятник наскального искусства наиболее выдающийся как с точки зрения природной исключительности, так и научной и художественной значимости не только в Саянском каньоне Енисея, но и в Туве в целом. Прибрежные скалы подтоплялись водами Енисея в период работ Отряда по изучению петроглифов несколько раз в год. Близость Чингенской воронки на Енисее придавала своеобразный колорит этим местам. Шум водоворота доносился до святилища, отдаваясь эхом в горах. Напоминанием о природных сейсмических катастрофах, происходивших в прошлом, служил огромный оползень на противоположном берегу Енисея. Таким образом, ряд природных факторов, не в последнюю очередь экстремальные условия, способствовали выбору места для святилища.

Окружающий ландшафт, своеобразные природные факторы обуславливали и корректировали замысел древних художников, топографические особенности местности создавали предпосылки для превращения череды прибрежных валунов и скальных выходов Мугур-Саргола в храм под открытым небом с алтарным комплексом в центре.

Главный камень алтаря — самый крупный на местонахождении — с двух сторон был обрамлен примерно равновеликими каменными столбами. Между этими скальными глыбами, перед «иконостасом» находится площадка, покрытая песком, на которой могли располагаться участники церемоний, исполнять ритуальные танцы, песни-заклинания, приносить жертвы, совершать моления. Во время инициаций на скалах выбивали новые рисунки, которые знакомили участников ритуалов с традиционными мифами.

Изображения на главной плоскости алтаря, вероятно, можно рассматривать как отражение комплекса древних представлений о структуре мира. Творцы петроглифов символически передали картину мироздания: наверху — верхний небесный мир, где в более высоких по сравнению с населенными людьми сферах обитают божества — духи-предки, многочисленные таинственные существа потустороннего мира, с которыми люди намеревались войти в контакт. Потусторонние силы олицетворяли личины-маски, которые размерами в несколько раз превышали фигуры людей на другой плоскости того же камня, тем самым подчеркивалась их семантическая значимость. В окружении сверхъестественных существ «второго порядка» перед зрителем предстает верховное «божество», выделяющееся своими размерами. Одним из первых петроглифов, а скорее всего самым первым, появился на скальном полотне человекоподобный лик верховного божества, имеющий характер горельефа. Это самая крупная личина Саянского каньона, занимающая главное место в иерархии божеств.

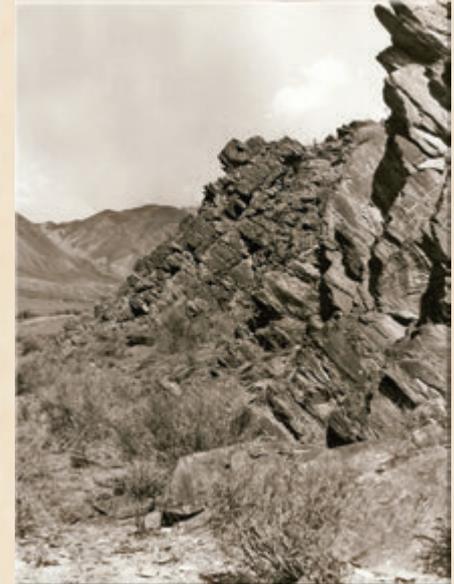
Особенно устрашающий вид имеет вторая по величине личина-маска с угрожающе-гневым выражением лица, искаженного страшной гримасой. Возможно, в этих

образах нашел отражение миф о паре демиургов, божестве и демоне, который был широко распространен в представлениях азиатских шаманистов. В средней части главного камня алтаря представлен поселок небожителей, состоящий из трактованных в плане жилищ, к которым примыкают загоны для скота. Здесь же изображены странные зооморфные существа с расширяющимися книзу ногами.

В нижней части главной плоскости «иконостаса» — картины, напоминающие «земную» жизнь: люди ведут за повод домашних животных; охотник стреляет из лука в козла, которого окружили собаки; человек в широкополой шляпе присел на корточки, широко расставив ноги; согбенный старец в длиннополном одеянии, в обуви, напоминающей очертаниями унты или валенки, следует за оленем, опираясь на посох. Но в то же время у оленя на голове лучистый солнечный диск, а у быка в кольцо рогов — точка, вероятно, соляренный символ. Все это наводит на мысль, что деление «иконостаса» на ярусы означает деление «верхнего мира» на отдельные сферы, что жилища — это дома небожителей, а человечки, изображенные в нижней плоскости, это небесные люди.

Наиболее характерная сложная группа петроглифов Мугур-Саргола — изображения личин-масок (около 250). Некоторые личины снабжены фантастическими дополнениями в виде скобок, полос, передающих, вероятно, устрашающую раскраску или татуировку на лицах. Устойчивый повторяющийся признак, позволивший условно разделить изображения на несколько групп, это форма головного убора. Выяснилась следующая закономерность: чем сложнее головной убор, тем насыщеннее внутреннее заполнение личины, тем нереальнее, причудливее ее облик.

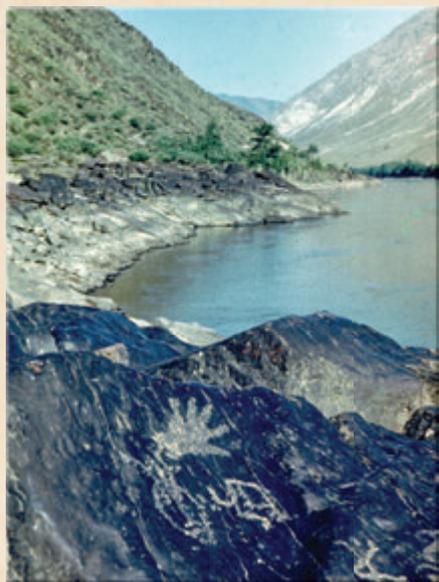
Изображения так называемых оградок круглой и прямоугольной форм с точечным заполнением или рассеянным черточками внутренним пространством — второй характерный сюжет петроглифов Мугур-Саргола. Обычно круглая и прямоугольная оградки примыкают друг к другу. Точечные заполнения характерны для круглых оградок, которые означают загоны для скота. Прямоугольные обычно имеют определенным образом разработанное внутреннее пространство. Это, надо по-

Бижиктиг-Хая, общий вид скальных выходов с петроглифами.

Бижиктиг-Хая, изображения оленя и козла.

Мугур-Саргол, раскрытая ладонь рядом с личиной.

Ортаа-Саргол, скальная поверхность с петроглифами.

лагать, жилища, изображенные в плане, с входами и отсеками для сна. В центре квадрата, выбитого по контуру, часто имеется кружок, который означает очаг или дымовое отверстие. Наряду с изображениями жилищ и загонов встречаются фигуры подпрямоугольных очертаний с отходящими в стороны отростками, контурами напоминающие распластанные шкуры животных. Изображения жилищ и «распластанных шкур» семантически однородны. Не исключено, что в отдельных случаях представлены условные изображения шалаша, покрытого шкурой животного. Зафиксированы две распряженные колесницы, находящиеся в композиционном единстве с изображением жилища.

Для петроглифов Мугур-Саргола характерны круги, ямки-лунки, чашечные углубления, резе окружности с точкой в центре. Всего таких фигур насчитывается около 3 тыс. Какие-то из них имели солярный характер. В окружении точек-лунок зафиксированы рисунки небесных светил в виде окружностей с расходящимися лучами.

Изображения людей встречаются на памятнике значительно реже (более 70), их хронологический диапазон довольно широк. Часть антропоморфных фигур показана в головных уборах, подобных тем, которые обычно венчают личины-маски.

Своеобразны антропоморфные персонажи с огромными грибообразными головными уборами. Широкополые шляпы — неперменный атрибут каждого антропоморфного существа. Их головы почти не выделяются кружком, как это обычно бывает на наскальных рисунках. Шляпа как бы покоится на длинной шее, напоминая очертаниями гриб. Уникальна фигурка танцующего человечка с посохом в руках на камне 226. Посох — предмет культа или символ власти, как это имело место на Древнем Востоке. Изображение раскрытой ладони в натуральную величину, выбитое на камне 107 рядом с личиной, уникально. Судя по технике нанесения и степени замытости, древний рисунок кисти руки одновременен прочим изображениям на этой плоскости и может быть датирован эпохой бронзы. Многочисленны фигуры животных, в большинстве своем это козлы, выполненные в

различной стилистической манере, а также олени, резе быки и др. Встречаются тамгообразные знаки.

Сюжетные композиции петроглифов по сути своей мифологические, отражают идеологические представления древнего населения о структуре Вселенной, трехчастном строении мира, о духах предков, населяющих верхнюю сферу и т.д. Наиболее ранние и сложные композиции — у уреза воды и в алтарной части святилища.

Таким образом, уникальный памятник наскального искусства бронзового века Мугур-Саргол (опубликован М.А. Дэвлет полностью в одноименной его названию книге — М., 1980) в целом, как уже отмечено выше, наиболее ранний в Саянском каньоне Енисея. Его открытие и тщательное исследование, как и детальная фиксация, а затем изучение других местонахождений — одно из значимых достижений Саяно-Тувинской (Тувинской) экспедиции АН СССР и в первую очередь его отряда по изучению петроглифов.

Большинство местонахождений опубликовано в монографиях М.А. Дэвлет. Каждый памятник своеобразен, один от другого отличается сюжетами и стилистическими особенностями, в то же время все вместе они составляют Саянский очаг наскального искусства.

Мугур-Саргол, изображение оленей в движении.

Археологическая экспедиция в Месопотамии

Р.М. Мунчаев

Поселение Тель Хазна I (Сирия), раскопки монументальных конструкций, 1994 г.

Ярымтепе I (Ирак), В.А. Башилов работает над планом поселения, 1970 г.

Как известно, древние греки назвали междуречье Тигра и Евфрата, куда входят Ирак и Сирия, Месопотамией. Здесь впервые возникли земледелие и скотоводство, появились самые ранние города и письменность, сформировались первые государства и сложилась древнейшая в истории человечества цивилизация. Именно поэтому столь велик интерес мировой науки к данному региону Старого Света. Но так получилось, что ученые России с большим отставанием (более чем на 100 лет) от западных специалистов приступили к археологическим исследованиям в Месопотамии лишь с 1969 г.

В 1966 г. в Багдаде состоялось открытие Национального археологического музея Ирака. В церемонии приняла участие делегация АН СССР в составе директора Эрмитажа академика Б.Б. Пиотровского, зам. директора ИА АН СССР Е.И. Крупнова и известного советского арабиста А.А. Халидова. Во время встречи иракская сторона предложила организовать российскую экспедицию в Месопотамию. Уже в следующем году сотрудники ИА АН СССР Н.Я. Мерперт и Н.О. Бадер совершили командировку в Ирак с целью выбора объекта для исследований нашей экспедиции. Таким объектом стала группа теллей под названием «Ярымтепе» (в переводе с тюркского «половина холма»), расположенная близ

г. Телафар, в 100 км к западу от г. Мосул, в наиболее слабоизученной в археологическом отношении области Ирака, на ее границе с Турцией и Сирией. Собранные на поселениях Ярымтепе I, II и III выразительные образцы керамики трех древнейших культур дописьменной Месопотамии — хассунской, халафской и убейдской (VI–IV тыс. до н.э.) — прямо вписывались в программу реализации поставленной перед экспедицией задачи изучения проблемы становления раннеземледельческих культур и сложения самой ранней в истории месопотамской цивилизации.

Президиум АН СССР поручил ИА АН СССР организовать с 1969 г. экспедицию в Ирак в составе семи ученых, сроком на четыре года, по три месяца работы в поле ежегодно (в последующем состав экспедиции был увеличен до девяти сотрудников и сроки ее работы пролонгированы). В состав экспедиции вошли Р.М. Мунчаев (руководитель), Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов (ИА АН СССР), О.Г. Большаков (Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР) и технические работники П.Д. Даровских и М.У. Юнисов (Институт этнографии АН СССР). Несколько позже состав экспедиции дополнили В.И. Гуляев, А.В. Куза (ИА АН СССР) и И.Г. Нариманов (Институт археологии

Телль Хазна I, аэростат, с которого сделаны первые аэрофотоснимки памятника, 2008 г.

Телль Хазна I, глиняные сосуды, бусы из погребений начала III тыс. до н.э.

Телль Хазна I, вид на храмовый комплекс с юго-запада, 1996 г.

и этнографии АН Азербайджана). По одному сезону участвовали в экспедиции Г.Н. Лисицына, С.С. Ширинский (ИА АН СССР) и О.М. Джапаридзе (АН Грузии). Мы всегда честно заявляли, что начинали свои работы в Месопотамии, совершенно не зная специфики археологических объектов и не имея никакого опыта проведения раскопок там. Но нам удалось ознакомиться со всей библиографией по Ближнему Востоку, освоить методику раскопок памятников Двуречья, «войти» в археологию Месопотамии и решать и ее проблемы.

Актуальность исследования Синджарской долины заключалась не только в ее крайне слабой изученности, а в том еще, что она находилась в центре Дезиры, которая связывала с древнейших времен Северную Сирию и Восточное Средиземноморье с глубинными районами Месопотамии. Российская экспедиция начала свои первые раскопки в Ираке весной 1969 г. с поселения хассунской культуры Ярымтепе I. Известно, что эта культура считалась тогда самой ранней земледельческой культурой Месопотамии (VI тыс. до н.э.) и была представлена по существу одним памятником — поселением Телль Хассуна. Последнее находилось в районе г. Мосул и было раскопано в годы Второй мировой войны С. Ллойдом. Его исследовали на небольшой площади и не довели раскопки до материка. Поэтому многие вопросы, связанные с данной культурой, оставались не изученными и слабо аргументированными.

Наша экспедиция выявила целую группу хассунских поселений и на трех из них провела раскопки. Наиболее широкие работы осуществлены на Ярымтепе I. Раскопки охватили половину телля и на значительной площади были выведены на материк. В его 6-метровом культурном слое выделено 12 строительных горизонтов и вскрыты остатки более 1000 жилых, хозяйственных и культовых сооружений (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981), позволивших изучить архитектуру, строительное дело и особенности планировки поселения.

Огромен и разнообразен добытый на Ярымтепе I материал. Он включает серию находок кусков медной

руды, пронизок и других украшений из меди и уникальный свинцовый браслет — древнейшее изделие из данного металла в Месопотамии. Кроме того, мы располагаем самой значительной коллекцией хассунской керамики. Выразительна и многочисленная серия антропоморфных фигурок. Ярымтепе I по объему проведенных там раскопок, полученному материалу, четкой стратификации памятника и детальному послойному изучению его культурных отложений является сейчас самым изученным и репрезентативным памятником культуры Хассуны.

Отметим, что наряду с большими стационарными раскопками российская экспедиция проводила широкие разведочные работы. В результате их в долине Синджара был открыт и исследован ряд совершенно неизвестных до этого памятников, предшествовавших периоду развития Хассуны. Это прежде всего Телль Магзалия — первое поселение докерамического неолита в Месопотамии (VIII тыс. до н.э.). Характерно, что оно располагалось на границе предгорий Синджара, где произрастали дикие злаки, и долины, на которую эти злаки распространялись в процессе их культивации (Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989). Это был небольшой поселок площадью менее 1 га, толщина его культурного слоя достигала 8 м. Выявлены остатки прямоугольных домов на каменных фундаментах. С напольной стороны поселение было укреплено каменной стеной на высоту до 2 м, древнейшим оборонительным сооружением в Месопотамии и одним из примеров ранних фортификаций в мировой истории вообще.

Собранная в Телль Магзалии палеоботаническая коллекция содержала около 300 зерен и семян культурных и дикорастущих растений, в том числе пшеницы однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного ячменя. Изучение же остатков фауны показало, что в ранних слоях поселения представлены в основном кости диких животных — бизона, онагра и газели. Среди них имеются и единичные кости домашних овец и козы, что свидетельствует о начале одомашнивания этих животных. Установлено, что в средних слоях

поселения количество остатков домашних животных заметно возрастает, в то время как костей диких животных становится несравненно меньше. Перед нами картина того, как охота теряет свое значение, уступая место скотоводству. Неожиданными были находки в Телль Магзалии кусков медной руды и даже готового изделия из меди — кованого шила. Они доказали, что развитие металлургии в Месопотамии, как и в других областях Ближнего Востока, началось довольно рано, еще до появления керамики.

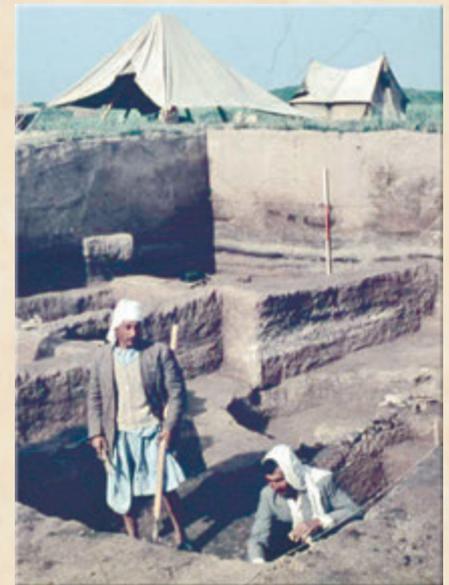
С проблемой возникновения земледелия и скотоводства, а также металлургии связаны вопросы заселения и освоения долин Северной Месопотамии, как и Двуречья в целом. Возможность их исследования появилась после открытия ряда древнейших памятников в Северо-Западном Ираке, в том числе раскопанных нами в долине Синджара поселений Телль Сотто и Кюльтепе. Эти памятники представляют самую раннюю земледельческую культуру, которая начала складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до н.э. Она вошла в литературу под названием культуры Телль Сотто.

Телль Сотто и Кюльтепе — это были довольно маленькие поселки площадью не более 0,5 га, застроенные одно- или многокомнатными домами, стены которых были сложены из глиняных блоков. Население культивировало те же злаки, но уже в условиях плодороднейших долинных почв Верхней Месопотамии. Важнейшее техническое достижение носителей данной культуры — освоение гончарного производства. Найденные на ее поселениях груболопные и слабообожженные сосуды — это наиболее ранняя керамика Месопотамии. Некоторые формы посуды были орнаментированы налестками, а в отдельных случаях и примитивной росписью. Наряду с глиняной посудой обитатели Телль Сотто и Кюльтепе изготавливали также каменные сосуды, в том числе изящные мраморные. Существенно, что в культуре Телль Сотто были продолжены начатые в Телль Магзалии первые опыты изготовления медных изделий.

Подводя некоторые итоги изучения Телль Сотто и Кюльтепе, следует отметить прежде всего, что они по-

Ярымтепе I (Ирак), первый сезон раскопок, 1970 г.

Поселение Ярымтепе I, начало 1970-х годов.

Глиняные антропоморфные фигурки, поселение Ярымтепе I.

Тель Магзалия (Ирак), остатки оборонительной стены.

Погребение в культурном слое поселения Тель Магзалия.

зволили заполнить значительную историческую лакуну между докерамическим неолитом и культурой Хассуны. Уже очевидно, что широкое освоение долин Месопотамии началось в VII – начале VI тыс. до н.э., когда на основе культуры Сотто здесь сложилась хассунская культура. Видимо, к VI тыс. до н.э. оказалась освоенной если не вся месопотамская долина, то значительная часть Верхней Месопотамии.

Последующий за Хассунной период в истории Месопотамии характеризует халафская культура (вторая половина VI – начало V тыс. до н.э.). До наших работ в Ираке исследованиям здесь подверглись лишь единичные ее памятники и прежде всего Тель Арпачия в районе Мосула. Но ни на одном из них раскопки не были доведены до основания культурного слоя. Российская же экспедиция открыла в долине Синджара группу поселений данной культуры и на двух из них провела широкие раскопки (Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. С. 156–282; Merpert N.Ya., Munchaev R.M. Yarim Tepe III. The Halaf levels // Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization. Soviet Excavations in Northern Iraq. Arizona, 1993. P. 163–205).

На Ярымтепе II, где культурный слой достигал в толщину 7 м, весь раскоп площадью 600 м² был выведен на материк, а на Ярымтепе III халафский слой мощностью 8 м был перекрыт 4-метровым слоем убейдской культуры. И здесь мы прошли на отдельных участках весь 12-метровый слой памятника. На обоих поселениях экспедиция вскрыла остатки более 80 круглых толосовидных построек, иногда с примыкающими к ним прямоугольными сооружениями. Отныне ясно, что подобные однокомнатные круглые дома были основной формой жилой и культовой архитектуры носителей Халафа.

Большой интерес вызывает керамика халафской культуры. В частности, из Ярымтепе II происходит самая значительная в настоящее время коллекция. Она высокого качества и отличается большим разнообразием форм. Примерно половина всех сосудов украшена росписью. Поражает разнообразие мотивов росписи: только геометрические и растительные мотивы представлены более чем 400 вариантами. Многочисленны также антропоморфные и зооморфные сюжеты, иногда сочетающиеся в сложных сценах. Халафское искусство характерно и оригинальными образцами пластики. Среди них не только типичные для Халафа терракотовые фигурки, а найденные, например, в Ярымтепе II уникальные расписные сосуды в виде женской фигуры с одной стороны, а с другой — в виде свиньи.

Полагаем, распространение халафской культуры знаменовало появление в Северной Месопотамии новых этнических групп населения. Вопросы о корнях и судьбах этой яркой культуры Месопотамии остаются до сих пор не установленными. В данной связи несомненное значение приобретает тот факт, что в VI–V тыс. до н.э. в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе доминирует, как и на поселениях Северной Месопотамии, такая же архитектура круглых в плане сооружений. Возникает вопрос: не появилась ли она здесь в результате месопотамских влияний, тем более что в отдельных памятниках Закавказья встречаются образцы характерной халафской керамики.

Выполненные российской экспедицией в Ираке исследования беспрецедентны по масштабам, результативности и научному значению. Западная наука признала, что отныне без учета данных российской экспедиции невозможно изучать археологию Месопотамии.

В этой связи примечательно признание, сделанное известным ученым Дж. Отс (J. Oates). В рецензии на нашу книгу (Arizona, 1993, см. выше), она подчеркнула, что если до недавнего времени лидирующая роль в изучении Северной Месопотамии принадлежала британской археологии, то сейчас она перешла к российской экспедиции, исследования которой заметно изменили существующие знания о неолите Месопотамии (Antiquity. 1994. Vol. 68, № 261). За выполнение этих исследований группе сотрудников российской экспедиции (Н.О. Бадеру, Н.Я. Мерперту и Р.М. Мунчаеву) в 1999 г. была присуждена Государственная премия России в области науки.

Начавшаяся война между Ираком и Ираном в 1980 г. привела к свертыванию в Ираке деятельности всех археологических экспедиций. Мы, как и другие экспедиции, перебазировали свои работы на смежные регионы Северо-Восточной Сирии. В течение 1988–2010 гг. наша экспедиция провела в долине Хабура, близ г. Хассаке исследования Телль Хазны I — большого холма диаметром до 200 м и высотой 17 м. Нижние слои телля мощностью до 4–5 м относятся к убейдской и урукской культурам (конец V – IV тыс. до н.э.). Основной же слой толщиной около 12 м, являвшийся главным объектом изучения, принадлежал раннединастическому I периоду (первая треть III тыс. до н.э.). Вскрытая площадь памятника составила свыше 5 тыс. м², на которой выявлены остатки около 600 различных строительных комплексов, включая массивные храмовые постройки, крупные зернохранилища и обводную стену протяженностью до 100 м. Многие из этих сооружений сохранились на высоту 8 м и больше.

Телль Хазна I — не рядовое сельскохозяйственное поселение, а представляет остатки

храмово-административного центра, в котором совершались земледельческие культы и хранились и распределялись запасы общественного зерна. Это уникальный памятник Северной Месопотамии первой половины III тыс. до н.э. Открытые здесь многочисленные строительные комплексы позволили детально изучить планировку этого довольно сложного памятника и его архитектуру, особенности строительного дела и многое другое. Здесь добыт также обширный и разнообразный археологический материал, в том числе важные данные по палеоботанике и археозоологии. Поражает обилие не только керамики, но и каменных земледельческих орудий, костяных изделий, антропоморфных и особенно зооморфных глиняных фигурок, древнейших печатей, бронзовых предметов и т.д. Исследовано также свыше 70 погребений, относящихся главным образом к финальному периоду жизни поселения.

Главный итог работы в Сирии — подготовка и издание всех найденных в Телль Хазне I материалов. Первый том содержит данные по архитектуре, керамике и погребениям, раскопанным в Телль Хазне I до 2000 г. (Мунчаев Р.М. и др. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004). Во втором томе изданы новые данные по архитектуре и погребениям и все категории полученных в исследованном памятнике археологических, антропологических, палеоботанических и археозоологических данных (Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. М., 2016). Благодаря этим фундаментальным изданиям удалось полностью ввести в научный оборот чрезвычайно важный и уникальный памятник раннединастического I периода Месопотамии.

Лагерь экспедиции в Ярымтете (Ирак), 1971 г.

Раскопки поселения Ярымтете I, 1975 г.

Телль Хазна I (Сирия), аэрофотоснимок поселения, 2008 г.

Рудник Айбунар, расчистка штольни, 1972 г.

Рудник Айбунар, древнее погребение в штольне, 1972 г.

Болгаро-советская/ русская экспедиция

Т.Н. Мишина

В 1961 г. создана Болгаро-советская/русская (с 1992 г.) экспедиция Института археологии РАН, проработавшая до 2001 г. Это была вторая международная экспедиция института после Монгольской. В истории ее можно выделить два этапа.

Первый, с чего все начиналось, — раскопки на многослойном поселении Эзеро, которое располагалось в центре Фракийской равнины, близ г. Нова-Загора. Тогда в состав экспедиции входили российские археологи Н.Я. Мерперт (руководитель с российской стороны), Е.Н. Черных и известные болгарские археологи Г. Георгиев (руководитель с болгарской стороны), Р. Катинчаров. Выбор пал на этот телль не случайно, поскольку памятники с отложениями эпохи ранней бронзы на территории Фракии были недостаточно изучены, а ранне-бронзовый слой Эзеро превышал 4 м и имел хорошую сохранность. В целом свита напластований включала также культурные отложения эпох раннего, позднего энеолита и позднего неолита. Болгаро-советская экспедиция исследовала это многослойное поселение с 1961 по 1971 г.

Впервые в болгарской археологии поселение раскапывалось широкой площадью с учетом детальной стратиграфии. Значительная мощность слоя раннего

бронзового века позволила создать внутреннюю стратификацию культурных отложений. Выделено девять последовательных строительных горизонтов/поселков. Основным хронологическим маркером стала обширная керамическая коллекция, которая показала резкие изменения в так называемый переходный период. Выделенные строительные горизонты охватывают полное развитие эпохи ранней бронзы в Юго-Восточной Болгарии, а основные периоды существования поселений Эзеро А (XIII–IX горизонты), переходный период (VIII–VII) и Эзеро В (VI–II горизонты) стали опорными этапами для периодизации эпохи в Юго-Восточной Болгарии и выделены в отдельную раннебронзовую культуру Эзеро.

Сопоставление результатов статистической обработки керамической коллекции с основными морфологическими формами Эгейско-Анатолийских теллей и сравнительный анализ всех категорий находок позволили синхронизировать горизонты телля Эзеро с такими значимыми памятниками, как Троя I–II, Бейджисултан XX–XIII, Полихни. Установлено, что этап Эзеро A1 отражает самую раннюю стадию эпохи ранней бронзы в Юго-Восточной Болгарии и может датироваться дотроянским временем, хотя ранее традиционно именно Троя служила хронологическим репером для культур Юго-Восточной Европы.

Не менее важный результат связан с тем, что культурный слой памятника в целом включает отложения и других эпох — халколит, неолит. Это дало возможность выяснить хронологическое соотношение слоя и его конкретных горизонтов с другими, более ранними отложениями и позволило уточнить их место в общей стратиграфической колонке поселений Юго-Восточной Болгарии.

По завершении полевых исследований огромный полученный материал был систематизирован и подготовлен к публикации. В 1979 г. вышла в свет коллективная монография «Эзеро раннебронзового селище» (София) на болгарском языке. В ней практически полностью представлены материалы, полученные в результате исследования памятника: стратиграфия и планиграфия раскопок, разные категории находок, погребения, реконструкция хозяйственной деятельности, классификация керамики. Этот том и сейчас не утратил своего значения, и археологи, специализирующиеся по раннему бронзовому веку Юго-Восточной Европы, обращаются к данному изданию, поскольку в нем разработана хронологическая колонка Эзеро, выделены хронологические маркеры для Фракии, намечены связи с Троей и Эгейско-Анатолийским регионом в целом. Кроме того, на памятнике проводились естественнонаучные комплексные изыскания (радиоуглеродное датирование, палеоботанические и остеологические определения) исследователями из Англии (Р. Деннел), Германии (Г. Квитта).

Результаты раскопок телья Эзеро показали, что территория Болгарии была активно задействована в системе культурных и исторических связей Южной, Центральной Европы и Передней Азии.

Почти параллельно с раскопками на Эзеро в рамках Болгаро-советской экспедиции нача-

лось исследование древнейших рудников на территории Болгарии. Это было связано с другим направлением работ экспедиции — изучением историко-металлургических проблем энеолита и раннего бронзового века. В составе экспедиции создан специальный отряд, которым руководил Е.Н. Черных, а с болгарской стороны в нем активное участие принимала А. Радунчева. В задачи отряда входили сбор образцов металла древних медных изделий в музеях Болгарии, разведки рудных месторождений, а также раскопки древнейших рудников медного века Айбунар и Тымнянка. Основные исследования протекали в 1971–1974 гг. В эти годы на территории Болгарии удалось провести разведки практически всех древних и старинных медных и полиметаллических рудников. Кроме Айбунара и Тымнянки самые выразительные по мощности выработки удалось обнаружить в долине р. Странджа, на крайнем юго-востоке Болгарии. Многочисленные образцы минералов из всех открытых рудников подверглись спектральному анализу в лаборатории естественнонаучных методов ИА СССР (ИА РАН), что привело к созданию надежной базы для связи древней меди с конкретными рудными месторождениями.

Особое значение имело открытие и исследование древнейшего в Евразии медного рудника Айбунар (V тыс. до н.э.). Месторождение располагалось в предгорьях массива Средна Гора, близ г. Стара-Загора. Раскопки этого уникального памятника привели к резким переменам в представлениях о характере горного дела на территории всего обширного Балкано-Карпатского региона. Стало ясно, что горное дело на Балканах уже в эпоху медного века отличалось высоким техническим уровнем; поражали также размах и степень организации горных работ. Результаты этих

Е.Н. Черных (на переднем плане в центре) на раскопе, телья Эзеро, 1970 г.

М. Кынчев, Г. Георгиев, Н.Я. Мерперт, Р. Катинчаров, дорога на раскоп, телья Эзеро, 1964 г.

Н.Я. Мерперт фиксирует профиль, телья Юнаците, 1986 г.

Телль Юнаците, аэрофотоснимок, 2007 г.

Телль Юнаците, орналоморфная фигурка, неолитический горизонт.

Телль Юнаците, неолитическая керамика, горизонт IV.

исследований опубликованы в обширном монографическом труде Е.Н. Черных «Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии» (М., 1978). Эта книга стала этапным исследованием для изучения древнейшей металлургии Балкан — от медного до позднебронзового времени (V–II тыс. до н.э.). Выделение Балкано-Карпатской металлургической провинции медного века и Циркумпонтийской металлургической провинции бронзового века на несколько десятилетий определило направление исследований в области древнейшей металлургии не только Балкано-Карпатья, но и других, примыкающих к нему регионов.

За время полевых исследований, подготовки коллективной монографии коллеги из России и Болгарии стали добрыми друзьями, что имело значение в дальнейшем, на втором этапе работ Болгаро-советской/российской экспедиции, пришедшем на 1982–2001 гг. Последующие совместные работы проводились на телле Юнаците (или Плоская могила) недалеко от г. Пазарджика в западной части Фракийской долины. В разные годы под руководством Н.Я. Мерперта в ней работали археологи, сотрудники ИА РАН В.С. Титов, Л.И. Авилова, Т.Н. Мишина, И.И. Балабина, антрополог А.П. Бужилова, почвовед из Института географии РАН А.Л. Александровский. Представительным был и коллектив болгарских коллег: руководители — директор Национального Исторического музея Болгарии Р. Катинчаров, а также зав. археологическим отделом Регионального Исторического музея г. Пазарджика В. Мацанова, археологи М. Стефанова, Л. Николова, Ст. Терзийска-Игнатова, палеоботаник Ц. Попова, специалист по археомагнитному датированию М. Ковачева. Остеологические коллекции эпохи бронзы обрабатывал Л. Нинов.

Огромное историческое значение древних многослойных поселений Болгарии совершенно очевидно, их материалы (например, Караново, карановская колонка) положены в основу периодизации и культурной характеристики ряда эпох. И для дальнейших работ был выбран памятник, имеющий значительные напластования. Немаловажно и расположение телля в западной части

Фракийской долины, которая с неолита выделялась исследователями как «ось между севером и югом», соединявшая Пелопоннес и Северную Грецию, Анатолию с Центральной Европой. Важность телля Юнаците обусловлена его ключевой позицией среди многослойных поселений. Памятник служит хронологическим репером для Западной Фракии, равноценным по значению теллю Эзеро для Восточной Фракии. Телль Юнаците был наиболее перспективным и по расположению — в окружении многих поселений неолита, халколита и бронзового века, и по собственным характеристикам — наиболее крупный, с хорошо сохранившимся 12-метровым культурным слоем.

Первые раскопки телля проводились в 1939 г. В. Миковым. Согласно принятой тогда методике, памятник исследовался траншеей. В отличие от Эзеро, где экспедиция исследовала поселение несколькими раскопами, на Юнаците был разбит единый раскоп площадью около 1,5 тыс. м², включающий и траншею 1939 г. Масштаб этих работ небывалый для того времени, чаще телли еще продолжали копать траншеями или зачистками у полы.

Проблема хронологии и соотношения халколита и ранней бронзы во Фракии достаточно актуальна. На данном поселении напластования формировались от халколита до раннего средневековья. Такие многослойные памятники с длинной стратиграфической последовательностью культурных отложений очень важны для построения и уточнения периодизаций. Перед международным коллективом экспедиции стояла задача изучить пласт эпохи бронзы и соотношение его с халколитическими отложениями.

В результате исследований в культурном слое выделено три пласта. Пласт «А» включает материалы эпохи железа (римское время и раннее средневековье), сильно разрушен. Если ранее этот слой не фиксировался как самостоятельная страта, то теперь его выделение было полностью обосновано, документировано наличие поселка раннего железного века. Итоги исследований опубликованы в коллективной монографии «Селищна

могила при село Юнаците», т. I (София, 1995 г.) на болгарском языке.

Пласт «Б» мощностью около 4 м исследовался более 10 лет. Выделено 16 последовательных горизонтов/поселков эпохи ранней бронзы, с фиксацией детальной стратиграфии и планиграфии, микростратиграфия, дополненные данными палеоэкологических исследований, позволили восстановить характер застройки поселков и ее изменения в эту эпоху, технику домостроительства, особенности интерьера. Планы поселков, характер домостроительства заставляют исследователей искать аналогии в Анатолии, обращаться к ранним поселкам Трои. Получена обширная коллекция керамического материала и других предметов хозяйства. Выделение хронологических маркеров форм и орнаментов в керамической коллекции позволило соотнести эти артефакты с рядом синхронных поселений на территории Фракии и Малой Азии, говорить о связях между ними и поселениями в Анатолии и Эгейде. Материалы опубликованы в коллективной монографии «Телль Юнаците. Эпоха ранней бронзы» (М., 2007).

Пласт «В» относится к энеолиту и представлен яркими культурами халколита, стоявшими на пороге цивилизации: Марица (ранний энеолит) и Караново VI — Гумельница (средний энеолит). Впервые зафиксирован почвенный слой хиатуса, разделивший пласт халколитических и бронзовых отложений. Серия дат ^{14}C уточнила время завершения жизни в поселке и протяженность хиатуса между хал-

колитом и эпохой ранней бронзы. Этот результат был одним из важнейших открытий на памятнике — доказан временной перерыв между этими эпохами, который ранее только предполагался. Археологические характеристики — планиграфия, микростратиграфия, дополненные данными палеоэкологических исследований, позволили восстановить древний ландшафт, хозяйственную деятельность, предположить возможные причины затухания жизни. Уникальным было завершение жизни в поселке — она прервалась в результате военного конфликта. По всей его площади отмечены следы пожара, обгоревшие дома рухнули, перекрыв останки людей внутри. Антропологи фиксировали у некоторых из них специфические черепные травмы от клевцов (вид топора). Нападение на поселок было внезапным и очень жестоким. Большая часть его жителей погибла. Зафиксированная картина показывает непростые взаимоотношения, вероятно, с соседями. Этот сюжет о финальном халколитическом поселке на Юнаците складывается в целостную картину, напоминающую исторический экскурс, который отсылает к истории климата — засухе в среднем голоцене, начавшейся как раз в это время.

Теллю Юнаците посвящено более 100 публикаций. В настоящее время сотрудники экспедиции работают над подготовкой тома по финальному поселку эпохи халколита на телле Юнаците, готовится коллективная монография, над которой совместно работают болгарские и российские исследователи.

Телль Юнаците, почвовед А.Л. Александровский на раскопе, 1999 г.

Телль Юнаците, Т. Мишина на раскопе, 1998 г.

В. Мацанова (справа) и Т. Мишина на базе экспедиции, телль Юнаците, 2000 г.

*Стела Восточной стены ограды
Большого Салбыкского кургана с по-
яснительной надписью, 1956 г.*

*Часть южной стены кургана с уцелев-
шей накладкой из плит, 1955 г.*

Саяно-Алтайская экспедиция (Большой Салбыкский курган)

Е.Г. Дэвлет

Саяно-Алтайская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея (при поддержке Хакасского НИИЯЛИ) с 1930 г. начала долговременные планомерные археологические исследования на Среднем Енисее в предгорьях Саян и на Алтае. Экспедицией во главе с С.В. Киселевым за многие годы ее работы открыты и изучены памятники разных эпох от ранней бронзы до средневековья, некоторые из которых получили мировую известность. Среди таких знаменитых памятников — Большой Салбыкский курган V–IV вв. до н.э., одного из периодов тагарской археологической культуры скифского времени в регионе. Исследования на объекте проводились экспедицией в 1954–1956 гг. Были осуществлены раскопки крупнейшего на Среднем Енисее тагарского кургана, расположенного в Салбыкской долине («Долине царей») у подножия отрогов горного хребта Кузнецкого Алатау. В работе принимали участие сотрудники института тех лет Л.А. Евтюхова, М.А. Дэвлет, С.В. Зотова, Н.Н. Терехова, а также другие археологи (Л.Р. Кызласов, Э.А. Новгородова, В.В. Волков).

Курган представлял собой впечатляющее мощное сооружение окружностью почти 500 м. Реконструируемая С.В. Киселевым высота пирамидального насыпного

сооружения — 25–30 м, сохранившаяся высота насыпи достигала 11,5 м, под ней были различимы крупные угловые стелы. При раскопках выяснилось, что помимо мегалитических угловых в ограду были включены простеночные стелы: пять на западной и по четыре на других сторонах. К моменту раскопок насыпь сильно оплыла, однако геометрическая правильность формы сохранилась благодаря использованию при облицовке насыпи кладки из дерновых пластов (брикетов), скрепленных глинистой прослойкой (камень и галька не применялись). Сначала насыпь исследовалась двухметровыми траншеями, копавшимися вручную, затем была подключена землеройная техника.

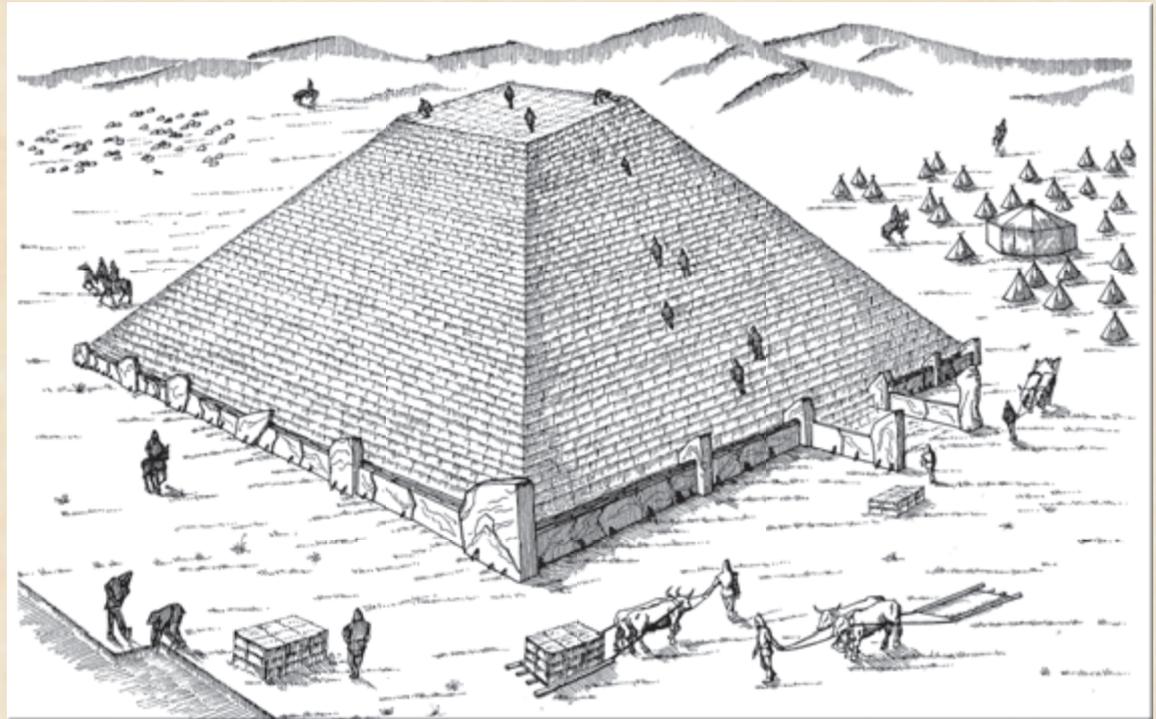
В ходе раскопок выявлена скрытая под оплывшими ламами насыпи традиционная для тагарских курганов раннего железного века квадратная ограда. Она ориентирована почти по сторонам света и сложена из мощных плит девонского песчаника. Огромные каменные глыбы были доставлены в степную Салбыкскую долину (ближайшая гора и урочище Хызыл-Хая, где исследованы древние каменоломни, находится в 20 км, но С.В. Киселев полагал, что крупные вертикальные плиты (самая большая весом 100 т) могли быть добыты только на крутопадающих обнажениях берегов Енисея в 70 км

от места сооружения кургана). Они устанавливались в траншеи шириной до 0,6 м и разной глубины, выравнивались по верхнему краю на высоте около 1,8 м. Периметр состоял из укрепленных контрфорсами стен длиной по 70 м. Зафиксировано четыре крупных кострища, оставивших закопченными плиты ограды.

С восточной стороны ограды находился так называемый вход в курган в виде 14-метрового коридора, который начинался от двух средних стел ограды и был перпендикулярен восточной стене. Сложенные из плит стенки коридора оканчивались двумя высокими каменными столбами. Вход в курган был заложен каменными плитками, а на уровне восточной стены ограды между простеночными стелами завален пятью лиственничными бревнами.

Внутри каменной стены-ограды, в 2–3 м от нее (со смещением в западную часть кургана) под насыпью была заключена деревянная ограда, имевшая конструктивное значение. Она образована из положенных друг на друга бревен с поперечными деревянными прокладками. Пространство между внешней каменной и внутренней деревянной оградой заполнено землей, поверх которой плашмя уложены небольшие песчаниковые плитки. На верхней грани каменных плит ограды эти плитки подогнаны друг к другу таким образом, что с внешней стороны кургана образовывали отвесную в обресе стенку высотой до 0,7 м. В результате общая высота стены ограды кургана колебалась от 2,5 до 2,8 м. Деревянная ограда представляла собою внешнюю обкладку земляной эстакады, на которую на катках вкатывались плиты строившейся внешней каменной ограды. Плиты перевешивались через бревенчатую обкладку и под действием своего веса соскальзывали в вырытые для них канавки, дно которых выстилалось деревом.

Внутри периметра ограды находилось сооружение высотой до 2,5 м пирамидальной в плане формы со срезанной вершиной размерами 8 × 8 м. Стороны основания пирамиды достигали 18 м. Снаружи наклонные стенки пирамиды были застланы берестой до 15 слоев, кроме того, верхние шесть рядов крест-накрест положенных

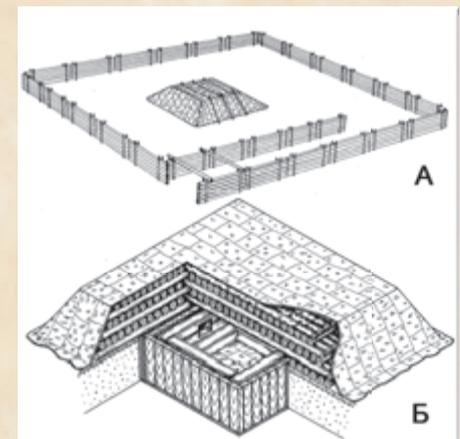

Процесс сооружения земляной насыпи. Реконструкция Л.С. Марсадолова.

бревен пирамиды были завернуты в прошитую бересту. Этим же материалом изолировались и стены дромоса шириной 2–3 м, который сверху имел дощатое перекрытие. Дромос шел на уровне древней дневной поверхности на запад к погребальной камере. В западном склоне пирамиды, возведенной над могильной ямой, на месте стыка дромоса с камерой был вырублен лаз («окно-вход?»), ведущий в склеп. Лаз оказался плотно забитым обрубками дерева.

Могильная яма квадратная в плане, имела размеры 5 × 5 × 1,8 м. Стены укреплены вертикальными стойками, а по углам толстыми бревнами, заключавшими внутренний сруб из четырех венцов обтесанных брусев. Дно ямы, а также пространство между ее стенками и вертикальными стойками заполняла красная глина. Поверх глины пол был застлан берестой на дощатом основании.

В центральной погребальной камере находились остатки семи скелетов разной сохранности, один из них

А – временная деревянная ограда вокруг «пирамиды», покрытой берестой; Б – аксонометрическая реконструкция погребальной камеры (по Л.С. Марсадолову).

Очистка земли бульдозером вдоль южной стены ограды кургана, 1955 г.

С.В. Киселев на раскопе, 1955 г.

Южная стена входа в Большой Салбыкский курган, вид с севера, 1956 г.

Раскопки в дромосе, вид с запада, 1955 г.

мужчина лет 70, остальные погребенные 35–40 лет. Три черепа хорошо сохранились. М.М. Герасимов высказал предположение, что двое из них — брат и сестра. По-видимому, погребение представляло собой семейный склеп племенного вождя или главы союза племен. Два мужских погребения располагались при входе в склеп у южной стены дромоса. Они интерпретировались как захоронения слуг или охранников (один на спине, другой — ничком, лицом вниз). Под угловыми камнями ограды обнаружены четыре «строительные, закладные жертвы» — скелеты взрослых людей у северо-восточной и юго-западной стел и детские под угловыми камнями восточной стороны.

Курган был полностью ограблен в XVIII в., грабительский вход располагался в западной части насыпи (яма диаметром до 19 и глубиной до 5 м). По этой причине раскопки экспедиции дали минимум находок. В срубе обнаружен лишь миниатюрный бронзовый нож с трапециевидной ручкой и баночный сосуд значительно больших, чем обычно, размеров. На поясе одного из лежавших у стенки дромоса слуг — две конические ворворки и однодырчатый бронзовый нож.

Драматичность результата сложнейших раскопок, давших минимум вещевого материала, не умаляет важности сделанных в ходе документирования ценных и тщательных наблюдений, касавшихся архитектурных навыков, техники строительства из камня, дерева и других природных материалов, организации транспортировки и пр. Многие черты строительной практики, воплощенные в конструкции Большого Салбыкского кургана, характерны для тагарской традиции создания погребальных сооружений в целом.

В дальнейшем раскопки грандиозных курганов раннего железного века в других регионах — Восточном Казахстане, Семиречье — показали сходство в ряде черт (например, прямоугольный сруб со входом-дромосом в западной стенке и покрытием сруба шестью рядами бревен), свойственных масштабным элитным захоронениям знати скифской эпохи. Раскопки Салбыкского кургана были первым исследованием столь

большого кургана в азиатской части Евразии. Огромные курганы, имеющие дромосы, в раннем железном веке встречаются на широкой территории, что связано, в конечном счете, с уровнем социально-экономического развития древних обществ. Мощность мегалитического сооружения говорит о сложной организации общества и сходном направлении процессов, протекавших в культурах эпохи на обширных евразийских пространствах.

О далеко зашедшей социальной дифференциации в скифское время на Среднем Енисее свидетельствует и то, что во второй половине I тыс. до н.э. сооружались подкурганые погребения персон разного статуса. Только в Салбыкской долине С.В. Киселев в ходе разведки 1939 г. отметил еще пять сооружений, не уступавших по величине Большому Салбыкскому кургану, сходных с ним пирамидальной насыпью конструкции. Новые комплексные исследования в долине проводила в 1990-е годы экспедиция (руководитель Л.С. Марсадолов) Государственного Эрмитажа. По новым данным

всего здесь насчитывается 15 курганов диаметром свыше 40–50 м. Им сопутствуют другие большие и малые курганы, общая численность погребальных сооружений тагарского времени в Салбыкской долине составляет около 100.

С.В. Киселев так и не опубликовал в полной мере результаты этих грандиозных раскопок. Результаты позже обобщены М.А. Дэвлет (Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976). Часть материалов хранится в Научно-отраслевом архиве ИА РАН. При активной помощи сотрудницы архива С.В. Зотовой, участницы раскопок Саяно-Алтайской экспедиции С.В. Киселева, они были максимально использованы Л.С. Марсадоловым при подготовке монографии о памятнике (Абакан, 2010), в которой кратко обобщены научные результаты исследований 1950-х и 1990-х годов.

Большой Салбыкский курган стал объектом музеефикации. В 2007 г. в урочище создан музей под открытым небом «Древние курганы Салбыкской степи», который востребован у хакасов и как культовое место.

Расчистка изнутри ограды. Н.Н. Терехова показывает место находки жернова, 18 июля 1956 г.

Л.А. Евтюхова за работой, 1955 (?) г.

Общий вид Большого Салбыкского кургана с юга в начале раскопок, 1954 г.

Подводные раскопки в зоне строительства Евпаторийского порта. 1-я Донузлавская экспедиция, 1964 г.

Экспедиции В.Д. Блаватского и развитие подводной археологии

С.В. Ольховский

Археологические находки из водоемов издавна привлекали внимание ученых, но ввиду невозможности лично работать на дне им пришлось делегировать выполнение научных задач водолазам, не имевшим соответствующей подготовки. Важный шаг к изменению этой ситуации сделал в 1937 г. профессор Р.А. Орбели. После осмотра размываемых морем древних городов Черноморского побережья он убедил руководство Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) взять на себя функции технического и кадрового содействия историческим исследованиям. Их организаторами и исполнителями должны были стать историки с водолазной подготовкой и водолазы, прослушавшие курс лекций. Р.А. Орбели сформулировал предмет и задачи гидроархеологии/подводной археологии, выступил в Археологическом комитете ИИМК с докладом о подводных работах, после чего Комитет попросил его начать составление гидроархеологической карты СССР и методики подводных археологических исследований. Получила поддержку руководства АН СССР и инициатива Р.А. Орбели о создании Института гидроархеологии, уполномоченного составить гидроархеологическую карту СССР и курировать археологические экспедиции ЭПРОН. По мнению Р.А. Орбели, лишь объединение усилий Института гидроархеологии,

ЭПРОН и Гидрографической службы обеспечило бы возможность системной работы по выявлению и изучению подводных археологических памятников. Ввиду кончины ученого в 1943 г. и передачи ЭПРОН в состав Военно-морского флота этим планам не суждено было сбыться.

Следующий этап подводных археологических исследований в СССР связан с именем профессора В.Д. Блаватского, считавшего, что благодаря аквалангам археологи могут самостоятельно организовать и выполнить работы на дне. В 1957 г. В.Д. Блаватский поручил археологам-аквалангистам осмотреть участки дна Керченского пролива вблизи известных античных поселений. При выполнении систематического осмотра дна использован метод береговой базовой линии и створных отметок, вдоль которых лодка отдалялась от берега, при этом аквалангисты радиусным поиском осматривали дно вокруг лодки. В результате осмотра дна напротив Гермонассы найдены и нанесены на план развалы необработанных камней и скопления окатанной керамики. В.Д. Блаватский предположил, что один из этих развалов в 120 м от современного берега является остатками стены, и на этом основании локализовал здесь древнюю северную границу городища. Главным результатом разведки 1957 г. стал вывод В.Д. Блаватского о целесообразности сосредоточить

подводные исследования на затопленных древнегреческих поселениях, поскольку обнаружение древних кораблекрушений в мелководной прибрежной акватории маловероятно.

В статье 1958 г. «О подводной археологии» (СА, № 3) В.Д. Блаватский аргументировал научную важность затонувших кораблей и затопленных поселений в качестве археологических источников, а также заявил о наличии условий для самостоятельной и полноценной работы археологов под водой. По мнению автора, обошедшего молчанием вклад Р.А. Орбели в разработку этого вопроса, основная задача подводной археологии — систематические разведки на водоемах и создание детальных подводно-археологических карт. Для повышения результативности подводных археологических исследований В.Д. Блаватский высказался за применение геофизических методов и разработку специального инструментария для раскопок под водой. Излагая результаты разведки 1957 г. в Керченском проливе, автор предположил, что в затопленной части Фанагории, в отличие от Гермонассы, под донными наносами сохранился культурный слой города. Опираясь на результаты наземных раскопок в Фанагории, В.Д. Блаватский высказал предположение, что с VI–IV вв. до н.э. уровень воды в Таманском заливе поднялся на 3–4 м.

В 1958 г. археологи-аквалангисты под руководством В.Д. Блаватского провели подводные разведки в Керченском проливе, а также вблизи Анапы, Гурзуфа и Евпатории. Основным объектом исследования стала затопленная часть Фанагорийского городища и прилегающая акватория Таманского залива, для пространственной привязки обследованных участков дна вновь использован метод базовой линии и пар береговых створов.

При визуальном осмотре поверхности дна аквалангисты отметили напротив восточной и западной частей городища протяженные каменные развалы, ориентированные перпендикулярно берегу и обрывавшиеся приблизительно в 200–220 м от него, а также локальные скопления камней и фрагментов керамики. В.Д. Блаватский интерпретировал эти развалы в качестве остатков восточной и западной оборонительных стен города, что позволило ему определить площадь затопленной прибрежной террасы Фанагории как 15 га.

Необходимо отметить, что геофизические и визуальные обследования акватории Фанагории, проведенные Фанагорийской экспедицией ИА РАН в 2011–2016 гг., не выявили на указанных участках дна никаких следов упомянутых выше каменных развалов.

Задачей Подводной экспедиции 1959 г. под руководством В.Д. Блаватского стала проверка гипотезы о сохранении культурного слоя на затопленных античных поселениях. Подводный раскоп заложен на дне Таманского залива напротив восточной части Фанагорийского городища, в 185 м от берега. Размеры раскопа — 2,5 × 2,5 м, глубина расчистки — 1,3 м (с локальным контрольным шурфом на глубину 2 м), основное рабочее время экспедиции потрачено на приспособление оборудования к выполнению поставленной задачи. Тем не менее выявленная в раскопе стратиграфия позволила В.Д. Блаватскому подтвердить свои предположения о сохранности затопленного культурного слоя и наличии в 185 м от современного берега остатков городской застройки IV–II вв. до н.э.

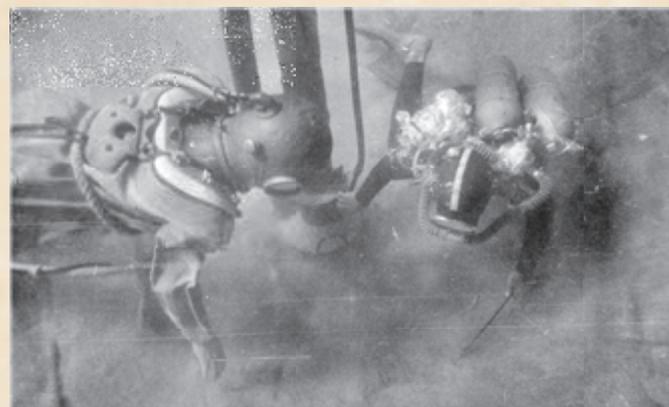
Следует заметить, что недавние работы в акватории Фанагории существенно корректируют прежние представления. Геофизические

Подводные раскопки в акватории Фанагории, 1959 г.

Выброс на сетку пульпы из подводного раскопа в акватории Фанагории, 1959 г.

Зона строительства Евпаторийского порта, подводные раскопки, 1964 г.

Подводные разведки в акватории Фанагории, 1958 г.

Подъем амфор. 3-я Черноморская подводная экспедиция, Донузлав, 1965 г.

исследования и шурфовки свидетельствуют, что северный край затопленной прибрежной террасы отдален от современного берега не более чем на 100–110 м. Представляется, что камни, найденные в раскопе и идентифицированные В.Д. Блаватским как «каменные мостовые IV–II вв. до н.э.», являются одним из многочисленных сбросов каменного судового балласта, что типично для припортовой акватории. Также представляется маловероятным, что материк в 185 м от берега был выявлен на глубине 1,3 м под поверхностью дна, так как по результатам шурфовки в прилегающей акватории материк отмечен на глубинах не менее 2,2–2,5 м.

В 1960 г. Азово-Черноморская подводная экспедиция под руководством В.Д. Блаватского вела поиск кораблекрушений в Таганрогском заливе, в Керченском проливе близ Еникале, в Судакской и Карантинной бухтах. Вблизи Еникале аквалангисты осмотрели почти полностью замытый донными отложениями корпус корабля, идентифицированный как турецкий военный парусник XVIII в. Основные работы экспедиции проведены перед входом в Карантинную бухту Севастополя, где на дне найдены скопления и отдельные фрагменты разновременной окатанной керамики — вероятно, перемещаемые штормами следы кораблекрушений. Внутри Карантинной бухты визуально обследован и предположительно датирован римским или раннесредневековым периодом затопленный юго-восточный участок городской застройки Херсонеса, уточнить эту датировку с помощью подводных раскопок не удалось из-за отсутствия специалистов и оборудования.

В 1961 г. Азово-Черноморская подводная экспедиция под руководством В.Д. Блават-

ского провела подводную разведку для уточнения размеров затопленной части Ольвии. В результате систематических измерений глубин составлена батиметрическая карта прилегающей акватории, на плане зафиксированы два крупных развала каменных блоков, обследована предполагаемая пристань Ольвии, локализованная Р.А. Орбели в 1937 г. Результаты разведки позволили В.Д. Блаватскому заключить, что затоплена прибрежная терраса города шириной от 200 до 300 м, но проверить наличие и сохранность затопленного культурного слоя не удалось из-за отсутствия необходимого оборудования.

В 1962 г. Азово-Черноморская подводная экспедиция под руководством В.Д. Блаватского и Б.Г. Петерса провела разведку в Днестровском лимане на затопленной части Тире, при этом выявлены остатки размытого культурного слоя и высказано предположение, что нижняя часть этого слоя сохранилась под донными наносами. Основываясь на местоположении найденных мелких камней и фрагментов керамики, авторы сделали вывод, что затоплены 100–110 м античной и средневековой Тире. Помимо исследований в Тире сотрудники экспедиции приняли участие в рейсе научно-исследовательского судна «Московский университет» в Каркинитском заливе, на участке акватории между Балаклавой и Ялтой, у мысов Тарханкут и Пробойный. Задачей археологов стало определение пригодности судового эхолота и подводного телевидения для выявления затонувших археологических объектов. По результатам обследования акватория Тарханкута признана перспективным участком для дальнейших визуальных и телевизионных осмотров ввиду высокой вероятности наличия здесь следов кораблекрушений.

В 1964 г. в связи со случайным обнаружением амфор в зоне строительства Евпаторийского морского порта у оз. Донузлав состоялись две Черноморские подводные экспедиции, первую из которых возглавил В.Д. Блаватский, вторую — Б.Г. Петерс. Первая экспедиция установила, что при строительстве защитных сооружений порта приблизительно в 100 м от берега землечерпалка повредила как минимум одно кораблекрушение и обнажила скопление гераклейских амфор IV—III вв. до н.э. Вторая экспедиция не смогла самостоятельно найти район кораблекрушения путем визуального осмотра и механического зондирования дна, но его удалось установить с помощью геофизических исследований, обнаруживших кораблекрушение под 5-метровым слоем песка. На указанном участке дна аквалангисты провели сплошное механическое зондирование на глубину 1 м и расчистили четыре шурфа на глубину до 2,5 м, при этом найдены немногочисленные фрагменты керамики и песчаные конкреции.

В 1965 г. в зоне строительства Евпаторийского порта под руководством В.Д. Блаватского и Б.Г. Петерса состоялась третья Черноморская подводная экспедиция. В районе предполагаемого кораблекрушения под наблюдением археологов рефулерный земснаряд выкопал более 40 ям на глубину от 2 до 4 м, удалив при этом около 5 тыс. м³ песка. Немногочисленность обнаруженных в этих ямах находок объяснена полным разрушением корабля, вероятно, разбитого о скалы и растянутого штормами на значительное расстояние вокруг места крушения. Всего за 1964–1965 гг. в районе работ найдено 20 полных форм гераклейских амфор и некоторое количество фрагментов, 2 бронзовых гвоздя, 10 фрагментов свинцовой обшивки, несколько небольших деревянных обломков, песчаная конкреция, содержащая отпечаток формы плотницкого топора.

В 1978 г. в статье «О древней навигации и задачах подводной археологии» (Проблемы советской археологии. М.) В.Д. Блаватский усомнился в целесообразности раскопок затопленных прибрежных поселений, отметив, что аналогичные находки с меньшими

усилиями возможно обнаружить и на суше. Автор заявил, что приоритетны для подводных археологов глубоководные кораблекрушения, способные дать принципиально новую информацию о доньяне неизвестных деталях конструкции древних кораблей и их грузах. Высокий потенциал черноморской акватории для изучения древних кораблекрушений В.Д. Блаватский объяснил местной спецификой — высоким содержанием сероводорода на глубинах ниже 200 м, что предотвращает разрушение органики и дает надежду на сохранение кораблей и их грузов в практически первозданном виде. Автор указал, что важная категория подводных археологических находок — утраченные на суше памятники древней и средневековой письменности, которые могли уцелеть среди корабельных грузов.

Результаты экспедиций В.Д. Блаватского в азово-черноморской акватории в 1957–1965 гг. наглядно продемонстрировали, что подводные исследования при отсутствии надлежащей материально-технической базы и специалистов имеют весьма ограниченный потенциал. Предположительный характер своих выводов, сделанных на основе визуального осмотра поверхности дна, неоднократно отмечал сам В.Д. Блаватский. Тем не менее его экспедиции и публикации сыграли значительную роль в популяризации подводных археологических исследований в СССР. Как и предсказал Р.А. Орбели в конце 1930-х годов, значительные трудности и риски, связанные с проведением подводных исследований, не позволили археологическим учреждениям АН СССР проводить их на регулярной основе и на несколько десятилетий оставили их уделом энтузиастов.

В.Д. Блаватский осматривает поднятые амфоры, Донузлав, 1965 г.

Амфора готова к подъему, Донузлав, 1965 г.

Археологический заповедник «Горгиппия», вид на улицу с мостовой III в. н.э. и примыкающими подвалами домов.

Раскопки городища Горгиппия с разновременными строительными остатками.

Археологические исследования наиболее крупных античных городов Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория, Танаис) начались Императорской археологической комиссией (ИАК) еще во второй половине XIX в. В окрестностях Горгиппии в этот период раскапывались только большие курганы, примечательные находки поступали в Императорский Эрмитаж, в меньшем количестве — в исторические музеи Москвы и Тифлиса.

Стационарная экспедиция Института археологии АН СССР начинает работать в Анапе только в 1960 г. под руководством И.Т. Кругликовой. Наиболее значительные исследования осуществлены на месте предполагаемого строительства новой гостиницы на Набережной Анапы. Здесь сохранились разновременные строительные объекты античной эпохи — участки улиц с примыкающими подвалами больших домов. Этот раскоп как наиболее результативный впоследствии положил начало созданию на Набережной курорта археологического заповедника «Горгиппия» с экспонированием под открытым небом участка древнего города (северо-восточная часть античного города). Эпиграфикой и нумизматикой получены подтверждения предполагаемой ранее локализации в Анапе именно Горгиппии.

Анапская экспедиция (Горгиппия)

Е.М. Алексеева

В 1970–2000 гг. археологические работы в Анапе продолжила экспедиция под руководством Е.М. Алексеевой. В эти годы проводилась реконструкция курорта Анапы — ее центральной части, целиком занятой, как выяснилось, античным городом и его некрополем. Археологические работы в Анапе этих лет велись широкими площадями.

На берегах Анапской бухты переселенцы из Ионии основали полис около середины VI в. до н.э. Полис на месте Анапы непрерывно развивался не менее девяти веков, до конца III в. н.э. Большой удачей в археологическом исследовании Анапы было открытие на площади около 3 тыс. м² культурных напластований полиса VI–V вв. до н.э. с четырьмя строительными периодами, существование которого многие десятилетия только предполагалось по случайным находкам. Ранний полис был вытянут вдоль моря не менее чем на 400 м. На раскопанном участке открыты постройки первопоселенцев и окружавший их ров; установлена гибель каждого из строительных периодов в пожарах; открыта оборонительная стена полиса второй половины V в. Ранние отложения культурного слоя полиса зафиксированы на глубине 3–3,5 м от поверхности современной Набережной. В пределах Анапы локализован и некрополь раннего полиса, на нем исследовано 30 погребений, случайно уцелевших среди подва-

лов домов более поздней Горгиппии, глубоких перекопов Анапы эпохи русско-турецких войн и современного города. Обряд погребения, язык, культурная и материальная стороны жизни полиса — греческие. Исходя из значительного по масштабам того времени раннего поселения греков, большинство исследователей признали в нем упоминаемую древними авторами Синдскую гавань, о локализации которой в науке велись долгие споры. Открытие крупного полиса архаической эпохи — важное событие в отечественном антиковедении.

Ранний греческий полис на месте Анапы развивался как независимый город-государство около полутора веков. На рубеже V–IV в. до н.э. он был насильно включен (после глобального пожара) в формировавшееся в это время Боспорское государство и до гибели в III в. н.э. развивался в его составе, будучи крупным портом на плодородных землях, играя важную роль в хлебной торговле Боспора со Средиземноморьем. По присоединении к Боспору полис расширился за счет поглощения раннего некрополя, был заново спланирован, окружен новой оборонительной системой, стал опорным пунктом в завоевательной политике Боспора в плодородном Прикубанье и покорении Синдики. В IV в. до н.э. он получил название «Горгиппия» в честь осуществившего эту политику в интересах Боспора Горгиппа, брата царя Левкона I и его соправителя.

Античные авторы только упоминают Горгиппию среди перечислений множества пунктов при описании путешествий к северным берегам Черного моря. История полиса Горгиппии воссоздается целиком на материалах археологии. Наибольшие результаты исследований получены на трех значительных по площади раскопанных участках города: в северо-восточной части, где располагались главные

въездные ворота (10 тыс. м²), на юго-западном краю вблизи въезда в город с юга (3 тыс. м²) и в центре (3 тыс. м²). На этих участках и в местах локальных разрытий Анапы зафиксирована непрерывность жизни крупного города. Полученные материалы позволили разработать периодизацию развития Горгиппии в составе Боспора и выделить в ней не менее пяти этапов.

1. IV — первая половина III в. — расцвет полиса вместе с Боспором; основа экономики — успешная хлебная торговля. В городе появляются монументальные здания в ордере оформления (дорический ордер), начинает функционировать керамика — квартал городских гончаров, закладывается структура городской хоры, основной импорт идет из Аттики, проводятся состязания в честь Гермеса (регистр победителей на Гермейях ведется непрерывно 60 лет), за городскими стенами располагается святилище богинь плодородия (Деметры и Коры). Перелом в развитии намечается с распространением в степях волны сарматских племен и образованием у восточных границ Боспора сирако-меотского военного союза кочевников, разрушаются складывавшиеся веками отношения Боспора со скифами. В первой половине III в. на Боспоре наступает монетный кризис, в Средиземноморье меняется ситуация для Афин, главного торгового партнера Боспора. Период завершается городским пожаром во второй половине III в. до н.э.

2. Город быстро возрождается после катаклизма, возводятся новые укрепления, функционирует керамика, после 200-летнего перерыва на Боспоре возобновляется деятельность монетного двора, Горгиппия получает право собственного чекана, торговля переориентируется на малоазийские рынки, усадьбы на городской хоре укрепляются пристройками башен. В конце II в. до н.э. натиск варваров

Некрополь Горгиппии, 1975 г. Склеп-I рубежа II–III в. н.э. с фресками (проем в люнете устроен строителями), рабочий момент.

Склеп-I-75. Схема фресковой росписи стены напротив входа (изображение проступало сквозь кальцинированные высолы, при протитке грунтовой водой), фиксация Е.М. Алексеевой.

Портрет владельца комплекса из трех гробниц со стены напротив входа. Фреска, фрагмент после реставрации блока.

Склеп-1-75. Схема росписи стены справа от входа со сценами из жизни Геракла и фризом с масками внутри изгибов театральных занавесов, фиксация Е.М. Алексеевой.

на Боспор подвел боспорского царя Перисада V к добровольной передаче власти Митридату VI Евпатору. Горгиппия вместе с Боспором более чем на 40 лет оказалась в составе Понтийской державы, объединившей земли Малой Азии, Закавказья и Северного Причерноморья. Горгиппия — в числе трех городов Боспора (с Пантикапеем и Фанагорией), которым было предоставлено право осуществлять эмиссию серебряной монеты нескольких номиналов. Войны Митридата с Римом привели к тому, что в 63 г. до н.э. вслед за восстанием в Фанагории боспорские города отложились от Митридата, а сам правитель был разгромлен римской армией. Около середины I в. до н.э. Горгиппию в очередной раз разрушил пожар.

3. С гибелью Митридата для Боспора начинается новая эра зависимости от Рима, которая продолжается до конца античной эпохи в Причерноморье. Боспор не был превращен в одну из провинций Империи. Самостоятельный во внутренних делах, он проводил удобную Риму политику, принимая на себя все тяготы соседства с беспокойным миром степей. Города Боспора (и Горгиппия в их числе) устанавливают контакты со всеми провинциями Империи, в городе появляются импорты западных провинций (бронза, стекло).

На стыке тысячелетий Боспор переживает смутную эпоху борьбы за власть между наследниками Митридата, ставленниками Рима и внутренней оппозицией. Наиболее заметный след в истории Боспора оставляет 30-летнее правление Асандра, затем его сына Аспурга. В эпоху Асандра–Аспурга на подступах к Горгиппии возводится мощное укрепление (совр. станица Анапская), являющееся звеном в цепи крепостей Таманского п-ова и восточной окраины Боспора в районе совр. Новороссийска. Укрепление в Анапской выявлено разведкой и раскопано. В самой Горгиппии разрушенные укрепления эллинистической эпохи заменяются новой оборонительной системой, включающей дома-башни. Усадьбы на хоре Горгиппии также возводятся по типу дома-башни.

После пожара постмитридатовской эпохи город находился в запустении. Дома возводили без подвалов, и следы «наземной» жизни были уничтожены следующим

строительным периодом с возведением многоподвальных домов. Все усилия были брошены на укрепление города. Около 80-х годов I в. н.э. в Горгиппии вновь случился пожар — на юго-западном краю города исследован один из домов-башен из общей оборонительной системы города. В сгоревшем в сильнейшем огне доме сохранился великолепный бытовой комплекс находок I в. н.э., едва ли не лучший среди редких в Причерноморье синхронных комплексов.

Укрепленный дом разрушен, скорее всего, в правление Рескупорида I, отразившего внезапный набег аланов (?), уже утвердившихся к этому времени в Прикубанье и потеснивших там меотов. В почетной надписи из Анапы этот царь назван «благодетелем отечества и горгиппийского народа». В благодарность «народ горгиппийцев» поставил ему статую. Мы полагаем, что в продолжение политики Асандра–Аспурга в домах-башнях по периметру города была расквартирована военная дружина одного из союзных сарматских племен, которая несла охранную службу. Именно в это время на горгиппийском некрополе появился новый тип погребальных сооружений. Все они ограблены, но сохранили остатки богатого инвентаря из золота и эксклюзивных импортных изделий римского и западно-провинциального происхождения.

От времени правления Аспурга (I в. н.э.) в Горгиппии уцелело единственное для всего Боспора эпиграфическое свидетельство фискальных взаимоотношений полиса с центральной властью — горгиппияне вносили в царскую казну пропорциональную поземельную подать, учитывающую колебания урожая: 1/11 с главных культур (вина, пшеницы, ячменя) и 1/20 с проса; сбор пошлин сдавался на откуп.

4. Рубеж I–II вв. — начало последнего расцвета Горгиппии. В надписи из Анапы сообщается, что Савромат I (93–124) «воздвиг от

основания снесенные стены города, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков» (т.е. расширил полис). В домостроительстве утвердилась повсеместная практика возведения больших многоподвальных домов. Загрузка подвалов вдоль торговой улицы (шириной 8–9 м), ведущей к главным воротам, происходила напрямую с мостовой через специальные люки (достопримечательность именно Горгиппии).

Общественные здания оформляются мраморным декором в коринфском ордере. На южной окраине продолжает функционировать керамика, на восточном краю города возникает очаг собственного стеклоделия с применением новой технологии — дутья. Городская кузница работает на привозных полуфабрикатах от крупных поставщиков металла. Кузнечная продукция из Горгиппии демонстрирует разнообразие сложных технических приемов, некоторые получили распространение только в средневековье. В первые века н.э. виноделие в городе становится товарной отраслью, в его восточной части при больших домах открыто 12 виноделен с 2-3 давальными площадками и вырубленными в скале цистернами для отстаивания сока, каждая объемом по 3 м³.

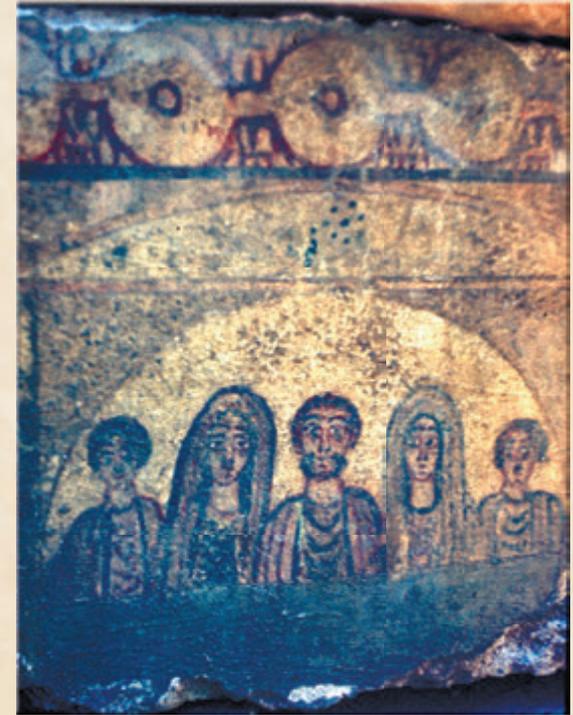
Располагаясь в приграничье Боспора, Горгиппия в первые века н.э. находилась на особом положении в государстве, управляясь наместником, назначавшимся царем. При сильной центральной власти на Боспоре она сохраняла многие институты полисного управления, известные по находкам эпиграфических документов. В религиозных верованиях античного мира происходят большие изменения, начинаются кризис языческих культов и зарождение монотеизма. На Боспоре его зачатки исследователи видят в появившемся в эту эпоху в восточных провинциях Империи культе безымянного

бога, обозначаемого в эпиграфике эпитетами «высочайший», «справедливый», «вседержитель», «благословенный». В Северном Причерноморье наибольшее число эпиграфических подтверждений распространения этого культа получено в Танаисе и Горгиппии. Прежние языческие культы не теряют популярности.

Период завершился сильнейшим пожаром на рубеже 30–40-х годов III в., дата пожара определена нумизматикой с точностью до нескольких лет. Среди сотен монет из слоя последнего пожара наиболее поздними являются монеты царя Ининфимея (234–238). Слой пожара внутри глубоких подвалов не расчищался и сохранился в великолепных закрытых археологических комплексах, в которых представлен полный набор бытовых предметов эпохи (яркая достопримечательность Горгиппии). Разгром Горгиппии случился в период, связанный с миграцией варваров на начальном этапе передвижения готских племен в восточном направлении. С привычных мест были потеснены многие племена и наиболее близкие к азиатской части Боспора аланы, сарматы. Скорее всего их объединенное воинство с целью грабежа и в поисках пленных учинило нападение на Горгиппию сразу после 238 г.

5. После пожара III в. город не был восстановлен. Жизнь в нем возобновилась только в северо-восточном углу городища, обнесенном цитаделью. Для ее возведения были использованы крупные камни как из построек сгоревшей Горгиппии, так и предшествующих эпох города. Мощной цитаделью после гибели города была укреплена его портовая часть, веками имевшая колоссальное значение в масштабе всего Боспора.

С образованием в степях новых племенных союзов ко второй половине III в. этнополитическая ситуация Боспора изменилась коренным образом. Поздний Боспор оказался со всех сторон окружен крупными объединениями варваров, которые жили набегами и грабежами. Такой образ жизни поднимал значимость всех боспорских гаваней. Укрепление мощной цитаделью портовой части брошенной после всеобщего пожара Горгиппии стало попыткой сохранить функциональность оборудованного ранее порта. В гавани (в том числе фанагорийскую) при-

Семейный портрет сына владельца склепа, включенный во фриз с трудами Геракла на правой от входа стене. Фреска, состояние после разборки склепа на блоки (сейчас в реставрации).

Склеп-I-75. Отреставрированная фреска на двух блоках из правой от входа стены во фризе с трудами Геракла: он ведет быков из стада великана Гериона и выводит из царства мертвых стража Кербера; атрибуты – лук в горите, палица, шкура убитого льва.

Гемма перстня из цельного золота: Афина Парфенос в шлеме с гребнем, с копьем и щитом; италийский камень никола, II в. н.э. Под вытянутой рукой Афины – тамгообразный знак поздней боспорской династии, вырезан дополнительно на Боспоре. Склеп-II-75.

возили добычу, для набегов использовали флот, что позволяло Боспору поддерживать экономику и даже увеличивать денежные эмиссии.

За время работ в Анапе археологической экспедиции на горгиппийском некрополе раскопано около 600 захоронений IV в. до н.э. – III в. н.э. разных конструкций (многие ограблены в древности) и выявлены особенности топографии его участков. В окрестностях города исследованы своеобразные некрополи местного населения, с которым в регионе встретились первопоселенцы из метрополии. Это население было включено в орбиту хоры Горгиппии, его некрополи существовали вплоть до митридатовой эпохи.

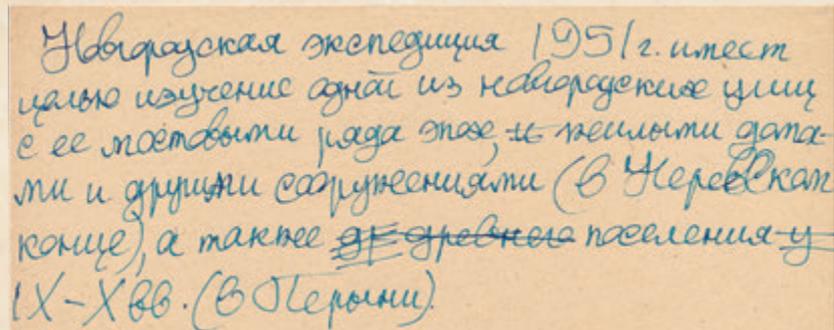
Следует отметить открытый в 1975 г. на привилегированном участке горгиппийского некрополя погребальный комплекс из трех гробниц (ограбленный в древности каменный склеп с фресковой росписью, вырубленный в скале склеп с богатейшим инвентарем и большая скальная гробница с плитовым перекрытием с остатками погребального инвентаря). В преддверии сырого зимнего периода в целях спасения росписи склеп с фресками из блоков известняка-ракушечника разобран экспедицией на блоки. Для реставрации и хранения в надлежащих условиях фрески переданы на реставрацию в мастерские при Министерстве культуры, где и находятся до сих пор. В 1975 г. фрески анапского склепа отмечены ЮНЕСКО в числе выдающихся открытий года, наравне с открытием в тот же сезон китайскими археологами фигур терракотового войска. Это единственные фрески античной эпохи с территории нашей страны. Десятки открытых ИАК в крупных центрах Причерноморья расписных склепов утеряны или погибли. Открытый экспедицией комплекс относится к первой трети III в. н.э. и

принадлежит семье одного из наиболее крупных чиновников полиса, связанного родственными узами с династией, управлявшей Боспором почти 300 лет.

На базе работ экспедиции в центре Набережной курортной Анапы распоряжением Совета Министров РСФСР организован археологический заповедник «Горгиппия» со специализированным археологическим музеем, в который переданы все коллекции экспедиции. Место заповедника привязано к наиболее результативному и крупному раскопу с двумя улицами, примыкающими к ним подвалами больших и разновременных домов. Здесь экспонируются две винодельни; в лапидарии собраны архитектурные детали монументальных зданий трех архитектурных ордера, надгробия горгиппийского некрополя из мрамора и известняка с рельефами, каменные саркофаги, части плит с текстами декретов, посвящений и сведений о строительстве. На участке заповедника раскопано около трети его территории (10 тыс. м²). В 1990-е годы Е.М. Алексеевой разработан проект показа под открытым небом этого участка древней Горгиппии. Краснодарскими реставрационными мастерскими (в соответствии с проектом) проведены реставрационные работы с элементами реконструкции для наглядного объединения разрозненных строительных остатков в строительные комплексы.

В 1990-е годы по заданию Министерства культуры Е.М. Алексеевой по материалам исследований разработаны два паспорта на памятники археологии, истории и культуры «Античный город Горгиппия» и «Некрополь античного города Горгиппии». В них, в том числе, обоснованы границы этих памятников, а также разработаны охранные зоны каждого с режимами содержания в привязке к плану современной Анапы.

В 2000 г. исследования Горгиппии прекращены как мешающие курортному строительству. За два последних десятилетия в строительных котлованах курортного бизнеса погибли без исследования огромные территории, главным образом в пределах горгиппийского некрополя.

Черновые записи А.В. Арциховского о цели Новгородской экспедиции, 1951 г.

Новгород. Неревский раскоп

П.Г. Гайдуков

Новгород — это сокровищница российской археологии, один из важнейших объектов отечественного археологического наследия. Ни один другой древнерусский город не может сравниться с Новгородом по мощности и сохранности культурного слоя, а также по его удивительной насыщенности остатками различных сооружений и предметов материальной культуры. Благодаря труду нескольких поколений археологов Новгород давно стал одной из археологических столиц мира.

Площадь средневекового города, ограничивающаяся возведенным в конце XIV в. валом Окольного города, составляет около 300 га. К настоящему времени в Новгороде на более 90 больших и малых раскопов, а также в многочисленных траншеях и шурфах исследована площадь около 50 000 м² при мощности культурного слоя от 1 до 8 м. Здесь открыты целые кварталы средневекового города с улицами, усадьбами с жилыми и хозяйственными сооружениями, с богатейшей вещевой коллекцией, насчитывающей не менее 200 000 индивидуальных находок, изготовленных из всех известных в средневековье материалов.

Самый крупный и один из самых важных археологических объектов Новгорода — Неревский раскоп. Работы на нем велись в течение 12 полевых сезонов — с 1951 по 1962 г., а изученная площадь составила без малого 9 000 м².

Археология Новгорода ведет свое начало с 1932 г., когда экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Московского отделения ГАИМК и Государственного исторического музея (начальник — А.В. Арциховский, заместитель — М.К. Каргер) осуществила первые планомерные раскопки на Торговой стороне города, в южной части средневекового Славенского конца. С тех пор археологическое изучение Новгорода и его окрестностей ведется непрерывно, за исключением нескольких военных и послевоенных лет (1942–1944, 1949, 1950 гг.).

Готовясь к проведению экспедиции 1932 г., А.В. Арциховский не только составил обоснование необходимости раскопок в городе, но и подготовил программу ее работы, в которой заложил научно-методические основы новгородской археологии и поставил долгосрочные цели работы экспедиции.

По результатам уже первого сезона раскопок А.В. Арциховский понял, какие перспективы открывает культурный слой Новгорода. В краткой отчетной статье 1933 г. в соавторстве с М.К. Каргером он писал: «Раскопки 1932 г. в Новгороде доказали окончательно, что Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга СССР. <...> Сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы. Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечевоего периода — все это из области сказочной романтики перейдет в область науки» (Арциховский А.В., Каргер М.К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1–2. С. 64).

Осенью того же 1932 г. экспедиция Новгородского музея (руководитель — В.С. Пономарев) провела небольшие раскопки на Софийской стороне (ул. Декабристов), на территории средневекового Неревского конца.

В последующие годы экспедициями ГАИМК (руководители А.В. Арциховский, М.К. Каргер)

Вид (с юга) Новгорода с самолета, 1956 г. Фото С.Т. Бочарова.

Археологические раскопки в Новгороде

В ближайшие дни, после двухлетнего перерыва, в Новгороде возобновит свои археологические исследования экспедиция института истории материальной культуры Академии наук СССР под общим руководством профессора А. В. Арциховского.

За летний сезон большие раскопки будут проведены в районе Дмитриевской улицы. Эта территория некогда входила в так называемый Юрьевский конец древнего Новгорода. В прибрежной части района раскопки уже проводились экспедициями Новгородского музея в 1932 году, 1941 и 1948 гг. Здесь были обнаружены в мощных культурных слоях земли участки древних улиц — Холопьев и Козмодемьянской, заселенных в те времена рыбаками и ремесленниками.

В 1941 году раскопками была вскрыта часть территории древней новгородской судостроительной верфи. Были найдены также деревянные настилы уличных мостовых, остатки жилых строений, а также многочисленные предметы домашней утвари, ремесла и ювелирного искусства, некоторые из них имеют уникальное значение.

Заметка в газете «Новгородская правда» о начале археологических исследований в Новгороде, 30 июня 1951 г.

В Новгород
 Новгородская Археологическая Экспедиция
 Академии Наук СССР просит рассмотреть вопрос
 о выделении молока в количестве
 20 (двадцати) литров в день.
 25 июля 1951 г.
 Нач. И.В. Арциховский
 упр. делами П.А. Арциховский
 (И.В. Арциховский)

Записка Б.А. Колчина с просьбой об отпуске молока для экспедиции. Подпись А.В. Арциховского, 25 июля 1951 г.

и Новгородского музея (руководитель А.А. Строков) археологическое изучение Новгорода и его окрестностей успешно развивалось. Продолжилось исследование городских слоев на Славне (1934, 1936–1937 гг.), начались раскопки Юрьева монастыря (1933, 1935 гг.), Городища (1934 г.), Ярославова Дворища (1937–1939 гг.) и Детинца (1938–1940 гг.).

В 1941 г. Новгородский музей принял работы в Неревском конце, недалеко от места раскопок 1932 г. Но 22 июня они были прерваны войной.

Археологические исследования в Новгороде продолжились благодаря инициативе А.В. Арциховского, Б.Д. Грекова и А.В. Щусева. В 1947 г. Академия наук СССР организовала большую экспедицию, которую возглавил А.В. Арциховский. Были возобновлены раскопки Ярославова Дворища, а также проведены исследования на Софийской стороне города, в районе средневековой Чудинцевой улицы. В отличие от небольших раскопов предвоенных лет, в восточной части Дворища был заложен и в 1948 г. полностью исследован раскоп площадью 748 м². Для выполнения намеченных полевых работ А.В. Арциховскому удалось собрать значительный научный коллектив. Наряду с археологами старшего поколения (Л.А. Голубева, А.В. Кирьянов, А.Л. Монгайт) он привлек к работам в экспедиции аспирантов и выпускников исторического факультета Московского университета военных и первых послевоенных лет: Д.А. Авдусина, Г.А. Авдусину,

С.А. Изюмову, Б.А. Колчина, А.Ф. Медведева, Н.Я. Мерперта, Н.Д. Мец, Т.Н. Никольскую. Среди научных сотрудников экспедиции в эти годы были студенты-историки В.Л. Янин, В.В. Седов, В.М. Смирин, В.Д. Берестов, С.А. Плетнева, Я.Н. Щапов и др. Научным консультантом экспедиции выступил известный историк, член-корреспондент АН СССР М.Н. Тихомиров.

Работы 1947–1948 гг., предшествовавшие исследованиям на Неревском раскопе, оказались чрезвычайно важны для приобретения организационного и методического опыта проведения раскопок культурного слоя древнерусского города большими площадями. Именно в эти годы начал складываться замечательный научный коллектив Новгородской экспедиции.

Предвидение А.В. Арциховского, высказанное после первых раскопок в Новгороде, в полной мере подтвердилось только через 20 лет на Неревском раскопе.

12 июля 1951 г. совместная археологическая экспедиция АН СССР и МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством А.В. Арциховского (заместитель — Б.А. Колчин) начала работы на Софийской стороне Новгорода, в 250 м к северу от новгородского кремля, на улице Дмитриевская. Раскоп был заложен в связи с обнаружением, незадолго до начала работ в траншее под коммуникации, древней улицы, состоящей из нескольких ярусов деревянной мостовой. Место для долговременных раскопок оказалось удобным, поскольку этот квартал в центре города во время войны был полностью разрушен и представлял собой большой пустырь.

Первый Неревский раскоп площадью 360 м² был разделен на два участка, работами на которых руководили Г.А. Авдусина и В.Л. Янин

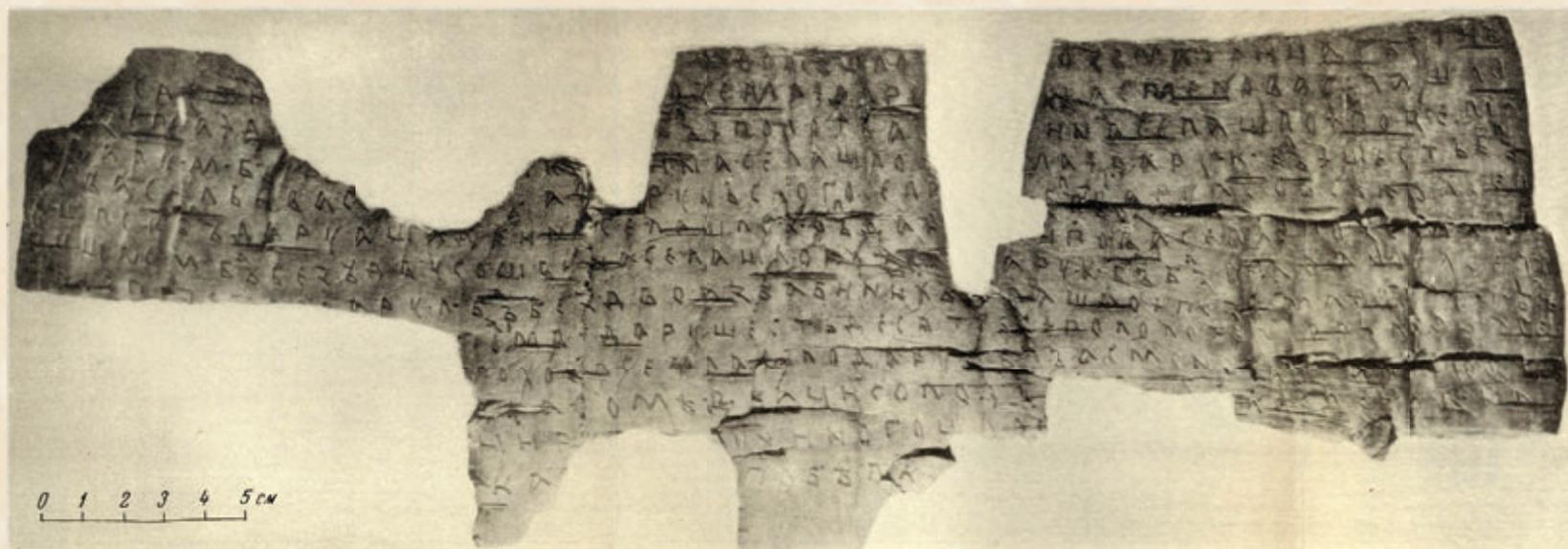
Первый Неревский раскоп (НА–НЯ). 17-й ярус, вид с запада, 1951 г.

Распоряжение Президиума АН СССР об объявлении благодарности аспирантам и сотрудникам кафедры археологии МГУ, 17 января 1952 г.

Вид на северную часть Новгорода (место Неревского раскопа отмечено стрелкой), июль 1951 г.

Новгородская берестяная грамота № 1.

(раскопы НА и НЯ). Он был заложен с учетом выявленной в траншее мостовой древней улицы, что позволило детально изучить ее на протяжении 20 м. Несмотря на огромный культурный слой, достигавший в этом месте 7,5 м, раскоп был доведен до материка за один полевой сезон. Вскрытая на раскопе улица, насчитывавшая 27 ярусов деревянных мостовых, после привязки к планам города XVIII в. и сопоставления с писцовыми книгами XVI в. была определена как Холопья.

Сохранность культурного слоя в этой части города, его мощность и насыщенность остатками деревянных сооружений и предметами материальной культуры оказались небывалыми. Решающей находкой Неревского раскопа, определившей все дальнейшее развитие новгородской археологии, стала берестяная грамота, найденная 26 июля 1951 г. работницей Н.Ф. Акуловой. За первой грамотой последовали другие, и концу сезона их было найдено 10.

С тех пор берестяные грамоты, число которых в Новгороде к октябрю 2018 г. достигло 1113, превратились в ценнейший источник по средневековой истории и истории «живого» древнерусского языка, который до находки грамот практически был неизвестен и реконструировался гипотетически.

Обнаружение в Новгороде нового вида письменных источников имело большой научный и общественный резонанс. Президиум АН СССР в декабре 1951 г. специальным постановлением отметил важность открытия и необходимость расширения работ Новгородской экспедиции. По инициативе президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова и ректора МГУ им. М.В. Ломоносова академика И.Г. Петровского Новгородская экспедиция получила на проведение полевых работ значительные дополнительные средства.

Начиная с 1952 г. масштаб раскопок в Неревском конце значительно расширился и достиг

ОТКРЫТИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Исключительный интерес представляют результаты, которые получены в 1951 году археологической экспедицией, проводившей раскопки на территории древнего русского города Новгорода. Начальник экспедиции доктор исторических наук А. В. Арциковский выступил 21 декабря с докладом на заседании президиума Академии наук СССР.

В постановлении, принятом по этому докладу, президиум отметил, что найденные при раскопках в Новгороде берестяные грамоты, открывают новые возможности для изучения истории Новгорода, а также русского языка, поскольку они содержат образцы разговорной речи древних новгородцев.

Экспедицией было найдено также большое количество сооружений и предметов IX—XV веков, характеризующих высокий уровень и самобытное развитие древнерусской культуры. Учеными добыты новые данные о технике новгородских ремесел и древнерусскому земледелию. Особого внимания заслуживают найденные экспедицией надписи на различных предметах и сооружениях, свидетельствующие о широком распространении грамотности в древней Руси.

Учитывая большое значение открытий новгородской экспедиции для изучения и освещения истории нашей Родины, президиум Академии наук СССР подчеркнул в своем решении, что дальнейшее археологическое исследование района Новгорода является одной из важных задач института истории материальной культуры. Труды экспедиции предложено опубликовать. Руководителям и участникам экспедиции объявлена благодарность.

(ТАСС).

Сообщение ТАСС о результатах исследований Новгородской экспедиции в 1951 г. Газета «Новгородская правда», 23 декабря 1951 г.

Вид (с северо-востока) Неревских раскопов с самолета, 1956 г. Фото С.Т. Бочарова.

В.Л. Янин (справа), А.В. Арциховский и Б.А. Колчин в Новгороде, 1954 г.

небывалых размеров. В 1952 г., к примеру, суммарная площадь шести примыкавших друг к другу участков составляла 1520 м². В последующие годы рядом с отработанными котлованами закладывались новые раскопы. В 1962 г. был раскопан последний участок площадью 160 м². Вокруг полным ходом шла жилая застройка квартала, и свободных площадок для раскопок здесь больше не было. В том же году Новгородская экспедиция перенесла свои работы на Торговую сторону города и в течение 6 лет проводила исследования на древней Ильине улице Славенского конца (Ильинский раскоп, 1430 м², 1962–1967 гг.).

Крупные средства, отпущенные Академией и Университетом, широкая механизация земляных работ, энтузиазм и подвижнический труд большого научного коллектива экспедиции позволили за 12 лет вскрыть невиданный ранее по величине участок древнерусского города. Всего на 35 раскопах изучена площадь в 8840 м² при толщине культурного слоя от 6 до 7,5 м. Более 60 000 м³ земли перебрали руками рабочие и лаборанты экспедиции. В то время это были одни из самых масштабных полевых археологических работ в Советском Союзе.

Благодаря Неревскому раскопу уже в 1950-е годы раскопки в Новгороде получили мировую

известность как археологическое открытие древнерусского города с деревянными мостовыми, срубами и частоколами боярских усадеб, удивительным обилием бытовых вещей из органических материалов, сотнями берестяных грамот, прекрасными образцами прикладного искусства.

Неревский раскоп, ставший эталонным в археологии Новгорода, показал, что только раскопки большими площадями дают необходимые материалы для восстановления детальной картины жизни средневекового города.

На территории раскопа вскрыты на большом протяжении три древние улицы — Великая (на 137 м),

Панорама Неревских раскопов (вид с востока), 1954 г.

Холопя (на 52 м) и Козмодемьянская (на 60 м) — с прилегающими к ним обширными жилыми усадьбами (дворами). Постоянно возобновляемые настилы мостовых улиц составили несколько десятков ярусов-горизонтов, лежавших один на другом. Всего таких ярусов хорошей сохранности оказалось 28. Древнейшие уличные настилы датируются серединой X в., наиболее поздние — 60-ми годами XV в. В некоторых местах Великой улицы сохранились следы еще четырех сгнивших настилов второй половины XV — XVI в.

На Неревском раскопе изучено 18 усадеб, из них 9 — почти полностью. Усадьба — это уча-

сток, окруженный забором (частоколом), за которым размещались жилые, производственные и хозяйственные постройки. Границы усадеб изменялись незначительно, и основные дворы, которые возникли в X и XI вв., существовали, как правило, в тех же пределах и в последующие века. Целиком раскопанные усадьбы занимали площадь от 750 м² и более.

Изучение берестяных грамот и других находок позволило детально проследить систему соседских связей владельцев усадеб и динамику развития этих связей во времени. Большинство усадеб, открытых на Неревском раскопе, принадлежало

боярам, самым влиятельным и богатым людям в новгородском обществе. Впервые археологи получили убедительные данные относительно устройства родственных боярских усадеб, занимавших значительные территории, унаследованные от предков, и благодаря берестяным грамотам смогли узнать имена некоторых из хозяев усадеб.

Последовательная смена настилов мостовых на протяжении 500 лет позволила исследовать динамику развития городской жизни в пределах огромного участка, а накопление находок, исчисляемых сотнями тысяч, создало возможность подробной характеристики каждого строительного

го яруса и каждой постройки. Всего на Неревском раскопе вскрыто около 1100 построек и среди них 450 жилых домов, во многих из которых сохранились остатки отопительных печей.

В домах, мастерских, амбарах, на территории дворов и на улицах собрано более 90 000 вещей X–XV вв. В их числе — берестяные грамоты (398), монеты, печати и пломбы (около 1600), стеклянные браслеты (около 6100), шиферные пряслица (около 2030), изделия из железа и стали (более 16 700), предметы из цветных металлов (более 2100), изделия из дерева (более 20 000), изделия из тканей и их обрывки (более 4200), кожаная обувь

Общий план Неревского раскопа (по: Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968).

и ее фрагменты (более 11 500). Массовые находки исчислялись сотнями тысяч (фрагменты керамики, кости домашних и диких животных, обрезки и обрывки кожи, зерна разных злаков).

Открытие деревянных мостовых, неизменно возобновлявшихся на одном и том же месте в течение нескольких столетий, заложило основу ярусологии, т.е. стратиграфического членения культурного слоя на ярусы, каждому из которых соответствовали комплексы сооружений, прослоек и находящихся в них находок. Исключительная сохранность дерева способствовала тому, что впервые в отечественной археологии в Новгороде применен дендрохронологический метод, позволивший датировать ярусы с точностью до четверти века. Это дало возможность создать хронологическую шкалу новгородских древностей и с большой точностью датировать берестяные грамоты. При изучении находок стали активно применяться металлографический, спектральный и другие анализы, позволившие получить важные данные о технологии изготовления различных предметов, об источниках ремесленного сырья и в целом о развитии новгородского ремесла.

Большое значение в жизни Новгородской экспедиции 1950-х годов и более позднее время имела деятельность Б.А. Колчина. На его плечах лежали общая организация и обеспечение бесперебойных работ на раскопах. Экспедиция обязана ему внедрением в практику проведения раскопочных работ механизации и технического оснащения, что значительно убило процесс удаления из раскопов просмотренной земли, а также осуществления подготовки к изданию ряда основополагающих научных трудов. В начале 1960-х годов Б.А. Колчин разработал и оперативно внедрил в археологию Новгорода метод дендрохронологического датирования мостовых и построек. Это дало небывалые возможности по определению времени отложения культурного слоя и содержа-

щихся в нем находок. В дальнейшем его деятельность привела к созданию в Москве в Институте истории материальной культуры и на историческом факультете МГУ лабораторий по внедрению в археологию естественнонаучных методов.

Во время работ на Неревском раскопе сложился большой коллектив исследователей, состоявший в основном из учеников Арциховского, которые в разные годы руководили отдельными раскопами. В их числе — Г.А. Авдусина, П.И. Засурцев, С.А. Изюмова, А.В. Куза, И.К. Голунова (Лабутина), М.В. Груберт (Седова), А.Ф. Медведев, С.Н. Орлов, М.Д. Полубояринова, Н.В. Рындина, В.В. Седов, Н.И. Сергиевская, Ю.Л. Синельникова (Щапова), Г.П. Смирнова.

В.Л. Янин, руководивший работами на нескольких Неревских раскопах, с 1962 г. стал фактическим руководителем Новгородской экспедиции. Камеральной лабораторией на Неревском раскопе заведовал реставратор А.В. Кирьянов, занимавшийся также историей новгородского земледелия. Непременными участниками всех экспедиционных работ были М.Н. Кислов, изготовивший прориси всех берестяных грамот и сотен рисунков других находок, а также фотограф С.Т. Бочаров.

Неревский раскоп кроме чисто научного имеет также большое педагогическое значение. Здесь проходили полевую практику десятки студентов МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского архитектурного института и многих других высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Вологды, Иванова, Новгорода, Киева и других городов страны. Многие из них стали специалистами в разных областях археологии и истории и позже работали во многих регионах СССР. В 1962 г. — в последний год работы Неревского раскопа — первую археологическую практику на нем проходили студенты кафедры археологии МГУ А.А. Коновалов, В.Г. Миронова, Е.А. Рыби-

на и А.С. Хорошев, ставшие впоследствии постоянными участниками Новгородской экспедиции.

Археологические материалы, полученные на Неревском раскопе, опубликованы в четырех томах «Трудов Новгородской археологической экспедиции», в монографиях и десятках различных статей. Они послужили основой для написания нескольких диссертаций. Однако в полной мере многочисленные материалы раскопа не введены в научный оборот до настоящего времени.

За время работ экспедиции на Неревском раскопе ее организация и методика раскопок многометровых отложений влажного культурного слоя Новгорода обрели законченные формы. Эта методика с отдельными модификациями используется археологами в Новгороде до настоящего времени. Важнейшая ее составляющая — членение, благодаря наличию многоярусных мостовых и нижних частей различных построек, всей толщи культурного слоя на десятки хронологических уровней. Этот методический прием позволяет получить абсолютные даты этих уровней, а также создать детальную вещевую хронологическую шкалу многих категорий средневековых предметов.

«Историческое значение Неревского раскопа <...> состоит в том, что он стал первым и достаточно прочным мостом, соединившим средневековую археологию со средневековой историей и направившим археологическую программу к решению не специфических задач истории материальной культуры, а достаточно существенных проблем исторической науки» (Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982. С. 33).

Основная литература о Неревском раскопе:

Колчин Б.А. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962) // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 3–20.

Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 7–33.

Янин В.Л., Рыбина Е.А. Новгородская археология за 75 лет: основные вехи истории // Новгородские археологические чтения — 3. Материалы Междунар. конф. «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. / Под ред. Е.А. Рыбиной. Великий Новгород, 2011. С. 19–29.

А.В. Арциховский и Б.А. Колчин на Неревском раскопе (слева у транспортеров), 1954 г.

Сотрудники Новгородской экспедиции на Неревском раскопе. Нижний ряд: В.А. Башилов (?), Е. Солянова, ?, Л.В. Куликова (Ефимова), Ю.Л. Синельникова (Щапова), Н.И. Сергиевская, И.К. Голунова (Лабутина), Н.Б. Шведская (Черных), М.А. Карповская; средний ряд: Т. Леонова, И. Шамова (?), ?, В. Алексеев, ?, Н.В. Рындина, ?; верхний ряд: А. Ретин, ?, ?, Г.Н. Бочаров, Е.Н. Черных, 1955 г.

Труворово городище. Раскоп у подножия вала, 1974 г.

Костяной гребень из раскопок городища, IX–X вв.

Изборская экспедиция

Н.В. Лопатин

Изборская экспедиция стала главным полевым проектом Валентина Васильевича Седова (1924–2004), одного из наиболее известных ученых Института археологии второй половины XX в.

Начало археологической деятельности В.В. Седова связано с Новгородской экспедицией под руководством А.В. Арциховского. Здесь он участвовал в работах на городских раскопах и здесь же провел в 1951–1952 гг. первые самостоятельные раскопки на Перыни. Интерес к славяно-русским древностям Северо-Запада Русской равнины проявился в его ранних исследованиях курганных материалов Новгородской земли и кандидатской диссертации «Кривичи и словене» (1954 г.). Поэтому обращение в расцвете творческих сил к изучению Изборска следует считать закономерным.

Исследованию Изборска предшествовали внимательное освоение материалов работ предшественников на этом памятнике, в первую очередь С.А. Таракановой и Г.П. Гроздилова, переписка с Л.Ф. Зуровым. Валентин Васильевич пришел к убеждению, что значение Изборска осталось недооцененным по результатам прежних археологических исследований, и поставил задачу планомерно и всесторонне изучить памятник.

Рекогносцировочные работы 1970 г. продолжились в 1971 г., когда сразу был заложен большой раскоп площадью 800 м² в центральной части Труворова городища. Всего за 21 сезон раскопок на городище изучено более 6000 м², в том числе почти полностью раскопана площадка, отдельными траншеями и раскопами исследованы оборонительные сооружения и склоны.

В первые же сезоны выяснено, что ранний горизонт культурного слоя, хотя и сильно поврежден последующей строительной деятельностью, соответствует значительному периоду истории памятника в догородской период. Началось осмысление глубоких корней культуры раннего Изборска, их связей с культурами ранних славян. Делались попытки отыскать следы ранних укреплений, которые охватывали только часть площади городища (позднее В.В. Седов отказался от этого предположения).

В 1974 г., когда раскоп впервые был заложен близ края площадки (с западной стороны), были открыты остатки каменной крепостной стены, что явилось принципиально новой информацией об укреплениях Изборска. В последующие сезоны стена была исследована на всех краях площадки и на вершине вала, а в мысовой части раскрыто основание каменной башни. Разрезы вала показали, что фортификации с применением каменных конструк-

ций возобновлялись не раз и впервые были сооружены еще в догородской период — в X в., а возможно, и ранее.

Одновременно с каменными укреплениями изучались следы деревянной стены, которые постепенно сложились в плане в замкнутый контур отдельного укрепления, выделявшего мысовую часть города. Автор раскопок датировал это сооружение X в., определял его как детинец и сформулировал концепцию о превращении Изборска в это время в полноценный город с трехчастной структурой (детинец, окольный город, неукрепленный посад).

Важным аспектом изучения памятника было его место в этнокультурной истории Северо-Запада Руси. На основании изучения лепной керамики, следов домостроительства, металлических женских украшений В.В. Седов пришел к выводу о славянской (кривичской) этнической основе населения и большой роли финно-угорского и балтского элементов уже на ранней стадии истории поселения. В то же время он указал на незначительность следов присутствия скандинавов, что не подтвердило летописную версию о княжении в Изборске Трувора.

Всестороннее изучение остатков материальной культуры привело В.В. Седова к выводам о непрерывном развитии поселения на Труворовом городище. Полиэтнический характер населения, следы ремесел, торговли и престижной воинской культуры, наличие оборонительных сооружений — укрепленного каменной кладкой вала и рва, уличной застройки и «вечевой» площади говорят о том, что в VIII–X вв. поселение представляло собой протогород — административно-ремесленный центр округа.

Исследование Изборска стало важным звеном в обосновании В.В. Седовым концепции формирования древнейших русских городов

на основе племенных центров догосударственной поры.

Одновременно с раскопками городища экспедиция решала смежные задачи: работали отдельные отряды: топонимический (Р.А. Агеева), этнографический (М. Пихо), проводились археологические разведки округи Изборска, раскопки Изборской крепости (А.Р. Артемьев), ряда погребальных и поселенческих памятников. Изборская экспедиция стала одним из крупных в России центров подготовки молодых археологов. В ее раскопчных и разведочных исследованиях с самого начала участвовали студенты и аспиранты университетов и институтов Москвы, Иванова, Пскова, Ленинграда, Орла, Калинин, Ижевска и других городов, а также школьники Изборска, Пскова, Москвы и Ленинграда. В процессе полевой деятельности экспедиции сложился большой научный коллектив археологов, историков и искусствоведов. Многие исследователи, прошедшие Изборскую археологическую школу, стали докторами и кандидатами наук и внесли большой вклад в деятельность научных институтов, высших учебных заведений, музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Ижевска, Владивостока, Петрозаводска, Минска, Вильнюса, Твери, Калуги и др. В работах экспедиции участвовали многие археологи, причём трое из них, изборяне, стали археологами благодаря участию в экспедиции — Л.Е. Сергеева (Грушина), А.Р. Артемьев, Б.Н. Харлашов. Автор этих строк также начал свой путь в науку в Изборске, в школьном возрасте. Исследование отдельных объектов и участков в разные годы руководили М.В. Седова, Т.В. Сергина, П.Г. Гайдуков, В.А. Кананин, Н.В. Гуслистов, Л.Е. Грушина, С.В. Белецкий, А.Р. Артемьев, А.А. Егорейченко, Б.Н. Харлашов, Вл.В. Седов, Н.Н. Фараджева, Н.В. Лопатин, А.В. Яков-

В.В. Седов (слева) на раскопе, 1970-е годы.

В.В. Седов (второй справа) и участники раскопок у базы экспедиции, 1981 г.

В.В. Седов и его ученик А.Р. Артемьев, руководивший раскопками в Изборской крепости, 1980 г.

Исследование разреза вала и каменных конструкций на его склоне, 1984 г.

лев и др. Материалам Изборска посвящен ряд научных исследований. Некоторые из них остались на студенческом уровне и отражены в тезисах семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли», другие вошли разделами в диссертации или опубликованы в виде статей в «крупноформатной» научной литературе.

За годы работы в Изборске экспедиция выработала свои традиции, приобрела собственный дух. Во многом это заслуга не только начальника и научных сотрудников, но и «низового» персонала. Укоренению в Изборске способствовала база экспедиции в Изборской крепости, обустроенная в первую очередь стараниями заместителя начальника П.Г. Гайдукова. Получив от сельсовета в пользование на один год предназначенный к сносу жилой дом с постройками, экспедиция провела в нем 12 сезонов. Здесь были созданы все условия для комфортного экспедиционного быта и камеральной работы, здесь проходили будни и праздники, процветало человеческое общение, пелись песни. Изборская экспедиция притягивала людей, многие из которых возвращались сюда вновь и вновь.

В.В. Седов регулярно организовывал для сотрудников экспедиции научные экскурсии по памятникам Псковщины и Прибалтики, частыми были ответные визиты коллег из Пскова, прибалтийских республик, Новгорода, Старой Руссы, Гнёздова и др. Неизменное внимание уделял начальник экспедиции общению с местными жителями. Каждый сезон завершался особой «пятницей», на которой он демонстрировал важнейшие находки, рассказывал о научных результатах, новых открытиях. Демонстрировались сводные планы раскопок, специально подготовившиеся к этим мероприятиям и впоследствии вошедшие в научные публикации. Многочисленны, особенно в первые

годы работы экспедиции, публикации В.В. Седова в печорской и псковской прессе.

Раскопочные работы В.В. Седова на Труворовом городище делятся почти поровну на два периода: 1971–1982 гг. — крупномасштабные раскопки на площадке силами Изборской экспедиции; 1983–1992 гг. — исследования оборонительных сооружений и склонов городища Изборским отрядом единой Псковской экспедиции, которую В.В. Седов возглавлял с 1983 г.

Основные документальные данные о результатах раскопок сосредоточены в 22 отчетах, хранящихся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН. Свет увидели около 20 научных публикаций разного объема и 25 информационных заметок руководителя экспедиции.

Временное ослабление внимания В.В. Седова к теме исследования Изборска в 1994–1998 гг. было обусловлено, с одной стороны, завершением раскопок городища и полевой деятельности ученого в целом, с другой — напряженной научной и научно-организационной работой этих лет. Тем не менее Валентин Васильевич никогда не оставлял плана монографического обобщения материалов Изборского городища. С 2000 г. он вплотную приступил к этой работе при поддержке гранта РГНФ. Были организованы работы небольшого коллектива археологов и художников в Москве и в фондах Музея-заповедника «Изборск». К этому времени относятся семь статей и две книги В.В. Седова об Изборске. Первая из книг — «Изборск — протогород» (М., 2002) — позднее, в доработанном виде, вошла в качестве раздела в итоговую монографию «Изборск в раннем Средневековье» (М., 2007).

Параллельно с новым обращением к лекциям велся поиск наиболее правильных интерпретаций ряда спорных проблем исто-

рии Изборска, в том числе в полемике с оппонентами (в первую очередь с С.В. Белецким). Были исправлены атрибуции некоторых находок, имевшие принципиальное значение для хронологии и этнокультурной истории. Корректировке подверглись существенные аспекты описания и реконструкция системы фортификаций. Валентин Васильевич работал над книгой «Изборск в раннем Средневековье» фактически до последних дней своей жизни. Некоторые разделы ее остались недописанными, а ряд проблем заслуживает нового, дополнительного изучения: происхождение и истоки культуры Изборска раннего периода, взаимосвязи ее с культурой псковских длинных курганов; характер развития поселения на протяжении веков, его планировка, история системы фортификаций. Необходимо специальное изучение отдельных категорий материалов — керамики, оружия, металлических украшений и др. — в объемных коллекциях, хранящихся в Музее-заповеднике «Изборск» и имеющих существенное значение для освещения многих тем древнерусской и европейской истории и культуры. Большие перспективы имеет исследование округа Труворова городища.

В XXI в. Изборская экспедиция как единый организм не существует, но тем не менее археологические работы в Изборске не прекращаются, они ведутся учениками и последователями В.В. Седова, работающими в археологических организациях Пскова и Москвы. Проведены масштабные исследования крепости Изборска на Жеравьей горе, куда город был перенесен в XIV в. (Т.Ю. Закурина, С.В. Степанов). Небольшие, но результативные исследования Труворова городища и его посада позволили добавить новые данные об истории Изборска на его первоначальном месте (А.В. Яковлев, Н.В. Лопатин). Исследованиями курганно-грунтового могильника Усть-Смолка в ближайших окрестностях Изборска открыты кремации, предшествовавшие возникновению города, и ингумации XI в. (Н.В. Лопатин, Б.Н. Харлашов).

Современный вид на Труворово городище с востока.

Остатки крепостной стены на восточном краю площадки городища, 1982 г.

Бронзовые украшения из нижнего горизонта культурного слоя, VIII–X вв.

*Зарядье, раскопки 1950 г.
Худ. Н.Ф. Абрамкин (?).*

*Расчистка прохода Козьмодемьянской
башии Китай-города (1535 г.). МАЭ,
1958 г.*

Московская археологическая экспедиция: Зарядье (1941–2015)

Л.А. Беляев

Археология Москвы родилась на небольшом участке прибрежной полосы вдоль Москвы-реки, при впадении в нее Неглинной и Яузы. Здесь собраны материалы, составившие фундамент изучения культурного слоя огромного города. Мы опираемся на них и сегодня, не всегда это осознавая.

Важнейшей зоной работ стало Зарядье — район от Москворецкой улицы (спуск к реке мимо Василия Блаженного) до Острого конца и Васильевского луга (сейчас на его месте Воспитательный дом). Это самая низменная, южная часть большого московского посада, поднимающаяся в гору от поймы реки к улице Варварке, которая ограничивает Зарядье с севера. К XX в. Зарядье все еще окружали каменные стены Китай-города (1535–1538), в его сырых домах XVII–XIX вв. ютилось множество мелких ремесленников и торговцев. Здесь сохранялись старые церкви с остатками кладбищ: вблизи реки помещались каменные храмы Николы Мокрого и Анны «что в углу», восходившие к XV в., а вдоль «Варьской» улицы стояли в ряд еще несколько, начиная со святой Варвары и церкви Знаменья.

С обликом советской Москвы этот естественно сложившийся заповедник позднего средневековья мало вязался. Решено было очистить район и занять его вы-

сотным зданием. В 1940–1941 гг. начались научные изыскания, в число которых вошла археология. После войны проект возобновили: 7 сентября 1947 г., в день 800-летия Москвы, торжественно заложили все московские высотки, причем две из них недалеко друг от друга, у реки: при впадении Яузы и в Зарядье. К тому же юбилею историкам дали задание системно описать прошлое города, поставив его в ряд древнейших центров страны и подтвердив средствами археологии культурную значимость.

Археологи Москвы располагали только опытом работ по трассе Первой очереди Метрополитена, но назвать их систематическими было трудно. В 1946 г. пришлось начать с самого начала. Была образована экспедиция (МАЭ) Института истории материальной культуры АН СССР, работавшая в тесном контакте с Моссоветом и Музеем истории и реконструкции Москвы. Во главе встал молодой и амбициозный ученый, Михаил Рабинович. Открытия 1946–1950 гг. привлекли всеобщее внимание: Президиум АН СССР поощрил институт за успехи МАЭ особым постановлением (1951 г.), городские власти в лице Моссовета, музеи и ученые смежных специальностей оказывали всемерную помощь, общественность проявила живой интерес. Но в начале 1950-х годов, в период борьбы с космополитизмом, Михаилу Григорьевичу пришлось уйти из

ИИМК, и формально работами 1951 г. руководил А.В. Арциховский, а с 1953 до второй половины 1960-х годов во главе коллектива стоял А.Ф. Дубынин. С достройкой гостиницы «Россия» археология в Зарядье почти замерла, но после ее сноса начался новый этап (2006–2007), завершённый сезонами 2015–2016 гг.

Итак, МАЭ держит Зарядье в поле зрения уже почти 75 лет (1941–2015) и провела здесь 20 полномасштабных исследовательских сезонов, не считая периодических наблюдений за строительными работами. Старый район трущоб стал настоящей школой для молодых специалистов, здесь работали Х.И. Крис, Т.В. Равдина, Э.А. Рикман, Р.Л. Розенфельдт, Д.А. Соболева и многие другие. Материалы Зарядья легли в основу первой серьезной монографии по археологии Москвы (Рабинович М.Г. О древней Москве. М., 1964), ряда статей и кандидатской диссертации о Китай-городе Д.А. Беленькой, а серия статей А.Ф. Дубынина отразила результаты нового периода работ.

Особенно яркими были сезоны 1940 – начала 1950-х годов, когда многое происходило впервые и вызывало неподдельное изумление. Глубина культурного слоя, как оказалось, составляла от четырех до пяти и более метров. Эта толща образовалась благодаря тому, что влажные приречные участки, насыщаясь щепой, корой и другими органическими отходами, всасывали воду, как губка, а отдавали ее неохотно, способствуя заболачиванию и постепенно «поднимаемая» влагу все выше по склону.

В культурном слое сохранялись деревянные мостовые улиц и ограды усадеб, мощные дворов и полы домов, и, что особо важно, сложная сеть инфраструктуры — древней, но несомненно городской. Стало возможным изучать планировку больших зон, улавливать

перемены в образе жизни разных эпох, восстанавливать организацию ремесел. Огромное количество вещей распределялось здесь по хорошо читавшимся слоям и могло соотноситься с историческими объектами — владениями, кладбищами, зданиями.

В Зарядье удалось построить керамическую стратиграфию Москвы с шагом примерно в полстолетия (типохронология ее керамики была изучена к началу 1950-х годов на материалах Гончарной слободы) и предметов из металлов, стекла, камня, дерева (в конце концов типологию составят даже для гробов).

С Зарядьем связана и первая плодотворная дискуссия по вопросу заселения и развития Москвы. Встретив шиферное пряслице и фрагменты стеклянных браслетов (в Москве они появились впервые, став своего рода сенсацией), украшения и керамику типа курганных, М.Г. Рабинович, историк и этнограф, счел развитие посада бурным уже в XII в. Он видел от Кремля до «пристани» плотно застроенный район, центр ремесла и торговли, относя (ошибочно) к XII в. свинцовые пломбы от рулонов сукна, стеклянные перстни, свинцовые гирьки, серпы, сошники и ножи, фрагменты парадной посуды, а также мастерские кожевников, сапожников, кузнецов.

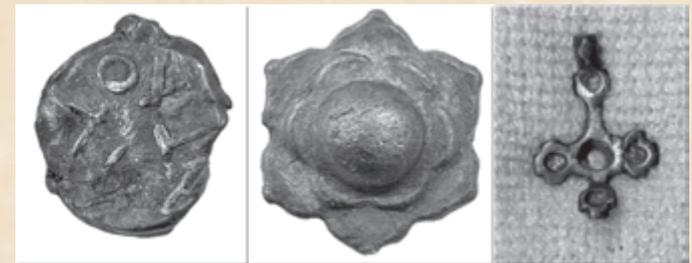
После раскопок в Кремле на рубеже 1950–1960-х годов М.Г. Рабинович попытался применить датировку слоев, предложенную им для Зарядья, но встретил обоснованную критику сотрудников МАЭ. Было уже ясно, что в Зарядье отсутствуют находки, характерные для поселений XI — начала XII в. (лепная керамика, византийские амфоры, тонкостенные прозрачные бокалы из стекла и др.), шиферные пряслица крайне редки и относятся к поздним типам, а браслеты говорят скорее о XIII в., чем о более раннем времени. После бурной дискус-

Работы в нижних горизонтах слоя с остатками деревянных сооружений, Зарядье, 1955 г.

Деревянный сруб колодца, 1955 г.

Находки горизонта XIII–XV вв.: «великокняжеская» пломба, накладка в виде цветка лотоса, крестик подвесной. МАЭ, 2015 г.

К.Ф. Юон. Москворецкий мост. Холст, масло, 1911 г.
Справа за мостом – фронтальная застройка Зарядья.

Расчистка площади после сноса застройки. МАЭ, 1949 г.

Вид на Зарядье, место раскопа 2015 г. – в правой купе
деревьев. Открытка 1980-х годов.

сии хронотопография, а вместе с ней историко-социальные контексты Зарядья стали моложе, а их интерпретация более осторожной. Сама дискуссия, обеспеченная полевыми открытиями 1940–1950-х годов, никак не снижает успеха первых сезонов Зарядья. Подлинный древний город впервые увидели в его истинной плоти, без мифов и бесконечных догадок.

На Зарядье МАЭ выработала стиль работы, который успешно применяет и развивает до сего дня — это механизм комплексного исследования, общей работы ученых разных специальностей. Уже в 1940-х годах материалы Зарядья изучали технологи по производству и выделке кожи; палеозоологи, остеологи и специалисты институтов легкой и пищевой промышленности; антропологи, металлурги и химики; геологи и почвоведы. Особое место занимала профессиональная работа с письменными документами и картами.

Многие наблюдения МАЭ в Зарядье выдержали проверку повторными исследованиями. Сохранили значение анализ стратифицированного культурного слоя с распределением находок «по вертикали»; выработанная статистика керамики; первые карты распространения археологических слоев и построек на больших участках посада.

Верным оказался сформулированный на Зарядье базовый вывод о «кремлецентричности» Москвы, ее развитии из единого центра на холме при впадении Неглинной в Москву-реку (до 1940-х годов господствовало представление о нескольких городищах в зоне Москвы, слившихся в будущую столицу). Удалось доказать изменения посада в ходе, по крайней мере, одной значительной перепланировки на рубеже XV–XVI вв. (это подтвердят последующие работы), а также длительную пластичность границы владений и линий

улиц Зарядья (в отличие от больших городов Руси, прежде всего от Новгорода). Иногда удавалось проследить значимые изменения отдельных построек (так, дом XVI в., где печь была обращена устьем ко входу, как на юге, новый хозяин перестроил, развернув от входа, как принято на севере).

Подтвердились и выводы о развитии Зарядья как ремесленной периферии города — пусть с хронологическим сдвигом. Лишь со временем ремесленные зоны сменит усадебная застройка, которая в XVIII в. трансформируется в прирочные трущобы, где гнезился беднейший люд, свирепствовал Ванька Каин, а в XIX в. могли жить, вне «полосы оседлости», евреи.

В Зарядье впервые открылась впечатляющая картина устройства городской среды Москвы, изощренно сложная и прагматично приспособленная к особенностям прирочного склона. Водосборники и водоотводы для дренирования местности сплетались в сложную сеть с инсталляциями производств, требующих много воды, таких как кожевенное. Инфраструктура обеспечивала комфортную среду для хозяйственных построек (мощных дворов, погребов, ледников, бань, колодцев), жилых домов и мощных деревом улиц, отнюдь не тонувших в XIV–XV вв. в грязи.

Сложилась и представления о «московской этнографии». Разделявшие владения заборы оказались, во многих случаях, не частоколами, а плетнями — черта скорее южная, чем северная. Определился «стандарт» жилого сруба скромной площади ($4 \times 4 \text{ м} = 16 \text{ м}^2$) или даже менее (часть построек трудно было даже признать за жилье). Такие наблюдения объяснили устройство и высокую заселенность больших московских дворов XVII в., знакомых по описям, а тем самым — исторические, психологические, культурные, словом, многие

национальные особенности «москвитов». Разбросанные там и сям фрагменты оружия, склады ядер, воткнувшаяся в плетень и там оставшаяся стрела рисовали картину общества, живущего в постоянной опасности, и оживляли хроникальные записи о штурмах города и взятии его посадов.

Но археология Зарядья богата и яркими эпизодами, рисующими облик рядовых семей, незаметных, но конкретных личностей, дискретных событий их жизни, дней или месяцев, т.е. микроисторию Москвы. В метод советского исторического материализма «бытописание» не вписывалось, находя себе место в археологии и этнографии, которые для XVI–XVII вв. очень близки, и тем самым готовя почву научному прорыву конца XX столетия. Так напомнил о себе некий Иван по прозвищу Корова, владелец костяной печати «величиной с ноготь», на которой поместились надпись из трех слов («Печать Ивана Карови») и фигура его патронального святого Иоанна Воина (она найдена в сгоревшем срубе, оказавшемся баней). Надгробный камень рассказал, что у выходца из Крыма князя Василия Евшеевича Сулешова был слуга («человек») Иван Ширяев, умерший в начале 1630-х годов. Неведомая нам Федора оказалась владелицей чернолощеного кувшина — мы и этого о ней не узнали бы, не оставь она своего имени в надписи-граффити XVI в.: «кувшинь Федорин». Так в Зарядье началось складывание «археологической личности», столь отличной от традиционных «исторических персонажей».

В Зарядье МАЭ опробовала и подход к новой церковной археологии Москвы. Был использован прием сплошного хронологического изучения участка, начиная, практически, от современности, и впервые полностью раскопан каменный храм с редким посвящением святым Женам Мироносицам. Он относился

к XVI в., а кладбище восходило к XV в., его сменил комплекс Благовещенского (Воронежского) подворья XVII в., разобранный в конце XVIII в. Историю территории восстановили в мельчайших подробностях, используя архивные документы до XIX–XX вв.

Раскопки МАЭ 1940–1960-х годов в Зарядье стали одним из первых примеров исторической археологии России и полигоном развития этого направления, признанного сейчас наукой как полноценное и актуальное.

Хронологические выводы, а также абсолютную ценность культурного слоя Зарядья для Москвы МАЭ смогла подтвердить еще раз уже в XXI в., в 2006–2007 и 2015 гг. В 2006–2007 гг. кроме полевых работ был выполнен картографическо-стратиграфический анализ всей зоны Зарядья, доказавший, что не исследованными и не разрушенными остаются еще не менее 20% площади этого района.

В 2015 г., на завершающем этапе работ к открытию парка «Зарядье», МАЭ провела контрольные раскопки на «трассе», с изучения которой начинались работы в 1940-е годы, — Мокринском переулке (также Зачатьевская, или Великая, улица), на расстоянии около 100 м от церкви Николая Мокрого. Они подтвердили, что на материке слабо, но четко обозначены следы использования участка не позднее XIII в., но основная масса слоя над ним отложилась в XIV–XV вв. (примерно 2,5 м толщиной; монеты залегают не глубже 1,5 м), причем в нем распределено много мелких находок. Выделяются «горизонты встречаемости» для отдельных типов находок: двух версий свинцовых грузиков (простые и без орнамента лежат на метр выше орнаментированных с ножкой); двух групп свинцовых пломб (западноевропейские товарные крупные XV–XVI вв. лежат выше мелких великокняжеских

Деревянные сваи верхнего горизонта. Вид в сторону Кремля. Худ. А.С. Трофимов. МАЭ, 1951 г.

Остатки деревянных сооружений XV–XVII вв. Вид в сторону Яузы и Котельников. Худ. А.С. Трофимов. МАЭ, 1951 г.

Фрагмент таблицы московской керамики. М.Г. Рабинович (МИА, № 167. 1971).

Трасса Великой улицы: настил мостовой Мокринского переулка XVI–XVII вв. МАЭ, 2015 г.

Сотрудники МАЭ и руководство ИА РАН на месте обнаружения берестяной грамоты «Москва-4» в раскопе 7. Зарядье, 2015 г.

Резной камень с плетеным орнаментом – часть портала Золотой палаты Кремля, 1490–1500-е (?) годы. МАЭ, 2015 г.

Берестяная грамота «Москва-4» в момент обнаружения, 2015 г.

XIV–XV вв.) и др., а также слой, связанный с ориентальной модой XIV в. (бронзовое зеркало с надписью, болгарского типа; бронзовый пластинчатый браслет с головой дракона; керамика; бляшки) и т.д.

Особые группы образовали предметы, связанные с книжностью и Церковью: фрагмент каменной и целая бронзовая иконки св. Николая, крестики-тельники и часть энколпиона XIII–XVI вв., костяное писало и даже берестяная грамота, четвертая в Москве. Она несла явные признаки знакомства автора с новгородским обычаем писать на подготовленных свиточках бересты деловые и прочие записки («письма»). «Москва-4» представляла собой отчет о неудачной поездке автора по поручению его хозяина в Кострому, с дороги куда его вернули некие «Юрий с матерью», взяв с него (в качестве штрафа или пошлины?) сравнительно незначительную сумму в 36 бел «с полтиною». Полная публикация грамоты еще впереди.

Наиболее привлекательным на раскопе оказались хорошо стратифицированные слои эпохи расцвета Зарядья, XIV–XV вв., изученные в Москве хуже остальных. Их исследование в приречном районе давало особые возможности. Впрочем, почему давало? Многие еще впереди. Нужно работать с пока мало освоенными архивами МАЭ и ученых, изучавших Зарядье. В хранилищах Музея истории и реконструкции Москвы ждут углубленного, в том числе новыми методами, анализа коллекции вещей. Да и в натуре сохраняются интересные участки, например Мытный двор, изученный лишь частично — на повестке дня новое архивное картографирование. Так что МАЭ в будущем, возможно, получит возможность продолжить археологическое исследование Зарядья.

Археологические исследования летописного Любеча

Ю.Ю. Моргунов

Любеч — один из древнейших русских городов: около 882 г. по пути в Киев его захватил князь Олег и оставил там посадника. В середине X в. о его существовании было известно византийскому императору Константину VII Багрянородному, автору ряда литературных сочинений. Уроженцами Любеча были мать князя Владимира Святославича (ключница княгини Ольги Малуша) и основатель Киево-Печерского монастыря Антоний Печерский. Поблизости, близ днепровского перехода в 1015/1016 г. произошло легендарное сражение между войсками киевского князя Святополка Ярополчича и Ярослава Мудрого: победивший Ярослав занял киевский стол. Там же произошел и Любечский съезд князей 1097 г.

Эти события показывают, что Любеч, расположенный близ левого берега Днепра, являлся северными «воротами» Киева, а позже отошел к черниговским Ольговичам. В 1147 г. он был сожжен смоленским князем Ростиславом Мстиславичем. Город быстро отстроился, но под 1159 г. упоминался в перечне пустых городов, где «сидели» лишь псаря и половцы. Тем не менее в 1180 г. киевский князь Святослав Всеволодо-

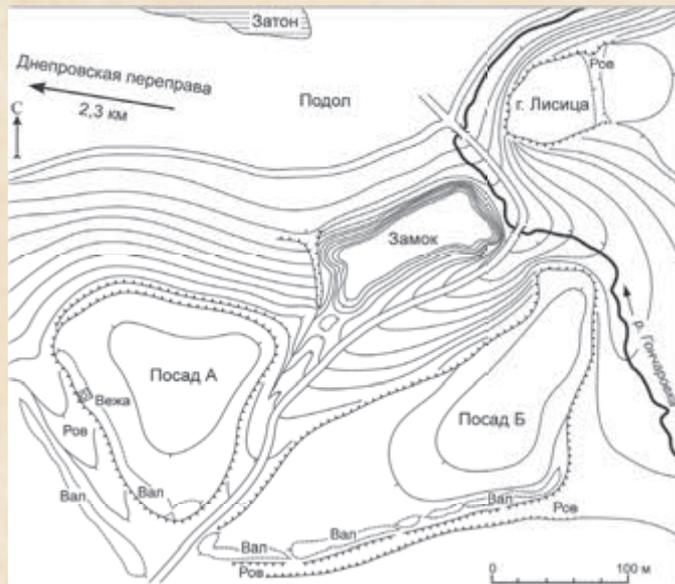
вич провел там встречу своих родственников — князей Ольговичей. Позже имя Любеча попало в «Список русских городов» конца XIV в., а в дальнейшем город в составе великого княжества Литовского являлся замком и центром повета Киевской земли.

Интерес к погребальным древностям Любеча возник в XIX в., а на его поселенческую структуру обратили внимание около середины XX в. На этом фоне началось комплексное изучение памятника экспедицией ИА АН СССР в 1957–1960 гг. под руководством Б.А. Рыбакова. Ученый сплотил усилия коллектива, ядром которого были Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, И.П. Русанова, Л.П. Гуссаковский и И.К. Фролов. Окружением ядра стали студенты МГУ: Г.А. Вознесенская, А.А. Медынцев, В.П. Даркевич, В.К. Пудовин. Кадровая политика экспедиции была гибкой — занимавшиеся разведками В.П. Даркевич и В.К. Пудовин стали руководить раскопами, а С.С. Ширинский освоил изучение курганных древностей.

Работы начались с подробной и поныне единственной топографической съемки археологического комплекса. В рельефе левобережных

высот Днепра ведущую роль играли четыре разделенных оврагами почти равновысоких останца третьей надпойменной террасы. Эпицентром было городище в урочище Замок (Мазепина Гора) с площадкой размерами 0,3 га. К северо-востоку располагается обрывистая гора Лисица (0,3 га), где прежде исследовались курганные погребения IX–X вв. с кремациями, близкими к шестовицким. Возможно, они составляли единый комплекс с могильником в урочище Высокое Поле. Площадки других останцов занимали укрепленные посадки, размерами 1,5 и 2,5 га. Значительными были и открытые поселения: среди них выделяется урочище Гончары, где известны выходы качественной гончарной глины. У северного подножия береговых высот у днепровского затона раскинулся подол, где прослежены северянские напластования и найдены византийские монеты: не исключено, что там размещалась гавань и создавали моносылы Константина Багрянородного.

На этом археологическом комплексе зафиксированы материалы эпохи средней бронзы, милоградской культуры раннего железного века, найдена и лощеная керамика зарубинецкого типа. Стратигра-

Инструментальный план рельефа археологического комплекса древнего Любеча (по Б.А. Рыбакову).

фически выделялись напластования роменской культуры летописных северян, содержавшие и раннегончарную посуду X в., но наиболее представительными оказались отложения середины XII – середины XIII и XVI–XVII вв.

Хронология летописного Любеча представлялась Б.А. Рыбакову следующим образом: в IX в. там возник небольшой поселок с бревенчатыми стенами. Во второй половине X в. его держал княжеский «муж» Малко, отец Малуши-любчанки, а к 1097 г. там уже существовал построенный Владимиром Мономахом замок. Единственное мощное пожарище исследователь связал с его сожжением в 1147 г.: это привело поселение в упадок. Проведенные раскопки впервые обозначили облик богатого феодального замка с его продуманной планировкой, разместившей административные, хозяйственные и ритуальные объекты, защищенные сложным комплексом оборонительных сооружений.

Оригинальность укреплений замка состоит в отсутствии обычных для древнерусской фортификации цепочек насыпных городней. Их заменил ряд полых бревенчатых клеток с плоскими крышами. В сооружениях выявлены хозяйственные ямы и находки XII–XIII вв., в том числе драгоценные украшения. В одной из клеток найден большой медный котел, возможно, применявшийся при осаде для кипячения воды, — летописного «вара». В другой клетки прослежены следы скрытого выхода из замка — потерны, на городище обнаружены и подземные выходы.

К площадке замка снизу выводил мост (через сухой ров) на опорных столбах: возможно, часть его была подъемной. Он упирался в мощную башню с двойными бревенчатыми стенами. Далее окруженная стенами мощная дорога поднималась к главному въезду, к узкому проему между двумя башнеобразными постройками.

Предложенная Б.А. Рыбаковым новация распознавания междуэтажных перекрытий позволила идентифицировать расположенную в середине двора 4-этажную башню-донжон с двойными стенами. Ее хозяин мог контролировать происходившее в замке и за его пределами: только через нее можно было попасть во дворец, а остальные проходы вели к другим участкам укрепления. В подвалах этого сооружения был укрыт драгоценный клад золотых и серебряных вещей: хозяин, по-видимому, был управителем княжеского хозяйства. Важнейшей постройкой замка был обширный дворцовый комплекс: его нижний этаж служил для размещения челяди, поварен и хранения припасов. Дворец делился на три секции: основной была снабженная башенками средняя трехэтажная часть. Около дворца стояла крытая свинцом деревянная церковь, восточнее располагалось кладбище.

Реконструкция внешнего вида княжеского замка (по Б.А. Рыбакову). Макет: вид с севера.

В замке размещались мастерские ремесленников. Среди рядовых жилищ различаются углубленные однокамерные и двухкамерные одноэтажные и двухэтажные дома на подклетах. В них находили не только предметы вооружения, земледельческие орудия и бытовые вещи, но и предметы с надписями. Особо интересны спрятанные за деревянной обшивкой подвалов два клада золотых и серебряных украшений XII–XIII вв. По подсчетам Б.А. Рыбакова, в замке могло проживать 200–230 человек; судя по обилию погребов, зерновых и хозяйственных ям, гарнизон мог просуществовать на своих запасах более года.

Следы заселенности VIII–X и XII–XIII вв. были обнаружены и на западном посаде, окруженном стеной из дубовых городней со встроенной в них мощной квадратной башней с двойными стенами. Ниже прослежены руины более ранних, не датированных укреплений, они перекрывали остатки упрощенных защитных конструкций VIII–IX вв. — стен из забутованных глиной двух рядов плетней.

В целостном виде любечский комплекс живо напоминает разграбленное киевским и черниговскими князьями Игореве сельцо — «добрый двор», упомянутый в Ипатьевской летописи под 1146 г. «...Бѣ же тоу готовизни много в бретьяничяхъ [бретяницех] и въ погребех вина и медовѣ; и что тяжкого товара всякого до желѣза и до мѣди не тягли бяхоуть от множества всякого того вывозити. Давыдовича же повѣлеста имати на возы собѣ и воемъ, и потом повѣлеста зажечи дворъ и церковь святаго Георгия, и гоумно его: в немже бѣ стогов 9 сот».

Исследовательская традиция была подхвачена черниговскими археологами. В 1989–1990 гг. А.Л. Казаков провел раскопки западного посада, где обнаружил 49 построек с преобладанием северянских VIII–IX вв., последующие

Реконструкция застройки замка (по Б.А. Рыбакову).

периоды представлены единичными сооружениями. С 2009 г. исследования замка продолжила Е.М. Веремейчик. Находки городища пополнились ремесленным инструментарием, предметами быта, вооружения и снаряжения всадника, украшениями, церковной утварью и предметами личного благочестия.

Таким образом, древнейшие находки замка, посадов и могильников оставлены носителями роменской культуры летописных северян IX–X вв. Это согласуется с летописным известием о походе князя Олега, находками двух (или трех?) кладов серебряных дирхемов чеканки 880–943 гг. и существованием на посаде укреплений архаической традиции. Тем не менее основная крепость могла размещаться на месте западного посада, укрепленного эскарповидными подрезками склонов, — характерным признаком северянской фортификации. На заключительной фазе раннего расселения лепную

Аэрофотосъемка раскопок западной части площадки, 1960 г.

роменскую керамику сопровождала раннегончарная посуда X в., в общих чертах синхронная свидетельству византийского императора о Любече. При княжеском наместнике Малко раннегончарные формы уже занимали горизонты толщиной до метра. Это свидетельствует об «окняжении» и включении в общерусскую культуру племенной территории западных северян.

Археологические исследования позволяют уточнить и дальнейшую историю Любеча. Так, работами 1957 г. на западном посаде была обнаружена стерильная прослойка, залегающая между напластованиями X в. и последующими наслоениями. Она соответствует отсутствию на памятнике гончарной керамики хорошей выделки с «манжетами» рубежа X–XI вв., а также обломков посуды XI — первой половины XII в.: материал уточняет хронологию находок с более широким интервалом бытования.

Это может означать, что на исходе X в. жизнь на памятнике замерла. Не исключено, что запустение северных «ворот» столицы было связано с событиями 978 г., когда в Киев дорогой Олега шли войска новгородского князя Владимира Святославича. Этому выводу могут противоречить летописные свидетельства. Одно из них повествует об упоминавшейся выше любечской битве 1015/1016 г., описание которой насыщено легендарными подробностями. Достоверно лишь указание на ее место: около Днепра между озерами. Думается, что имя Любеча могло быть добавленным ретроспективно, когда поселение вновь возродилось.

Другой точкой опоры существования Любеча был произошедший там съезд князей 1097 г. Между тем новейшие изыскания показывают, что подобные княжеские совещания обычно происходили не в городах, а в шатрах, в урочищах,

на реках и даже в борах. В свою очередь имена городов в источниках играли роль ориентиров с пометками, близкими к современному предлогу «около». Столь же неконкретно и летописное указание о данном примере: князья «сняшася Любичи на оустроенье мира».

Судя по керамической оценке и множеству обломков стеклянных браслетов, строительство и заселение замка могли начаться не ранее середины XII в. Это может объяснять отсутствие мощного пожара при его разграблении 1147 г. По А.Л. Казакову, по сравнению с северянской культурой, на западном посаде в XII–XIII вв. заселенность резко упала: окружение крепости оказалось не городским, а более скромным. Более реальным стал плотно заселенный замок, где князь и его подручные укрывали доходы от прибавочного продукта и добытое в военных столкновениях. И, наконец, состав любечских кладов близок к киевским и черниговским аналогам, зарытым в период монгольской катастрофы. В частности, это примиряет существование в Любече подъемного моста: подобные сооружения появились в Европе не ранее XIII в.

Раскопки 1957–1960 гг. внесли существенную лепту в развитие наших знаний. Они открыли серию исследований отдельных категорий артефактов, опубликованных последователями и учениками Б.А. Рыбакова. Это труды Т.И. Алексеевой, Г.А. Вознесенской, В.П. Коваленко, Т.И. Макаровой, Т.В. Николаевой, Н.Г. Недошивиной, С.С. Ширинского и Ю.Л. Щаповой, посвященные древнерусской материальной культуре и антропологическому составу населения Любеча. Таким образом, перед нами пример, зеркально отражающий развитие отечественного исследовательского процесса, когда на базе полученных материалов вызревали новые наработки и формировалась школа высококлассных специалистов по изучению древнерусского города.

Аэрофотосъемка раскопок Замковой Горы, 1960 г.

Д.А. Крайнов (слева) изучает подъемный материал. Разведки во Владимирской обл., 1960 г.

Сосуды из погр. 104 Волосово-Даниловского могильника. Ярославская обл., 1969 г.

Верхневолжская археологическая экспедиция

А.В. Энговатова

Верхневолжская — одна из старейших из ныне работающих экспедиций института, созданная в 1959 г. на основе уже действовавшей Ярославской экспедиции Института археологии АН СССР. Более 30 лет Верхневолжской экспедицией руководил ее основатель — Дмитрий Александрович Крайнов.

Целью экспедиции было планомерное исследование обозначенной в ее названии территории. Для этого проводились не только масштабные разведочные работы, что обеспечило открытие новых археологических объектов и обследование уже известных, но и планомерные раскопки наиболее интересных с научной точки зрения опорных памятников. Работы велись, в том числе, в рамках проекта по созданию Сводов памятников истории и культуры по отдельным областям и для составления археологических карт. Исследования охватывали в основном Ивановскую, Ярославскую и Калининскую (Тверскую), затрагивали участки Костромской, Владимирской, Новгородской, Московской и других областей. Сотрудники экспедиции шутили, что работают «от Горюховца до Торопца». В отчете о работе экспедиции за 1973 г. даже ареал верхневолжской археологической культуры обозначен похожим образом: «на протяжении от Юрьевца до Торопца».

В разные годы в состав экспедиции входили ведущие сотрудники ИА РАН и других организаций, аспиранты Д.А. Крайнова (Л.В. Кольцов, О.С. Гадзяцкая, К.И. Комаров, А.Е. Леонтьев, М.Г. Жилин, Ю.Б. Цетлин, Н.А. Кирьянова, М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина, Ю.Н. Урбан, А.Л. Никитин, А.В. Уткин, Е.Л. Костылева и мн. др.). Уже в год создания экспедиции в ее составе работали одновременно четыре отряда. В последующие годы их число могло доходить до восьми. Отряды создавались с разными целями: для обследования определенных территорий (например, Ярославский, Рыбинский, Ростовский); для разработки конкретной археологической проблематики (Славянский, Дьяковский); для выполнения определенных задач (Основной, Разведочный, Голоценовый). Такое распределение отражало научную стратегию экспедиции — подробное всестороннее изучение разновременных археологических объектов Верхней Волги.

В результате открыты и обследованы тысячи памятников различных культур и эпох от палеолита до средневековья. Наиболее важные для развития науки памятники изучены многолетними раскопками на значительных площадях. Многие из них стали эталонными для понимания основных закономерностей исторического развития центра Русской равнины, в том числе в древнейшие периоды.

Раскопки Кухмарского могильника, курган 17.
Ярославская обл., 1960 г.

Участники экспедиции. Ивановская обл., 1964 г.

Экспедицией изучались стоянки палеолита–мезолита (Золоторучье, Богоявление, Черная Грязь, Иенево, Алтыново, Федюково и др.); неолитические объекты и их комплексы (памятники Ивановского и Сахтышского торфяников, Уница, Кухмарь и др.); эпохи бронзы, в том числе фатьяновские могильники (Болшнево, Волосово-Данилово, Никульцинский, Кривцовский и др.; и мн. др., вошедшие в учебники и пособия по археологии.

Сотрудниками Верхневолжской экспедиции открыты новые культуры эпохи камня (бутовская, иеневская, верхневолжская). На материалах, полученных экспедицией, решались спорные на тот момент вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья.

Тщательное изучение стратиграфии и культурных остатков, как многослойных поселений, так и однослойных памятников с «чистыми» комплексами, позволило определить хронологическую последовательность, ареалы, взаимосвязь и преемственность, характер первобытных культур Волго-Окского междуречья, начиная с финального палеолита, и всего спектра культур последующих эпох вплоть до средневековья. Д.А. Крайнов и Л.В. Кольцов (СА. 1983. № 4) на основании результатов исследований экспедиции установили последовательность смены культур центра Русской равнины, которая в основе не оспаривается и сейчас.

Перечислим их: особая верхневолжская культурная группа памятников финального палеолита, представленная поселениями типа Золоторучье I, Алтыново, Федюково I и др.; мезолитические культуры ранней и поздней стадий (бутовская, иеневская и др.); ранненеолитическая — верхневолжская культура, открытая экспедицией в 1972 г.; льяловская, а в юго-восточной и восточной частях Волго-Окского междуречья — рязанская и балахнинская куль-

туры с ямочно-гребенчатой керамикой; протоволосовская поздненеолитическая гибридная культура; волосовская энеолитическая культура, или общность с локальными культурами; фатьяновская культура, или историко-культурная общность с локальными вариантами; культуры эпохи поздней бронзы (абашевская, поздняяковская и культуры с ранней текстильной керамикой); ранняя дьяковская культура с сетчатой и штрихованной керамикой раннего железного века; поздние культуры, связанные с историческими финнами, балтами и славянскими племенами.

Отличительной особенностью Верхневолжской экспедиции уже в начале ее деятельности стал комплексный характер исследований. К работам на памятниках приглашались ведущие специалисты естественнонаучных дисциплин — палеогеографы, антропологи, палинологи, палеозоологи, почвоведы, геологи и многие другие специалисты. В качестве консультантов привлекались А.А. Величко, С.Н. Тюремнов, Н.А. Хотинский, Т.И. Алексеева, Н.А. Лебединская, Е.А. Кирьянова, Г.В. Спиридонова, Ю.А. Лаврушин, Л.Д. Сулержицкий, Г.И. Зайцева, Н.М. Ермолова, В.П. Данильченко и многие другие. Отчеты о раскопках экспедиции сопровождались обязательными приложениями с результатами естественнонаучных исследований.

В ходе комплексных археологических исследований выработывались методические подходы к раскопкам и разведкам памятников древнейших периодов (Кольцов Л.В. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. Сб. инструкций. М., 1983), в том числе сложных для исследования и понимания торфяниковых поселений с геоморфологической структурой, которая отражает непростую

взаимосвязь природных и антропогенных процессов. На местах раскопок даже проводились научные междисциплинарные симпозиумы. Так, в 1987 г. на стоянке Ивановское III в Ярославской обл. состоялось заседание Международного симпозиума по изучению стратиграфии торфяниковых поселений на территории европейской части СССР.

Закономерности исторического развития устанавливались на основании комплексных археологических исследований стратиграфически сложных многослойных поселений в разных частях исследованных территорий. Археолого-палеогеографические изыскания выявили закономерности в появлении, смене, развитии отдельных культур с крупными климатическими и природными изменениями на территории Верхнего Поволжья. Именно в ходе исследований Верхневолжской экспедиции открыты памятники финального палеолита в регионе.

До начала работ экспедиции на данной территории было известно не более десятка мезолитических памятников. За первые 25 лет исследований их число возросло до 250. Была открыта группа стоянок, отнесенных к неизвестным ранее археологическим культурам.

Так, раскопки многослойных стратиграфически сложных памятников позволили выделить уже упомянутую выше новую верхневолжскую неолитическую культуру, хронологически предшествовавшую известной ранее и считавшейся наиболее ранней из неолитических в центре Русской равнины — льяловской. Это открытие перевернуло прежние представления обо всем неолите Верхнего Поволжья (Крайнов Д.А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. 1978. Вып. 153). Для него была установлена более четкая хронология и периодизация, выдвинуты гипотезы о взаимосвязи культур между собой.

Экспедицией выявлено около 140 памятников со слоями верхневолжской культуры, и более 40 из них исследовались раскопками на передовом для того времени методическом уровне. Радиоуглеродные даты, полученные в ведущих лабораториях Москвы и Ленинграда, подтвердили выводы авторов открытия. Изменилась карта распространения неолитических культур всей лесной зоны европейской части России.

В связи с открытием верхневолжской культуры был по-новому решен вопрос происхождения волосовской историко-культурной общности (энеолит). В результате исследования памятников волосовской культуры, анализа полученных материалов установлено, что ее возникновение совпало с периодом глобальных климатических изменений — общим похолоданием, изменением состава флоры и фауны. Население изучаемой территории стало оседлым, развивалось охотничье-рыболовецкое хозяйство, произошел демографический рост.

Исследования сотрудников Верхневолжской экспедиции не ограничивались эпохой камня. Значительной составляющей работ стало масштабное целенаправленное изучение фатьяновской культуры эпохи бронзы. За эти годы выявлены сотни памятников, относящихся к ней. Под непосредственным руководством Д.А. Крайнова в сотрудничестве с О.С. Гадзяцкой и Н.А. Кирьяновой раскопана значительная часть (около половины) известных на тот период фатьяновских могильников. Результаты работ представлены в диссертациях и отдельных монографиях (Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тыс. до н.э.). М., 1972; Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М., 1987 (САИ)).

Д.А. Крайнов (справа) и водитель экспедиции, 1960-е годы.

Тимофеевский могильник, бульдозер на раскопе 3. Ярославская обл., 1960 г.

Д.А. Крайнов, Л.В. Кольцов, Т.Г. Оболдуева, рабочий момент, 1960-е годы.

Волосово-Даниловский могильник, погр. 101. Ярославская обл., 1969 г.

Для ускорения работ на могильниках Д.А. Крайнов применил новую методику, когда горизонт почвы снимался бульдозером на 20 см, затем работы велись по обычной технологии. Полученные новые данные стали основой определения хронологии и периодизации, анализа материальной культуры, хозяйства, происхождения «фатьяновцев» и решения других вопросов. Проведенные раскопки позволили сохранить и ввести в научный оборот материалы разрушаемых карьерными разработками фатьяновских могильников, таких как Волосово-Даниловский, Никульцинский, Галузиновский, Воронковский, Болшневский, Олочинский, Тимофеевский, Кривцовский, Скомороховский и др. На основании разведок и раскопок определен широкий ареал фатьяновской культуры. Выделены локальные варианты, изучен антропологический тип пришлого фатьяновского населения. Подготовлены своды памятников региональных групп фатьяновской культуры в Верхневолжье и на прилегающих территориях, опубликованные в серии «САИ», М. (Крайнов Д.А., 1963, 1964; Гадзяцкая О.С., 1976; Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., 1987, см. выше).

Наряду с фатьяновскими исследовались и памятники периода поздней бронзы (Кухмарский, Милославский и др. могильники — Дикариха, Боровое, Кираш), а также многослойные дьяковские городища и селища железного века (Пентурово, Дулево, Захарьино, Васильки, Богоявление, Родионово и др.). В результате работ выяснена система укреплений, изучены устройство жилищ, металлургия. Исследованы также ранние финские и мерянские памятники (Кочкино). Из средств экспедиции в 1960 г. даже частично финансировались раскопки знаменитого Тимеревского курганного могильника (Ярославская обл.).

Немалое внимание уделялось исследованиям славянских селищ и курганных могильников. Значительная часть изысканий проводилась Славянским отрядом под руководством К.И. Комарова (зам. начальника Верхневолжской экспедиции в 1969–1980 гг.). Работы отряда всегда предварялись архивными изысканиями с целью установления точного местонахождения для обследования состояния известных с XIX в. памятников. В ходе разведок составлялись точные топопланы известных ранее и открытых экспедицией памятников. Материалы из раскопок курганных могильников существенно дополнили базу знаний по археологии Древней Руси и представления о процессе расселения славянского населения в Верхнем Поволжье, его хронологии. Примерами могут служить раскопки курганных могильников Иворово (Тверская обл.), Купанского (Ярославская обл.).

В конце 1970-х годов велись исследования археологических памятников в округе Плещеева озера (юго-запад Ярославской обл.), анализировались результаты работ предшественников. Позднее результаты этих изысканий представлены в серии статей. Полученные данные позволили проанализировать систему расселения в окрестностях озера. К.И. Комаров много времени уделял составлению паспортов как на известные ранее, так и открытые его отрядом археологические объекты. Данные, полученные сотрудниками экспедиции при поиске новых, мониторинге известных и раскопках славянских памятников, использовались при создании археологической карты России (Ивановской, Костромской и Ярославской обл.).

За годы работ Верхневолжской экспедицией исследованы сотни памятников разных эпох и культур. Полученные материалы публиковались в виде многочисленных статей, сборни-

ков, монографий (например, Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976). Полученные обширные материалы продолжают анализироваться и в настоящее время (Жилин М.Г., Кольцов Л.В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008; Исланова И.В. и др. Поселение эпохи Великого переселения народов Троица 1 на оз. Удомля (по материалам исследований 1984, 1985, 1987, 2002 и 2003 гг.) // РА. 2017. № 3; Zhilin M.G. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (Central Russia): technology of the manufacture and use-wear traces // Quaternary International. 2017. Т. 427).

На основе полученных Верхневолжской экспедицией материалов и коллекций созданы археологические экспозиции в музеях Ярославля, Иванова, Калинина (Твери), Углича, Переславля-Залесского, Ростова, Ильинско-Хованского и мн. др. Часть коллекций сдана в Государственный исторический музей.

Верхневолжская экспедиция стала археологической «кузницей кадров». К руководству отрядами привлекались не только сотрудники Института археологии, но и местные археологи из учреждений охраны культурного наследия, музеев, преподаватели вузов. Ежегодную археологическую практику при раскопках проходили десятки студентов Ярославского пединститута им. Ушинского, Калининского пединститута, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ивановского пединститута (позднее ИвГУ) и др. вузов, пионеры и школьники. После участия в работах Верхневолжской экспедиции многие из них связали свое будущее с историей и археологией. Д.А. Крайнов одинаково уважительно относился ко всем членам экспедиции: начальникам отрядов, научным сотрудникам, лаборантам, топографам, художникам, студентам, поденным рабочим, шоферам, поварам. Визитной карточкой уважительного отношения экспедиции к сотрудникам было их обязательное перечисление в отчетах, общая фотография в альбоме иллюстраций.

Много времени участники экспедиции посвящали популяризации археологии с целью сохранения археологических памятников. Давалась информация в газе-

ты, читались лекции в клубах предприятий, городов, совхозов и непосредственно на местах проведения раскопок для местного населения. Сам Д.А. Крайнов в отчете за 1963 г. писал: «За время работ Верхневолжской экспедицией проделана значительная общественная работа. Было прочитано не менее 15 лекций для местного населения по археологическим темам данных районов и проведены беседы на месте раскопок. Например, раскопки фатьяновских могильников производят сильное впечатление, разрушая религиозные предрассудки. Лекции и беседы дают много и для экспедиции. Нам сообщают много новых сведений о находках старинных вещей».

Подобное времяпрепровождение было характерно для экспедиции Д.А. Крайнова. Он как человек творческий много времени уделял досугу сотрудников — сам вечерами исполнял у костра экспедиционные, народные и военные песни, романсы, оперные арии. Работавшие в экспедиции отмечали, что он умел не только хорошо организовать рабочий процесс, но и наладить быт, стремился создать дружеские коллективные отношения (Костылева Е.Л. и др. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. 2005. № 1).

Каждая археологическая экспедиция — сложный, живой, уникальный организм. У нее есть периоды расцвета (наиболее активной деятельности) и некоего спокойствия, когда осмысливаются уже полученные результаты. В данной статье кратко представлены научные результаты, полученные Верхневолжской археологической экспедицией ИА РАН в период ее наиболее активной деятельности, прошедший под руководством Д.А. Крайнова. Основной задачей, поставленной перед экспедицией при ее создании, была активизация археологических исследований на довольно большой и на тот период мало изученной в археологическом плане территории. Экспедиция справилась с ней, существенно пополнив научные данные об археологии региона, и стала заметным явлением не только в научной, но и культурной жизни Верхнего Поволжья.

Д.А. Крайнов (в центре) на раскопе, обсуждение находки, 1960-е годы.

Тимофеевский могильник. «Наблюдатели» за раскопками. Ярославская обл., 1960 г.

А.П. Смирнов с коллегами в экспедиционном лагере, Болгары, 1952 г.

Раскопки поселения у с. Березовка, 1953 г.

Одна из первых масштабных экспедиций, с которой началась охранная археология в нашей стране, — Куйбышевская, организованная в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Экспедиция носила новостроечный характер, но при этом сыграла огромную роль в становлении археологии в Советском Союзе, решении ключевых вопросов освоения Поволжья в разные исторические эпохи, разработке методики археологических работ и особенно в возникновении и развитии региональных археологических центров.

Среднее Поволжье до начала работ Куйбышевской экспедиции было фактически белым пятном на археологической карте страны. Систематических работ велось немного. Большая их часть — разведочные, раскопок было мало, они проводились небольшими площадями. Сведения об истории освоения Поволжья в разные эпохи были скудны и отрывочны, отсутствовал сравнительный материал для каких-то обобщений и выводов. Планомерное многолетнее изучение территории строительства Куйбышевского гидроузла организованной Куйбышевской экспедицией стало тем фундаментом, на основе которого впоследствии складывается поволжская археология.

Куйбышевская ЭКСПЕДИЦИЯ

О.В. Зеленцова

Проект «Большая Волга» инженера-гидротехника А.В. Чаплыгина, предполагающий строительство плотин в районе Самарской Луки на Волге, возникает еще в конце 1920-х годов в связи с задачами электрификации страны и плана ГОЭЛРО. В начале 30-х годов на Самарской Луке проводятся изыскательские работы с целью определения места будущей гидростанции. С принятием Постановления СНК СССР и УЦ ВКП(б) № 1339 «О строительстве Куйбышевского гидроузла на р. Волге и гидроузлов на р. Каме» Волгострой начинает подготовительную работу по созданию транспортной инфраструктуры, строительных поселков, предприятий стройматериалов и т.д. В 1938 г. для обследования зоны затопления и проведения раскопок наиболее интересных памятников была создана Куйбышевская экспедиция, которую возглавил Алексей Петрович Смирнов. В ее составе работали три отряда, которыми руководили А.В. Збруева, Е.И. Горюнова и сам А.П. Смирнов. Уже тогда сложилась практика привлечения к археологическим работам как крупных центральных музеев, так и местных, куда впоследствии поступали коллекции. В ходе этих работ А.В. Збруевой впервые в Среднем Поволжье был обнаружен палеолит — устье Барбашина оврага (поляна им. М.В. Фрунзе в Самаре), найдено кремневое орудие эпохи мустье — остроконеч-

ник. Ею же около пос. Луговое близ Елабуги исследованы поселения и могильник ананьинского времени, а в окрестностях Куйбышева Царев курган (Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Введение // МИА, № 42. 1954). А.П. Смирнов возобновил исследования на городище Великие Болгары, в ходе которых открыты слои от булгарского и золотоордынского времени до XVIII–XIX вв.

В течение двух лет экспедицией обследованы берега Волги и ее притоки Сок, Кондурча, Уса и открыто около 200 новых памятников археологии разных эпох. Среди них — поселения у сел Муранка, Комаровка, Шигоны, Усинская, Печерские Выселки, Березовка, Хрящевка, Сускан и др. — памятники, которые станут объектами исследований Куйбышевской экспедиции на следующем этапе.

Второй этап работ связан с возобновлением проекта строительства гидроэлектростанции после Великой Отечественной войны, в 1949 г. Из-за сложной геологии и ошибок в проектировании ранее выбранный Красноглинский створ был признан неперспективным. Куйбышевский гидроузел перенесен выше по течению Волги в пойму и русло правого притока — р. Телячья Воложка в 8 км ниже г. Ставрополь-на-Волге, где Волга огибает Жигулевские горы. В зону затопления попадала вся Волжско-Камская пойма в пределах двух областей — Куйбышевской и Ульяновской, трех автономных республик — Татарской, Марийской и Чувашской. В 1950 г. началось строительство ГЭС, и в том же году ИИМК РАН организована Куйбышевская экспедиция во главе с А.П. Смирновым, которому были хорошо знакомы проект и территория будущего строительства. Перед экспедицией стояла непростая задача — выполнить археологические работы одновременно со строительством, при том, что обследованные до войны территории попадали в зону работ частично, поэтому необходимо было провести как археологические раскопки, так и разведки.

В соответствии с действующим на тот момент законодательством и методическими положениями, существующими в археологической науке, цель новострочных работ определялась как возможно более полное,

А.П. Смирнов в Хрящевке, 1952 г.

Городище Великие Болгары, обсуждение находок (справа – А.П. Смирнов), 1952 г.

А.П. Смирнов (в центре) проводит экскурсию в Болгарах, 1953 г.

Упаковка раскопанной печи, Болгары, 1957 г.

В.А. Богославский (слева), Н.Я. Мерперт (в центре), с. Ягодное, 1950 г.

Н.Ф. Калинин проводит экскурсию, Балымерская стоянка, 1952 г.

монографическое исследование наиболее интересных археологических памятников зоны затопления, известных по разведочным работам и литературе. В первую очередь решались задачи научного изучения памятников тех исторических периодов, где существовали пробелы в знаниях, а также самых важных объектов, раскопки которых позволяли решать научные задачи. Куйбышевская экспедиция, планируя свои работы, исходила из необходимости заполнения белых пятен в истории Поволжья.

Учитывая опыт Куйбышевской экспедиции довоенного времени, а также колоссальный объем работ, были привлечены все заинтересованные научные учреждения Москвы, Куйбышева, Казани. В экспедиции приняли участие ГИМ, Государственный музей ТАССР, Казанский филиал АН СССР, Куйбышевский областной музей, а также сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова, Казанского университета, Казанского пединститута, Историко-архивного института и других научных учреждений.

Экспедиция в зоне Куйбышевского водохранилища работала в течение 1950–1955 гг. В ее составе под руководством А.П. Смирнова действовали пять самостоятельных отрядов, каждый из которых решал свои задачи. Работа отрядов была организована по территориальному признаку с целью обследовать максимально большую территорию затопления. В то же время учитывалась специализация руководителя, который мог исследовать памятники в соответствии со своими научными интересами и объекты, раскопки которых позволяли решать научную проблему, актуальную для науки того времени.

Так, одной из таких целей был поиск палеолита на Средней Волге. Задача была постав-

лена в первый же год работ, для этого создана специальная группа, которую сначала возглавила М.Д. Гвоздовер, а затем в 1951 г. М.З. Паничкина. В ходе этих работ выявлено несколько обнажений галечников с костями четвертичных животных, среди которых найдены камни со следами обработки. Это местонахождение в урочище Тунгуз и Бектяшский остров в Куйбышевской обл., на Ундорском острове в Ульяновской обл., в урочище Красная Глинка в Татарии. К сожалению, на этих местонахождениях проведены только сборы, которые опубликованы М.З. Паничкиной (Разведка палеолита на Средней Волге // СА. 1953. Вып. XVIII), и почти все эти пункты оказались под водой после заполнения ложа водохранилища.

Отряд, которым руководила ученица А.П. Смирнова, заведующая отделом истории музея ТАССР А.М. Ефимова, решал задачу комплексного исследования городища Великие Болгары. Руководили раскопами ученые, оставившие заметный след в исследовании городища: З.А. Акчурина, И.А. Талицкая, Т.А. Хлебникова, О.С. Хованская, Б.Б. Жиромский, в разные годы в раскопках участвовали В.В. Седов, В.А. Тихомирова, Л.П. Воскресенская, Н.Д. Мец и др. Раскопки велись отдельными раскопами — ежегодно по 5–6 раскопов. В первую очередь исследовались участки в заречной части городища у р. Меленка, которые затоплялись при заполнении водохранилища. В разные годы там были вскрыты руины бань с системами водопроводов и колодцами, зафиксированы гидротехнические сооружения, которые укрепляли склоны и отводили воду, исследованы гончарные, металлургические районы города, печи для обжига извести, литейные печи, русский квартал с кузницами и домами ремесленников.

Несмотря на существующую в то время парадигму, что археология распространяется только на бесписьменные периоды истории, Куйбышевской экспедицией исследованы напластования русского села Успенское XVII–XIX вв.

Всего в рамках работ Куйбышевской экспедиции в течение 5 лет раскопано более 6200 м² площади на разных участках памятника. Результатом исследований на городище Великие Болгары стала разработка стратиграфической шкалы культурных напластований, позволившей выстроить относительную хронологию памятника, определить время возникновения города, разделить слои домонгольского и золотоордынского времени, понять историческую топографию города и сделать предварительные выводы о его социальном устройстве. Куйбышевская экспедиция и работы А.П. Смирнова заложила основы изучения «Великого города» и болгарских археологических памятников, стала тем фундаментом, на который опираются современные научные школы и направления.

Отряд под руководством заместителя начальника Поволжской экспедиции Н.Я. Мерперта исследовал курганы и поселения эпохи бронзы. В составе отряда работали Р.М. Мунчаев, Л.П. Зяблин, О.Н. Евтюхова (Аксенова), Э.А. Федорова-Давыдова и др. Отрядом исследованы в Куйбышевской обл. курганные могильники у сел Ягодное, Хрящевка, Шейкинские курганы и поселения и др. В Ульяновской обл. раскопаны памятники у с. Кейбелы, среди которых курганы и укрепленное поселение эпохи бронзы, могильник раннеболгарского времени. Это только часть памятников, изученных отрядом, результаты работ которого перевернули представления об освоении территории Среднего Поволжья в эпоху бронзы. Сотни раскопанных погребений дополнили источниковую базу для изучения срубной культуры. Полученные материалы стали основой для разработки ее периодизации (Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА, № 42. 1954), а исследования поселений и реконструкции Н.Я. Мерперта вошли в учебники и энциклопедии

по эпохе бронзы (Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА, № 61. 1958).

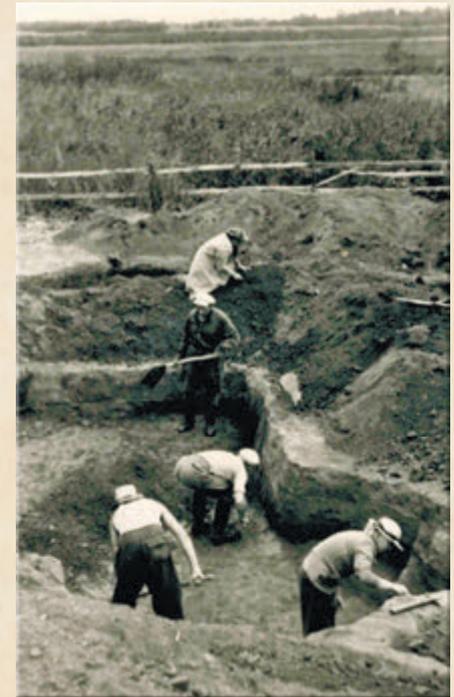
А.Е. Алихова, возглавлявшая еще один отряд, исследовала в зоне затопления мордовские памятники XIII–XIV вв. — Муранский могильник и селище, расположенные в Шигонском р-не Куйбышевской обл. Раскопки этих памятников определили научные интересы Анны Епифановны, вместе с другими материалами легли в основу ее диссертационного исследования и разработок по археологии мордвы, на которые опиралось не одно поколение исследователей. Однако ситуация требовала раскопок памятников не только в соответствии с научными интересами, но прежде всего тех, которым грозило затопление. Поэтому отряд исследовал и памятники эпохи бронзы — в том же районе ею вместе с Н.В. Трубниковой исследованы Комаровское поселение у Моечного озера и курганный могильник, поселения Воскресенское 1, Борок, Антоновка и др., курганы эпохи бронзы у д. Малиновка, у сел Муранки, Воскресенское, Актуши и т.д. Исследованы селища и городища I – начала II тыс. на Самарской Луке в Ульяновской обл.

А.В. Збруева принимала участие в работах Куйбышевской экспедиции еще в довоенное время. В работах первой половины 50-х годов XX в. она все 5 лет руководила отрядом, который по большей части работал в пойме Камы и Волги и исследовал памятники поздней бронзы и раннего железного века. Это Луговские стоянки и могильник на Нижней Каме, Гулькинская и Зеленковские стоянки на р. Утка, стоянка Степное озеро в пойме Волги, Луговской и Гулькинский могильники ананьинской культуры. Полученные материалы стали основой для определения основных признаков ананьинской культуры, решения вопросов ее ареала, происхождения и трансформации.

Большую работу по обследованию Казанского Поволжья выполнил отряд под руководством научных сотрудников Казанского филиала Академии наук СССР — Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова. Отрядом открыты неолитические памятники, неизвестные ранее в Казанском Поволжье, — Стоянка Обсерватория III,

А.В. Збруева (в центре) и А.П. Смирнов на раскопе. Гулькинская стоянка, Ульяновская обл., 1953 г.

Болгары, раскопки, 1953 г.

Н.Я. Мерперт (слева) обсуждает находки, р. Сускан, 1951 г.

Строительство Куйбышевского водохранилища. Вывоз грунта, 1954 г.

А.П. Смирнов и В.Ф. Каховский среди участников экспедиции. Чувашия, 1959 г.

Сумская I, Займище IIIа, Займище V и др., выявлены слои энеолитического времени, которые в культурном плане преемственны памятникам эпохи неолита. Обследование памятников эпохи бронзы на левобережье Казанского Поволжья позволило выделить приказанскую археологическую культуру, территория и основные черты которой обоснованы Н.Ф. Калининым и А.Х. Халиковым (Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА, № 42. 1954). Отрядом исследовано Именьковское городище, материалы которого вместе с городищами Шелом, Балымерское и Рождественским могильником легли в основу выделения именьковской культуры (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА, № 80. 1960).

В ходе работ экспедиции шел процесс выработки и совершенствования существующих методик раскопок. Так, Н.Я. Мерпертом на курганах у с. Ягодное применена методика раскопок курганов под снос методами последовательных кольцевых траншей и раскопок секторами, что позволило получить достаточно стратиграфических разрезов для реконструкции истории сооружения кургана и последовательности совершения захоронений (Мерперт Н.Я. К методике раскопок степных курганов Поволжья // КСИИМК. 1952. Вып. 47). В Булгарах велось систематическое изучение керамического материала, в том числе и разработка статистики керамики. В ходе работ экспедиции сделаны существенные наблюдения за процессами почвообразования и заложены основы нового направления в археологии, без которого ныне невозможно ни одно исследование.

С самого начала экспедиция носила комплексный характер. В лабораториях Инсти-

тута археологии проводилась камеральная обработка материалов, для реставрации привлекались лаборатории ГИМ. В экспедиции работали антропологи Г.Ф. Дебец, Т.А. Трофимова, остеологи И.Л. Колесник и В.И. Цалкин. К анализу и изучению полученных данных привлекались специалисты различного профиля — металловеды, нумизматы и т.д.

Спасательные археологические работы в ложе Куйбышевского водохранилища велись, как и было задумано, одновременно со строительством и закончены в 1955 г., когда была перекрыта Волга и исследованные территории ушли под воду, поглотив памятники археологии. Благодаря самоотверженному труду сотрудников Куйбышевской экспедиции информация о сотнях памятников сохранена в виде отчетов и монографий. Полученные материалы оперативно издавались: за годы работ экспедиции опубликовано более 30 статей, а с 1954 по 1960 г. вышли «Труды Куйбышевской экспедиции» в 4-х томах, где обобщены полученные материалы. Все эти публикации стали базой для дальнейшего развития науки. Куйбышевская экспедиция была самой масштабной не только по охвату территории обследования, количеству и составу ее участников, но, главное, по результату работ и вкладу в археологию и организацию науки.

Во Введении к первому тому «Трудов Куйбышевской экспедиции» А.П. Смирнов написал: «...работы дали возможность охватить всю зону строительства и сохранили для науки вещественные документы, характеризующие различные этапы истории общества на средней Волге, начиная со времени ее заселения и кончая XVII веком, русским периодом» (МИА, № 42. 1954).

Расчистка дольменного развала (Грузинка XI, Краснодарский край), 2009 г.

Северо-Кавказская экспедиция

А.Н. Гей

Раскопки дольмена группы Грузинка VII, 2004 г.

Одна из крупнейших новоостроечных экспедиций Института археологии была создана в 1979 г. на базе не менее крупной Донской экспедиции в связи с изменением основного района работ — переходом из Ростовской обл. в Краснодарский край и автономные республики Северного Кавказа. Организатором и руководителем ее на протяжении первых лет был Игорь Сергеевич Каменецкий, замечательный специалист по раннему железному веку, меотской культуре, методике полевых работ, применению статистических методов в археологии и теории этой науки. Основные принципы, подходы и приемы полевых исследований в целом и новоостроечных в частности были разработаны им в предшествующие годы и начали применяться еще в Донской экспедиции. Северо-Кавказская не только восприняла это как наследство, но и продолжила совершенствовать их, адаптируя к новым территориям, категориям памятников и одновременно включая в разработки новые направления и передовые методики науки.

Надо сказать, что организационные и методические вопросы в 70-е годы прошлого века приобрели особое значение в связи с резким ростом объемов именно новоостроечных работ, связанным с проводившими-

ся тогда программами мелиорации, орошения и даже, сейчас это звучит почти как фарс, переброски стока северных рек в засушливые южные регионы. Недостаточная готовность действовавших на тот момент специалистов-археологов к непривычным работам по спасению памятников в зонах проектируемого и осуществляемого строительства таких масштабов и элементарная нехватка кадров, безусловно, отражались на качестве проводимых полевых исследований. Это вызывало скептическое или просто неодобрительное отношение у многих мэтров тогдашней археологии и коллег, занимавшихся «чистой» наукой. Преодолеть ситуацию, переубедить скептиков делами и одновременно наработать и распространить новый опыт — так можно сформулировать выходящие за рамки производства задачи, поставленные И.С. Каменецким перед собой и экспедицией в целом. И в основных чертах эти задачи были решены за десятилетия ее существования.

Хронологический диапазон полученных экспедицией в разные годы материалов охватывает практически все исторические эпохи от позднего палеолита (сборы материала на ряде местонахождений в долине р. Синюха на территории Курганинского р-на Краснодарского края) до позднесредневековых и относящихся уже к Новому

Раскопки дольмена группы Крученая Щель I (Краснодарский край), 2010 г.

Подъем дольменной плиты, могильник Шише IV (Краснодарский край), 2006 г.

времени ногайских кладбищ, приуроченных к курганам как в Прикубанье, так и в Закубанье.

Одно из основных направлений работы экспедиции — изучение такой своеобразной категории памятников, как степные курганы с их сложной стратиграфией и богатым набором разновременных погребальных и культовых комплексов, подавляющее большинство которых принадлежит к разным периодам бронзового века. За истекшие десятилетия в зонах мелиорации и разнообразных строительных работ полностью или частично изучено 43 курганные группы или более 200 насыпей с более чем 2300 древних захоронений (в разные годы «курганные» отряды работали под руководством В.И. Мельника, Л.Б. Орловской, Е.И. Савченко, И.А. Сорокиной, В.Я. Стеганцевой, О.А. Ульяновой и др.).

Полученные материалы имеют большое значение для характеристики майкопской, новосвободненской, древнеямной, северокавказской, катакомбной, срубной и других археологических культур и культурных типов, а также решения связанных с ними научных проблем. Более того, преимущественно на их основе была выделена новотиторовская культура финала ранней — начала средней бронзы, представляющая собой как бы ядро и наиболее яркое проявление более обширной этнокультурной общности, занимавшей значительную часть западного сектора степной зоны и причастной к сложению более позднего круга катакомбных культур. Серия новотиторовских погребений с повозками, бесспорно, наиболее впечатляющая на фоне подобных комплексов, известных на территории Евразии, и существенно важна для проблемы появления и развития колесного транспорта. Значительную роль материалы экспедиции сыграли для выделения особых батуринской

и суворовской катакомбных культур, для характеристики практически неизученного до наших работ позднего бронзового века в западных районах Предкавказья.

Но не только степные курганы... Большое место в исследованиях первобытных памятников занимает «мысхакская эпопея» — 5 полевых сезонов (1990, 1991, 2000–2002 гг.), в ходе которых был раскопан участок в 1750 м², небольшой по сегодняшним меркам, но огромный в то время, на двухслойном поселении Мысхако в черте г. Новороссийск. Большой интерес представлял собой верхний слой, связанный с погибшим в большом пожаре античным поселением I в. н.э. Здесь открыты остатки двух больших построек, множество печей и хозяйственных ям, а также остатки оборонительных сооружений в виде рва и сложенных из булыжника оснований нескольких разновременных стен по внутреннему его краю. Среди наиболее выразительных находок из ям — художественные терракоты и бронзовая статуэтка Зевса-Юпитера, украсившая коллекцию Новороссийского краеведческого музея.

Однако еще более интересным оказался нижний слой памятника, относящийся к так называемой мешоковской энеолитической культуре и датированный концом V — первыми веками IV тыс. до н.э. Единственный в своем роде приморский поселок этой культуры сохранился не полностью, большая часть его была, по-видимому, уничтожена при размыве берега, однако на площади около 800 м² здесь были изучены остатки большого каркасно-столбового жилища с участками глинобитного пола, а также ряд валунных выкладок и канавок — вероятных оснований каменных и столбовых ограждений поселения. Богатая коллекция с памятника включает не только

высококачественную лощеную керамику с жемчужной и резной орнаментацией, разнообразные кремневые и каменные орудия, но и хорошо сохранившиеся костяные изделия, среди которых выделяются ложки с простыми и фигурными ручками. Важные данные получены при определении остеологических материалов энеолитического слоя, в состав которых наряду с костями диких и домашних животных входили, и в значительном количестве, кости черноморского дельфина, что указывает на важность морского промысла для обитателей поселка. Находки костяных гарпунов и каменных тесел свидетельствуют о том, что при промысле скорее всего использовались или могли использоваться лодки, пригодные и для дальних каботажных плаваний, что служит объяснением весьма далеких черноморских аналогий для ряда типов и категорий инвентаря памятника.

Заметное место в работе экспедиции занимают исследования кавказских дольменов, начатые в 1995 г. и продолжавшиеся на протяжении 2002–2010 гг. (раскопки А.Н. Гея, Е.И. Савченко, А.А. Клещенко, Т.Н. Ульяновой, А.Н. Черкасова). Выбранная для их проведения территория, долина р. Абин и прилегающие к ней горные хребты, расположена в западной части дольменного ареала и заметно уступает по степени изученности и Адыгее, и Черноморскому побережью. Идентификация памятников, известных исключительно по упоминаниям или кратким описаниям Е.Д. Фелицина и В.М. Сысоева 80–90-х годов XIX в., открытие ряда новых групп и раскопки 12 дольменных развалов позволили составить представление и о конструкции самих мегалитов, и об использовании их в качестве погребальных сооружений не только в эпоху бронзы, но и носителями протомеотской и меотской культур вплоть до IV в. до н.э. Особый интерес представляют оригинальное мегалитическое святилище Грузинка XI и уникальная находка плиты с изображением танцующих человечков на дольмене А группы Шизе IV — один из наиболее ярких образцов изобразительного искусства строителей дольменов.

Замечательные материалы получены для характеристики последующих исторических эпох. Это и па-

мятники предскифского и протомеотского периодов, и огромная серия сарматских захоронений, происходящая главным образом из курганов Восточного Приазовья и Закубанья, и поселенческие памятники и грунтовые могильники меотской культуры. В 1988 г. О.А. Ульяновой и И.С. Каменецким был доследован знаменитый курган Карагодеуашх, каменная гробница которого, как оказалось, была раскопана в 1888 г. далеко не полностью. Богатые захоронения элиты с редкими образцами ювелирного искусства открыты, например, в неразграбленном сарматском погребении курганного могильника Карстовый на правом берегу р. Кубань. Заупокойный инвентарь включал две золотые гривны, серебряную чашу и горит с аппликацией золотыми бляшками. В тайнике разграбленного скифского или меотского захоронения курганного могильника Дыш IV в Адыгее, раскопанного М.В. Андреевой в 2011 г., уцелели наборный золотой браслет с пастовыми вставками и полукилограммовый моток толстого золотого дрота — заготовка для нескольких шейных гривн.

Среди множества выявленных и обследованных И.С. Каменецким памятников меотской культуры особое место занимает грунтовый могильник Лебеди III (Краснодарский край) на границе приазовских плавней. Здесь в ходе раскопок 1979–1981 гг. изучено 480 погребений IV в. до н.э. Долгое время, до работ краснодарских археологов на Прикубанском могильнике, он оставался крупнейшим изученным памятником такого рода. Могильник Лебеди III расположен вблизи от границ Боспорского царства, в районе, где до сих пор не выявлены соответствующие ему по масштабам поселения той же эпохи. Это огромный могильник — по предварительным подсчетам, сделанным на основании данных об общей площади и плотности могил в пределах раскопок, И.С. Каменецкий считал возможным говорить о 15–17 тыс. погребений. Наряду с ординарными, типичными памятником дал и яркие образцы элитных комплексов с сопровождающими конскими захоронениями и богатым инвентарем, включавшим расписную чернолаковую посуду и ювелирные изделия.

Плита с петроглифами с дольмена группы Шизе IV (Краснодарский край).

Бронзовая колесничная бляха с солярным изображением, предскифский период. Могильник Дыш IV (Республика Адыгея).

Позднесредневековые адыгские подкурганные захоронения. Грузинка X (Краснодарский край), 2005 г.

Обмеры ацангуара на хребте Аибга в районе Сочи (Красной Поляны), 2015 г.

Фрагмент золотой диадемы с изображениями грифонов, IV в. до н.э. Могильник Лебеди III (Краснодарский край).

Бронзовый перстень, IV в. до н.э. Могильник Лебеди III.

Роговой парадный клевец с гравированными изображениями, предскифский период. Могильник Дыш IV (Республика Адыгея).

Что касается изученных экспедицией средневековых памятников, то одним из наиболее ярких эпизодов стали раскопки известного скального могильника Мошечая Балка в верховьях р. Лаба, где Е.И. Савченко и И.С. Каменецким в 1980–1982 гг. исследовано 571 захоронение VIII–IX вв. Уникальная сохранность органических материалов позволила собрать богатую коллекцию предметов одежды и тканей, китайских и византийских в том числе, деревянной посуды, орудий и предметов утвари. Кроме того, удалось с необычной для археологического памятника полнотой представить характер и детали погребального обряда средневековых алан.

В недавние годы одновременно с дольменами в сферу нашего внимания попали и средневековые горные могильники (раскопки У.Ю. Кочкарова, И.А. Дружининой, П.С. Успенского), в составе которых в 2005–2011 гг. раскопано 16 курганов и каменных закладок с кремациями и отдельными ингумациями XI–XIII вв., вероятно, отдельные более поздние (XV–XVIII вв.), относящиеся к кругу адыгских древностей.

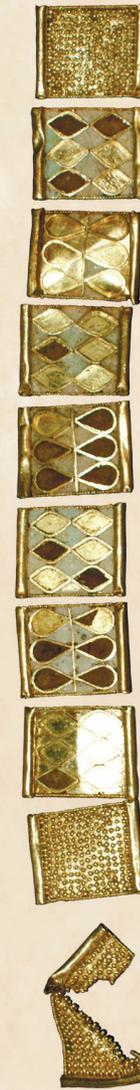
Особое направление работ экспедиции на всем протяжении ее существования составляли археологические разведки. Не будет преувеличением сказать, что именно Северо-Кавказская экспедиция впервые перешла к стратегии сплошного, а не маршрутного обследования больших территорий, не зон строительства, а административных районов. Первым из них стал Усть-Лабинский р-н Краснодарского края. На протяжении 1980–1982 гг. здесь несколькими отрядами (под руководством И.С. Каменецкого, С.А. Науменко, Е.И. Савченко и др.) зафиксированы все известные и ряд новых поселений и городищ меотской культуры и эпохи Средневековья

по берегам Кубани, Лабы и Зеленчуков (всего 57), а также могильники, включавшие в общей сложности 1060 курганных насыпей. Полученные данные, дополненные добытыми в последующие годы материалами обследований больших территорий в Курганинском, Кореновском, Динском, Калининском, Абинском и др. р-нах, послужили основой для существующих карт, списков и учетных документов на памятники археологии Краснодарского края, а также для решения вопросов их группировки, приуроченности к ландшафтам, демографических реконструкций.

Значительные по объему разведочные работы, направленные на уточнение границ мотоской культуры, были проведены И.С. Каме-нецким в 1980–1990-е годы. При этом в долине Кубани на всем ее протяжении и на ее притоках открыты и обследованы десятки неизвестных ранее городищ и неукрепленных поселений раннего железного века. Среди разведочных работ последних лет заслуживают внимания обследования больших горных территорий в окрестностях Красной поляны, проведенные А.А. Клещенко в 2015 г. Помимо 2 средневековых городищ и 8 курганных групп в долине р. Мзымта, в верхней части и на гребне хребта Аибга исследовано 14 ацангуаров, 12 из которых выявлены нашей экспедицией. «Циклопический» характер некоторых конструкций, сложная планировка и наличие культурного слоя с лепной керамикой внутри построек заставляют усомниться в традиционном определении этой необычной категории памятников как построек, возведенных пастухами в эпоху Средневековья, и делает весьма интересным их дальнейшее изучение.

История повторяется. В последние годы в России реализуются в массовом порядке грандиозные строительные работы. Число и

размеры археологических памятников, требующих немедленного и полного изучения, в зонах строительных работ на порядок, если не больше, превышает то, с чем столкнулась новостроечная археология 30–40 лет назад. Несмотря на многократный рост ориентированных на археологические исследования организаций и фирм, а отчасти и поэтому, проблема квалифицированных кадров и соблюдения выработанных временем методических принципов и приемов стоит не менее остро, чем тогда. Да, информационная революция, новые виды применяемых технических средств, прогресс естественнонаучных методов и расширение их спектра кардинально изменили весь процесс формирования источниковой базы нашей науки. Но все они, открывая новые возможности, не могут заменить такие элементарные приемы, как полевой дневник, полевой чертеж или археологический рисунок найденных предметов. Не только потому, что эти элементарные приемы могут и должны фиксировать те признаки и особенности объекта, которые недоступны самым изощренным способам визуализации, но и потому, что и описание, и чертеж, и специальный рисунок в руках ученого являются методами познания и осмысления материала. Невозможно и нельзя исключать их из практики, подменять другими приемами, тем более фальсифицировать. Поэтому опыт и традиции Северо-Кавказской экспедиции, а они не сводятся к приведенным простейшим примерам, остаются актуальными и в конце четвертого десятилетия ее существования.

Наборный золотой браслет (или диадема?) с пастовыми вставками. V в. до н.э. Могильник Дыш IV (Республика Адыгея).

Ажурный бронзовый на-лобник (конский), IV в. до н.э. Могильник Лебеди III (Краснодарский край).

3214

ИММИ АН СССР

МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ: *Будухова*

Сайт (участок): *1950*

Участок: *И.С. Равацкого*

Рельеф: *Лесостепь*

Состав: *Кислоселен*

Имя отобранных: *Финберг А.*

Объем и название публикации: *2 л. в 2 ч. А. 1,4 м*

Место и дата публикации: *ОТГАМ А-55073*

Адрес: *Лайдишов ПП*

Способ доставки: *Везерские ул. 32-2-116*

Наименование издания: *Археология СССР*

Кол-во экземпляров	Сумма заказа	Примечание
1	4р	

Итого: *Четыре руб.*

Квитанция без печати недействительна

Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. Выходит с 1981 г.

- * ПАЛЕОЛИТ СССР, 1984.
- * МЕЗОЛИТ СССР, 1989.
- * НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ, 1996.
- * ЭНЕОЛИТ СССР, 1997.
- * РАННИЙ БРОНЗОУГОЛЬНЫЙ ВЕК, 1998.

Издательские традиции

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ

Издательские
традиции

Персоналии

Приложения

Археологические открытия (ежегодник)

Н.В. Лопатин

В 1966 г. вышел в свет первый выпуск ежегодника «Археологические открытия» (АО). Появление этого издания стало логическим продолжением разнообразных обзоров археологических работ в стране, публиковавшихся до этого в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры/Кратких сообщениях Института археологии» (КСИИМК/КСИА) и в «Советской археологии», а также сборников тезисов ежегодных сессий археологов СССР.

Ответственный редактор ежегодника академик Б.А. Рыбаков в «Предисловии» к первому выпуску характеризовал издание следующим образом: «Задача сборника — дать первое представление о только что открытых научных сокровищах, о только что законченных или прерванных на зимнее время раскопках... Институт археологии АН СССР предполагает ежегодно отчитываться перед всеми интересующимися археологией такими книгами о самых новых открытиях. В устной форме ежегодные отчеты существуют у археологов уже с 1945 г. Археологи всего Союза съезжаются в Москву или другой крупный научный центр (Ленинград, Киев, Баку, Минск) и докладывают о достижениях истекшего года, знакомят с ними научную общественность. Каждый такой годичный

съезд сопровождается выставкой новых материалов и находок. Публикация в сборнике отчасти заменит доклады и выставку или, точнее, значительно расширит круг участников съезда и посетителей выставки. Коллектив Института археологии будет признателен за все замечания и пожелания, высказанные по поводу этого первого сборника» (М., 1966. С. 3, 4).

Уже через год сборник значительно расширился и приобрел стандартные в будущем структуру и жанровость. В «Предисловии» от имени Редколлегии (Б.А. Рыбаков, отв. ред., М.А. Карповская, Т.В. Равадина, Д.Б. Шелов) говорилось: «Сборник “Археологические открытия 1965 года”, выпущенный в свет в апреле 1966 г., быстро разошелся (тираж 3500 экз. — *Н.Л.*) и вызвал ряд благоприятных откликов. Это свидетельствует о большом интересе, проявляемом широкими кругами научной общественности к древнейшему прошлому нашей страны, и о необходимости постоянной и быстрой информации о новых открытиях советских археологов. Первый сборник содержал сведения о работах экспедиций только Института археологии АН СССР. В настоящую книгу включена информация об археологических исследованиях и многих других учреждений: Академий наук союзных респу-

блик, университетов, научно-исследовательских и педагогических институтов, музеев и т.д. Деятельность археологов в разных районах страны получила, таким образом, гораздо более полное, но все же не исчерпывающее освещение... Ввиду того что значительная часть археологических экспедиций местных учреждений занималась комплексным исследованием разновременных памятников, решено отказаться от расположения материала в хронологическом порядке... Редколлегия благодарит всех археологов, поделившихся своими открытиями, и будет признательна за пожелания и замечания по поводу нового сборника» (М., 1967. С. 3, 4).

Б.А. Рыбаков сохранял пост ответственного редактора вплоть до выпуска 1982 г., однако фактически обязанности руководителя издания ежегодника перешли к Р.М. Мунчаеву, возглавлявшему издательское направление работы Института археологии. Ответственным секретарем ежегодника с 1977 по 1983 г. была Н.В. Малиновская, в 1984 г. — О.Н. Аксенова, а в 1985–1986 гг. — Т.В. Сергина. В 1984 г. в результате перераспределения обязанностей в дирекции института ответственным редактором «Археологических открытий» стал В.П. Шилов. Редакционная коллегия в большинстве выпусков не указана, но в отдельные годы в нее входили в том или ином составе ведущие ученые ИА АН СССР.

С 1987 по 1992 г. сборник не выходил. В это кризисное время государственные издательства резко сократили выпуск научной литературы, а малотиражные институтские издания в основном готовились к печати с помощью пишущей машинки. Тогда же сошло на нет издание серии «Свод археологических источников». В 1993 г. был прекращен выпуск КСИА, нависала угроза и над журналом «Российская археология».

Показателем важности закрытого издания «АО» для археологического сообщества стал пример Урало-Поволжского региона, где объединенными силами разных исследовательских центров была организована публикация региональных «Археологических открытий Урала и Поволжья» (три выпуска по два сезона: 1987–1988,

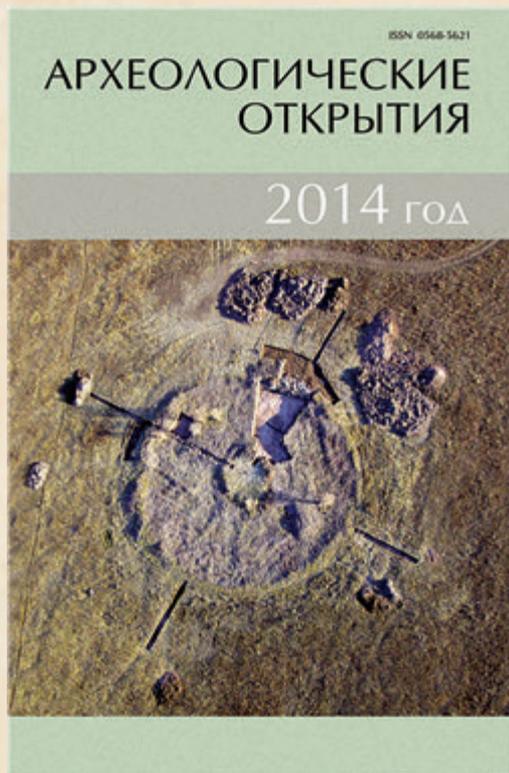
1989–1990, 1991–1992). Существует также ряд других региональных продолжающихся изданий разного охвата, сходных по жанру с «Археологическими открытиями», в последние годы их число увеличивается.

Возрождение ежегодника в 1994 г. (АО 1993 года) было инициировано заведующим отделом полевых исследований (ОПИ) ИА РАН В.В. Седовым и профинансировано Министерством культуры РФ. Затем поддержку грантами оказывал Российский гуманитарный научный фонд, а с 1999 по 2006 г. издание финансировалось Президиумом РАН и проходило редакционно-издательскую подготовку в два этапа — в ИА РАН и издательстве «Наука». Возрожденное издание наследовало все основные черты прежней серии, но уже в пределах сообщества российских археологов (хотя к участию в некоторых выпусках привлекались коллеги из Белоруссии и Абхазии). Для улучшения справочных функций ежегодника стали составляться карты и указатели. К большинству выпусков, изданных под редакцией В.В. Седова, он готовил предисловия с обзором полевой работы российских археологов за год по данным ОПИ, отмечал успехи и просчеты в проведении раскопок и разведок, излагал свое видение наиболее актуальных проблем полевой археологии.

После смерти В.В. Седова в 2004 г. ответственным редактором «Археологических открытий» был назначен Н.В. Лопатин, принимавший участие в подготовке издания и ранее. По ряду объективных и субъективных причин начиная с выпуска 2006 г. регулярность публикации ежегодника нарушилась, а материалы полевых сезонов 2010–2013 гг. пришлось объединить в одном томе. Всего к настоящему времени напечатано 42 выпуска издания.

В 2015 г. сформирована постоянная редакционная коллегия «Археологических открытий». В нее наряду с научными редакторами территориальных разделов вошли также сотрудники Института археологии, курирующие важные для подготовки сборника направления: регламентация и экспертиза результатов полевых работ, сохранение археологического наследия, контак-

ты с другими археологическими организациями, издательская деятельность. В редколлегию входят член-корреспондент РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. Г.Г. Король, к.и.н. С.В. Кузьминых, к.и.н. Н.В. Лопатин (отв. ред.), д.и.н. А.А. Масленников, д.и.н. С.З. Чернов, к.и.н. А.В. Энговатова.

Всероссийский охват издания требует четкого осознания его жанрового своеобразия, собственного стиля. Нельзя объять необъятное. Число открытых листов (разрешений на право проведения археологических работ) уже перешагнуло рубеж 2000 в год. Было бы утопией стремиться собрать под одной обложкой подробные материалы о полевых исследованиях со всей России. Более реально и полезно ставить задачу представить в лаконичной форме отчеты основных экспедиций, получивших существенные научные результаты.

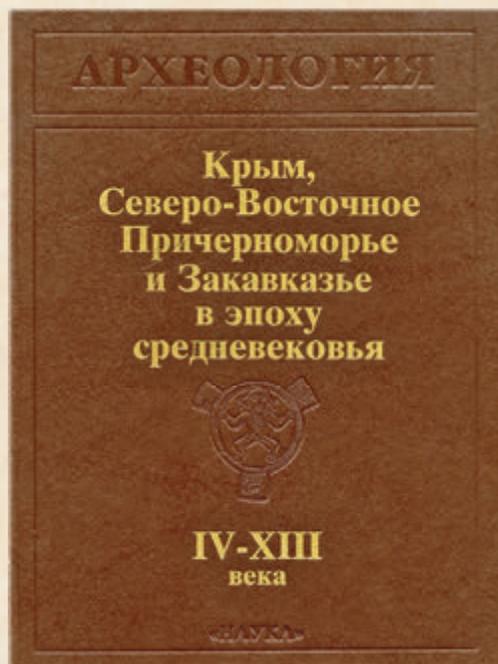
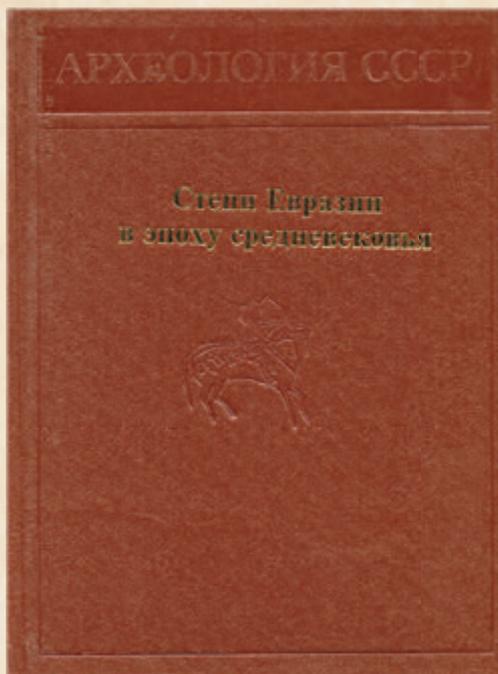
Еще один необходимый принцип, которому, к сожалению, не всегда удается следовать, — оперативность публикации. Однако значение статей в «АО» не теряется и по прошествии времени. Опыт работы многих исследователей свидетельствует, что издание зачастую используется для получения не только новостей последнего сезона, но и диахронных обзоров и справок. При этом следует заметить, что нередко статья в «АО» остается единственным (по крайней мере на время) печатным отражением того или иного важного полевого исследования. Многочисленность ссылок на статьи ежегодника засвидетельствована Российским индексом научного цитирования (см. https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=25516).

Издание Институтом археологии ежегодника, имеющего всероссийский охват, напрямую связано с централизованной системой экспертизы полевых отчетов, выдачи открытых листов и хранения отчетной документации, которая исторически сложилась в нашей стране. Каждая статья соответствует одному или нескольким открытым листам и науч-

ным отчетам. Уже из отчета специалист получит подробную информацию о конкретном памятнике и результатах проведенных на нем работ. Поэтому предназначение ежегодника — дать в концентрированном виде указания направлений этого архивного поиска.

Обладание разрешающим проведение археологических работ открытым листом, выданным Министерством культуры РФ, является свидетельством научной квалификации каждого автора «АО». Однако обязательный признак современной научной периодики — экспертиза (рецензирование) публикуемых материалов специалистами. «Археологические открытия» в этом отношении не исключение: экспертиза статей осуществляется членами редколлегии — научными редакторами разделов. Также необходимым атрибутом научного периодического издания признается наличие при статьях списков цитируемой литературы, которые приняты теперь и в ежегоднике начиная с выпуска «Археологические открытия. 2014 год».

Учрежденный и издаваемый Институтом археологии РАН ежегодник «Археологические открытия» является по своей сути печатным органом всего археологического сообщества России и важным элементом системы научной информации российской археологии.

Археология СССР (многотомник)

П.Г. Гайдуков

«**Д**вадцатитомное издание «Археология СССР» создается Институтом археологии Академии наук СССР с той целью, чтобы дать мировой исторической науке возможно более полное, систематизированное представление об огромном археологическом материале, собранном на всей территории Советского Союза за все эпохи — от палеолита до развитого средневековья (XIV в.)». Такими словами главного редактора открывается первый том издания, которое в 1970–1980-х годах было основным в научных планах Института археологии АН СССР (Рыбаков Б.А. Предисловие к «Археологии СССР» // Палеолит СССР / Отв. ред. П.И. Борисковский. М., 1984. С. 5).

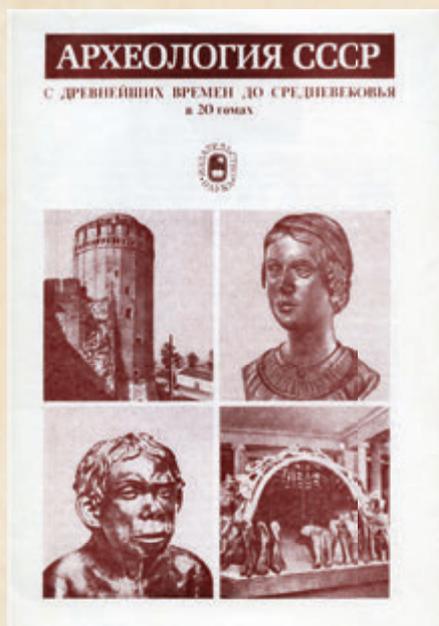
Публикация фундаментального научного труда «Археология СССР» (с 1994 г. — «Археология») коллектива ученых ИА АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР и других археологических учреждений страны осуществлялась под руководством академика Б.А. Рыбакова на протяжении более 20 лет. Подготовка издания объединила большой коллектив исследователей. Среди них — около 50 докторов и более 70 кандидатов исторических наук.

Первая книга серии «Степи Евразии в эпоху средневековья» издана в 1981 г. Последняя, 18-я по счету

(«Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века»), вышла в свет в 2003 г., уже после смерти главного редактора. Издание осталось незавершенным.

Работа над «Археологией СССР» началась еще в конце 1960-х годов. Тогда она была задумана как пятитомник, включавший в себя следующие выпуски: «Каменный век на территории СССР», «Энеолит и бронзовый век на территории СССР», «Ранний железный век на территории СССР», «Средневековье (народы и государства Кавказа, Средней Азии, Сибири, северной и юго-восточной Европы в IV–XIII вв.)», «Древняя Русь (до XIII в.)». Однако уже первый выпуск серии (М., 1970) показал, что невозможно вместить огромные накопленные материалы в пять томов. Поэтому было принято решение о значительном расширении издания.

Первоначальный вариант проспекта «Археологии СССР» в 15 томах широко обсуждался в подразделениях института в Москве и Ленинграде в начале 1970-х годов. Окончательные проспекты каждого тома готовились с учетом критических замечаний и стали исходным пунктом для всей дальнейшей работы (Археология СССР с древнейших времен до

Рекламная листовка «Академкниги» с объявлением и условием подписки, а также аннотацией на издание «Археология СССР». 2-я типография АН СССР, 1980 г.

средневековья. Серия в 15 выпусках. План-проспект. М., 1973 (ротапринт). В ноябре 1973 г. на Ученом совете ИА АН СССР утвердили редколлегию издания в количестве 27 человек (Б.А. Рыбаков — главный редактор, Р.М. Мунчаев — зам. главного редактора, В.А. Башилов — ответственный секретарь).

Написание отдельных томов началось, но со временем проект издания претерпевал изменения: сначала оно расширилось до 16 выпусков, потом до 17, а к 1978 г. достигло 20 (Инструкция для авторов и редакторов издания «Археология СССР с древнейших времен до средневековья». (Изд-во «Наука» — в 16 выпусках). [М., 1978] (ротапринт)).

В феврале 1979 г. на заседании Бюро редакционно-издательского совета АН СССР под председательством П.Н. Федосеева был заслушан доклад Б.А. Рыбакова «Об издании серии “Археология СССР” в 20-ти томах». Бюро приняло предложение Института археологии АН СССР, установило объем каждой книги в рамках 30–50 а. л. (включая иллюстрации) и назначило главным редактором серии академика Б.А. Рыбакова. Издательству «Наука» поручалось разработать проект оформления книг серии, включать их в тематические планы редакционной подготовки и выпуска своих изданий по мере готовности по заявкам Института археологии, согласованным с Отделением истории АН СССР.

В основу структуры «Археологии СССР» положен зонально-хронологический принцип. В соответствии с ним тома составляют группы, каждая из которых освещает определенный хронологический период. Внутри каждой группы тома распределяются по трем основным культурно-географическим зонам: юг СССР, зона степей, полоса лесов и лесостепи. Более подробно расчле-

нен материал о народах, живших на территории СССР в эпоху средневековья.

Первая группа посвящена каменному веку (4 тома: палеолит, мезолит, неолит, энеолит), вторая — бронзовому веку (3 тома: Кавказ и Средняя Азия; степи Евразии; лесная полоса Евразии), третья — раннему железному веку (5 томов: древнейшие государства Кавказа и Средней Азии; античные государства Северного Причерноморья; степи европейской и азиатской частей СССР в скифо-сарматское время; лесная полоса СССР), четвертая — эпохе средневековья (8 томов: славяне и их соседи до середины I тыс. н.э.; восточные славяне в VI–XIII вв.; Древняя Русь в 2-х томах; финно-угры и балты; степи Евразии, Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье; Средняя Азия и Дальний Восток).

Важнейшей частью каждого тома должны были стать графические материалы — таблицы и карты. Это не обычные иллюстрации, сопровождающие текст. На каждой таблице по замыслу главного редактора необходимо было представить скрупулезно проанализированные материалы — типологические схемы, содержание комплексов археологических культур, синхронизацию различных археологических находок. Таблица, по сути дела, — результат самостоятельного изучения, завершение одной из стадий кропотливой источниковедческой работы.

В 1980 г. издательство «Наука» объявило подписку на издание «Археология СССР», принимавшуюся книжными магазинами, распространявшими подписные издания, а также через сеть магазинов книготорговой организации «Академкнига». В условиях подписки говорилось: «Издание будет осуществлено в 1981–1990 гг. Ежегодно будет выпускаться по два тома. Ориентировочный объем одного тома — 45–50 а. л. <...> При подписке взимается задаток в размере 4 руб., который будет засчитываться при получении последнего тома». Благодаря этому информация о готовящемся издании стала известна широкому кругу населения страны, вызвала определенный интерес у более 30 тыс. подписчиков.

Объявленную периодичность издания и сроки его завершения выполнить не удалось. К концу 1990 г. вышло в

Срок правления вышедших томов 2 месяца со дня поступления тома в магазин. В случае невозможности очередных томов в срок претензии не принимаются.

АКАДЕМКНИГА № 020988

1. КВАНТИЦИЯ ЗАКАЗА №

Научи Ф., И., О. Зайдуков ПП
магазин отделов. Адрес Восточный ул. 32-2-116

Способ доставки: личное получение, доставка почтой (подчеркнуть)

Наименование издания	Кол-во экземпляров	Сумма заказа	Примечание
Археология СССР	1	4р	
Итого			
Получено в наличном	Четыре руб.		
С усл. доставки	Заказ принят		
Квитанция без печати недействительна			

Квитанция заказа на подписное издание «Археология СССР», декабрь 1980 г.

свет лишь 11 томов (1981 г. — 1, 1982 г. — 2, 1984 г. — 2, 1985 г. — 2, 1987 г. — 2, 1989 г. — 2). Еще два тома были сданы в издательство, где проходили редакционную подготовку. Оставшиеся семь томов находились в Институте археологии в разной стадии готовности, их сдача в издательство была запланирована на 1991–1996 гг. Однако события августа 1991 г. и последовавшие за ними коренные изменения в политической и экономической жизни страны нарушили эти планы, что растянуло издание еще семи томов более чем на 10 лет (1992 г. — 1, 1993 г. — 1, 1994 г. — 1, 1996 г. — 1, 1997 г. — 1, 1999 г. — 1, 2003 г. — 1).

Не удалось выполнить и условия соблюдения объема подготавливаемых томов, которые по договоренности с издательством не должны были превышать 50 а. л. Объемы только половины книг серии укладывались в эту цифру или слегка превышали ее. Остальные тома достигали 60–70 а. л. и более. Своеобразный «рекордсмен» в этом плане — книга «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (М., 1987), в выходных данных которой значится 82 уч.-изд. листа.

Отдельные тома серии написаны авторскими коллективами исследователей, насчитывающими до 15 специалистов. Единственное исключение — книга «Восточные славяне в VI–XIII вв.» (автор В.В. Седов).

В ходе длительной работы над подготовкой двух книг («Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии» и «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья») значительно увеличился их объем. В связи с этим главный редактор принял решение о разделении этих книг на два полутома, благодаря чему издание должно было вырасти до 22 томов. В результате получилось, что первые полутома оказались изданными, а вторые («Поздняя бронза Кавказа. Бронза Средней Азии» и «Средняя Азия в средневековье. Дальний Восток в средневековье») — нет, несмотря на то, что была проделана большая работа и они находились в значительной степени готовности. Не были подготовлены и не изданы еще два тома: «Эпоха бронзы евразийских степей» и «Ранний железный век лесной полосы СССР». Завершить издание не удалось. Оно насчитывает, как отмечалось выше, 18 книг.

В результате широкой подписной кампании первые пять томов (1981–1984 гг.) напечатаны значительным для такого рода изданий тиражом — 31 500 экз. Позже количество книг неизменно уменьшалось. В следующих пяти томах (1985–1989 гг.) тираж колебался в пределах 24 500–23 900 экз. В первой половине 1990-х годов он снизился с 5600 до 2000 экз., а во второй половине десятилетия колебался в пределах 1000–1450 экз. Последний том (2003 г.) издан тиражом 1200 экз.

Основной идеолог издания «Археология СССР» и его главный редактор — академик Б.А. Рыбаков. Обязанности заместителей главного редактора выполняли Р.М. Мунчаев и В.А. Башилов. Ответственными секретарями в разные годы состояли С.А. Беляев (1978–1982), П.Г. Гайдуков (1982–1992, позже — заместитель главного редактора), Г.А. Павлович (1993 г.), Д.С. Коробов (1996–2003).

Подавляющее большинство графических таблиц, а также другого иллюстративного материала для издания подготовлено группой художников Института археологии: С.А. Бедняковой, А.В. Голиковой, В.П. Ленивкиным, Е.Ф. Маракулиной, Г.Г. Минасян, Н.С. Сафроновой, С.А. Суджаевой (руководитель группы), Н.Ф. Федоровой.

Огромную работу по координации деятельности редколлегии с авторами, а также по организации работы художников на всех этапах подготовки томов серии выполнял В.А. Башилов (1936–2005) (об издании см. также: Башилов В.А. Двадцатитомная «Археология СССР» // *Общественные науки*. 1983. № 3. С. 139–143).

Несмотря на незавершенность «Археологии СССР», серия остается одним из наиболее значимых изданий в мировой археологической литературе конца XX в. Этот фундаментальный труд знакомит с памятниками прошлого нашей страны, открытыми дореволюционными и советскими археологами за 200 лет, и является своего рода энциклопедией древней истории и культуры народов Евразии. Многочисленные положительные рецензии на отдельные тома серии подтверждают справедливость этих слов.

Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах
Выходит с 1981 г.

- * ПАЛЕОЛИТ СССР, 1984.
- * МЕЗОЛИТ СССР, 1989.
- * НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ, 1996.
- * ЭНЕОЛИТ СССР, 1982.
- * РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА, 1994.
- * ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ.
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ.
- * ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР, 1987.
- * ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ, 1985.
- * АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, 1984.
- * СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ, 1989.
- * СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ, 1992.
- * СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э., 1993.
- * ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI–VIII ВВ., 1982.
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ, ГОРОДЗАМОК, СЕЛО, 1985.
- * ДРЕВНЯЯ РУСЬ. БЫТ И КУЛЬТУРА, 1997.
- * ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 1987.
- * СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 1981.
- * КРЫМ, СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЗАКАВКАЗЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, 2003.
- * СРЕДНЯЯ АЗИЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, 1999.

* Звездочкой отмечены вышедшие тома

Список издания «Археология СССР» с отметками вышедших томов. Изд.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003. С. 2.

Табличка на двери редакции, 1950-е годы.

Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия)

И.О. Гавритухин, С.В. Кузьминых, Н.В. Лопатин

Ярким явлением научной жизни середины XX в. стало издание книжной серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА). Она была основана в 1940 г., что стало одним из проектов нового директора Института истории материальной культуры М.И. Артамонова (1898–1972), наряду с «Краткими сообщениями о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (КСИИМК). Символично, что самый последний том МИА был напечатан на следующий год после смерти основателя серии.

Предшественником МИА можно считать «Материалы по археологии России» (МАР), 37 томов которых были великолепно изданы Императорской археологической комиссией в 1866–1918 гг. В 1920–1930-е годы традиция нормальной публикации источников — археологических материалов — в советской археологии в силу разных причин была утрачена. Издания тех лет — «Известия Государственной академии истории материальной культуры» (ГАИМК), «Сообщения ГАИМК», «Проблемы истории докапиталистических обществ», «Проблемы истории материальной культуры» — не шли в сравнение с многочисленными дореволюционными сериями изданий, особенно Императорской археологической комиссии, Русского и Московского археологических обществ. Серия «Материалы ГАИМК», претендовавшая на публикацию

археологических материалов, вышла лишь в двух выпусках, причем во втором из них — «Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г.» (Л., 1933; МГАИМК, вып. 2) — использовались заготовленные еще до революции 1917 г. литографии. Лишь с началом выхода в 1936 г. альманаха «Советская археология», издаваемого Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР (председатель редколлегии И.И. Мещанинов, ответственный секретарь С.Н. Замятнин, члены редколлегии: В.А. Городцов, П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас), рубрика «Материалы» полностью вернулась на страницы археологических изданий.

Но окончательный разрыв с социологизаторской направленностью изданий ГАИМК–ИИМК 1930-х годов связан с деятельностью М.И. Артамонова и началом издания серии «МИА». Ее специфика удачно отражена самим названием: научный анализ осуществлялся параллельно с подробными публикациями источников и основывался на них. Уже с первых томов в них соединялись противоположные мнения и позиции. Многие выпуски МИА задавали тон дискуссиям по важнейшим проблемам отечественной археологии.

Публикация первых томов серии (см. Приложение) была представлена краткой информационной заметкой в IX выпуске КСИИМК (1941. С. 132, 133). В ней говори-

лось, что «в начале 1941 г. вышел в свет № 1 трудов Института из серии “Материалы и исследования по археологии СССР”. Сборник называется “Археологические памятники Урала и Прикамья”». Согласно выходным данным, том издан в 1940 г. В заметке перечислены еще пять книг серии, находившиеся «в процессе производства». Все они охватывали ту или иную крупную тему, традиционную для российской археологии.

Все заявленные тома были изданы в первой половине 1941 г. и получили номера со 2-го по 6-й, после чего издание серии прервалось до 1947 г. Тираж № 6 («Этногенез восточных славян») сгорел в блокадном Ленинграде (сохранилось несколько экземпляров). Тираж сборника «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии» (№ 3) тоже пропал в начале войны, но уцелел и позднее был найден.

Особый подъем серии приходится на вторую половину 1940-х — 1950-е годы, после того как она была возрождена уже в Москве выпуском тома «Материалы и исследования по археологии Москвы» (1947. № 7). В эти годы в рамках МИА активно издавались подсерии, посвященные большим темам, а также результатам работы крупных экспедиций. Над серией работала в Институте особая редакция КСИИМК–МИА (о ее существовании можно судить по сохранившейся дверной табличке старого образца — Редакция «Кратких сообщений» и МИА).

Одна из заметных «малых серий» — «Палеолит и неолит СССР» (№ 2, 39, 59, 79, 131, 173, 185), тома которой готовились в Ленинграде (А.П. Окладников, П.И. Борисковский), а сквозная внутренняя нумерация установилась лишь с третьего тома. Как говорилось в рецензии на том V (1965. № 131), «каждый сборник этой серии был настоящим событием в науке. Обобщающие статьи, где каждый раз по-новому трактовались вопросы общего порядка, чередовались с полной публикацией важнейших памятников каменного века СССР. Сборники были часто местом полемики, ... но никогда не были рупором одного направления в науке. ... Второй выпуск (МИА, 39) был целиком переведен на французский язык, а статья А.Н. Рогачева из третьего выпуска (МИА, 59) подробно излагалась разными авторами на английском и француз-

ском языках» (Григорьев, Третьяков. [Рец.:] Палеолит и неолит СССР. Т. 5 (МИА, № 131) // СА. 1970. № 4. С. 264).

Наряду с тематическими сборниками в МИА публиковались монографии по всем направлениям, в том числе по палеолиту опубликовано шесть (№ 40, 45, 71, 81, 121, 157). В классику науки вошли монографические исследования в разных областях археологии П.Н. Третьякова, С.В. Киселева, Т.С. Пассек, А.Н. Зографа, А.Л. Якобсона, А.П. Окладникова, А.Н. Бернштама, А.П. Смирнова, М.Е. Фосс, А.В. Збруевой, Б.А. Колчина, В.Н. Чернецова, Б.Н. Гракова, С.Н. Бибикова, О.А. Кривцовой-Граковой, Н.Н. Гуриной, М.П. Грязнова, С.С. Черникова, В.И. Цалкина, С.А. Семенова, А.А. Формозова, В.М. Массона, И.И. Ляпушкина, И.Б. Зеест, В.В. Седова, В.И. Марковина, Е.И. Горюновой, Д.Б. Шелова, О.Н. Бадера, Р.М. Мунчаева, К.Ф. Смирнова, П.А. Раппопорта, Ю.А. Заднепровского, П.И. Борисковского, Г.Н. Лисицыной, Е.Н. Черных, Л.Я. Крижевской, С.А. Плетневой, В.Д. Блаватского, И.И. Артеменко, Н.Д. Праслова, Ю.А. Краснова, Н.И. Сокольского, Н.Л. Членовой.

Малые серии организовывались как по хронологическому принципу, так и по региональному. Например, пять томов «Материалов и исследований по археологии Урала и Приуралья» (№ 1, 21, 22, 27, 30) освещали древности разных эпох в регионе, а внутренняя нумерация отсчитывалась от МИА № 1, который первоначально не имел номера в уральской подсерии. Примечательно, что в МИА № 21 (М., 1951) были включены статьи О.Н. Бадера (в тот момент репрессированного и работавшего в Перми) и М.В. Воеводского, подготовленные в конце 1920-х годов для «Трудов Ветлужской экспедиции» института и музея антропологии МГУ под редакцией Б.С. Жукова. Типографский набор этого тома был рассыпан после ареста и ссылки Бориса Сергеевича. Но в итоге в МИА № 21 часть материалов Ветлужской экспедиции удалось опубликовать, правда, без авторства Жукова.

Многие тематические ряды легко просматриваются и в отсутствие отдельной нумерации. Приведем лишь некоторые примеры. Таковы подборки по энеолитической трипольской культуре (№ 10, 38, 84, 102), эпохе бронзы

в разных регионах (№ 46, 88, 93, 97, 120, 145, 148), скифо-сарматской археологии (№ 36, 64, 101, 113, 150, 151, 153, 177). В рамках античной проблематики очень заметны тома по археологии Боспора (№ 25, 56, 57, 69, 83, 85, 103, 155), подготовленные научными коллективами из обоих отделений института, в Москве и Ленинграде, которые в данной тематике дополняли друг друга. Тематические блоки образуют тома по Юго-Западному Крыму (№ 17, 34, 63, 168, в том числе три монографии А.Л. Якобсона), античным памятникам Нижнего Дона — № 98 и 154 (Д.Б. Шелов).

Очевидными цепочками «выстраивались» и тома, связанные с раннеславянской проблематикой, несмотря на то что внутренняя нумерация этого тематического ряда, заявленная «томом I» (1941. № 6), продолжения и не получила. Таковы подборки по зарубинецкой (№ 70 и 160), черняховской (№ 82, 116, 139, 187), роменской (№ 8 и 74) культурам. Прорывным стал № 108 (М., 1963), заполнявший лагуну славянских древностей третьей четверти I тыс. н.э. Заполнялись и территориальные лагуны (№ 72, 76, 89). В итоге появились концептуальные, конкурирующие друг с другом, обобщения по ранней истории славян И.И. Ляпушкина, В.В. Седова, П.Н. Третьякова (№ 152, 163 и 179).

Большую роль в науке сыграла подсерия сборников и монографий «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», издававшаяся под руководством Н.Н. Воронина. Важность специального внимания института к теме крепостного зодчества (№ 31, 52) подчеркивал известный специалист в этой области В.В. Косточкин ([Рец.:] П.А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. (МИА, № 52) // СА. 1957. № 3. С. 314). Пять томов этого блока дополняли подсерии «Материалы и исследования по археологии Москвы» и «Труды Новгородской археологической экспеди-

ции» (под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина), каждая в четырех томах. Здесь опубликованы и важнейшие для древнерусской археологии разработки по типологии и хронологии вещей, и новаторские работы по применению ряда естественнонаучных методов. Отдельное место в этой тематике занимает монография В.В. Седова 1960 г. (№ 92), в то время ставшая первым масштабным региональным археологическим исследованием древнерусской деревни.

Значительную часть серии «МИА» составляют «Труды» крупных экспедиций, работавших как в зонах новостроек, так и по конкретным научным программам, на территориях европейской части СССР, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока. Как полевая работа самих экспедиций, так и подготовка фундаментальных публикаций сыграли большую роль в развитии местных научных школ. Большими экспедициями, организованными ИИМК совместно с Академиями наук соответствующих республик, стали Таджикская (№ 15, 37, 66, 124, 136; А.Ю. Якубовский) и Азербайджанская (№ 67, 125, 133; А.А. Иессен). К наиболее заметным новостроечным экспедициям тех лет относятся Куйбышевская (№ 42, 61, 80, 111; А.П. Смирнов), Сталинградская и Северо-Кавказская (№ 60, 78, 114; Е.И. Крупнов), Волго-Донская (№ 62, 75, 109; М.И. Артамонов), Камская и Воткинская (№ 99; О.Н. Бадер). История каждой из них достойна отдельного очерка, а полученные материалы, несмотря на многотомные публикации в МИА, продолжали обрабатываться и анализироваться многие годы после прекращения издания этой серии.

Принцип организации тематических подсерий не был последовательным и во многом зависел, очевидно, от позиций лидеров научных направлений, но сказывались, видимо, и некие противоречия в издательской политике института. Так, трудно объяснить, например, свертывание малой

серии «МИА древнерусских городов» на томе V (1956. № 52) при том, что в 1958 г. вышел сборник (№ 77), явно ее продолжавший. Большинство подсерий прекратило выходить к середине 1960-х годов, лишь «Палеолит и неолит СССР» и «МИА Москвы» продолжались практически до конца всей серии.

Важным направлением, представленным в МИА, стали очерки древней и средневековой истории ряда крупных регионов, построенные в основном на археологических данных, но с учетом всех доступных источников (№ 5, 9, 26, 28, 29, 30, 35, 48, 73, 106). В МИА были опубликованы фундаментальные археологические карты и каталоги памятников — как территориального типа — № 7 (карта памятников Москвы О.Н. Бадера), 27, 76 (раздел Я.В. Станкевич о памятниках железного века в Подвинье), — так и по отдельным культурам и эпохам — № 6 (статья Н.Н. Черныгина о длинных курганах и сопках), 72, 81, 82 и др. Большинство из них сохранило справочное значение на многие годы, и даже после появления новых изданий соответствующих карт.

Широко представлено в МИА изучение техники, ремесел, сельского хозяйства, ставшее традиционным для советской археологии (№ 32, 54, 90, 128, 132, 158, 172 [1], 174, 178, 187). В рамках цикла монографий МИА В.И. Цалкиным были изложены основы отечественной археозоологии (№ 51, 53, 107, 135, 161). В этом направлении выделяется сборник 1965 г., всесторонне освещавший применение методов естественных и точных наук в советской археологии и открывавшийся концептуальным обзором Б.А. Колчина (№ 129).

Особое направление — исследование больших групп находок — в МИА лучше всего представлено работами по античности. Своды по античной нумизматике (№ 16) и амфорной таре (№ 83) на долгое время стали базовыми справоч-

никами. Позднее этот жанр получил развитие в рамках серии «Свод археологических источников» (САИ).

С середины 1960-х годов в серии «МИА» начали издаваться книги самых разных жанров. Публиковались материалы ряда конференций принципиального значения для развития крупных направлений в отечественной науке. В № 126 (М.; Л., 1966) опубликованы материалы совещания 1962 г. по проблемам мезолита, основным результатом которого было признание существования мезолита как полноправного периода в развитии культур древних обществ. Том № 177 (М., 1971) составлен по материалам конференции 1967 г., охватившей весь спектр проблем скифо-сарматской археологии на основе новейших данных.

Несколько сборников статей посвящены выдающимся ученым: № 130 — памяти С.В. Киселева, № 169 — к 70-летию А.П. Смирнова, № 176 — к 60-летию П.Н. Третьякова, № 185 — 60-летию П.И. Борисковского.

В рамках серии созрел новый план Б.А. Рыбакова, в дальнейшем воплотившийся в многотомном издании «Археология СССР». В предисловии к книге «Каменный век на территории СССР» (№ 166), вышедшей в 1970 г., он объявлял, что институт «приступил к изданию научно-исследовательских обзоров археологических материалов на территории СССР. ... Задача данного издания состоит в том, чтобы дать полную сводку всего ... материала в сжатом и обозримом виде». Перечислялись следующие задуманные пять томов. В том же жанре, но более подробно, был составлен самый последний (по времени) том (Л., 1973) — «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита» под ред. Н. Н. Гуриной (№ 172 [2]).

Сквозная нумерация серии «МИА», как и внутренние ряды тематических серий, создавали ощущение стабильности, непрерывности науч-

ной традиции. Очевидно, что утрата этого ощущения с сожалением воспринималась многими археологами. Неслучайно, например, что более позднему сборнику «Московская керамика» (М., 1991) составители дали подзаголовок «Материалы и исследования по археологии Москвы, том V». Уже в нынешнем веке серии сборников, наследующие название «МИА», издавались и в Москве, и региональными научными центрами: «МИА России» (ИА РАН, отдел скифо-сарматской археологии), «МИА Северного Кавказа» (Армавир), «МИА Кубани» (Краснодар), «МИА Поволжья» (Йошкар-Ола) и др.

Серия «МИА» знаменита своими коричневыми переплетами, которые и сами по себе, хотя, конечно, вкупе с научным содержанием книг, создают впечатление фундаментальности, источниковедческой добротности. Оформление традиционных переплетов серии делится на три варианта (№ 1–30; № 31–91; с № 92), приблизительно соответствующие трем десятилетиям ее издания. К сожалению, в 1965 г. это оформление комуто (вероятно, в руководстве издательства «Наука») показалось скучным или дорогостоящим. В стройном ряду благородных «форменных мундиров» замелькали разномастные, порой легкомысленные «одежки» книг разного формата, многие в мягких обложках. Ленинградское отделение издательства до последнего сопротивлялось этой тенденции, но и оно выпустило несколько книг в несерийных переплетах. Кажется, что утрата этой формальной защиты оказалась тождественной потере специфики серии и в какой-то мере предопределила ее закат.

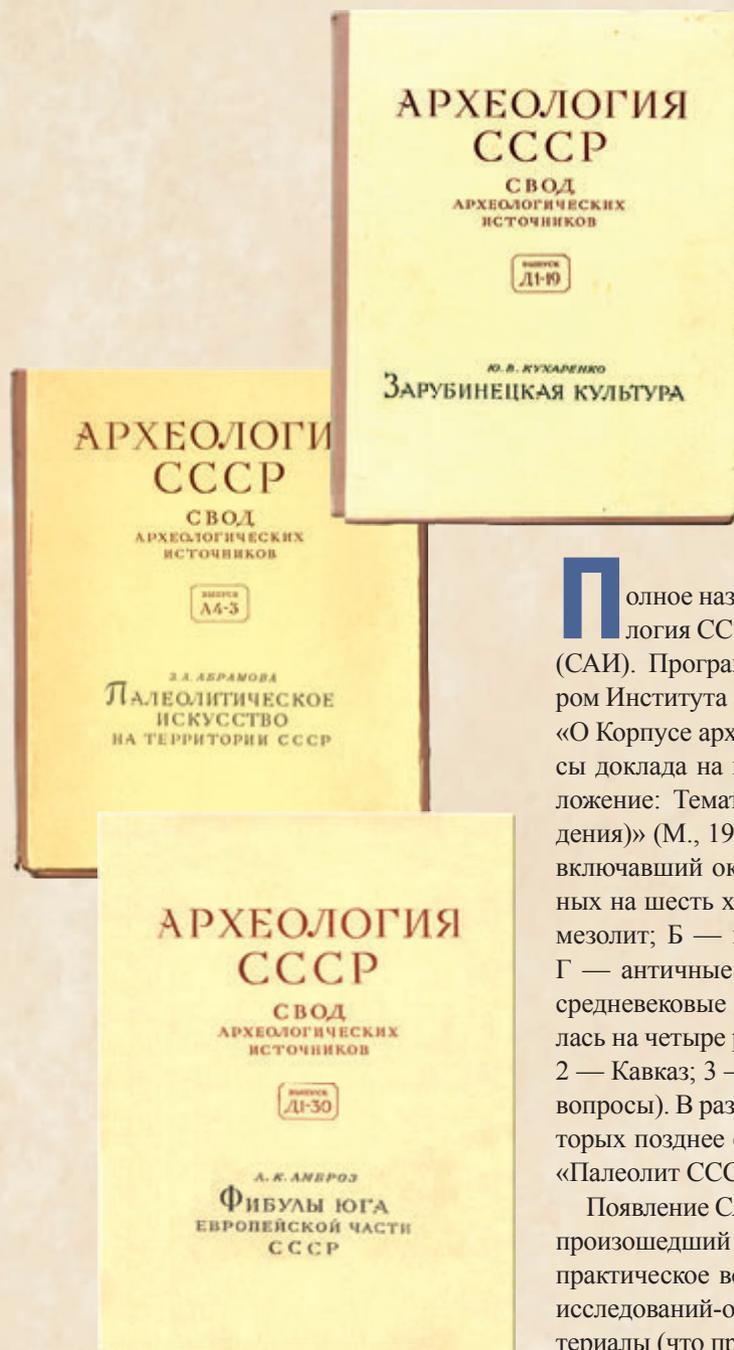
Последние годы выхода серии ознаменовались также чехардой в нумерации выпусков издания. По свидетельству Р.М. Мунчаева, в то время — с 1968 г. — заместителя директора ИА АН СССР, институт передавал в издательство рукописи книг, не определяя их принадлежность

к серии «МИА». Номера присваивались загодя, причем соответствующие тома выходили в свет по мере готовности, в Москве и Ленинграде. В результате некоторые номера оказались пропущенными, а один (№ 172) — присвоен в 1973 г. Ленинградским отделением издательства повторно (после тома с тем же номером, изданного в Москве в 1970 г.), на чем серия и прекратила свое существование.

Тем не менее традиция тематических серийных изданий в Институте археологии пустила глубокие корни и получила продолжение в новых формах. Так, в 1979 и 1988 гг. сборники с одинаковым названием «Могильники черняховской культуры» вышли в свет в одном формате и схожем оформлении, а Г.Ф. Никитина, публикуя в 1996 г. свою книгу, названную в перекличку с упомянутыми двумя «Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии», настояла издать ее в том же формате. Серия «Раннеславянский мир» ведет отсчет от принятого задним числом за выпуск 1 одноименного сборника статей ИА РАН 1990 г. Изучение античных древностей отражено периодическим сборником «Древности Боспора» (с 1998 г.) и книжной серией «Фанагория. Результаты археологических исследований» (с 2013 г.). «Труды» по итогам работ ряда крупных новостроечных экспедиций изданы отдельными небольшими сериями, а с 2001 г. выходит серия, которая ныне носит название «Материалы спасательных археологических исследований». Издается ряд других книжных серий («Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов») и периодических сборников на основе материалов ежегодных региональных конференций («Археология и история Пскова и Псковской земли», «Археология Подмосковья», «Археология Владимиро-Суздальской земли»).

Свод археологических источников (книжная серия)

И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин

Полное название этой известной серии — «Археология СССР. Свод археологических источников» (САИ). Программа издания была изложена директором Института археологии АН СССР Б.А. Рыбаковым: «О Корпусе археологических источников СССР (Тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.). Приложение: Тематика выпусков “Корпуса” (для обсуждения)» (М., 1957). В этой брошюре приведен список, включавший около 300 названий выпусков, разделенных на шесть хронологических серий (А — палеолит, мезолит; Б — неолит, энеолит; В — бронзовый век; Г — античные древности; Д — железный век; Е — средневековые древности), каждая из которых делилась на четыре раздела (1 — Европейская часть СССР; 2 — Кавказ; 3 — Средняя Азия и Сибирь; 4 — Общие вопросы). В разделе 4 значились выпуски, тематика которых позднее составила серию «Археология СССР»: «Палеолит СССР», «Энеолит СССР» и др.

Появление САИ обозначало существенный перелом, произошедший в отечественной археологии. Это — практическое воплощение понимания того, что кроме исследований-обобщений, которые опираются на материалы (что провозглашали и реализовывали МИА —

Материалы и исследования по археологии СССР), необходимы и обладают самостоятельной ценностью систематические своды источников. В рамках САИ заметное место заняли своды и типологические системы по отдельным категориям находок. Это означало зримое признание того, что вещеведение — важнейшая часть и специальная отрасль исследовательской работы в археологии, и уж тем более бытовавший ярлык «буржуазное» здесь не к месту. Указанные тенденции проявились уже в МИА. Например, не только № 16 и 83, вышедшие в 1951 и 1960 гг. (до САИ), но и № 178, опубликованный в 1971 г., по жанру явно тяготеют к САИ. Разница между САИ, содержащими обширные аналитические разделы (например, Д1-19/1964), и многими МИА, где концептуальные тексты сопровождали своды памятников, практически неувеличивалась.

Согласно разысканиям Л.С. Клейна, в упомянутом докладе Б.А. Рыбакова впервые в советской науке был «полноправно, громогласно и влиятельно» употреблен сам термин «археологические источники», обозначающий фундаментальное понятие археологии (Клейн Л.С. Археологические источники. Л., 1978. С. 19). Очевидно, что изменения в

отечественной археологии, фиксируемые появлением САИ, породили и развитие интереса к проблемам теории познания, понимания структуры археологического источника. Однако для основателя серии в аббревиатуре САИ ключевым было слово не «источник», а «свод». В интерпретации Б.А. Рыбакова, «корпус археологических источников в своем окончательном виде должен дать: а) археологическую карту СССР; б) общую типологию всех древностей; в) ареалы типов археологических памятников; г) ареалы типов вещей; д) публикацию результатов раскопок; е) систему датировок...; ж) систематизацию во времени и пространстве данных о хозяйстве, социальном строе... и т.д.» (Рыбаков Б.А. О Корпусе..., 1957. С. 4).

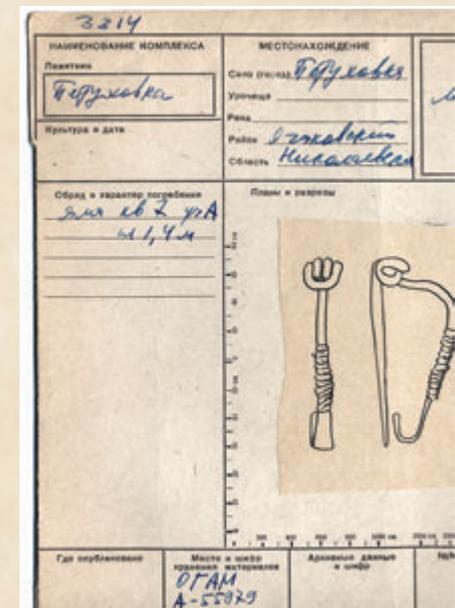
Проспект «Корпуса» содержал ряд интересных идей, касающихся формы и стандартов издания. Предполагалось указывать, помимо авторов, полный перечень всех лиц и организаций, принимавших участие в составлении выпусков, места хранения вещей и номера «сводной картотеки ИИМК», применять один общий масштаб для однородных изображений (Рыбаков Б.А. О Корпусе..., 1957. С. 5, 6). Сейчас уже трудно понять, насколько планомерно велась в те годы работа по составлению упомянутой картотеки, но можно предполагать, что планировалось охватить ею весь объем источников, включив ее в «общегосударственную археологическую картотеку», «построенную по единой схеме» (Рыбаков Б.А. О Корпусе..., 1957. С. 7). Сохранились отдельные специально отпечатанные конверты, на лицевой стороне которых размещались рисунок находки и данные о ней, а внутри — дополнительные материалы. Эта работа не была закончена, «захлебнувшись» в обилии материала.

Проект был поддержан Президиумом АН СССР довольно быстро, и к изданию в первую очередь были определены практически готовые личные картотеки московских сотрудников института — Ю.В. Кухаренко об археологических памятниках Полесья и В.В. Кропоткина о римских и византийских монетах. Из них были составлены три выпуска, изданные в 1961 г., и два — в 1962 г., когда появились публикации и ленинградских ав-

торов. В 1962 г. инициатор проекта уже отчитывался о первых его шагах и подчеркивал: «Свод археологических источников должен стать первым в мире обобщающим изданием систематизированного, превращенного в полноценный исторический источник археологического материала» (Рыбаков Б.А. Издание Свода археологических источников // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 51).

САИ стал выходить ритмично — от 2 до 6 выпусков в год, а в 1966 г. их было издано 11. Почти все выпуски печатались издательством «Наука» (до 1964 г. — издательство АН СССР) в Москве (некоторые — его Ленинградским отделением), и лишь два выпуска по эпохе бронзы — в других городах: В1-3 — в Киеве, В1-10 — в Саратове. Начальные 22 выпуска имеют вид папок, в которые вложена брошюра с текстом и таблицы иллюстраций на отдельных листах (как это и планировалось исходно). С середины 1965 г. серия выходила в виде книг в мягкой обложке. Два выпуска (Е1-60 и В2-6) изданы в твердых переплетах. Три (с 1993 по 1998 г.) имеют измененные варианты названия серии: «САИ России» и «Археология России. САИ».

Приведенный в Приложении список показывает, что с 1961 по 1998 г. издан 91 выпуск. Нумерацию выпусков нельзя признать удачной: первоначально она буквально следовала предварительной программе (подзаголовок которой «для обсуждения» был забыт), в результате чего многие номера оказались пропущенными. В то же время некоторые номера повторялись (даже без добавления внутренней нумерации), поскольку заявленные выпуски делились в процессе подготовки на два и более. Большинство названий выпусков в 1957 г. было сформулировано в самом общем виде, а под их номерами позднее были опубликованы вполне конкретные и частные работы. Книгам, отсутствовавшим в первоначальном списке, присваивались новые номера по порядку. Не иначе как редакционно-издательской неразберихой объясняются дублирования номеров, присвоенных сверх первоначальной программы выпускам, не связанным между собой тематически (В4-12/1971 и 1974; Е1-57/1961 и 1966; Е1-60/1981 и 1983). Причисление ряда выпусков к сериям эпохи бронзы, же-

Фрагмент конверта картотеки ИИМК. Петуховка, 1950 г.

лезного века, античности, средневековья — противоречиво или даже ошибочно (например, Г1-9/1990 вместо Е1-9, согласно списку 1957 г.).

Судя по тематике, представленной опубликованными выпусками САИ, проект во многом отражал научные интересы его инициатора (серии Е1 и Д1, составляющие в сумме почти половину всех изданных выпусков). Наиболее представительный блок САИ связан с древнерусской проблематикой. Ее открывал составленный Б.А. Рыбаковым корпус русских датированных надписей XI–XIV вв. (Е1-44/1964), дополненный позднее Т.В. Николаевой по XV – первой четверти XVI в. (Е1-49/1971).

К наиболее знаменитым и широко востребованным принадлежит блок сводов А.Н. Кирпичникова по древнерусскому оружию, снаряжению всадника и верхового коня (Е1-36/1966, 1966, 1971, 1973). К нему примыкает свод стрел и метавшего их оружия VIII–XIV вв., составленный А.Ф. Медведевым (Е1-36/1966), который, по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), держит первенство среди выпусков САИ и входит в число наиболее цитируемых публикаций ИА РАН и ИИМК РАН, наряду со сводами А.К. Амброза, Е.М. Алексеевой, А.Н. Кирпичникова.

Также особое место в древнерусской части САИ занимают своды деревянных изделий из Новгорода (Е1-55/1968, 1971). Специальными выпусками представлены некоторые группы местной и импортной керамики (Е1-38/1967; Е1-39/1968), мелкая пластика из камня (Е1-60/1983), импортные произведения западноевропейского художественного ремесла (Е1-57/1966), византийские монеты (Е4-4/1962), зооморфные украшения (Е1-60/1981). Новаторским для того времени было обращение к массовому позднесредневековому материалу (Е1-34/1971).

Свод П.А. Раппопорта составляют пару, всесторонне освещающую древнерусскую архитектуру в двух ее ипостасях — деревянное жилище

(Е1-32/1975), вместе с данными о более раннем славянском домостроительстве, и каменно-кирпичные постройки X–XIII вв. (Е1-47/1982). Погребальные памятники учтены по двум регионам, правда, связанным с двумя основными центрами зарождения древнерусской государственности (Е1-24/1966; Е1-8/1970).

Большое внимание уделено в САИ раннеславянскому миру, если понимать его как включающий древности соседних славянских народов и широкий территориально-хронологический спектр вещевого наследия. Черняховская культура отражена сводом могильников с исследованием погребальных обрядов (Д1-22/1983), удачно дополняя ряд публикаций в МИА. Собственно раннеславянские древности предгосударственного периода представлены в САИ только двумя выпусками (Е1-25/1973; Е1-8/1974). Это объяснимо тем, что в период расцвета САИ данная проблематика только выходила на необходимый для составления сводов уровень исследованности. К раннеславянской теме примыкает территориально-хронологически, а, по мнению ряда исследователей, и концептуально, свод памятников именьковской культуры (Д1-32/1967).

Свод А.К. Амброза по фибулам (Д1-30/1966) охватывает как привозные, так и местные изделия от Кавказа до лесной зоны Европейской России, от латенского времени до экскурсов в раннее средневековье. В нем были заложены основы русскоязычной терминологии и типологии фибул, базовых и спустя 50 лет после публикации. Эта работа получила международный резонанс и остается среди наиболее известных выпусков САИ.

К классике отечественного вещевого наследия относится и свод Г.Ф. Корзухиной по изделиям круга восточноевропейских выемчатых эмалей (Е1-43/1978). Хотя предложенная там хронология (исходя из нее том отнесен к серии «Е») и пересмотрена, типология и ряд наблюдений остаются до сих пор основополагающими. Следует сказать,

что это лишь вторая из трех частей, предваряющих фундаментальный свод и исследование по древнерусскимкладам (Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954). Лишь частично в САИ опубликован и свод по ремешковой гарнитуре В.Б. Ковалевской (Е1-2/1979), 2-я часть которого увидела свет гораздо позже в отдельной книге (Пушино, 2000), без поправок и дополнений, которые необходимы и для 1-й части.

Немногочисленны выпуски, посвященные древностям финно-угорских, балтских и тюркских народов в средневековье (Е1-59/1979, Г1-9/1990, Е1-19/1973, Е3-18/1983, Е4-2/1974).

Сравнительно систематичный скифо-сарматский блок САИ представлен сводами по нескольким локально-хронологическим группам (Д1-10/1963; Д1-9/1963; Д1-31/1965; Д1-4/1967; Д1-7/1991). Отдельно отражены оружие (Д1-4/1964), украшения (Д4-5/1978), предметы античного импорта (Д1-27/1966, 1970; Д1-27/1970 [2]). Сюда же относится и публикация первой специальной археологической коллекции в России (Д3-9/1962). Прочие культуры раннего железного века отражены лишь в отдельных выпусках (Д1-12/1962; Д1-14/1965; Д1-7/1981).

Античному миру в САИ посвящено несколько сводов по группам находок (Г1-20/1966; Г1-17/1969; Г1-11/1970, 1974, 1974). Следует выделить свод Е.М. Алексеевой о бусах (Г1-12/1975, 1978, 1982) — наиболее массовой и получившей широкое распространение категории античного импорта и поэтому востребованный многими специалистами по разным культурам.

Для бронзового века систематично изданы материалы фатьяновской и балановской археологических культур (В1-19/1963; В1-20/1964; В1-21/1976; В1-22/1987; В1-25/1976), другие представлены отрывочно, при этом андроновская, ямная и срубная культуры заявлены одиночными выпусками, требующими продолжения. Вещи

эпохи бронзы представлены и коллекцией из до-революционных раскопок Н.Е. Бранденбурга (В4-12/1974), другие части которой, относящиеся к скифскому миру и средневековью, также опубликованы в соответствующих сериях (Д1-33/1977, Е1-19/1973). Особняком стоит свод по кобьяковской культуре предскифского времени на Нижнем Дону (В1-11/1980). В серии «В» вышли пять выпусков свода В.И. Козенковой по кобанской культуре (В2-5/1977, 1982, 1989, 1995, 1998), принадлежащей в значительной мере уже к следующей эпохе. Кобанский ряд САИ стал возможен благодаря энтузиазму автора, и только в нем систематически представлены памятники Кавказа.

Палеолитических выпусков всего два (А4-3/1962; А1-5/1964). Сходна картина по неолиту — энеолиту. Четыре серийных выпуска посвящены энеолиту Туркмении (Б3-8/1962, 1963, 1965, 1969), с учетом еще одного (В4-9/1966) ими ограничилась среднеазиатская тематика. Свод по культуре линейно-ленточной керамики (Б1-11/1963) дополнял картину неолита материалами на западе СССР, а после середины 1960-х годов каменный век в САИ не был представлен вообще.

Единичными выпусками отражены Урал и Сибирь (В4-12/1964, 1971; Д3-08/1965; В3-2/1966; Е3-18/1983). Несколько выпусков посвящено ярким группам вещей этих регионов (Д3-9/1962; В3-12/1971; Д4-7/1980).

Некоторые промежуточные итоги за два десятилетия издания САИ подведены В.В. Седовым (Свод археологических источников // Вестник АН СССР. 1982. № 10. С. 136–142). К тому времени издано 77 выпусков, и серия была еще на подъеме. Автор обзора отмечал, что выпуски САИ делятся на два типа — посвященные отдельным археологическим культурам и монографии об определенных категориях вещей, а в выпусках третьего запланированного типа — археологических картах регионов — надобность отпала, поскольку была принята отдельная

программа издания «Свода памятников истории и культуры СССР» (В.В. Седов в то время как раз заведовал сектором археологических сводов). Таким образом, нынешнюю серию «Археологическая карта России» (АКР) в некотором смысле можно также считать наследием проекта САИ. Характеризуя основные выпуски двух типов, В.В. Седов отметил недостаточный охват ряда тем и территорий, но в целом констатировал, что по общему признанию (в том числе международному), это издание — грандиозная публикация археологических материалов, а впереди огромная работа по его продолжению и завершению. Однако до сворачивания серии оставалось всего два года.

В 1984 г., когда вышел том «Палеолит» в серии «Археология СССР», в предисловии Б.А. Рыбакова ко всему многотомнику говорилось, что издание САИ продолжится примерно до конца XX в. Оно по-прежнему характеризовалось как «важное и фундаментальное», но «громоздкое», а на первый план выводилась «Археология СССР», задача которой «очень близка к задаче САИ, но иной является степень подробности показа конкретного материала» (Палеолит СССР, 1984. С. 6, 7). Проект САИ как целое фактически был признан его основателем неподъемным, а издание отдельных выпусков с неясной общей перспективой — нецелесообразным. В 1984 и 1985 гг. новые выпуски не появлялись, а позднее, как бы по инерции, в разные годы вышло еще девять.

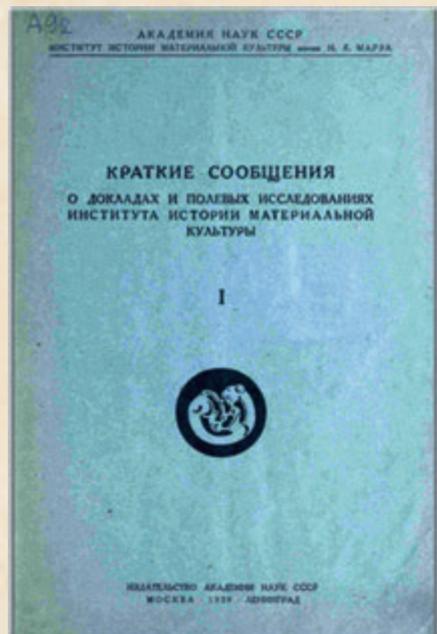
Подводя итог обзору, следует отметить, что грандиозная задача, поставленная перед САИ инициатором этой серии, — «публикация всего огромного фонда научных сокровищ по археологии и приведение его в строгую и стройную систему» (Рыбаков Б.А. О Корпусе..., 1957. С. 4) — не была выполнена. Огромные регионы и временные промежутки остались САИ неохваченными. Даже наиболее представительные скифский и древнерусский блоки нельзя назвать всеобъемлющими.

Декларация о том, что «организация работы по созданию свода должна быть делом всех советских археологов» (Рыбаков Б.А. Издание свода..., 1962. С. 52), осталась на словах. Львиная доля САИ была подготовлена в Институте археологии в Москве, полтора десятка выпусков — в Ленинградском отделении. Авторов из иных научных центров Москвы и Ленинграда можно пересчитать по пальцам одной руки, как и специалистов из других городов России, а также Украины. Археологи из остальных республик СССР к работе над САИ не привлекались.

Пожалуй, главной ошибкой в планировании этого проекта было понимание его как конечного — такого, который должен быть когда-то завершен, тем более в обозримом будущем.

Тем не менее САИ нельзя считать неудачей. Почти все выпуски серии, как и предполагалось, стали «изданием систематизированного, превращенного в полноценный исторический источник археологического материала» (Рыбаков Б.А. Издание свода..., 1962. С. 52). Многие выпуски (А.Ф. Медведева, А.К. Амброза, А.Н. Кирпичникова, Е.М. Алексеевой, И.Л. Кызласова, М.Г. Мошковой, В.В. Кропоткина, Л.А. Голубевой, С.А. Плетневой, В.Б. Ковалевской, В.В. Седова, А.И. Мелюковой, В.Г. Петренко, Р.Л. Розенфельда, Б.А. Колчина и др.) продолжают регулярно цитироваться. Некоторые выпуски переизданы за рубежом: нумизматические своды В.В. Кропоткина — на французском языке в Бельгии, Б.А. Колчина по новгородскому дереву — на английском в BAR International Series. Остаются востребованными не только конкретные материалы, но и накопленный в САИ опыт подготовки сводов, вещеведческие наработки, само отношение к источнику как основе научного знания.

Свод археологических источников (САИ) — образцовое для своего времени издание, задавшее новые стандарты археологических публикаций.

Обложка I выпуска КСИИМК.

Титульный лист I выпуска КСИИМК.

Краткие сообщения Института археологии (журнал)

Л.И. Авилова

Серийное издание «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА) начало выходить в 1939 г. Его первоначальное название — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры» (КСИИМК). Для издания всегда была характерна тесная связь с развитием научной деятельности института и изменениями в его структуре и руководстве. Журнал был задуман как информационное издание, его основная задача состояла в том, чтобы знакомить читателей с текущей работой ИИМК. Содержание издания составляли публикации, посвященные изложению научных докладов, зачитанных на пленарных заседаниях института, отчеты о заседаниях секторов с кратким изложением прочитанных докладов, научные статьи и заметки, аннотации выполненных плановых заданий, предварительные отчеты о работе экспедиций, обзоры конференций, сведения о планируемых и законченных работах ИИМК. Именно такими были первые выпуски КСИИМК, вышедшие из печати в 1939 г. Первым ответственным редактором КСИИМК стал С.Н. Бибиков (I–X выпуски).

Небезынтересно привести некоторые статистические сведения по первым выпускам издания.

В 1939 г. в Издательстве АН СССР вышли два выпуска. Объем первого — всего 2,5 п.л., тираж 200 экз. Основное место в нем занимает обзор экспедиционной деятельности ИИМК. С первого выпуска на первой странице обложки издания помещается его неизменный логотип — изображение скифской бляхи в виде свернувшейся кольцом пантеры (из коллекции Эрмитажа). Как и все ведущие археологические издания, КСИИМК издавались в Ленинграде.

Во втором выпуске структура содержания журнала предстает вполне сложившейся. В нем опубликовано изложение докладов, зачитанных на сессии Отделения истории и философии АН СССР в виде заметок объемом 1–2 стр. Материал организован по хронологическому принципу. При прежнем объеме тираж составил 500 экз.

В 1940 г. происходит заметный рост журнала: вышло шесть выпусков, причем постоянно нарастает объем — от 4 п.л. (III выпуск) до 7,5 п.л. (VIII), тираж достигает 900 экз. В основе содержания — доклады ведущих специалистов по основным проблемам отечественной археологии на ученом совете и пленумах ИИМК, а также на сессиях Отделения истории и философии АН СССР, статьи и заметки, материалы информационного характера. Публикации отражают основные на-

правления довоенной отечественной археологии. Это проблема этногенеза восточных славян (П.Н. Третьяков), культуры эпохи неолита и бронзы Западной Украины (Е.Ю. Кричевский), средневековая архитектура Руси (М.К. Каргер, Н.Н. Воронин), государство Урарту в Закавказье (Б.Б. Пиотровский). Неизменно присутствует информация о полевых исследованиях и конференциях.

В 1941 г. напечатано два выпуска КСИИМК — IX и X. Объем журнала достиг 9 п.л., тираж — 1000 экз.

Издание журнала было прервано в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. В 1943 г. руководство ИИМК было переведено в Москву, в Ленинграде осталось его Отделение (ЛЮ ИИМК). Первый послевоенный выпуск XI объемом 9 п.л. и тиражом 2000 экз. вышел в 1945 г. (его ответственным редактором стал М.И. Артамонов). Напечатанные в нем статьи были подготовлены в 1941 г. по материалам пленума института, проведенного в марте 1941 г. и посвященного итогам изучения древнерусских городов. Война задержала публикацию исследований, однако они не потеряли актуальности и даже приобрели новую значимость на фоне драматических событий современной истории.

В 1946 г. вышли два выпуска КСИИМК (XII и XIII). Первый из них был посвящен памяти сотрудников ИИМК, погибших во время Великой Отечественной войны, — П.А. Дмитриева, Н.П. Кривокурцева, А.П. Круглова, М.В. Талицкого, Н.А. Прокошева.

Начиная с XI выпуска постоянно действует редколлегия журнала. Его ответственным редактором стал академик Б.Д. Греков (в 1943–1947 гг. директор ИИМК), заместителем — Т.С. Пассек; в состав редколлегии вошли С.Н. Бибииков, С.В. Киселев, С.А. Тараканова, А.Л. Якобсон. Содержание послевоенных выпусков состоит из постоянных разделов: статьи и заметки, изложение докладов, полевые исследования, информация, хроника. Объем выпуска превысил 10 п.л., тираж достиг 4000 экз.

В 1947 г. деятельность журнала полностью возрождается. Опубликовано пять выпусков (XIV–XVIII). Ответственным редактором стал член-корреспондент АН СССР А.Д. Удадьцов (с 1947 по 1955 г. директор

ИИМК). Т.С. Пассек оставалась заместителем ответственного редактора вплоть до 1958 г. В состав редколлегии входили С.Н. Бибииков, С.В. Киселев, А.Л. Монгайт, С.А. Тараканова, с 1948 г. — А.В. Арциховский.

В 1948 г. также вышло пять выпусков (XIX–XXIII). В их хронологии имеется интересная деталь: вып. XXI помечен 1947 г., хотя реально напечатан в 1948 г. Дело в том, что он был подготовлен к 30-летней годовщине революции и озаглавлен «Советская археология к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Требовалась круглая дата, и она была проставлена на титульном листе.

В 1949 г. вышло шесть выпусков КСИИМК (XXIV–XXIX). В двух из них помещены доклады на сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленуме ИИМК, посвященных итогам полевых исследований ИИМК за юбилейный 1947 г.

В 1956 г. издано два выпуска КСИИМК (65 и 66). Редколлекцию по-прежнему возглавляет А.Д. Удадьцов, его заместителем остается Т.С. Пассек, состав редколлегии обновляется: в нее входят М.П. Грязнов, Л.А. Евтюхова, А.Ф. Медведев (отв. секретарь), Г.Б. Федоров.

В 50–60-е годы в положении и деятельности издания произошел ряд заметных перемен. К началу 1950-х годов статус головного учреждения в области археологии перешел к Московскому отделению ИИМК, в 1957 г. оно было переименовано в Институт археологии АН СССР. Вслед за этим в 1958 г. практически полностью меняется руководство издания (при этом старое название — КСИИМК — сохранялось до 1960 г.). Ответственным редактором становится Т.С. Пассек, ее заместителем — Н.Н. Гурина; члены редколлегии — Н.Н. Воронин, В.Ф. Гайдукевич, А.Ф. Медведев, Т.Г. Оболдуева (отв. секретарь), П.А. Раппопорт, Д.Б. Шелов, В.П. Шилов.

Из приведенных данных видно, что в 1939–1962 гг. регулярности выхода журнала не придавалось большого значения: в год могло выходить от двух до семи выпусков.

Шестидесятые годы XX в. принесли ряд перемен в деятельности издания. В 1960 г. (вып. 81) его название изменилось в связи с переименованием Института исто-

С.Н. Бибииков, первый ответственный редактор КСИИМК.

Т.С. Пассек, ответственный редактор КСИИМК – КСИА в 1958–1968 гг.

*В.В. Седов, главный редактор КСИА
в 2002–2004 гг.*

рии материальной культуры (ИИМК) в Институт археологии (ИА АН СССР). Соответственно журнал стал называться «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии», а с вып. 121 название было сокращено: «Краткие сообщения Института археологии» (КСИА). Под этим названием журнал издается до настоящего времени. Сохранились основные рубрики содержания: статьи и доклады, полевые исследования, мелкие заметки, хроника. Объем выпуска составлял 9–12 п.л., тираж — 1300–1400 экз.

Следует отметить, что формат издания 1960-х годов соответствовал запросам археологической общественности и отвечал интересам науки своего времени. Он сохранялся в течение почти двух десятилетий. С расширением археологических исследований в нашей стране, развитием института изменилась и концепция журнала. Характерной чертой КСИА стал тематический принцип формирования содержания. И раньше некоторые выпуски КСИИМК были тематически однородными. Так, содержание 75 выпуска (1959 г.), посвященного памяти М.Е. Фосс, составляли статьи по каменному веку, вып. 80 (1960 г.) полностью состоял из работ по истории и археологии Средней Азии, вып. 82 (1961 г.) по каменному веку был посвящен памяти С.Н. Замятнина. Но последовательно тематический принцип подбора материалов стал проводиться с 87 выпуска (1962 г.); теперь каждый сборник имел название: «Славяно-русские древности»; «Памятники первобытной культуры»; «Памятники раннего средневековья»; «Древние культуры Юга СССР»; «Исследование памятников каменного века»; «Исследование памятников эпохи энеолита и бронзы»; «Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья»; «Античные памятники Северного Причерноморья»; «Ранние кочевники»; «Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего Средневековья»; «Археологические исследования на новостройках» и т.д. Объем статей увеличился до 0,5 п.л., основные материалы были посвящены представлению итогов выполнения крупных проектов.

В 1960-е годы в редколлегии журнала работали такие видные специалисты, как Е.И. Крупнов, Н.Я. Мерперт,

Р.М. Мунчаев, К.Х. Кушнарера, П.А. Раппопорт. Объем одного выпуска составлял 8–11 п.л., тираж — 1200–1800 экз. Начиная с вып. 97 (1964 г.) КСИА стали выходить в издательстве «Наука».

До 1968 г. ответственным редактором КСИА была Т.С. Пассек. После нее с 1970 по 1993 г. этот пост занимала И.Т. Кругликова, отв. секретарем был Л.В. Кольцов, а с 1973 по 1993 г. — О.С. Гадзяцкая.

Трудности начала 90-х годов привели к перерыву в издании КСИА. Журнал был возобновлен в 2001 г. после 8-летнего перерыва выпуском 211 по инициативе директора Института археологии члена-корреспондента РАН Р.М. Мунчаева. Его главным редактором стал член-корреспондент РАН В.В. Седов (до 2004 г.). Структура содержания в целом осталась прежней и включала статьи, публикации, хронику. Объем публикаций был ограничен 0,5 п.л. Периодичность издания составляла два выпуска в год, объем — 10 п.л., тираж упал до 500 экз.

Тематический подход к формированию КСИА был в полной мере реализован при возобновлении издания в 2001 г. и поддерживается в настоящее время. Это характерная черта издания. Сегодня основа большинства выпусков формируется из материалов той или иной научной конференции, организованной в ИА РАН или с его участием. Такие статьи составляют до половины объема выпуска. Второй крупный блок публикуемых материалов представляет собой статьи, посвященные актуальной тематике, разрабатываемой сотрудниками ИА РАН и других научных учреждений, организованные по тематическому и хронологическому принципу. Среди публикаций обоих блоков значительная часть материалов — это научные разработки, связанные с подготовкой кандидатских и докторских диссертаций.

Очевидно, что в настоящее время нет оснований для кардинальной ревизии концепции издания. Тем не менее редколлегия считает целесообразным периодически готовить выпуски на несколько иной платформе, отдавая предпочтения кратким публикациям, которые дают читателю возможность составить достаточно

полное представление об основном содержании новейших проектов, выполняемых в Институте археологии РАН. В настоящее время журнал выходит четыре раза в год, допускается и публикация одного дополнительного выпуска (таковы вып. 236, 241, 245, 249).

Сегодня КСИА — общероссийский археологический научный журнал. Его цель можно сформулировать как введение в научный оборот результатов профессиональных исследований в области археологии, формирование современных концепций по проблемам археологической науки.

В соответствии с этим в задачи журнала входят публикация важнейших достижений полевых археологических исследований последнего времени, рассмотрение широкого круга проблем первобытной, классической и средневековой археологии (в том числе зарубежной), применения естественнонаучных методов в археологии. Редакция КСИА постоянно работает над повышением научного уровня публикуемых материалов, расширением хронологического и территориального охвата публикаций с целью предложить читателю новую предметную информацию о достижениях отечественной археологической науки, представляя их на широком фоне развития современных тенденций в области исторических исследований.

Следует отметить улучшение полиграфического оформления издания. Так, вместо цветных вклеек, помещаемых в конце тома, с вып. 242 издается полноцветная версия. В 2015 г. создан двуязычный сайт журнала ksia.iaran.ru, на котором размещена полная информация о КСИА: его концепция, цели и задачи, этические принципы, состав редколлегии и редсовета, а также архив (с первого выпуска 1939 г.). Основная информация размещена также на сайте ИА РАН www.archaeolog.ru в разделе «Издания».

С 2005 г. главный редактор КСИА — академик РАН Н.А. Макаров. Журнал выходит четыре раза в год, его общий годовой объем — 90–100 п.л. Начиная с 224 выпуска журнал выходит в издательстве «Языки славянской культуры». С выпуска 249, ч. II издается в ИА РАН.

В каждом выпуске КСИА публикуются Правила для авторов с подробной информацией о принципах формирования издания, оформлении текста статей и иллюстративного материала, процедуре рецензирования. Объем публикуемых материалов — до 0,8 п.л. Превышение объема допускается по решению редколлегии. КСИА — рецензируемое научное издание, форма экспертной оценки поступающих рукописей — рецензия с заполнением бланка (в электронной и печатной формах). Рецензирование анонимное, до 2017 г. одностороннее, в 2016 г. принято решение о двустороннем анонимном рецензировании. В качестве рецензентов привлекаются кандидаты и доктора наук, специалисты в различных областях археологии. Рецензент определяется на заседании редколлегии.

Журнал следует заявленным этическим принципам, в частности, рассматривает самодеятельное собирание древностей как деятельность, противоречащую Европейской конвенции об охране археологического наследия, законодательству РФ и научной этике. В соответствии с этим к публикации принимаются исключительно материалы, полученные в результате легальных археологических работ: на основании специального разрешения государственных органов (открытого листа) и хранящиеся в государственном музейном фонде.

Полнотекстовые версии выпусков размещаются в открытом доступе на сайте издания ksia.iaran.ru и на сайте ИА РАН www.archaeolog.ru, а также в научной электронной библиотеке <http://elibrary.ru>.

Деятельность журнала получила признание в научных кругах. С 2010 г. КСИА входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны публиковаться основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени. С 2015 г. КСИА входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и платформу российских научных изданий Web of Science, а с конца 2018 г. — в международную базу Scopus.

Российская археология (журнал)

Л.А. Беляев

«Мы хотели бы, чтобы журнал ... был не только научным органом, интересующим узкий круг ученых-специалистов, но и изданием интересным и нужным всем тем, кому близки и дороги достижения археологии и истории, — изданием, рассчитанным не только на археологов-профессионалов, но и на ученых, работающих в других областях науки, на преподавателей истории, краеведов, музейных работников и других представителей ... интеллигенции».

О задачах журнала «Советская археология» // СА. 1957. № 1. С. 6

«**Р**оссийская археология» — один из старейших журналов страны, связанных с изучением древностей. В 2017 г. он отметил свое 60-летие, но это условная дата: в 1957 г. началось только издание «квартальника» (выходившего один раз в квартал) «Советская археология», который около двух лет сосуществовал со своим предшественником, неперiodическим сборником-альманахом того же названия, первый том которого появился еще до Великой Отечественной войны, в 1936 г. (выходил до 1959 г., всего 30 томов, последний сдвоенный).

В редактировании сборника принимали участие ведущие археологи и специалисты середины XX в. по истории каменного века, Древнего мира и эпохи Средневековья (М.И. Артамонов, В.Д. Блаватский, А.Я. Брюсов, Н.Н. Воронин, М.М. Дьяконов, С.В. Киселев, А.Л. Монгайт, Т.С. Пассек, А.Ю. Якубовский). Среди создателей журнала — А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков, опиравшиеся на коллектив института (тогда — Института истории материальной культуры АН СССР), в который входили десятки выдающихся ученых.

Журнал создавался как центральный, его задачи мыслились как исключительно широкие, что было свойственно для строительства советской академической науки. Предполагалось, что он продолжит освещать работу

археологов в целом, где бы ее ни проводили — в союзной и национальных академиях, вузах, музеях, ведомственных институтах. Более того, редакционное обращение 1957 г. включило в область интересов журнала не только собственно археологию, но и ряд вспомогательных дисциплин (эпиграфика, нумизматика, сфрагистика); этнографию; естественнонаучные дисциплины (антропология, геология); ориенталистику и др. Предполагалось освещать и практические вопросы, такие как обучение археологии, ее популяризация и пропаганда, вопросы реставрации и музейного дела, охрана наследия. Правда, в реальной редакционной политике эти задачи всегда занимали скромное место, как и вопросы популяризации науки, но они остаются актуальными и сегодня. (Первым годам работы квартальника посвящена специальная статья: Мунчаев Р.М. Создание журнала «Советская археология»: первые его годы // РА. 2007. № 1.)

Журнал сохранял и функции ведущего фундаментального научного издания, оставаясь единственным общеполитическим изданием страны второй половины XX в. Он миновал, без существенных потерь и без хронологического разрыва, переходную эпоху от СССР к возрождению России, став, без преувеличения, уникальным компендиумом, своего рода энциклопедией археоло-

Памятная медаль в честь юбилея журнала, отчеканенная на Государственном монетном дворе.

логии Северо-Востока евразийского континента, способной заменить целую библиотеку. В его развитии можно выделить несколько периодов: время до возникновения квартальника (1936–1957), эпоха расцвета «Советской археологии» (1957–1992), поиск новых форм («Российская археология» с 1992 до юбилейного 2007 г.) и последнее десятилетие, когда перед журналом встали совершенно новые задачи и изменилось его форматирование.

В период «Советской археологии» журнал выполнял функции своего рода высшей школы, которую должны были пройти все. И сотрудники редакции (первые два десятилетия (1957–1978) главным редактором оставался А.В. Арциховский, в 1978 г. его сменил Б.А. Рыбаков, позже (1988–1995) С.А. Плетнева, затем В.И. Гуляев (1996–2001); ответственным секретарем в 1960–1964 гг. был член-корреспондент РАН Р.М. Мунчаев, сейчас возглавляющий редакционный совет), и члены редколлегии (среди них выдающиеся ученые В.П. Алексеев, О.Н. Бадер, М.К. Каргер, В.В. Кропоткин, Е.И. Крупнов, В.М. Массон, А.П. Окладников, Б.Б. Пиотровский, В.В. Седов, А.П. Смирнов). И, конечно, молодые тогда авторы, позже ставшие профессорами и академиками (Т.И. Алексеева, М.Г. Бонгард-Левин, А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Л. Янин и др.).

Это не случайно: работа в журнале предполагала особо четкое выполнение сотрудниками обязанностей, а личные и письменные контакты с сотнями коллег расширяли научный кругозор, позволяли оперативно знакомиться с последними достижениями коллег — ведь на страницах журнала были представлены все выдающиеся открытия (новгородские берестяные грамоты и Аржан I, античные памятники Причерноморья и открытия экспедиций в Болгарии, Египте, Йемене, Ираке, Сирии), а также новые направления и идеи. Так, в 1950-х годах журнал помог проложить дорогу в археологию естественным и точным наукам; в 1950–1960-х здесь развернулась работа по исследованию древнерусского города как явления, частично возродились церковная археология и иконография; в 1970-х журнал искал путей для обобщения и своевременного ввода в науку новых дан-

ных, связанных с активизировавшимися спасательными исследованиями. В сложные 1980–1990-е годы журнал приложил много усилий к сохранению у стран Содружества хотя бы части научных связей вопреки внезапному распаду единого культурного пространства.

Вступая в третий период, журнал вынужден был сменить название (начиная со второго номера 1992 г. он получил сегодняшнюю версию имени), но сохранил и научно-организационную традицию, и отчасти роль ведущего археологического периодического печатного органа. Но много было и нового. В 1980–1990-х годах журнал прошел переоснащение новыми видами электронного оборудования и к 2000-м перешел на компьютерный способ приемки статей (этот процесс обеспечил в основном Институт археологии РАН). Кроме того, неоднократно менялись внешний вид и полиграфия журнала, на рубеже столетий серьезно изменили формат и объем номера, но его символ, височное кольцо вятичского типа, по-прежнему украшает обложку.

Переходный период завершился к середине 2000-х годов. Он был отмечен юбилеем, который стал заметным

Участники круглого стола «Проблемы развития археологической периодики». ИА РАН, 1 июня 2017 г.

Слева направо (стоят): С.Н. Корневский, В.Ю. Коваль, А.А. Масленников, Б.Е. Янишевский, С.Б. Григорян, О.В. Зеленцова, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, Т.С. Волкова, Д.С. Коробов; сидят: М.Б. Медникова, К.Н. Гаврилов, А.В. Энгватова, Н.В. Лопатин, С.В. Кузьминых, Л.И. Авилова.

Редакция журнала в год 50-летия, 2007 г. Ю.Б. Цетлин (зам. глав. ред.), Г.Г. Король, В.Е. Родинкова, Д.С. Коробов (отв. секретарь), С.Б. Григорян, Л.А. Беляев (глав. ред.), О.Н. Аксенова, Т. Боричева (переводчик), сидит Т.С. Волкова (зав. редакцией).

событием: прошла международная научная конференция; монетный двор отчеканил памятную медаль; четыре юбилейных номера вышли в юбилейном оформлении и содержали материалы по истории журнала и его роли в развитии отечественной археологии (см. Беляев Л.А., Макаров Н.А., Мунчаев Р.М. Нам 50, или от «Советской археологии» — к «Российской археологии» // РА. 2007. № 1; полный перевод: Beliaev L.A. Makarov N.A., Munchaev R.M. We are Fifty, or from Soviet Archaeology to Archaeologia of Russia // Anthropology and Archaeology of Eurasia. A Journal of Translations. Vol. 46, no. 4, Spring 2008. (Fifty Years of Archaeology in Eurasia. Part I). Armonk, N. Y.).

Следующее десятилетие оказалось не менее насыщенным событиями. Прежде всего потребовалось продолжить реформирование журнала, чтобы он точнее отвечал нормам рецензируемого издания (в понимании международных рейтинговых агентств). Еще в 1995 г. в журнале был создан редакционный совет, расширивший связи с регионами благодаря включению в него авторитетных специалистов в разных областях археологии. С 2016 г. его состав был существенно обновлен, в него вошли известные зарубежные ученые из Германии, Израиля, Польши, США, Украины и Франции. Необходимые обновления прошли и в составе редколлегии.

Серьезно трансформировалось информационное обрамление статей: была введена рубрика ключевых слов и усилен англоязычный аппарат (переводы резюме и ключевых слов, заголовков подрисуночных подписей; перевод и транслитерация списков литературы). Огромный сдвиг произошел и в презентации журнала в сети Интернет: была создана собственная электронная страница с колонкой главного редактора, с презентацией гото-

вящихся и опубликованным архивом ранее вышедших номеров (причем не выборочно, а с полностью доступным для пользователя контентом), начиная с первого тома альманаха и журнала с момента его основания. Эти необходимые перемены позволили журналу с 2017 г. войти в базу данных Scopus и заявить о готовности быть включенным в базу Web of Sciences и других рейтинговых международных агентств.

Журнал на протяжении последних десятилетий стремится стать как можно более инструментальным, сохранив при этом изначально заложенный принцип научной фундаментальности, играя ключевую роль в разработке научной и организационной проблематики археологии всей страны. Организационно-публикационной формой для этого служат круглые столы, разделы дискуссий и хроники, а в последние годы все чаще «передовицы», такие как: «Россия как археологическое пространство...» (Макаров Н.А. и др. 2016. № 4); «Археология в современной России: перспективы и задачи» (Макаров Н.А. и др. 2015. № 2), «Журнал и охрана археологического наследия» (Макаров Н.А. и др. 2013. № 4).

В рамках выполнения главных задач «Российская археология» активно борется за сохранение культурного наследия страны. Уже в начале 2000-х годов журнал (по инициативе Н.А. Макарова) четко определил свое место в этом движении (круглый стол «Незаконные раскопки и археологическое наследие России» в № 4/2002) и с этого времени регулярно публикует хронику, методические разработки, нормативные материалы и дискуссии, формирующие позицию экспертного сообщества и помогающие корректировать законодательство в части охраны объектов археологии

(см., например: Макаров Н.А. «Круглый стол “Сохранение археологического наследия России” в Совете Федерации Федерального Собрания РФ» в № 1/2005). Параллельно журнал поддержал дискуссию по вопросам этики в археологии, предложенную В.А. Кореняко, усилиями которого был сформирован обширный блок материалов в № 4/2013 (переводы зарубежных кодексов этики археологов, анализ проблемы), позднее обсужденных на IV (XX) Всероссийском Археологическом съезде в Казани (см. хронику в № 2/2016).

Жесткая позиция неприятия любого рода браконьерства в области культурного наследия проводится и в редакционной практике журнала — редколлегия строго отсеивает любые материалы, не являющиеся результатом легальных полевых исследований. В равной степени активна, непримирима позиция «Российской археологии» в отношении фальсификации прошлого, как на уровне прямых подделок, так и недобросовестных интерпретаций материала; о ней заявлено на круглом столе «Археология и большой нарратив русской истории: проблемы борьбы с фальсификацией прошлого», проведенном совместно с Общественной палатой (см. хронику в № 2/2012). Приведем и другой важный в методологическом отношении пример — рассмотрение проблем этничности в археологии (см. материалы Л.Т. Яблонского в № 3 и 4 за 2014 г.).

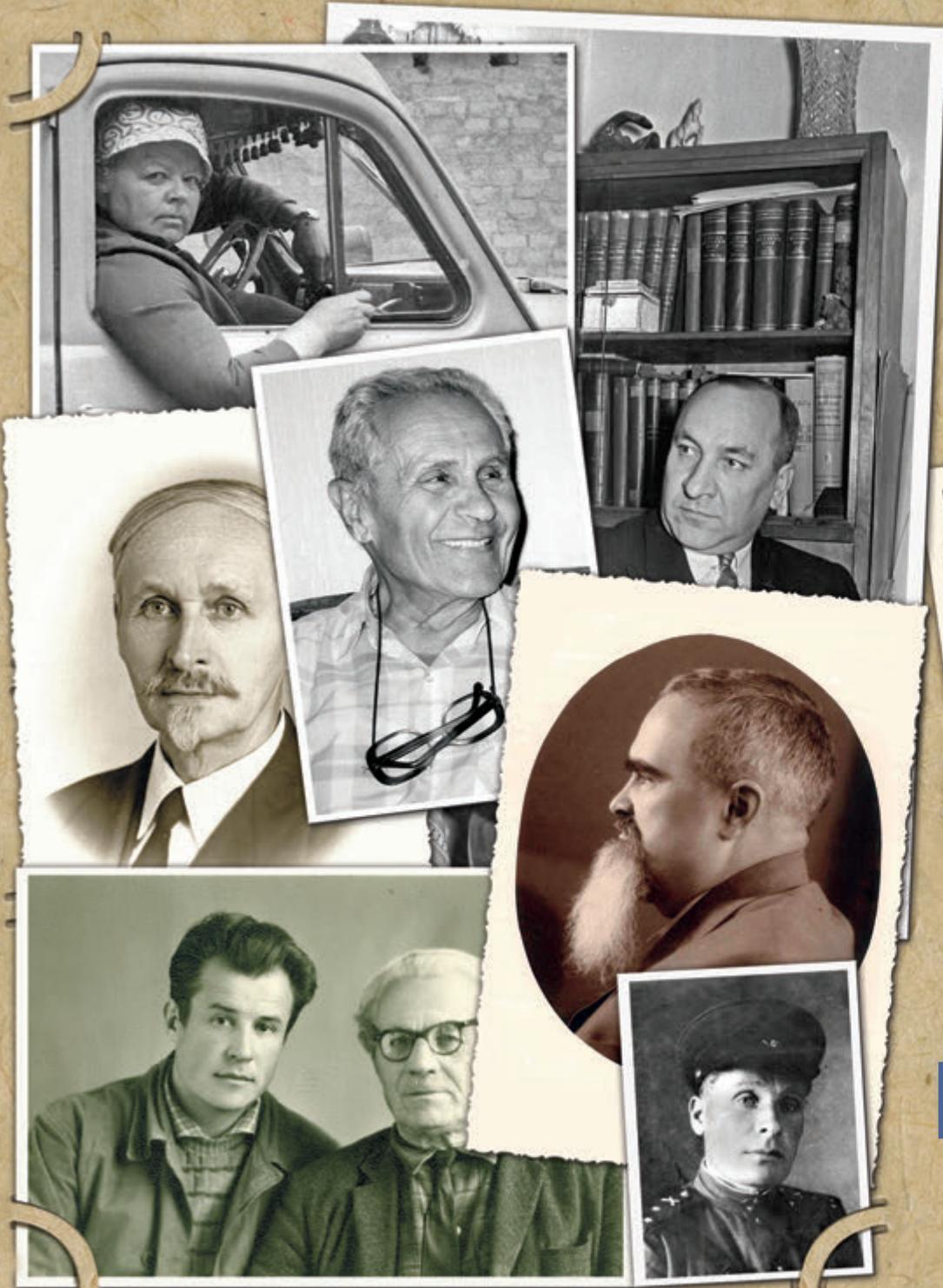
Ясно, что дискуссии в «Российской археологии» не только помогают организации научного сообщества в сфере практической борьбы за свой информационный базис. Они своевременно фиксируют и активно способствуют выявлению, окончательному формированию трендов в науке. Так, начатая в 2004 г. дискуссия о необходимости искать подходы к археологическим исследованиям раннего Нового времени (см. материалы круглого стола «Археология позднего периода истории» в № 1/2005) вскоре дала результаты как в области законодательного определения нового, столетнего, рубежа для археологических объектов, так и в признании нового раздела — исторической археологии, или, применительно к России, археологии Московского пери-

ода и Российской империи. Журнал фиксирует фундаментальные достижения и помогает развивать успех в такой, приобретающей жизненно важное значение для археологии, области, которая долгое время считалась вспомогательной (чуть ли не техническим подспорьем) для «настоящей науки» — области превентивных работ (см. Энгватова А.В. «Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН». 2012. № 4).

Вполне оправданным приемом для развития современной научной проблематики остаются введенные в 1990-х годах тематические «презентационные» разделы. Их готовят научные группы по поводу юбилейных дат, и подчас из них образуются целые номера (№ 4/2015 состоял из разделов по древнейшей изобразительной и символической деятельности; археологии Новгорода Великого; Древней Руси в целом). Тематические подразделы оказываются полезны и в других случаях, особенно при введении в оборот новых по типу материалов (разделы по исследованиям Казани в № 1/2011 и Нового Иерусалима в № 1/2013). Но основа формирования номеров остается прежней, они строятся как альманахи и стремятся охватить традиционные хронологические разделы, используя все принятые формы публикаций.

«Российская археология» отражает итоги важнейших, ключевых работ по всей стране, таких как открытие древнерусского Суздальского Ополя, обширные проекты «Причерноморье» и «Приазовье» (в Крыму, на Кавказе), в Пскове и Великом Новгороде, в средневековых столицах Поволжья и на курганах Оренбуржья. Наряду с этим демонстрируются успешные «вторжения» в археологическое пространство древнейших цивилизаций Центральной Азии (Гонур) и Сиро-Палестинского региона (Телль Хазна, Иерихон). Время от времени в журнале публикуются переводные статьи или совместные работы российских и зарубежных авторов, хотя доля такого материала остается пока небольшой.

ПЕРСОНАЛИИ

В.П. Алексеев и археолог А.Н. Липский. Абакан, 1967 г.

В.П. Алексеев (1929–1991)

М.В. Добровольская

В экспедиции на Чукотке, середина 1970-х годов.

Валерий Павлович Алексеев запечатлен в документальной истории Института археологии как директор в период с 1988 по 1991 г. Жизнь этого большого ученого (ему было отпущено 62 года) оставила яркий след в разных науках — антропологии, археологии, этнографии. У многих коллег этот жизненный путь вызывал ассоциации с судьбами личностей эпохи Возрождения, так как многогранность его интересов, созидательная активность и энергия, отразившиеся в его научных трудах, были не сторонами его профессиональной деятельности, а проявлением его индивидуальности, как манера говорить или закуривать трубку. Вряд ли кому-нибудь, кто знал Валерия Павловича, может прийти в голову писать о «его профессиональной деятельности», потому что он просто жил в науке. Она была его домом и его ойкуменой.

Валерий Павлович Алексеев родился 22 августа 1929 г. в Москве. Его отрочество и юность совпали с испытаниями войны, но молодость пришлось на послевоенные годы, а начало активной профессиональной работы — на постсталинскую оттепель. Возможно, поэтому тоже ему так был присущ оптимизм молодого человека, вне зависимости от тех рубежей паспортного возраста, которые он проходил. Валерий Павлович относится к

ученым с уникальным образованием, которое в полной мере отразило стремительную смену интересов формирующейся личности. Судите сами: начинать студенчество в Сельскохозяйственной академии, продолжить и закончить на Дальневосточном факультете Московского института востоковедения (специализация — уйгурские языки), завершить высшее образование в аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Только набор этих фактов свидетельствует об индивидуальном стиле его мышления, совмещавшем естественнонаучные и гуманитарные подходы в изучении любого крупного феномена истории.

Не будет упрощением отметить, что Валерия Павловича всегда «притягивали» только масштабные научные задачи. Так, его интересовали вопросы происхождения и истории народов Европы, Кавказа, Южной Сибири. Он обращался к ключевым вопросам антропогенеза и расогенеза, развивал новые методологические основы в археологии, связанные с возможностями палеоэкологии.

У Валерия Павловича было правило исследования, которое он формулировал по-латински коротко: «работать — писать — публиковать». Недоделанность в любом компоненте этого «РПП» означала, что исследование не выполнено. Только опубликованный результат,

по мнению Валерия Павловича, и был той конечной научной «продукцией», которая начинает жить своей самостоятельной жизнью вне автора. Все, кто писал о Валерии Павловиче, отмечали его удивительную способность писать в практически любых условиях. Иногда создавалось впечатление, что процесс написания научного текста — это особая форма существования, воплотившаяся в этом человеке. Вероятно, самый знаменитый сюжет, неоднократно упоминавшийся его близким коллегой и другом С.А. Арутюновым и ставший практически легендарным, рассказывает о том, как Валерий Павлович углубился в написание очередного текста в то время, когда баркас с тяжелым экспедиционным оборудованием и встревоженными коллегами и самим Алексеевым пробивался по штормовому Берингову морю. На предположение о том, что сейчас, возможно, не самое подходящее время для такого занятия, Валерий Павлович ответил, что, напротив, это помогает не реагировать на качку и отвлечься от тревожных мыслей.

Алексеев преимущественно работал один. Это не значит, что у него нет работ, выполненных в сотрудничестве с коллегами. Таких много. Однако все яркие достижения этого ученого в фундаментальной науке — результат именно его авторских работ, так как он не был ученым-руководителем, представлявшим большой коллектив, а был исследователем, высказывавшимся от своего имени. Напомню, что больше 30 лет его профессиональной жизни были связаны с Институтом этнографии АН СССР, где он работал научным сотрудником (1955–1988).

Об академике Алексееве, его научных концепциях написано множество статей, мемориальных текстов, справочных материалов. Приступая к этой статье о Валерии Павлови-

че, хотелось передать ту радость, которую он получал от своей работы. У многих могло сложиться впечатление, что он баловень судьбы (в 38 — уже доктор исторических наук, что большая редкость для таких наук, как антропология, где масштаб научной проблемы всегда связан с объемом работ, эрудицией, способностью генерировать концептуальные идеи, в 52 — член-корреспондент АН СССР, в 58 — академик АН СССР). Однако только те, кто был лично знаком с В.П. Алексеевым, понимали, что это закономерный результат практически безостановочной, энергичной и творческой работы.

Известна фраза о том, что самая большая роскошь в нашей жизни — это роскошь человеческого общения. В полной мере это относилось к В.П. Так, дружеские научные дискуссии с А.П. Деревянко, С.А. Арутюновым, Г.М. Бонгардом-Левиным, Р.М. Мунчаевым, пересыпанные воспоминаниями об общих экспедициях, путешествиях, с подколками, спорами и возможностью доказывать свою точку зрения, превращались в яркие поединки, оружием в которых были огромная эрудиция, остроумие, чувство юмора и великое уважение к коллеге.

Еще одна черта, которая присуща только большим ученым, — коллегиальное отношение к любому достойному исследованию, будь оно сделано молодым, неопытным, но ярким исследователем, или ученым с мировым именем. Поэтому все те, кто числит себя в рядах учеников Валерия Павловича, вспоминают о нем с глубокой признательностью за истинный интерес, который вспыхивал в глазах В.П. по поводу даже любого значимого научного факта или остроумной гипотезы, равно как и за насмешливую критику ошибок и непримиримое отторжение любых проявлений лени.

Но, безусловно, первое, о чем следует писать, вспоминая ученого, — результаты его

Советско-индийская антропологическая экспедиция. В.П. Алексеев, М.Г. Абдушелишвили, О. Исмагулов (в клетчатой рубашке), внизу сидит С.А. Арутюнов, справа — И.М. Семашко, 1974 г.

Полевой сезон антропологов на Алтае. В.П. Алексеев (стоит справа), А.Г. Козинцев (стоит слева), Г.Л. Хить (стоит слева), В.П. Богданова (сидит вторая слева), 1969 г.

В.П. Алексеев (слева) с А.П. Окладниковым (в центре) и его референтом А.К. Конопацким (XII международный конгресс имени А. Хрдлички), Чехословакия, 1979 г.

В.П. Алексеев (второй справа) с коллегами. Слева – С.А. Арутюнов и В. Лафлин (США), 1977 г.

научного творчества. Вот некоторые из них (наверняка у каждого, кто работал с В.П., есть свой собственный список его основных научных достижений, и в этом тоже проявляется его уникальность):

1. Формирование базовых сводок данных и концепций антропогенеза, выделение нового вида в среде ранних африканских *Homo* (Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978). Вид *Homo rudolfensis* был выделен В.П. Алексеевым. Этот таксон был признан мировым сообществом и стал поводом для активизации изучения проблем таксономии ранних *Homo*. Активность этих дискуссий не утихает и в последние годы, так как выделение этого вида было не только решением таксономической задачи, но и значительным шагом в сторону понимания механизмов инициального расселения человеческого рода.

2. Выделение первичных очагов расообразования (западного и восточного). Важно отметить, что сегодня, с позиций достижений современной палеогенетики, на базе знаний о многократных эпизодах гибридизации на протяжении существования людей в раннем, среднем и верхнем палеолите, несложно воспринимать концепции, связанные с полицентристскими представлениями о дальнейшей дифференциации человечества. У Валерия Павловича не было этих возможностей, но он, тем не менее, был сторонником концепции полиморфного вида.

3. Концепция очагов и модусов расообразования наиболее четко объясняет историческую (а не вневременную!) суть процессов расообразования, что отстаивалось еще В.В. Бунаком, позволяет с единых методологических оснований изучать дифференциацию человечества в ранние эпохи своего

становления и затем в историческое время. В книге «Становление человечества» (М., 1984) автор рассматривает период от появления первых людей до неолитической революции. Это в полной мере отражает представление В.П. Алексеева о биосоциальной природе человека и невозможности рассматривать становление человечества без процесса создания базовой антропогенной среды.

4. Концепция антропогеоценоза (Экология человека: предмет, границы, структура, функции // Предмет экологии человека. Ч. 1. М., 1991. С. 142–192) как системы, в которой происходят реальные события, значимые для дифференциации человечества. С этим направлением связаны исследования в области экологии человека, где прочитываются столь явные «мостики» с концепциями В.И. Вернадского и Н.И. Вавилова.

Хотелось бы остановиться на этом подробно. И здесь не обойтись без рассказа о личной жизни Валерия Павловича. Выше не зря отмечено, что наука была сферой его жизни. Его жена — любимая, спутница жизни, коллега — Т.И. Алексеева разделяла с ним этот образ жизни. Пути их творчества часто встречались: так было при работе над проблемами этногенеза народов Восточной Европы, так оказалось и в области палеоэкологических исследований. Последние годы жизни Валерий Павлович работал в направлении создания разветвленной палеоэкологической лаборатории Института археологии, в которой, по его замыслу, должны были присутствовать специалисты археозоологи, -ботаники, -антропологи, генетики, палеогеографы, геологи и пр. Именно в этих планах в полной мере реализовывалось междисциплинарное мышление ученого. Для осуществления задуманного Валерий Павлович в 1990 г. принимает на работу и в аспирантуру

молодых ученых, занимающихся палеоэкологической проблематикой.

Внезапный его уход из жизни изменил, но не отменил развитие этого научного направления в институте (о дальнейшем его развитии можно прочитать в статье, посвященной творчеству академика Т.И. Алексеевой). Сегодня не будет преувеличением заметить, что палеоэкологический компонент в той или иной форме — неременная составляющая практически любого современного археологического исследования. И это лишний раз подчеркивает дальновидность научных планов, которые строил Валерий Павлович.

Вероятно, у каждого исследователя есть свои «гуру» в мировой науке. У Валерия Павловича это были В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов. Тот и другой не работали над развитием науки, но видели проявления закономерностей мироздания и находили подходящие научные возможности их изучения. Именно такой взгляд был ему близок. В 2005 г. Историко-филологическое отделение РАН приняло решение об утверждении Премии им. академика В.П. Алексеева за достижения в междисциплинарных исследованиях в области археологии, антропологии, этнологии.

Понимая огромную общественную значимость современной археологии, Валерий Павлович в последние годы своей жизни задался целью создания музея. Эта идея большого археологического музея России была последним и неосуществленным его проектом. Растущий общественный интерес, который получает в последние годы археология в нашей стране, в очередной раз свидетельствует о том, что замыслы академика В.П. Алексеева, которые казались фантастичными в 1991 г., сегодня, спустя почти 30 лет, становятся актуальным проектом.

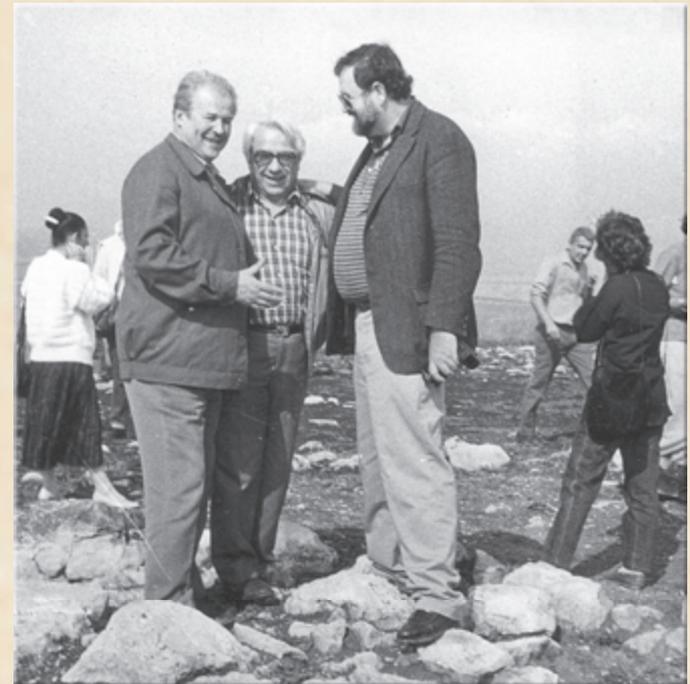
Т.И. и В.П. Алексеевы дома (ул. Профсоюзная, 43) с питомцами Лушей и Кузей, 1990 г.

В конюшне с Эмиром, спасенным Алексеевыми, середина 1980-х годов.

В.П. Алексеев (в центре) с белорусскими коллегами-антропологами, начало 1980-х (?) годов.

В.П. Алексеев, Р.М. Мунчаев, Г. Поссел (США) на раскопках в Грузии (близ Тбилиси), советско-американский археологический симпозиум, 1988 г.

В кабинете Музейного Совета РАН (ИА РАН), 2006 г.

В антропологической экспедиции, 1980-е годы.

Т.И. Алексеева (1928–2007)

М.Б. Медникова

Научные интересы Татьяны Ивановны Алексеевой поражают разнообразием и масштабом проблем, к которым она обращалась: этническая антропология народов Восточной Европы, адаптация человека к различным экологическим нишам Земли, палеоэкологические реконструкции, вопросы организации музейного хранения. Каждое из этих направлений могло составить дело жизни не только отдельно взятого человека, а коллектива целого института, но Т.И. одна успевала все.

При этом с 1948 по 1990 г. Татьяна Ивановна руководила 40 экспедициями (северо-запад Восточной Европы, Восточно-Европейская равнина, Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Средняя Азия, Северо-Восточная Азия, Алтае-Саянское нагорье, Монголия). Отдельной строкой в этом перечне выделяется не имеющая аналогов в мировой практике Русская экспедиция, которую в полевых условиях возглавила совсем юная Татьяна Ивановна под научным руководством выдающегося отечественного антрополога В.В. Бунака. Объездив за несколько лет всю европейскую часть страны, сотрудники экспедиции обследовали свыше 17 тыс. человек. Здесь впервые проявился организаторский талант Т.И., ее способность создавать творческий, активно работающий коллектив.

В эти годы в фокусе внимания Т.И. Алексеевой, впрочем, как и большинства советских антропологов, находились этническая антропология и расоведение. От исследований современного населения Т.И. закономерно перешла к краниологическому изучению древнерусского населения XI–XIV вв. Широким сравнительным фоном служили средневековые славянские, германские и балтские группы. В 1969 г. была защищена докторская диссертация «Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения». Работа вызвала большой интерес у академика Б.А. Рыбакова, с которым у Т.И. с тех пор сложились теплые отношения. Позднее монография Т.И. Алексеевой «Этногенез восточных славян» (М., 1973) стала самой полной сводкой краниологических данных по южным, западным и восточным славянам. В ней были отвергнуты идеи господствовавшего до этого в советской антропологии автохтонизма, показана роль миграционных процессов.

Казалось бы, масштабная тема этногенеза восточных славян далеко не исчерпана, но параллельно с ней в 1960-е годы Т.И. Алексеева резко меняет тематику исследований, создавая экологическое направление в советской антропологии. В итоге она приходит к

созданию универсальной концепции адаптивных типов как нормы биологической реакции на условия окружающей среды. Во многом под впечатлением этих исследований в отечественной науке в 90-е годы возникло новое биоархеологическое направление, где антропологические источники исследуются с применением методов экологии. Оно позволило расширить интерпретационную базу междисциплинарных исследований в археологии в решении вопросов адаптации населения к факторам среды и перейти к реконструкции особенностей образа жизни древнего населения.

Нельзя говорить о жизни Татьяны Ивановны в науке без упоминания об ее семье. Отец — Иван Георгиевич Шарабрин — был долгие годы профессором Ветеринарной академии. Мать — Варвара Константиновна — фармаколог и микробиолог. Наверное, из детства происходит всем известная любовь Татьяны Ивановны к животным, стремление им помочь и вылечить самых несчастных.

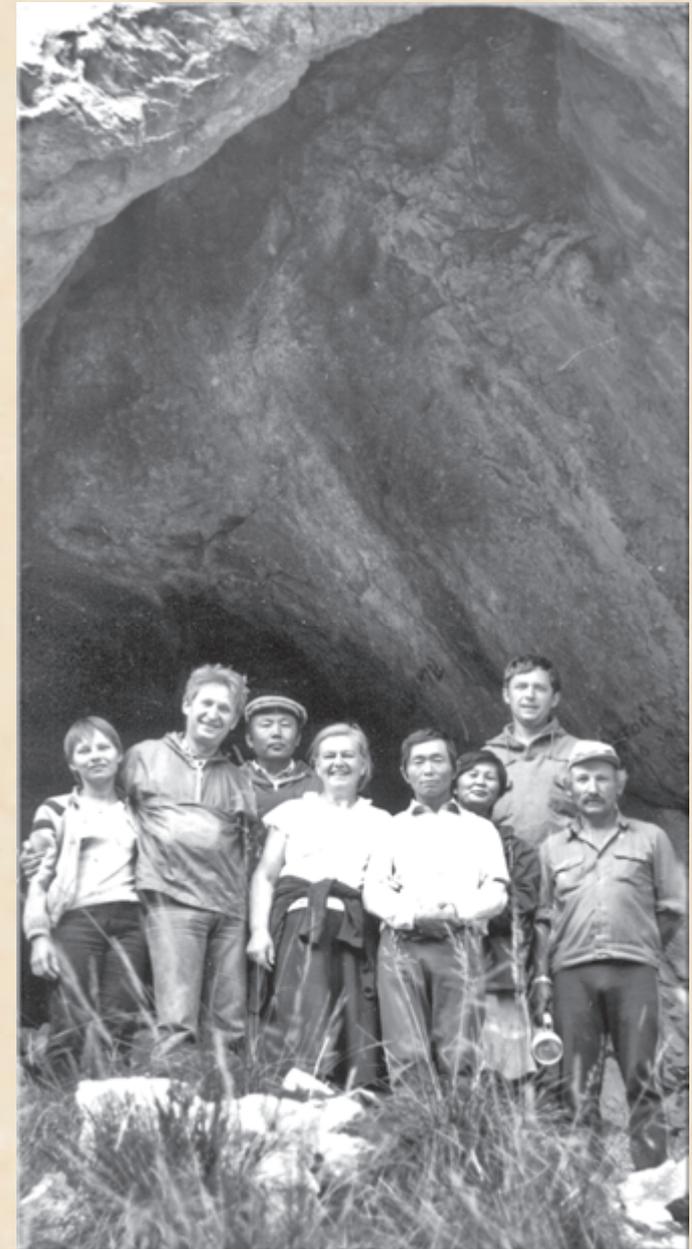
В 1951 г. Татьяна Ивановна вышла замуж за Валерия Павловича Алексеева, тогда студента-востоковеда, ставшего впоследствии крупнейшим отечественным антропологом, академиком АН СССР и директором Института археологии (1988–1991). Не будет преувеличением сказать, что как минимум 50 лет в развитии российской гуманитарной науки были «Алексеевской эпохой». И рядом с исполинской фигурой Валерия Павловича, научное наследие которого до сих пор не оценено в полной мере и открывает все новые грани, была очень достойная спутница жизни.

Татьяна Ивановна была невероятно живым, обаятельным, отзывчивым и демокра-

тичным в общении человеком. Она — красавица (все поколения ее учеников гордились, что у них ТАКОЙ руководитель), прирожденный лидер, обладавшая поразительной интуицией, позволявшей ей, в частности, смело менять направления работы, и — радушная хозяйка большого, уютного, наполненного книгами дома. Многочисленные друзья В.П. и Т.И. Алексеевых, с которыми они были знакомы долгие годы, были выдающимися учеными, определившими лицо гуманитарной науки в России. А.П. Деревянко, Г.М. Бонгард-Левин, С.А. Арутюнов и Н.Л. Жуковская, Р.М. Мунчаев и другие, входившие в «ближний круг» Алексеевской семьи, создавали удивительную интеллектуальную атмосферу. Здесь царил энциклопедизм, обсуждались глобальные научные проблемы, очень частыми были шутки и даже розыгрыши.

После внезапной смерти Валерия Павловича в ноябре 1991 г. Татьяна Ивановна приложила огромные усилия, чтобы увековечить его память. А лучшим памятником академику В.П. Алексееву могло стать живое, динамичное развитие тех научных направлений в антропологии и археологии, которые он наметил в теоретических трудах конца 80-х годов.

В 1992 г. Татьяна Ивановна возглавила группу физической антропологии Института археологии РАН, основанную в 1990 г. В.П. Алексеевым для развития экологического направления в археологических и палеоантропологических исследованиях. В группу изначально входили ее ученицы к.б.н. В.Н. Федосова, М.В. Козловская (Добровольская), аспирантка М.Б. Медникова и аспирантка В.П. Алексеева А.П. Бужилова. На протяжении следующих 15 лет ИА РАН становится для Татьяны Ивановны вторым

Встреча в Монголии экспедиций из Москвы и Новосибирска. Слева: Т.А. Чикишева, А.П. Деревянко, в центре – Т.И. Алексеева, второй справа – В.А. Бацевич, конец 1980-х годов.

Т.И. Алексеева и Н.А. Макаров. Татьянин день – 25 января 2007 г.

Т.И. Алексеева с ученицами, группа физической антропологии ИА РАН. А.П. Бужилова (слева), М.Б. Медникова (справа), М.В. Добровольская (сзади), 2005 г.

домом. Она присутствует на всех заседаниях отдела теории и методики, принимает активное участие в жизни института.

Одновременно Т.И. Алексеева становится председателем Музейного Совета РАН, выполняя большую научно-организационную работу по обеспечению деятельности академических музеев и издавая музейный альманах. Т.И. с большим интересом относилась к идее создания Археологического музея, впрочем, понимала все связанные с этим трудности.

Татьяна Ивановна Алексеева — автор свыше 250 научных работ, в том числе 11 монографий. Кроме того, она подготовила к печати пять томов собрания научных трудов Валерия Павловича. С 1994 г. проводятся Международные Алексеевские чтения. При ее активном участии Институтом археологии РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом этнологии и антропологии РАН была учреждена премия им. В.П. Алексеева, присуждаемая Отделением историко-филологических наук РАН за выдающиеся междисциплинарные исследования в археологии. Начиная с 2010 г. премия носит имя академиков В.П. и Т.И. Алексеевых.

Т.И. и В.П. Алексеевы на прогулке, 1980-е годы.

Т.И. Алексеева при посещении Дербента (у входа в цитадель Нарын-Кала), Дагестан, 2006 г.

Т.И. и В.П. Алексеевы в экспедиции, Чукотка, 1970-е годы.

Конец 1920-х годов.

А.В. Арциховский (1902–1978)

П.Г. Гайдуков

Артеми́й Влади́мирович Арци́ховский — ученый и педагог, основатель Новгородской археологической экспедиции и кафедры археологии исторического факультета МГУ, первооткрыватель новгородских берестяных грамот, автор первых советских учебников по археологии, статей и книг по истории Руси и археологии средневекового Новгорода. Крупная и яркая личность, человек энциклопедического склада ума, феноменальной врожденной памяти и неповторимой индивидуальности. Он относится к поколению исследователей, которое «создало советскую археологию, и немалая роль в этом принадлежит А.В. Арциховскому» (Авдусин Д.А. Артеми́й Влади́мирович Арци́ховский (1902–1978) // *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. I: Отечественная история. М.: Иерусалим, 2000. С. 305).

При жизни государство и научное сообщество воздали А.В. Арциховскому по заслугам в полной мере, а посмертно деятельность ученого подробно охарактеризована в некрологах и статьях. В 1960 г. Артеми́й Влади́мирович избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1970 г. вместе с

рядом его сотрудников удостоен Государственной премии СССР. В честь А.В. Арциховского издано два сборника статей — к 60-летию и 70-летию (М., 1962, 1972). Биографические справки о нем помещены в энциклопедиях (БСЭ, 1950, 1970; МСЭ, 1953; СИЭ, 1961; Ежегодник БСЭ, 1961, 1971; Энциклопедический словарь, 1953, 1963), его жизни и творчеству посвящена книга в академической серии «Материалы к библиографии ученых СССР» (М., 1973). В связи с чествованием А.В. Арциховского по случаю его 70-летия в адрес исторического факультета МГУ поступило более 100 поздравительных телеграмм из многих учебных и научных центров Советского Союза.

Имя и труды А.В. Арциховского не забыты. К 80-, 85-, 90- и 100-летию со дня рождения исследователя были приурочены научные конференции, которые прошли на кафедре археологии исторического факультета МГУ, в Новгородском музее-заповеднике и ГИМ (1982, 1987, 1992 и 2002 гг.). К 100-летию юбилею в журналах «Российская археология» и «Вестник РАН» публиковались материалы о его жизни и творчестве. По инициа-

тиве С.О. Шмидта переиздана его книга «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (Томск; М., 2004).

«Артемию Владимировичу судьба предназначила стать одним из тех людей-мостов, которые, через пропасть нескольких десятилетий войн, революций и диктатур, соединили культуру и науку России конца XIX – начала XX в. с современностью, сделав нас, хотя бы отчасти, преемниками и наследниками традиций дореволюционного общества» (Беляев Л.А. *Путь ученого* // РА. 2002. № 4. С. 11).

У А.В. Арциховского на историческом факультете учились сотни людей, десятки из них стали археологами и причисляют себя к его ученикам. Но за прошедшие после его смерти десятилетия выросло поколение археологов, знающих это имя только по научным трудам. Сейчас особенно отчетливо видно, что для сохранения памяти об этой масштабной и яркой личности сделано явно недостаточно. Невелик список воспоминаний об Артемии Владимировиче его учеников и коллег. Не собрана и не опубликована его пере-

писка. До сих пор нет и подробной научной биографии ученого.

Автор относится к поколению студентов кафедры археологии исторического факультета МГУ середины 1970-х годов — поколению, которое познакомилось с А.В. Арциховским в последние годы его жизни. Ему было тогда немногим более 70 лет, но выглядел он дряхлым стариком. Помню его седым, с длинной белой бородой. Всегда одетый в костюм (темный — зимой, светлый — весной или осенью) и рубашку, верхние пуговицы которой часто были расстегнуты, он неуверенными шагами пробирался вдоль стены по длинному коридору на пятом этаже исторического факультета на кафедру археологии или в аудиторию, где должны были проходить его лекции и семинары. Он был очень мало похож на человека, запечатленного на фотографиях 25-летней давности, сделанных в годы его научного триумфа.

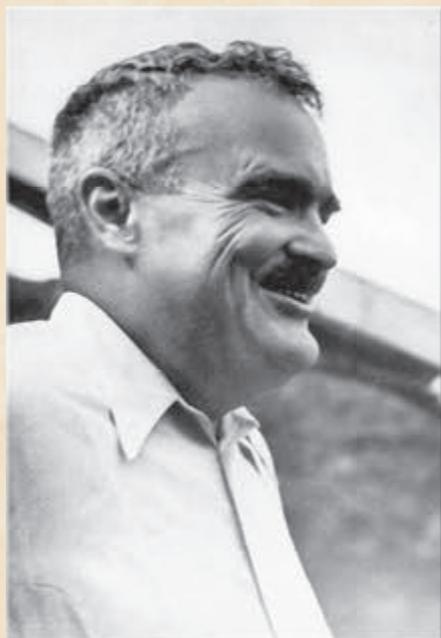
В 1974–1975 гг. Артемий Владимирович был на-

шим преподавателем — читал курс лекций по археологической историографии и вел источниковедческий семинар. Он доставал старые пожелтевшие листы с лекциями и, почти не глядя в них, по памяти, тихим голосом говорил про Ходаковского, Полякова и Городцова, про Дешелетта, Монтелиуса и Фиорелли. На семинарских занятиях было заметно, что наши первые археологические вещеведческие доклады про мечи и стремена, копья и стрелы были Артемию Владимировичу неинтересны. Он слышал их десятки раз. Молча, никогда не перебивая, сидел, опустив или прикрыв глаза. Лишь изредка, когда какая-то фраза или мысль оказывалась ему интересной, он поднимал голову и бросал на докладчика пронзительный любопытствующий взгляд из-под густых седых бровей.

Для нас он был человеком-легендой, о котором от студентов старших курсов и аспирантов мы слышали множество устных рассказов и анекдотов, связанных с его удивительной памятью и не-

повторимыми особенностями характера и речи. Среди них история о том, как он в обувном магазине в присутствии Д.А. Авдусина и В.Л. Янина примерял новые туфли и спрашивал, не жмут ли они ему (Янин В.Л. Из воспоминаний об Артемии Владимировиче Арциховском // РА. 2002. № 4. С. 128). Или анекдот с его бородой. На вопрос о том, где она находится, когда он спит (над или под одеялом), затруднился с ответом, а позже сообщил, что он не спал всю ночь, но так и не смог этого установить (сообщено В.Г. Мироновой).

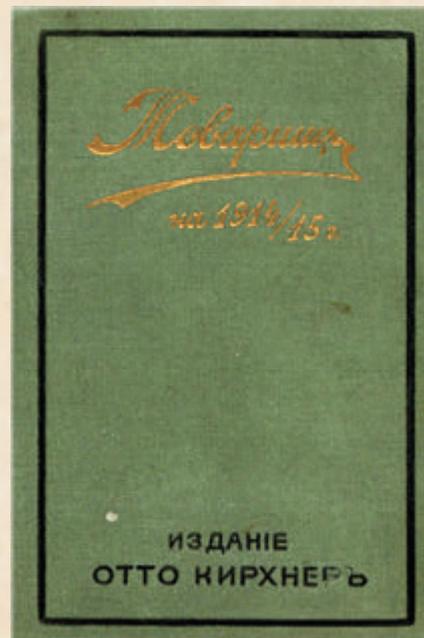
Артемий Владимирович родился 26 (13) декабря 1902 г. в Петербурге. Детство прошло в Новочеркасске, куда семья переехала в 1907 г. в связи с тем, что его отец — магистр ботаники В.М. Арциховский (1876–1931) — стал профессором физиологии растений и микробиологии в Донском политехническом институте. Здесь будущий археолог окончил гимназию и два года проучился на горном факультете института,

Ученический календарь-справочник «Товарищ» на 1914/1915 учебный год.

Расписание уроков гимназиста Артемия Арциховского в календаре-справочнике.

Новгород, лето 1951 г.

Расписание уроков

Месц	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота
I	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв
II	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв
III	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв
IV	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв
V	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв
VI	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв	Учтв

Расписание внѣшкольныхъ уроковъ и занятій.

Месц	Понед.	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскрес.
5-го Мая							
10-го							

где преподавал отец (1920–1922). Пережив лихолетье Гражданской войны и голод на Дону, семья Арциховских в 1922 г. переехала в Москву, где Владимир Мартинович возглавил кафедру в Лесном институте.

В 1922–1925 гг. А.В. Арциховский обучался на факультете общественных наук Московского университета. Здесь на отделении археологии его учителями стали глава московской археологической школы В.А. Городцов, а также известные историки Ю.В. Готье, М.Н. Покровский и М.В. Фриче.

В 1925–1929 гг. Арциховский — аспирант Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН. Его первые научные интересы связаны с исследованием древнейшего славянского населения региона Москвы и ее округа на материалах курганных захоронений. В 1926 г. выходит его первая научная статья — «Сердоликовые бипирамидальные бусы» (Труды отделения археологии РАНИОН, т. I), а к концу обучения он успевает подготовить и защитить диссертацию «Курганы вятичей», опубликованную в 1930 г. Ее основу составляют анализ и классификация курганных инвентарей для выяснения хронологии древностей погребального обряда. Кроме обобщения материалов русских древностей XI–XIV вв. в книге впервые использована источниковедческая методика, основанная на принципах математической статистики. Благодаря этому труду Артемий Владимирович стал известен коллегам, а книга надолго стала «культовой» в среде археологов, во многом сохраняющей значение образца и сегодня.

После окончания университета А.В. Арциховский начал свою трудовую деятельность в Государственном историческом музее, где работал без малого 13 лет в отделе доисторической археологии и отделе феодальной формации (1925–1938). Он участвовал в экспозиционной работе, благодаря которой были подготовлены и в 1933 г. открыты для показа новые Новгородский и Владимирский залы. В 1927 г. А.В. Арциховский начинает свою педагогическую работу, он читает студентам Московского университета специальный курс славяно-русской археологии. Большая эрудиция, умение сочетать изучение исторических

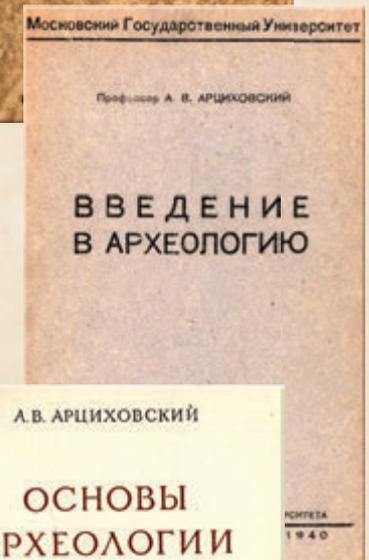
источников с археологическими, увлеченность наукой привлекали к молодому лектору студентов и делали его одним из наиболее ярких преподавателей историко-этнологического факультета.

После закрытия в 1931 г. в университетах исторических факультетов А.В. Арциховский переходит в Московское отделение ГАИМК (позже МО ИИМК, ИИМК), где работает до 1960 г. В предвоенное время он вместе с руководителем МО ИИМК С.П. Толстым много сделал для разработки проекта автономного статуса этой организации (при подчинении головному институту в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом.

Вскоре после восстановления преподавания гражданской истории в школах (1934 г.) открылись исторические факультеты в университетах. В 1937 г. возобновилось преподавание археологии в Московском университете и для чтения общего курса «Основы археологии» в качестве профессора был приглашен А.В. Арциховский. В 1939 г. на историческом факультете МГУ была открыта кафедра археологии и он стал первым ее заведующим, оставаясь им до смерти.

Как итог уже первого года преподавания Артемий Владимирович издал курс «Лекции по археологии» (М., 1938). На археологических материалах было показано развитие истории человечества от его возникновения до позднего средневековья. Эти лекции послужили основой для написания книги «Введение в археологию», выдержавшей три издания (М., 1940; 1941; 1947). В пособии излагалась археология СССР, Западной Европы и Ближнего Востока. Оно являлось по сути обзором источников, исторических выводов в нем было мало. Позже Арциховский изменил направленность курса и его территориальные рамки. Новый курс был назван «Основы археологии» (М., 1954; 2-е изд. М., 1955; переведена на украинский и китайский языки: Київ, 1955; Пекин, 1956). Это очерк археологии, дающий общее представление об изучаемой дисциплине, ограниченный рамками Советского Союза.

Одновременно с общим курсом археологии А.В. Арциховский подготовил курс зарубежной и отечествен-

А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков (в центре, справа налево) и сотрудники Новгородской экспедиции у Софийского собора, 1932 г.

Первая статья А.В. Арциховского о раскопках в Новгороде. Журнал «Проблемы истории материальной культуры». М., 1933. № 1–2.

ной археологической историографии, который читал практически до конца своих дней. Этот труд во всем объеме остался неопубликованным. Изданы в кратком изложении лишь истории археологических знаний в России в «Очерках истории исторической науки в СССР» (1955, 1960, 1963), а также статьи о Ю.В. Готье (1945), И.Е. Забелине (1948) и А.В. Орешникове (1955).

Систематические полевые и кабинетные исследования курганных групп в Подмоскowie, а также работы 1933 г. на Метрострое в Москве сделали Артемия Владимировича наиболее авторитетным знатоком московских древностей. Однако уже с первых лет своей научной деятельности он оказался связан с другим историческим центром России — Новгородом, раскопки которого принесли ему мировую известность.

В 1930-х годах А.В. Арциховский предпринял первые планомерные раскопки Новгорода. К 1932 г. он уже имел опыт экспедиционной работы на Новгородской земле: раскопки курганов в с. Хреплё Батецкого р-на (1929 г.), Новгородского (Рюрикова) городища (1929 г.) и Курского городища в Поддорском р-не (1930 г.). Уже первые раскопки в Славенском конце средневекового города (1932, 1934, 1936, 1937 гг.) показали исключительную перспективность археологического изучения Новгорода. Здесь было положено начало отработке методики вскрытия городского культурного слоя на участках значительной площади, сделаны важные хронологические наблюдения, позволившие расчленить культурный слой на три яруса одновременных построек, а также на основе анализа вещевых комплексов выяснить функциональное назначение вскрытых построек.

В 1938–1939 гг. раскопки в Новгороде были продолжены на Ярославовом дворище, где

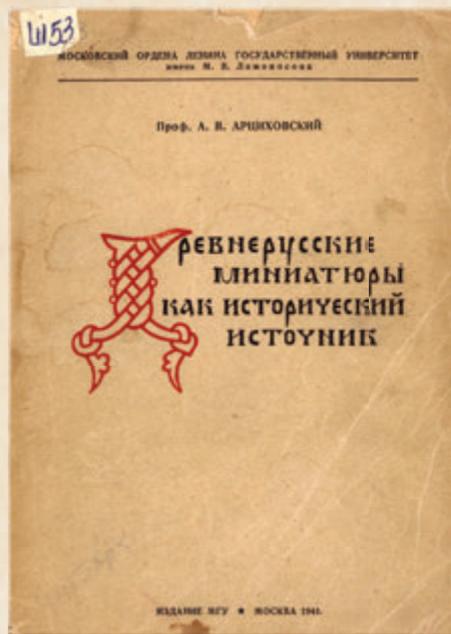
А.В. Арциховский надеялся отыскать остатки вечевого площади. Работами в довоенное время были заложены фундаментальные методические основы археологии Новгорода, которые стали руководящими и для исследования других средневековых городов.

Особым направлением исследований Артемия Владимировича в предвоенные годы был цикл исторических работ, посвященных проблемам политической власти Новгородской республики, социальной и административной структуре Новгорода («К истории Новгорода», 1938; «Новгородские ремесла», 1937 и 1939; «Городские концы в Древней Руси», 1945). В это же время он предпринял масштабное изучение древнерусской книжной миниатюры, фактически открытой им в качестве исторического источника. В 1940 г. на эту тему была защищена докторская диссертация, изданная через четыре года (М., 1944).

К началу войны профессор А.В. Арциховский имел уже прочную репутацию видного археолога, историка русского средневековья и заметного деятеля в области организации высшего образования.

Послевоенный период является временем расцвета деятельности Артемия Владимировича, что проявилось в первую очередь в успехах новгородских исследований. В 1947–1948 гг. он продолжил свои довоенные раскопки на Ярославовом дворище. А в 1951 г. работы были начаты на участке средневекового Неревского конца, где за 12 лет вскрыто около 9000 м² древней городской территории.

Эти раскопки продемонстрировали правильность предложенной А.В. Арциховским методики раскопок широкой площадью, позволяющей сделать объектом археологического изучения целые усадьбы и кварталы средневекового города. Знаменитое откры-

Новгородская экспедиция,
Ярославово дворище, 1947 г.
Первый ряд: А.Л. Монгайт,
Д.А. Авдусин, Г.А. Авдусина, В.Л. Янин,
В.М. Смирин, В.Д. Берестов, В.В. Седов,
Н.И. Запорожец (?), Э. Викторова; второй
ряд: А.Ф. Медведев, Б.А. Колчин (вверху),
Т.Н. Никольская, А.В. Арциховский.

А.В. Арциховский на Неревском раскопе, август 1951 г.

Фотопортрет А.В. Арциховского
с надписью «от подлинника», по-
даренный А.Ф. Медведеву,
20 января 1958 г.

Дорогой Борис Александрович! Очень прошу Вас попросить В.Е. Визерова определить древность азбуки. Это надо бы вставить в статью. Нужна мне воля и материястка. То если не 15? Это если не все эти стандарты? Труженики так же, как и вы, тему стандартизации изделий жалею. Прошу Вас как-нибудь прийти проверить и зарисовать этот материал. Срок — две недели. В понедельник я с Теркаского поехал в Дерзат, но был там недолго, так что успел в тот же день в Институт Языкознания. Там в картотеке древнерусского славянского письма решил все ставившие мне (для статьи) филологические вопросы. Статью я ~~сейчас~~ кончил в тот же день, а сегодня (во вторник) все ее переписал на машинку. Там в печать когда будут готовы прошеи и все фотографии, а корректурные поправки всегда возложена. Письма в "Москву" уже куплен. Спасибо. Ваш А.В. Арциховский
2, XI, 54. Привет семье Ивановне.

Открытка А.В. Арциховского, адресованная Б.А. Колчину, 2 ноября 1954 г.

Издание «Новгородские грамоты на бересте». Т. I, VI и VII.

тие в 1951 г. первых берестяных грамот было осознано не только как обнаружение принципиально нового источника информации о прошлом и свидетельства развития грамотности в средневековой Руси, но и как средство объединения материалов археологии и письменных источников по новгородской истории. С того времени началось формирование новой программы археологических работ в Новгороде, направленной на синтез данных письменных источников и археологических материалов. А.В. Арциховский сумел объединить большой коллектив исследователей, главным образом своих учеников, что позволило в короткие сроки подготовить и издать четыре тома «Трудов Новгородской археологической экспедиции» (М., 1956, 1959, 1963). В результате этих работ Новгород стал эталонным памятником для всех исследователей, занимающихся славяно-русской археологией.

Издание обнаруженных берестяных грамот стало главным научным делом Артемия Владимировича. Им было опубликовано семь томов серии «Новгородские грамоты на бересте» с подробным археологическим, палеографическим и историческим комментарием, которые включили издание 539 новгородских и 13 старорусских документов (М., 1953, совм. с М.Н. Тихомировым; 1954; 1958, 1958, 1963, совм. с В.И. Борковским; 1963; 1978, совм. с В.Л. Яниным).

А.В. Арциховский большое внимание уделял научно-организационной работе. С 1945 по 1955 г. он руководил сектором полевых исследований ИИМК АН СССР, который регламентировал и контролировал проведение полевых археологических работ в стране. В 1952–1957 гг. был деканом исторического факультета МГУ. В течение многих лет участвовал в работе редколлегий разных археологических и исторических журналов и изданий, активно сотрудничал с редакцией «Большой советской энциклопедии».

Значительна деятельность А.В. Арциховского по популяризации достижений советской археологии за рубежом. В 1940–1960-х годах с соответствующими докладами он выступал во время поездок по балканским странам, Польше, Италии, Англии, Франции, Греции.

В сентябре 1955 г. А.В. Арциховский в числе советской делегации был на X Международном конгрессе историков в Риме. Его доклад был издан в Москве отдельной брошюрой на русском и французском языках, и все желающие могли с ним ознакомиться заранее. По воспоминаниям одного из итальянских участников съезда, выступая на заседании, Артемий Владимирович сообщил, что не будет повторять уже изложенное в брошюре, поскольку этот текст пи-

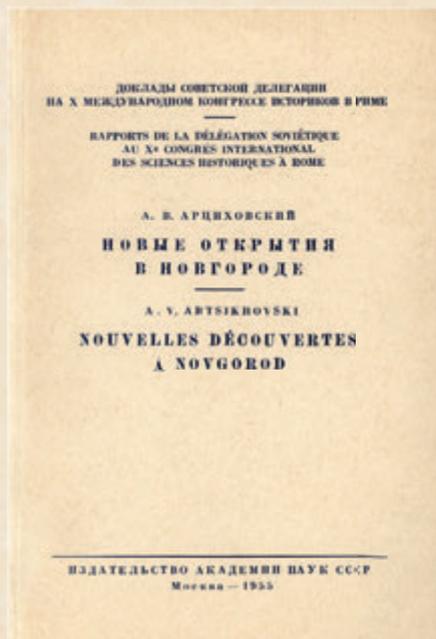

Рим, Колизей. Справа налево: В.И. Шунков, А.В. Арциховский, Португалов, Б.Б. Пиотровский, сентябрь 1955 г.

А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков в Остии, сентябрь 1955 г.

сался весной, а с июня в Новгороде ведутся обширные новые раскопки. Поэтому он познакомит аудиторию с крайне важными последними новгородскими находками. В процессе выступления в зале появился сотрудник советского посольства, который передал докладчику телеграмму из Новгорода с подробными сведениями о берестяных текстах, найденных уже после его отъезда. «Поведение Артемия Владимировича было безупречным. Он открыл послание и в нарастающем восторге стал переводить его на французский. Неудержимое воодушевление ученого постепенно заражало присутствующих, и наконец столь мастерски импровизированный доклад был встречен такими искренними знаками одобрения

А.В. Арциховский, В.Л. Янин (справа) и А.Ф. Медведев (слева) в Новгороде у Знаменского собора, конец 1960-х годов.

*А.В. Арциховский в облике Садко.
Рисунок М.Н. Кислова, 1968 г.*

*Телеграмма А.В. Арциховского, адресованная
В.Л. Янину, август 1968 г.*

и продолжительными теплыми аплодисментами, которые вызывают лишь самые удачные выражения зрелищного искусства» (Факкани Р. А.В. Арциховский в Италии // Новгородские археологические чтения–2. Великий Новгород, 2004. С. 36).

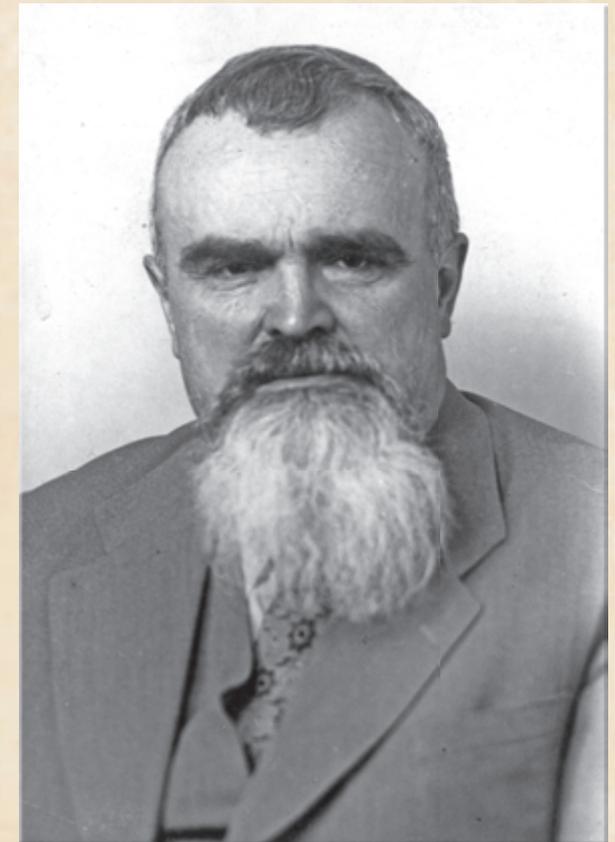
В 1962 г. А.В. Арциховский передал руководство Новгородской экспедицией В.Л. Янину. С тех пор он бывал на раскопках лишь эпизодически, а в некоторые годы не выбирался в Новгород вообще. Свидетелями его последнего посещения Новгорода в августе 1975 г., длившегося неделю, были Н.А. Макаров и автор этих строк, проходившие тогда практику в Новгородской экспедиции.

В 1960–1970-х годах А.В. Арциховский жил в большой квартире одного из профессорско-преподавательских корпусов высотного здания МГУ на Ленинских горах. Семьи у него никогда не было, и его образ жизни был закрыт для посторонних. По свидетельству его учеников, «радиоприемника, а впоследствии и телевизора он никогда не использовал <...> Об этих аппаратах он говорил, что они создают впечатление присутствия в доме назойливого постороннего человека». Если над чем-то работал, то не замечал праздников, кроме семейных, а посетителей принимал только вечером. «Да и о вечернем визите приходилось договариваться по телефону, в частности потому, что гостей он любил принимать по одному. И сам любил бывать в гостях в одиночестве» (Авдусин Д.А. Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. I: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 312, 316).

А.В. Арциховский был очень состоятельным человеком, с редким в среде гуманитариев того времени достатком и финансовыми возможностями. Его домом и хозяйством занималась экономка, личную легковую машину ЗИМ водил

персональный шофер, которому Артемий Владимирович выплачивал зарплату, отпускные и премиальные из собственных средств. У него были свой портной и зубной врач, приезжавшие на дом (Щапова Ю.Л. А.В. Арциховский во главе кафедры археологии исторического факультета МГУ // РА. 2002. № 4. С. 18).

В последние годы жизни из-за болезни ученый не мог активно заниматься научной работой. Он жил особенно замкнуто, в отдалении от новых поколений студентов. Но, по воспоминаниям учеников, охотно общался с теми, кого знал давно.

Первая половина 1960-х годов.

В начале 1978 г. А.В. Арциховский оказался в больнице со сломанными ребрами после неудачного падения в квартире. Здесь по недосмотру медицинского персонала он простудился и скончался 17 февраля на 76-м году жизни.

А.А. Формозов, который познакомился с Артемием Владимировичем еще школьником и более 20 лет часто и подолгу с ним общался, вспоминает его «в числе интереснейших людей, встреченных на жизненном пути». Он делает следующее заключение: «Арциховский не написал фундаментальных трудов ни о Новгороде Великом, которых все от него ждали, ни о древней Москве. Вообще он писал меньше, чем многие его коллеги. Но он все время читал самые разные книги — и художественную литературу, и научную — по очень широкому кругу тем, вплоть до биологии и математики. Все прочтенное как-то откладывалось в его невероятной памяти, и он мог дать достаточно точную справку по весьма неожиданному вопросу, высказать о нем вполне компетентное мнение. Пожалуй, это свойство даже мешало ему. Он знал так много, что не видел особого смысла в умножении запаса фактов, в новых и новых изысканиях. По печатной продукции Арциховского наши преемники вряд ли смогут представить себе и объем его знаний, и его неповторимый облик. Как исследователь он иногда проигрывал рядом с некоторыми ярко-творческими натурами своих сверстников. Но как педагог, профессор, наставник молодежи, стоял на большой высоте» (Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 153, 154).

А.В. Арциховский — один из основоположников археологии в СССР. С ним неразрывно связаны многие успехи нашей науки, достигнутые в середине XX в. в России и союзных республиках. В Великом Новгороде на месте Неревского раскопа установлен информационный щит с его портретом. В 2013 г. новая улица города названа его именем. Она расположена неподалеку от церкви Благовещения на Мячине — одной из самых любимых новгородских церквей Артемия Владимировича.

Открытка Минсвязи России, напечатанная к 100-летию А.В. Арциховского, 2002 г.

Автограф А.В. Арциховского.

О.Н. Бадер – доцент Пермского университета.

Перед выездом в экспедицию, 1930-е годы.

О.Н. Бадер (1903–1979)

К.Н. Гаврилов

Отто Николаевич Бадер — выдающийся советский археолог. Родился 29 июня 1903 г. в селе Александровское Гадячского уезда Полтавской губернии в семье лесничего. Юность Отто Николаевича прошла в Смоленской губернии, около г. Белый, в котором работал его отец. В эти же годы проявился интерес будущего исследователя к истории и его организаторский талант. В гимназии Отто Николаевич организовал первое в городе краеведческое общество, делегатом от которого был на 1-м Всероссийском съезде краеведения в 1924 г.

В 1922 г. О.Н. Бадер поступает на факультет общественных наук, отделение археологии и искусствоведения, 1-го Московского государственного университета, учеба продолжалась до 1926 г. Группа археологов первого приема отделения состояла из 14 человек, среди них были А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов, М.Е. Фосс. Научным руководителем студентов-археологов был В.А. Городцов, читавший на курсе лекции. В том же 1922 г. Отто Николаевич, еще до начала занятий в Московском университете, начинает посещать лекции по палеоэтнологии Д.Н. Анучина и Б.С. Жукова на кафедре антропологии МГУ. Среди учителей О.Н. Бадера были также В.В. Бунак и Б.А. Куфтин. Особенно большое влияние на становление Отто Николаевича как

исследователя оказал Б.С. Жуков. Постепенно он стал привлекать О.Н. Бадера к участию в совместных работах, а в 1925 г. поручил ему руководство студенческим практикумом по археологии. В 1937 г. Отто Николаевичу было присвоено звание кандидата исторических наук по совокупности работ.

Сотрудничество с Б.С. Жуковым привело к охлаждению в отношениях между молодым О.Н. Бадером и В.А. Городцовым, однако впоследствии добрые отношения между ними были восстановлены. Влияние же Б.С. Жукова, по признанию самого Отто Николаевича, было велико и прежде всего сказалось на методических подходах исследователя к организации археологических разведок и раскопок. Им была разработана и опубликована в качестве приложения к открытым листам методическая инструкция по организации археологических разведок. Характерно, что О.Н. Бадер не принимал участия в активных теоретических дискуссиях 1920-х годов, считая, что для широких обобщений пока не настало время.

Надо полагать, что страстное увлечение О.Н. Бадера археологией каменного века также в значительной степени — плод наставничества Б.С. Жукова, этого яркого ученого и педагога. Отто Николаевичу приходилось в

течение его долгой и плодотворной научной жизни исследовать памятники самых разных эпох, и всегда эти исследования приводили к значимым для науки результатам. Но первобытная эпоха и в особенности древнекаменный век были предметом его истинной и романтической любви.

Экспедиционная деятельность О.Н. Бадера в 1930-е годы была чрезвычайно активной и охватывала территории Волго-Окского междуречья, Московского региона, Крым и Приазовье. Отто Николаевич возглавлял крупную экспедицию МО ГАИМК на строительстве канала Москва–Волга, работал в Окской, Чувашской, Крымской экспедициях Института антропологии МГУ и Азово-Черноморской экспедиции, а также обследовал находки палеоантропологических материалов близ Хвалынского и на р. Сходня.

Обширные полевые исследования в 1920–1930-е годы, предпринятые О.Н. Бадером в Волго-Окском междуречье, позволили собрать многочисленный материал неолитической эпохи и бронзового века. Среди наиболее значимых результатов той работы стало выделение балахнинской неолитической культуры, а также балановской и поздняяковской культур бронзового века по результатам исследований Балановского могильника и Поздняковского поселения.

Поздняковская стоянка была открыта О.Н. Бадером в 1924 г. после общения с местными школьниками. Вслед за этим последовали открытия и раскопки других памятников поздняяковской культуры. В разработке проблематики, связанной с изучением этой культуры, по воспоминаниям самого Отто Николаевича, большую роль сыграл А.А. Спицын. Общение с классиком русской археологической школы оказало не меньшее влияние на становление Отто Николаевича как исследователя, чем общение с Б.С. Жуковым и Б.А. Куфтиным. Много внимания О.Н. Бадер уделял поиску и раскопкам мезолитических верхневолжских стоянок, получив ценный опыт для дальнейшего изучения мезолита этого региона, использованный уже после войны С.Н. Астаховым, Е.Н. Черных и Л.В. Кольцовым. Особенно много

усилий в конце 1920-х годов Отто Николаевич приложил к поиску памятников каменного и бронзового веков на территории Мещеры.

С этим временем связаны, пожалуй, одни из самых романтических воспоминаний Отто Николаевича. Пешие переходы в десятки километров, сплавы по рекам на лодке-долбленке, добыча пищи охотой с отцовским ружьем... Все это оставляло неизгладимый след в душе, служило источником вдохновения, но и требовало недюжинных сил, упорства и, главное, преданности своему делу.

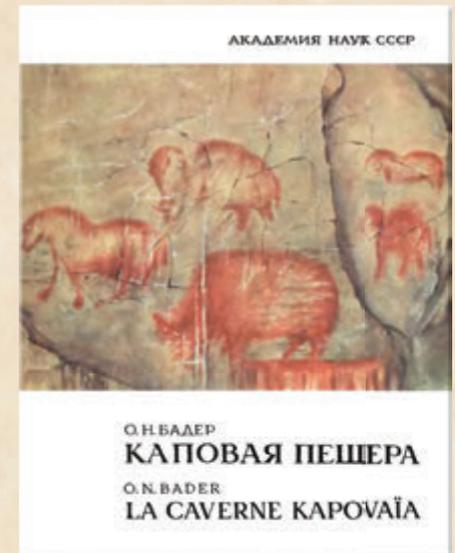
Помимо работ на территории Волго-Окского междуречья и Подмосковья значительную часть археологических исследований О.Н. Бадера в 1930-е годы заняли разведки и раскопки в Крыму и Северном Причерноморье. Работы в Крыму были начаты по заданию Б.С. Жукова. За 4 года обследовано более 600 гротов и навесов, более 100 стоянок и местонахождений эпох мезолита и неолита в центральных и восточных Яйлах первой гряды Крымских гор. Проведены раскопки мустьерских стоянок Волчий Грот и Чагарак Коба, мезолитического поселения Буран Кая. Выдающимся результатом работ в Северном Причерноморье стали исследования памятника первобытного искусства Каменная могила в Приазовье.

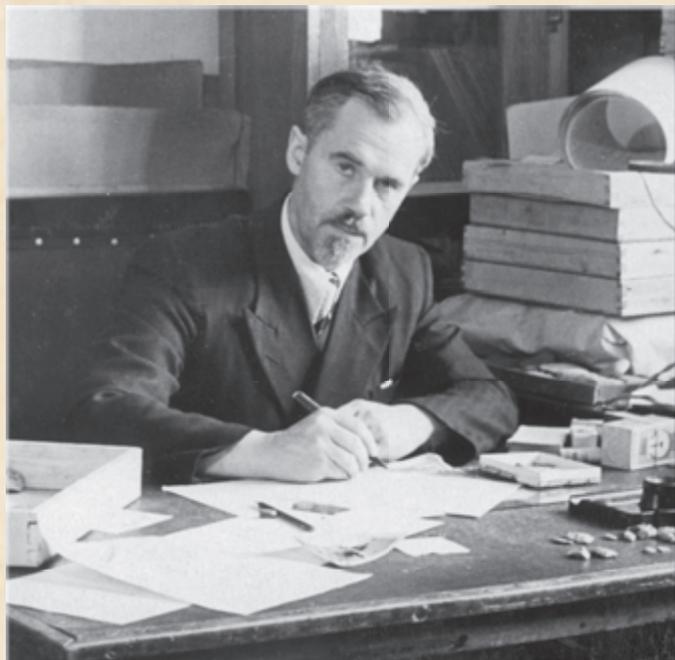
Активная и плодотворная работа была прервана начавшейся Великой Отечественной войной. Летом 1941 г. О.Н. Бадер в составе ополчения МГУ уходит на фронт, но в конце года он был отозван по национальному призыву и направлен в трудовую армию в Нижний Тагил. Даже в этих условиях Отто Николаевич находил возможность писать статьи, иногда получалось проводить небольшие разведки.

Возможности вернуться в Москву в те годы не было. Нужно было устраиваться на новом месте более основательно. В 1946 г. Отто Николаевич был принят на работу в Пермский (Молотовский) государственный университет (ПГУ) в должности доцента. Именно в эти годы по-настоящему раскрылся его талант педагога. О.Н. Бадер вплоть до 1955 г. читал в ПГУ курсы по археологии, эт-

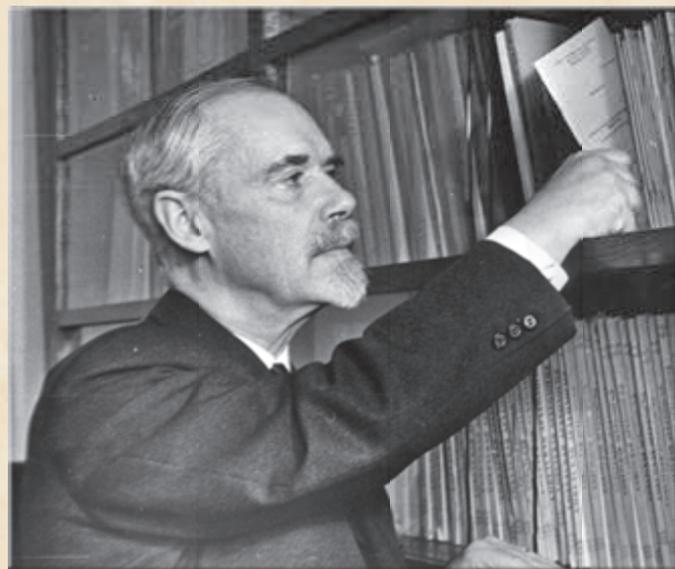

Боец Московского ополчения, осень 1941 г.

В Пермском университете с материалами Камской экспедиции, 1950-е годы.

В библиотеке ИИМК, вторая половина 1950-х годов.

нографии, истории первобытного общества. Ему удалось создать археологический кружок и ввести специализацию по археологии. В 1947 г. усилиями О.Н. Бадера было создано первое Уральское археологическое совещание, а в 1954 г. в Пермском университете открыт Музей археологии. В результате им была создана пермская археологическая школа, продолжающая традиции своего основателя до сих пор. Пермский период жизни Отто Николаевича отмечен не только активной преподавательской деятельностью, но и не менее активными археологическими разведками и раскопками. Еще во время работы в Тагильском музее им начаты исследования палеолитической стоянки им. Талицкого (Островская). В 1947–1958 гг. под его руководством работала Камская археологическая экспедиция в зоне строительства Камской гидроэлектростанции. Отчеты о работе этой экспедиции оперативно издавались в серии соответствующих «Трудов». Был исследован Турбинский могильник и выделена турбинская археологическая культура. Еще одним весомым результатом работы Отто Николаевича в эти годы стало создание общей характеристики и периодизации культур мезолита, неолита и бронзового века Прикамья.

В 1955 г. О.Н. Бадер вернулся в Москву на работу в Институт археологии АН СССР. По возвращении он возглавил камеральную лабораторию института, а затем исполнял обязанности заведующего сектором неолита и бронзы. Связи с Прикамьем не прерывались, до 1958 г. Отто Николаевич возглавлял Камскую экспедицию, в 1959–1972 гг. — Воткинскую, а в 1968–1972 гг. — Нижнекамскую новостроечную экспедицию. Остался верен он и преподавательской работе. С 1956 по 1969 г. О.Н. Бадер вел курс по каменному веку на историческом

факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, организовал студенческий кружок по изучению каменного века, руководил специализацией студентов.

Конец 1950 — первая половина 1970-х годов стали временем наиболее значимых, выдающихся открытий О.Н. Бадера в области первобытной археологии. С 1956 г. под его руководством начались раскопки Сунгирской верхнепалеолитической стоянки. Выявленные здесь погребения и находки принесли Сунгирю всемирную известность.

В 1960–1970-е годы О.Н. Бадер вел разведки и раскопки пещерных стоянок Южного и Среднего Урала. С 1960 по 1974 г., чередуясь с работами на Сунгире, им были проведены исследования Каповой пещеры — единственного на территории России памятника с относительно хорошо сохранившейся достоверной наскальной живописью палеолитического возраста. Отто Николаевичу принадлежит первое монографическое описание этого уникального памятника первобытного искусства (Каповая пещера. Палеолитическая живопись: альбом рисунков с текстом. М., 1965).

В 1964 г. Отто Николаевичу по совокупности работ была присуждена научная степень доктора исторических наук. Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание докторской степени, был посвящен древнейшей истории Прикамья, от палеолита до бронзового века.

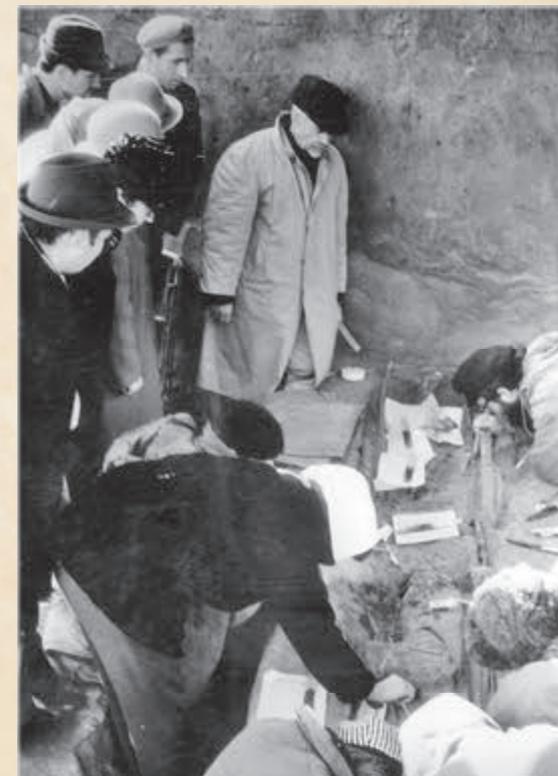
В послевоенный период жизни О.Н. Бадера вполне раскрылись его таланты не только как крупного организатора научных проектов и археолога-полевика, но и как исследователя-теоретика. Среди наиболее крупных теоретических тем, которые разрабатывались ученым, — происхождение и развитие финно-угорских народов, развитие первобытного

человека, развитие духовной культуры и искусства каменного века. Им были прослежены сибирские аналогии в материалах стоянки им. Талицкого, впервые даны определения уральского мезолита и камского неолита. Он отметил аналогии в материальной культуре Сунгиры и позднеселетских памятников Центральной Европы. О.Н. Бадер утверждал волго-камское происхождение волосовской культуры, развил положение о самостоятельности балановской и фатьяновской культур бронзового века. Им же был сделан вывод о южном происхождении поздняяковской культуры и участии волосовской культуры в формировании абашевской. Важен также вывод о синкретическом происхождении позднебронзовой культуры с «текстильной керамикой», которая в свою очередь относится к истокам развития дьяковской культуры. Многие из перечисленных положений не утратили актуальности до настоящего времени.

Отто Николаевич Бадер — автор более 400 работ, в том числе 12 монографий, был великим тружеником и большим романтиком археологии. Требовательный к себе, он был требователен и к своим коллегам по работе. Но эта черта сочеталась с уважительным отношением ко всем людям, с которыми ему приходилось встречаться, вне зависимости от их социального статуса. Для всех, кто с ним сталкивался по работе или учебе, он оставался истинным примером интеллигента.

Разборка мужского погребения, Сунгирь, 1964 г.

Расчистка двойного детского погребения, на заднем плане – О.Н. Бадер, 1969 г.

О.Н. Бадер у двойного сунгирского погребения, 1969 г.

1970-е годы.

1930-е годы.

В.Д. Блаватский (1899–1980)

А.А. Масленников

Всякий неординарный человек живет столько, сколько живет о нем легенда. Легенда же — не просто память непосредственно знавших, а нечто большее. Думаю, большинство антиковедов-археологов, особенно так называемой московской школы, таковым считают профессора Владимира Дмитриевича Блаватского. Что же до меня — его последнего ученика (чем не могу не гордиться), то он со дня нашего знакомства был олицетворением человека науки, профессора в самом значимом смысле этого слова. Совсем невысокий, сухонький, всегда подтянутый, с очень благородными, правильными чертами лица, небольшой клиновидной бородкой, всегда прямым, открытым взглядом и каким-то особым, старомодным поведенческим «шармом». Старинное дворянское происхождение и традиционное же домашнее воспитание до глубокой старости давали в нем о себе знать.

Родился Владимир Дмитриевич 12 (по новому стилю) сентября 1899 г. в Петербурге в семье таможенного чиновника, потомственного русского дворянина со старой примесью польских кровей. Смутное «предание» позволяет допустить, что мать его происходила из среды провинциальных (керченских?) чиновников. Жизнь таможенного служащего известна... Детство и юность будущего профессора прошли в непрерывных переез-

дах по разным пограничным городам России: Таганрог, Владивосток, Питер... Но с ростом служебного положения отца жизнь становилась более оседлой, и гимназический курс (с отличием) В.Д. Блаватский закончил в 1917 г. в Москве, в 3-й гимназии. Тогда же поступил в Московский университет по специальности «история античного искусства». Нет нужды писать, какие это были годы для нашей страны и университета и что он наверняка испытал и пережил.

В 1923 г., закончив факультет общественных наук, В.Д. Блаватский надолго становится сотрудником Государственного музея изобразительных искусств. Непосредственная работа с памятниками античного искусства (прежде всего богатой коллекцией расписных ваз) определила круг его тогдашних научных интересов и тематику первых «шагов» на этом поприще. Служба в музее давала официальный статус, но была тяжела и скудна в материальном плане. Впрочем, молодой сотрудник успешно справлялся со всеми этими трудностями и, вероятно, именно в эти непростые годы выработал в себе ставшие потом столь характерными для него в быту и полевых изысканиях разного рода самоограничения, граничившие порой с аскетизмом. Был ли в эти молодые годы Владимир Дмитриевич общителен, любил

ли компании, веселые застолья, увлекался ли чем-либо помимо работы (вроде бы, очень серьезно — шахматами) или (и) кем-либо...? Воспоминаний об увлечениях В.Д. не осталось. Кажется, сильных привязанностей, «закадычных» друзей у него не было. Пожалуй, лишь Мария Михайловна Кобылина с того времени и на долгие годы оставалась в его «ближнем» круге.

Но пришли и первые открытия. Много лет спустя Владимир Дмитриевич вспоминал, как, вскрикнув от неожиданности, он чуть было не выронил из рук сосуд с расчищенной им росписью прославленного греческого вазописца Полигнота. Пятый в мире! Постепенно молодой исследователь овладел данной немногим научной интуицией: умением отличать шедевр от качественно, но рядового произведения. Вышли в свет его первые публикации, сложился круг знакомых, а главное — пробудился все возраставший интерес к поиску памятников искусства, т.е. к археологическим раскопкам. Аспирантуру (1925–1929) при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) он проходил у проф. А.С. Башкирова. В конце 20-х защитил кандидатскую диссертацию о чернофигурных аттических лекифах V в. до н.э. Тогда же участвовал и в его разведках на Таманском п-ове, но быстро понял, что научиться качественно «копать» можно только в «школе» такого признанного специалиста, каким был тогда Б.В. Фармаковский, в его экспедиции в Ольвии и на о. Березань. Работая там в течение нескольких сезонов, В.Д. Блаватский собственно и стал полевиком-археологом, всегда почитая Бориса Владимировича своим учителем, а себя считая его учеником и продолжателем. В сущности, почти все нынешние археологи-антиковеды, разделенные не по своей воле на российских и украинских, вышли из этой «школы» Фармаковского — Блаватского. Но Б.В. Фармаковский внезапно умер, и учиться более было не у кого.

Первые самостоятельные раскопки (1931–1935) В.Д. Блаватский провел в Крыму (Харакс, Камыш-Бурун, Керчь). Затем последовала Фанагория (1936–1940). Везде при минимальном финансировании, огромном напряже-

нии сил, граничившем подчас с самопожертвованием, с небольшим научным коллективом, а то и почти в одиночку были получены важные результаты, а главное — ценный полевой опыт. Во второй половине 30-х годов в жизни В.Д. Блаватского, как и в жизни всей нашей страны, было много и радостного, и горького. Брак и скорая, почти внезапная смерть первой жены; арест по доносу и ... быстрое освобождение (повезло, как говорил сам Владимир Дмитриевич, «главное было терпеть и не сознаваться хотя бы несколько месяцев...»), выход первых книг по истории античной архитектуры и скульптуры, признание коллег, второй брак — с Т.В. Блаватской, верной спутницей все последующие годы.

В июле трагического 41-го, уже не молодым, он — доброволец в 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. В январе 42-го последовали тяжелая контузия и возвращение в Москву, в университет, в котором он доцент истфака с 1939 г. В 1943 г. — защита докторской диссертации «Техника античной скульптуры» (единственная его неопубликованная работа). На следующий год он — член-корреспондент Академии архитектуры. Но самое важное — создание в 1943 г. вначале группы, а потом — с привлечением учеников и коллег из ГИМ, ГМИИ и других организаций, сектора античной археологии в Институте истории материальной культуры (через несколько лет — Институте археологии АН СССР). До этого таким, сильно «поредевшим» после войны, центром античной археологии был Ленинград. Будет преувеличением сказать, что это вело к некоему раздору, размолвкам между исследователями двух «столиц». Не худо бы знать, что Владимир Дмитриевич был одним из оппонентов на докторской защите В.Ф. Гайдукевича в 1949 г., которая и отмечалась-то у него на старой квартире в коммуналке. Так что с этого времени можно говорить о существовании у нас двух школ археологов-антиковедов (В.Д. не признавал слова «античник»): питерской и московской. Если же и были между ними, вернее некоторыми из их «членов», какие-то недомолвки или недоразумения, то больше по «тактическим» соображениям, т.е. по вопросам полевой методики.

Весна-лето 1945 г., Германия.

В.Д. Блаватский (слева) на раскопках Пантикапея, 1948 г.

Подводная экспедиция. Фанагория. Стоит Г.А. Кошеленко. Сзади сидит В.И. Кузицин, конец 1950-х годов.

Конец 40 — первая половина 50-х годов — пик творческой активности В.Д. Блаватского. Одна за другой выходят его замечательные монографии — настольные книги всякого уважающего себя и науку антиковеда. С 1945 по 1964 г. он — начальник знаменитой Пантикапейской экспедиции, а «попутно» — руководитель работ в Синдике (Таманский п-ов) и в Анапе.

Как и все люди его «склада», фотографироваться Владимир Дмитриевич не любил. Но среди немногих фото этого периода есть одна, малоизвестная и совершенно необычная. На ней он в форме и... с полковничьими погонами. Еще в ходе войны В.Д. Блаватский — эксперт Государственной чрезвычайной комиссии по рассмотрению потерь, нанесенных захватчиками культурному наследию нашей страны. А в 1945 г. — член особой группы специалистов-искусствоведов, занимавшихся спасением и вывозом сокровищ Дрезденской картинной галереи и не только... Он знал тайну «золота Шлимана», но так ее никому и не открыл (ведь давал подписку о неразглашении). Всем участникам этих групп были присвоены воинские звания — доктора наук и профессора приравнивались к полковникам!

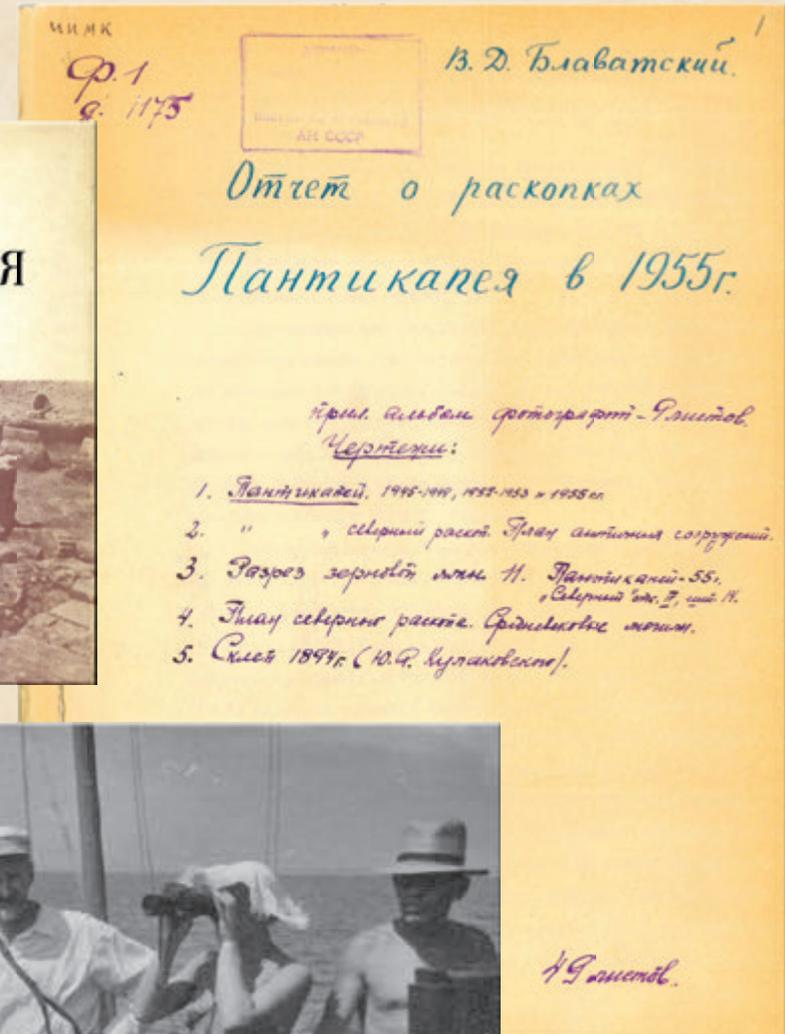
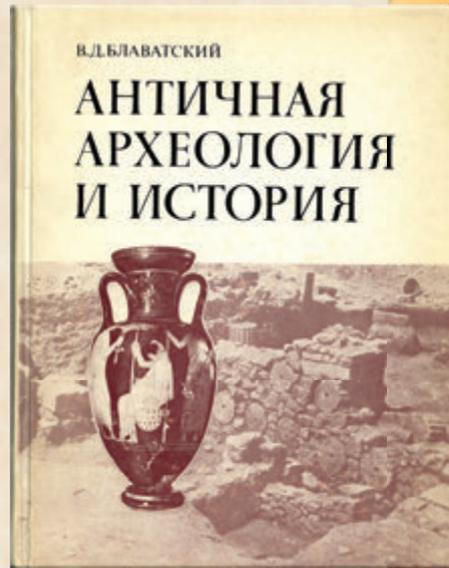
О Блаватском — археологе знают многие. Его вклад в развитие методики раскопок сложных античных памятников общепризнан. Несколько лет (1957–1965) он возглавлял и первую подводную «Азово-Черноморскую» экспедицию ИА АН СССР и даже был начальником (с нашей стороны) Советско-албанской экспедиции. Долгие годы читал лекции студентам МГУ и, разумеется, руководил созданным им сектором античной археологии. Столь же общепризнан и его авторитет как ученого, историка-антиковеда, о чем свидетельствуют членство в ряде зарубежных институтов и об-

ществ и выступления на международных научных конференциях. Некоторые из его идей и положений по сей день вызывают и споры, и заслуженный интерес.

Прежде всего В.Д. Блаватский был своего рода символом преемственности со старыми, дореволюционными российскими научными традициями и подлинным, как тогда это было принято, подвижником науки. Даже в самые непростые годы он не боялся говорить о роли в мировом антиковедении и своем уважении к таким ученым, как М.И. Ростовцев. Б.В. Фармаковского, как уже сказано, всегда почитал своим полевым учителем и много сделал для пропаганды его научного наследия. Вместе с тем сам В.Д., несомненно, был первооткрывателем. Во многом благодаря ему начались планомерные археологические раскопки ряда городов Боспорского царства, и прежде всего их столиц Фанагории и Пантикапея. Им была разработана методика исследований этих сложнейших памятников, которой во многом придерживаются до сих пор. В основе ее лежал принцип комплексного, тщательного изучения всех полученных материалов, внимание ко всем «оттенкам» полевых наблюдений, личная эрудиция исследователя, главная цель которого — максимально возможная и полная историческая реконструкция. Чрезвычайно важно и то, что Владимир Дмитриевич, по сути дела, стоял у истоков столь же планомерных, масштабных изысканий на пространствах хоры — сельской территории античных государств Северного Причерноморья. Напомним, еще в начале 50-х годов таковые, по крайней мере в отношении Боспора и Ольвии, считались совершенно бесперспективными. Он предложил новые подходы в изучении процесса великой греческой колонизации этого региона, социальной, экономической и дина-

стической истории Боспорского государства, различных аспектов культуры и этнического состава его населения, роли и места в кругу прочих государств античного типа. Одним из первых задумался о роли природного фактора в процессе исторического развития античного общества, а также о своеобразии античной цивилизации как таковой и ее особенностях на востоке и западе тогдашней ойкумены. И, конечно, В.Д. Блаватский стоял у истоков подводной археологии в России и на Украине. Наконец, он, как уже отмечалось, — создатель школы археологов-антиковедов, второе, третье и уже последующие «поколения» которой успешно трудятся в поле и за рабочим столом, постоянно обращаясь к творческому наследию этого действительно выдающегося ученого.

Но вернемся к его биографии. Жизнь брала свое. Со второй половины 60-х годов кабинетная работа была для моего учителя превалирующей. Но главным стали его ученики. Владимир Дмитриевич был прирожденным педагогом..., не очень-то любя собственно педагогику и даже не признавая ее наукой. У него был особый, очень результативный, лично-предметный стиль работы с wybranными им студентами и аспирантами. Владимир Дмитриевич строго придерживался правила: не брать следующего аспиранта, не доведя предыдущего до защиты. Всем им помогал советом, книгами (никогда, однако, не выпуская их из стен своей библиотеки), а то и материально. («Карауливший» квартиру в дни его с Татьяной Васильевной отсутствия очередной аспирант не только всю пользовался книгами и вообще..., но и получал небольшую «зарплату»!) Таких узко специальных или, наоборот, обобщающих по тематике лекций для одного-двух «избранных», наверное, не читал никто. А уж теперь и подавно не читают. И все это дома, в обстановке большого кабинета со старинной мебелью, массой книг, портретами его знаменитых предшественников и учителей. И ... после сытного ужина с беседами обо всем на свете и... строгим, но простым этикетом. Подлинно старая профессорская квартира! Как это было уже давно, и как это было здорово!

Подводная экспедиция. Черное море, конец 1950-х годов.

Г.К. Вагнер – Лауреат Государственной премии 1983 года.

Г.К. Вагнер в Рязанском музее, 1947–1948 гг.

Г.К. Вагнер (1908–1995)

Вл.В. Седов

Судьба историка искусства может сложиться как угодно, но в середине XX в. в России она очень часто складывалась трагически. Если в страшной обстановке того времени удавалось выжить, то затем требовались годы и огромная внутренняя работа для возвращения к обычной жизни, а для вхождения в науку — еще больше сил и времени. Георгий Карлович Вагнер прошел трудный и быстрый путь от заключенного к известному исследователю древнерусского искусства.

Г.К. Вагнер родился 19 октября 1908 г. в городе Спасск-Рязанский Рязанской губернии. Родители его принадлежали к разным кругам: отец, Карл Августович, был немцем из мещанского сословия, происходившим из Курляндской губернии; мать, Кира Владимировна, урожденная Кожина, — потомственная дворянка, дочь хозяйина расположенной неподалеку от Спасска старинной усадьбы Исады. Это необычное сочетание во многом определит характер будущего ученого. Отметим, что немецкого языка Вагнер не знал: книги на этом языке ему переводили, о чем он пишет сам в своих воспоминаниях. В 1926 г. он окончил школу в родном городе, затем семья переехала в Рязань и юноша поступил в местный художественно-педагогический техникум,

который окончил в 1930 г. С 1934 г. учился на заочном отделении искусствоведческого факультета Высших музейных курсов Наркомпроса, однако курс не закончил, а потому формально высшего образования не имел.

В 1937 г. Вагнер был в первый раз арестован (в том числе за высказанные в разговорах возражения против сноса советскими властями архитектурных памятников), отбывал 5-летний срок на Колыме, смог со временем стать художником-оформителем. После освобождения в 1942 г. продолжал работать художником, в 1947 г. вернулся в Рязань, где стал сотрудником музея. Его коллегой в эти годы была Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, за которыми тщательно наблюдали. В 1949 г. вновь арестован и сослан в Красноярский край, где находился до освобождения в 1954 г. В 1955 г. участвовал в качестве художника в экспедиции академика А.П. Окладникова; это ввело Вагнера в археологический круг.

Почти 40-летний ссыльный после освобождения смог поселиться в Москве, он попросил о встрече Н.Н. Воронина и Б.А. Рыбакова и нанес визиты этим известным ученым. Мы знаем, что Окладников просил за него Рыбакова. В результате Вагнер в 1955 г. был принят старшим лаборантом в Институт археологии (тогда ИИМК). Б.А. Рыбаков, ставший директором института в 1956 г.,

в дальнейшем оказывал влияние на Вагнера, который побывал и в экспедиции на раскопках Любеча. Интерес к язычеству, переданный ученому Рыбаковым, определил многие пассажи в будущих книгах Вагнера, в которых язычество становится синонимом автохтонности, самобытности, дохристианской эстетической силы славянства и русских.

Г.К. Вагнер начал свою работу с изучения архитектурных и скульптурных памятников Рязанской земли. Начало было положено статьей о шатровых храмах XVI в. региона (КСИИМК. 1958. Вып. 71), затем появилась работа о деревянном рельефе из Путятино (КСИИМК. 1959. Вып. 77). В 1960 г. в Рязани увидела свет небольшая книга об искусстве («Старые художники и архитекторы Рязани»). Еще четыре значительные статьи об архитектуре и зодчестве, в которых преобладал или был представлен рязанский материал, появились в начале 1960-х годов (сборники статей: Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960; Вып. 3. М., 1961 (две статьи); Архитектурное наследство. № 12. М., 1960). Работа о скульптурных фрагментах из разрушенных памятников рязанской архитектуры домонгольского периода появилась уже под влиянием занятий рельефами владими́ро-суздальских памятников (Архитектурное наследство. № 15. М., 1963). В дальнейшем рязанская линия в его занятиях шла параллельно с изучением владими́ро-суздальской скульптуры.

В 1974 г. в знаменитой в то время серии «Дороги к прекрасному» издательство «Искусство» выпустило книгу Г.К. Вагнера «Рязанские достопамятности», написанную в соавторстве с краеведом С.В. Чугуновым; эта очерковая работа, поэтично рассказывающая об избранных архитектурных памятниках, была переиздана в 1989 г. Еще одна книга,

«Окраинными землями Рязанскими», была подготовлена также в соавторстве с Чугуновым и вышла в 1995 г. в той же серии.

Однако памятники искусства Рязани и Рязанской земли не стали основным предметом работ Г.К. Вагнера. Н.Н. Воронин посоветовал ему заняться историей белокаменной резьбы храмов Владимиро-Суздальской Руси, которой исследователь затем посвятил многие годы. Двухтомная монография Воронина, посвященная зодчеству Северо-Восточной Руси, вышедшая в свет в 1961–1962 гг., сразу стала для Вагнера ориентиром и отправной точкой, он развивал некоторые выводы, шел по уже намеченным путям иконографического определения отдельных композиций, встраивал эти сюжеты и их пластическую трактовку в историю русского искусства. Именно Воронин дал Вагнеру новую научную тему: резьба собора в Юрьеве-Польском, которая сохранилась частично и к тому же сильно перепутана по местоположению в XV в. при реконструкции этого памятника начала XIII в.

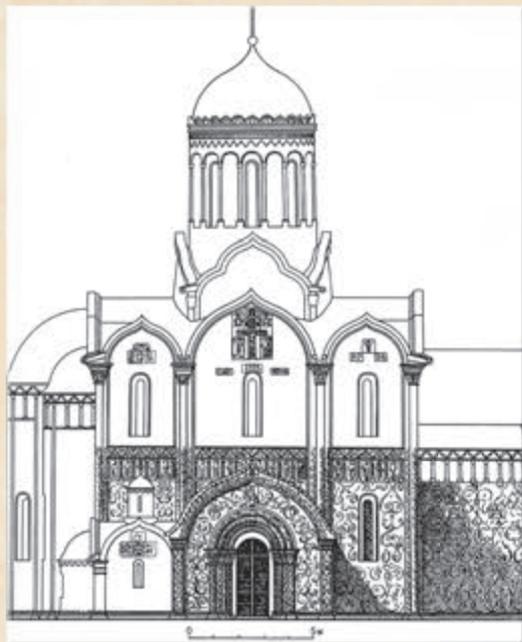
Г.К. Вагнер отмечает в автобиографических записках влияние Н.Н. Воронина и Б.А. Рыбакова на свое формирование как ученого, попутно отмечая, что они были его ровесниками. Их помощь была для ученого очень важна. Но следует сказать и о том, что наука в 1960–1970-е годы располагала достаточно широким кругом инструментов и влияния. Так, Георгий Карлович для исследования памятников Владимиро-Суздальского зодчества получил в свое распоряжение машину с выдвижной люлькой, позволявшей снимать высоко расположенные рельефы на фасадах храмов; возможна была и фотосъемка в интерьерах памятников, принадлежавших в то время музею. Ученого сопровождали в поездках фотографы: сначала это был Ю.В. Несквернов, затем (с 1971 г.) — известнейший архитектурный фотограф А.А. Александров.

Прибытие в колымские лагеря. Рисунок Г.К. Вагнера.

Обсуждение работы с молодыми коллегами, 1970-е (?) годы.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Реконструкция Г.К. Вагнера. 1963 г.

Город Юрьев-Польской. Георгиевский собор 1230–1234 гг. Перестроен в XV веке.

Первой увидела свет монография Г.К. Вагнера о скульптурном убранстве Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (М., 1964). В книге подробнейшим образом рассмотрена вся имеющаяся библиография, описаны отдельные рельефы и их группы, разобраны их сюжеты. Автор пришел к выводу о том, что рельефы собора участвовали в «становлении собственно национального стиля», что отвечало той линии, которую проводил в науке Б.А. Рыбаков. Некоторые положения первой книги были развиты в альбоме, содержащем помимо иллюстраций обширный новый текст (Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966).

Вклад Г.К. Вагнера в изучение скульптуры был высоко оценен: хвалебную рецензию на книгу 1964 г. опубликовал в ведущем журнале «Новый мир» академик Д.С. Лихачев, а в 1968 г. Вагнер получил на одном заседании ученого совета Института археологии сначала степень кандидата, а через 15 минут и доктора искусствоведения. Шестидесятилетний ученый стал одним из ведущих искусствоведов и археологов.

На следующий год после присуждения ученой степени Георгий Карлович опубликовал обширную книгу о памятниках древнерусской скульптуры Владимира (Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969), в которой он развил положения, обозначенные в работах о соборе Юрьева-Польского. Поражает обширность собранных сведений, фактически это был аннотированный каталог с подробнейшими комментариями и историческими экскурсами. Главные выводы работы: народная основа общей композиции скульптуры Дмитриевского собора во Владимире, а также то, что «владими́ро-боголюбовская скульптура XII в. представляется таким же суверенным явлением, как византийское, армянское, грузинское, болгарское, романское, скандинавское искусства, составляя одну из ветвей искусства средних веков». В своей интерпретации сюжетов владимирских рельефов ученый отдался от их трактовки как языческих, он видит их в кругу христианской культуры, и только в «антропомимичности зооморф-

ных образов» он находит возможность сближения их с былинами.

В целом на трактовку Г.К. Вагнером скульптуры Владимиро-Суздальской Руси оказали влияние взгляды уже упомянутых ученых: романтически и при этом все же фактографически настроенного Н.Н. Воронина, а также Б.А. Рыбакова; важное значение для формирования взглядов ученого имели М.В. Алпатов (в области искусствоведческой), Д.С. Лихачев (в области поэтики древнерусской культуры) и А.Ф. Лосев (в области философии и эстетики).

В дальнейшем Вагнер развил свои взгляды в еще одной монографии (Белокаменная резьба древнего Суздаля: Рождественский собор: XIII век / Фотограф А.А. Александров. М., 1975). Эта работа фактически закончила серию книг о скульптуре Северо-Восточной Руси.

Параллельно с этой книгой в издательстве «Искусство» выпущено три значимых альбома (Суздаль: Альбом / Фотографии Ю.В. Несквернова, Ю.Д. Панкова, И.И. Смукровича. М., 1969; Рязань: Альбом / Фотографии А.А. Александрова и Д.В. Белоуса. М., 1971; Спасо-Андроников монастырь. М., 1972). В этих книгах показывалась и рассказывалась, прежде всего, красота древнерусских памятников, хотя тут же говорилось и о зданиях более позднего времени.

Г.К. Вагнер до смерти Н.Н. Воронина (1976 г.) находился прежде всего под его влиянием. Научная строгость Воронина не только определяла путь исследований Георгия Карловича, но и задавала академические границы, в которых находились его труды. После этого рубежа работы Вагнера стали свободнее, живее, но вместе с тем в них появилась тяга ко все более широким обобщениям, культурной схематизации, обозначению понятий. Новый период в творчестве 70-летнего ученого был наполнен попытками формализовать знания и создать новые градации.

Ряд последующих книг развивал уже полностью сложившиеся эстетические и философские взгляды ученого на древнерусское искусство, архитектуру и

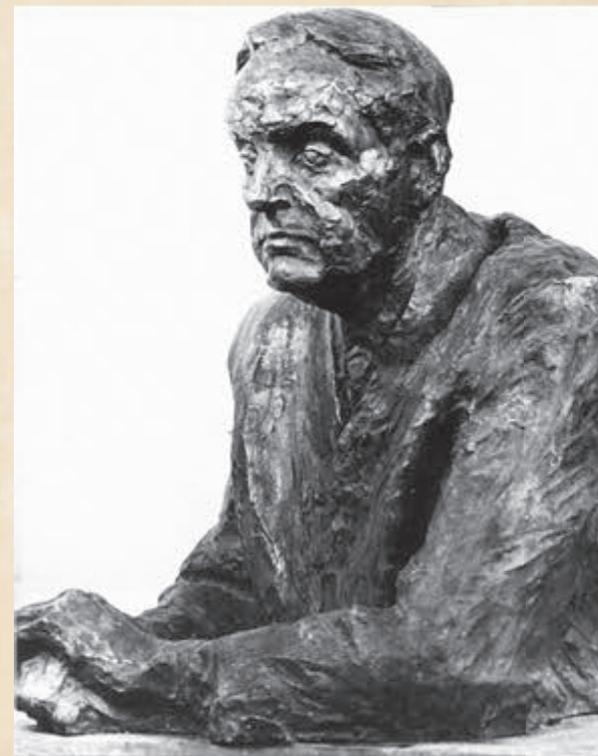
культуру вообще (От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М., 1980; Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987; Искусство мыслить в камне (Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры). М., 1990; в соавторстве с Т.Ф. Владышевской — Искусство Древней Руси. М., 1993). В этих работах заметна связь с хронологией стилей древнерусской литературы, предложенной Д.С. Лихачевым, а также его взглядами на жанры.

Труд Г.К. Вагнера заслужил общественное признание: в 1980 г. он был награжден золотой медалью Академии художеств СССР, а в 1983 г. — получил Государственную премию СССР. В 1992 г. Рязанским городским советом ему было присуждено звание Почетного гражданина.

Опубликованы воспоминания ученого (Пять лет и еще один год в Рязанском художественном техникуме: (Ключки воспоминаний): К 95-летию со дня рождения. Рязань, 2003; Из глубины взываю... (De profundis). М., 2004). В память об ученом был выпущен сборник воспоминаний и научных статей (Георгий Карлович Вагнер — ученый, художник, человек. М., 2006).

1980-е годы.

Г.К. Вагнер. Бронза. Рязанский художественный музей. Работа В.П. Бублева.

Выступление Г.К. Вагнера перед коллегами, 1985 г.

*За рабочим столом в московской квартире
(Серпов пер., 10), 1956–1958 гг.*

*На военных сборах, 1931–1932 гг.
(Научный архив ИИМК РАН, ФО,
нег. I 28874).*

Н.Н. Воронин (1904–1976)

Н.А. Макаров

Вруках многих тысяч туристов, приехавших в город «Золотого кольца», находился небольшой путеводитель «Владимир. Суздаль. Боголюбово. Юрьев-Польской», написанный Н.Н. Ворониным. Эта книга, впервые вышедшая в 1958 г. и выдержавшая многочисленные переиздания, просто и увлекательно рассказывала об архитектурных памятниках Северо-Восточной Руси, раскрывая исторические обстоятельства создания знаменитых белокаменных храмов и их особое место в национальном художественном наследии. Наверное, лишь небольшой части читателей этой книги, изобилующей поэтическими описаниями владимирских ландшафтов и отсылками к летописям, известно, что ее автор — археолог, вся жизнь которого связана с Институтом археологии РАН.

Николай Николаевич Воронин — один из крупнейших исследователей древнерусской архитектуры, блестяще продемонстрировавший значение археологии в изучении средневековых архитектурных древностей и поиске утраченных памятников. Его главный труд — монография «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.» (М., 1961–1962. В 2-х т.), удостоенная Ленинской премии 1965 г., и сегодня остается основополагающим изданием, раскрывающим историю становления и развития

каменного зодчества в Ростово-Суздальской и ранней Московской Руси. Средневековые архитектурные памятники воспринимались Н.Н. Ворониным как одно из проявлений древнерусской культуры, открывающее возможности изучения ее более глубоких «смыслов», но в этих поисках исследователь всегда оставался на строгой академической почве. Широкие знания в области средневекового искусства, литературы, летописания, археологии и истории и профессиональные навыки анализа различных категорий источников определяли его интерес к древнерусской культуре как целостному явлению. Следуя современной терминологии, многие исследования Н.Н. Воронина можно назвать междисциплинарными, но для ученых его поколения, воспринявших от своих учителей понимание археологии как обширной области знаний о прошлом, подобные установки были нормой.

Н.Н. Воронин — уроженец Владимира (родился в 1904 г., в семье земского техника, впоследствии мастера Владимирского авиамеханического техникума), здесь он закончил Владимирский институт народного образования (1920–1923), первым местом его работы был Владимирский исторический музей (1918–1920), образы «малой родины» во многом определили его научные интересы. Становление его как ученого связано

с Ленинградом: Н.Н. Воронин продолжил образование на историческом факультете Ленинградского университета (ЛГУ) (1923–1926), на курсах Ленинградского отделения Центрархива (1925) и в аспирантуре ГАИМК (1928–1931), а в 1932 г. был принят на работу в ГАИМК.

В научной биографии молодого ученого значительным событием стала встреча с К.К. Романовым, известным историком архитектуры и реставратором, сотрудником Императорской археологической комиссии, автором проекта реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и монографии об архитектурных памятниках Ферапонтова. Воронин и Романов, ставший научным руководителем его кандидатской диссертации «Очерки по истории русского зодчества XI–XVII вв.», оказались соседями по коммунальной квартире в Ленинграде на Дворцовой набережной. Можно полагать, что именно К.К. Романов привил Воронину вкус к натурному изучению архитектурных памятников и поиску архивных материалов, освещающих их историю. Среди студентов ЛГУ Воронин встретил Г.Ф. Корзухину, ставшую в 1926 г. его женой.

Ленинградский период в жизни Н.Н. Воронина был прерван войной. Ученый ушел на фронт в июле 1941 г., был ранен в боях под Стрельной в сентябре 1941 г. и после госпиталя и демобилизации (март 1942 г.) стал сотрудником Московского от-

деления ИИМК, затем — заведующим сектором славяно-русской археологии. В 1944 г. в Москве в институте была защищена докторская диссертация «Архитектурные памятники Владимиро-Суздальской Руси в XI–XIII вв.», подготовка которой была завершена еще в 1941 г. Здесь же была закончена работа над двухтомной «Историей культуры Древней Руси» (М.; Л., 1948–1951), монографическим изданием, в котором Н.Н. Воронин выступил как редактор (совместно с М.К. Каргером и М.А. Тихановой) и автор ряда разделов (о поселениях, жилищах, утвари, путях сообщения и пр.). Первый том этой книги был готов к изданию еще в 1941 г., но вышел из печати спустя семь лет. Н.Н. Воронин работал в Институте археологии в Москве до 1973 г., занимал разные должности, долгое время был заведующим архивом. Здесь он связал свой путь с Е.И. Горюновой, исследователем финских древностей и славяно-финского этнокультурного взаимодействия в Волго-Окском регионе. Исследования, выполненные в институте в «московский период» (1950–1960-е годы), принесли ему широкую известность и общественное признание и выдвинули его как авторитетного защитника национального архитектурного наследия.

Как и многие ученые его поколения, Н.Н. Воронин в 1930-е годы испытал увлечение проекцией марксистской социологии на археологические материалы и

За рабочим столом в ГАИМК. Ленинград, 1926–1927 гг.

Во владимирском Успенском соборе. Обследование гробницы Андрея Боголюбского, 1934 г.

Москва, 1955–1956 гг.

На лыжах на даче в Снегирях под Москвой, 1960-е годы.

исторические источники (К истории сельского поселения феодальной России. М., 1935) и историко-культурными реконструкциями с использованием методов и подходов Н.Я. Марра (Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА, № 6. 1941), однако в основе его подхода к изучению русского средневековья оставались историзм и установка на углубленное всестороннее изучение конкретных памятников. Выбор для исследования средневекового зодчества на рубеже 1920–1930-х годов, в эпоху гонений на церковь и массового сноса храмов, был неординарным поступком, требовавшим немалого мужества.

В 1934 г. Н.Н. Воронин стал одним из инициаторов развертывания полевых археологических работ в древнерусских городах и на «феодальных усадьбах», предложив программу нового археологического изучения основных центров княжеской власти Северо-Восточной Руси и нового документирования памятников белокаменного зодчества XII–XIII вв. в контексте изучения феодальных отношений и социального облика городов. Полевые исследования средневековых городов и храмов были начаты в том же году и продолжались с перерывом до начала 1960-х, затронув почти все белокаменные постройки XII–XIII вв. и их остатки во Владимире, Суздале, Боголюбове, Ростове, Переславле и Юрьеве-Польском. Наиболее яркие результаты дали раскопки комплексов Боголюбова и церкви Покрова на Нерли, выявившие утраченные элементы этих знаковых памятников, важные для понимания их первоначального облика. Рисунок Боголюбовского замка, реконструированного Н.Н. Ворониным, оказался на страницах десятков изданий как пример древнерусской княжеской резиденции. Материалы собственных натуральных обследований

средневековых храмов и раскопок, проявивших их строительную историю и технические приемы, послужили важнейшим источником для воссоздания общей картины развития зодчества Северо-Восточной Руси, представленной в двухтомнике 1961–1962 гг.

Обращение к средневековому зодчеству западнорусских земель стало органичным продолжением исследования памятников Северо-Востока. В 1949 г. Воронин провел раскопки одного из храмов XII в. в Гродно — Нижней церкви (Древнее Гродно. М.; Л., 1954. (МИА, № 41)), в 1950-е годы занялся изучением полоцких памятников, документированных раскопками довоенного времени (Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. № 6. М., 1956. С. 3–20), в 1962 г. приступил к поискам и раскопкам остатков средневековых храмов в Смоленске, организованным совместно с П.А. Раппопортом и продолженным с 1972 г. экспедицией ЛОИА. Смоленской экспедицией открыто и исследовано около десятка неизвестных церковных построек XII–XIII вв. — небольших бесстолпных церквей и монументальных комплексов со сложной строительной историей. Появление этих материалов, по мнению Н.Н. Воронина, позволило новыми глазами взглянуть на развитие смоленской архитектуры и ее роль в общей истории русского зодчества. Можно добавить, что эти материалы во многом изменили представления и о самом Смоленске, способствуя осознанию его значения как одного из важнейших городских центров Руси в XII–XIII вв. Книги, подводящие итоги этих раскопок, вышли из печати уже после смерти Н.Н. Воронина (Воронин Н.Н. Смоленская живопись XII–XIII вв., М., 1977; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество древнего Смоленска в XII–XIII вв. Л., 1979).

Хотя Н.Н. Воронин получил известность прежде всего как исследователь древнерусской архитектуры и проблем социально-политической и социально-культурной истории средневековья, его по праву можно рассматривать как основоположника археологического изучения городов Ростово-Суздальской земли. Приступив к изучению памятников белокаменного зодчества XII–XIII вв., ученый исходил из того, что феномен их появления не может быть раскрыт без археологических материалов, характеризующих городские центры Северо-Восточной Руси и особенности урбанизации этой территории. Предпринятые им в 1930–1950-е годы раскопки и разведочные шурфовки позволили получить первые данные о культурном слое и исторической топографии основных городов центральной части Северо-Восточной Руси: Владимира, Суздаля, Боголюбова, Ростова, Переславля, выявить в некоторых из них участки с ранним культурным слоем (X в., Ростов, Суздаль, Боголюбово), датировать оборонительные сооружения.

В состав Среднерусской экспедиции Н.Н. Воронина входили отряды, изучавшие средневековые поселения, фортификации и погребальные памятники на территории Владимирской, Псковской, Смоленской и Кировской обл. Работами отрядов руководили В.В. Седов, П.А. Раппопорт, А.Л. Монгайт и Е.И. Горюнова, в работе принимали участие Г.К. Вагнер и В.Л. Янин. Сегодня, возвращаясь к публикациям 1940–1960-х годов, можно констатировать, что Н.Н. Воронин и его сотрудники, несмотря на скромный в большинстве городов объем работ, достаточно точно определили хронологию культурных напластований, общую динамику развития и пространственные параметры важнейших го-

родских центров. Картина бурного развития городов Ростово-Суздальской земли в XII – начале XIII в. была первоначально создана на материалах Среднерусской экспедиции.

В 1962 г. Н.Н. Воронин возглавил группу археологов, работавшую в Московском Кремле, на площадке будущего Дворца съездов. Наблюдения, сделанные в ходе этих работ, стали важнейшим (хотя и вызывающим сегодня споры) источником для реконструкции исторической топографии ранней Москвы и первоначального облика крепости на Кремлевском холме.

Как историк и археолог, в полной мере осознававший ценность древнерусского наследия, очевидец разрушения памятников в 1930-х годах и ученый с собственной гражданской позицией, Н.Н. Воронин много сделал для возрождения общественного интереса к памятникам истории и культуры и организации их охраны. Его первые статьи о сохранении памятников древнерусских городов появились в печати в военные годы. В статье «К вопросу об организации и юридическом обосновании дела охраны и исследования археологических памятников в РСФСР» (Материалы к Всесоюз. археологическому совещанию. М., 1945; соавтор В.Н. Граков) сформулировано предложение создать правовые основы для защиты наследия. Статьи Н.Н. Воронина, опубликованные в 1956 г. в «Правде» и «Литературной газете», подписанные им вместе с другими известными учеными и деятелями культуры (И.Э. Грабарь, М.Н. Тихомиров, Л.М. Леонов, П.Д. Корин, И.Г. Эренбург), и его книга «Любите и охраняйте памятники древнерусского искусства» (М., 1960) сыграли значительную роль в переломе общественного отношения к памятникам прошлого, пробуждению более глубокого интереса к архитектурной стари-

Раскопки в Смоленске. Крайний справа – Н.Н. Воронин, второй слева – П.А. Раппопорт, вторая половина 1960-х годов.

Смоленск, раскопки церкви на Соборной горе, 1960-е годы.

Обложка и титульный лист монографии, за которую автору присуждена Ленинская премия 1965 г.

Грузия. Анапури, 1960-е годы.

не и археологическим древностям. В 1965 г. Воронин выступил одним из инициаторов создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Н.Н. Воронин в послевоенные десятилетия занимал заметное положение в официальной иерархии советской исторической науки, однако его видение истории с подчеркнутым вниманием к церковному строительству, взаимоотношениям княжеской власти и церкви и роли отдельных правителей в изменении геополитического ландшафта нередко диссонировало с общепринятыми подходами к освещению русского средневековья. Написанная в 1945–1946 гг. популярная книга об Андрее Боголюбском, получившая положительный отзыв академика Б.Д. Грекова, была снята с производства в 1947 г. после критической рецензии В.Т. Пашуто как «неудовлетворительная как по приемам источниковедческого анализа, так и по методам политической интерпретации фактов». Н.Н. Воронин отказался переписывать книгу, попытки издания рукописи в 1950-х годах так и не увенчались успехом, несмотря на поддержку Д.С. Лихачева и С.О. Шмидта. Книга вышла из печати (М., 2007) спустя более 30 лет после смерти автора. Сегодняшнему читателю трудно понять, почему героизация владимирского князя, вполне уместная в научно-популярном издании, вызвала столь жесткое неприятие цензоров. Издателями были отвергнуты и некоторые статьи по проблемам сохранения наследия (в том числе статья об исторической среде Суздаля, полемика с известным архитектором В.Н. Глазычевым, 1968 г.), предостерегающая от превращения музеев-заповедников в городах «Золотого кольца» в туристические «диснейленды», лишенные серьезного исторического наполнения.

Северо-Восточная Русь Н.Н. Воронина — новый политический центр, созданный в XII в. сильной княжеской властью в союзе с городами, «проект» Андрея Боголюбского, решительного и дальновидного государственного правителя, бросившего вызов «хаосу феодального дробления», осознавшего геополитическое значение Волго-Окских земель как территориальной основы для будущего общерусского объединения. Белокаменные храмы — художественное отражение этого проекта, подпитанное культурными импульсами романского мира. Эти идеи (во все не бесспорные, но сформулированные ярко и убедительно) нашли свое выражение и в его стихах, пожалуй, наиболее ярко в стихотворении «Князь Андрей»: «Покойся. Спи. / Твои соборы / Сияют миру навсегда. / И в красоте родных просторов / Есть доля твоего труда». Со слов Н.Н. Воронина рассказывают, что эти стихи были одобрены А.Н. Твардовским, главным редактором «Нового мира», отказавшимся, впрочем, их печатать со словами: «У Вас древность, а я редактирую “Новый мир”».

В стихах Воронин писал и о «боренье» в его душе двух начал: «холодной точности и страстного горенья». Это боренье (а скорее, соединение, слияние) глубокого аналитического интереса к прошлому и способности чувствовать красоту и обаяние его подлинных памятников свойственно характеру многих выдающихся археологов XX в. и в значительной степени определяет природу археологии.

Пекин, 1950 г.

С.В. Киселев (1905–1962)

Е.Г. Дэвлет

Сергей Владимирович Киселев — выдающийся российский ученый, археолог и историк древнего мира и средневековья, член-корреспондент АН СССР, ученый секретарь Президиума АН СССР, заместитель директора Института археологии, создатель сектора неолита и бронзы.

Родился 17 июля 1905 г. в подмосковном г. Мытищи в семье техника вагоностроительного завода. В 1923 г. поступил в Московский государственный университет на историко-археологическое отделение факультета общественных наук. Его научным руководителем становится выдающийся ученый, воспитавший несколько поколений русских археологов, В.А. Городцов. По заданию Главнауки в 1923 г. В.А. Городцов совершил поездку по Сибири для обследования музеев и был впечатлен археологическим разнообразием Южной Сибири, поражен огромными коллекциями древностей Минусинского музея. В то время были сделаны только первые шаги в разработке периодизации памятников большого региона (работы С.А. Теплоухова), и В.А. Городцов ориентировал С.В. Киселева на изучение далекого и малоисследованного края.

Еще совсем молодой, но уже необычайно целеустремленный и глубоко эрудированный ученый, С.В. Киселев с энергией и страстью, свойственными его натуре, принялся за исследование новых материалов. Изучению далекого прошлого этого края он посвятил всю жизнь.

В 1928 г., будучи аспирантом Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук), С.В. Киселев осуществил первые раскопки на Среднем Енисее.

Этот полевой сезон, положивший начало планомерным многолетним исследованиям, без преувеличения можно назвать научным подвигом. При наличии скромных средств, часть из которых была сэкономлена от аспирантской стипендии, он провел значительные по масштабам раскопки, проделал большой разведочный маршрут. Было зарегистрировано 17 курганов афанасьевской культуры, около 500 карасукской, 945 тагарской, таштыкские и кыргызские погребальные сооружения и другие памятники. Результаты были полностью опубликованы, коллекции переданы в Минусинский музей. Эта новая группа источников стала основой классификации археологических культур региона.

В 1929 г. по предложению и на средства Минусинского музея С.В. Киселев продолжил разведки и раскопки афанасьевских, карасукских, тагарских и таштыкских погребений на правом берегу Енисея, у сел Сыда, Усть-Сыда и Быстрая, тогда же было сделано более 80 эстампажей наскальных изображений. Анализу техники петроглифов посвящена специальная статья, в которой С.В. Киселев подчеркнул значение писаниц как ценного исторического источника.

Портрет С.В. Киселева.
Рисунок Л.А. Евтюховой.

40-летний юбилей научной деятельности В.А. Городцова (актовый зал 1-го МГУ, на коленях у Городцова его внучка Кира). С.В. Киселев сидит во втором ряду слева (перед ним – А.В. Арциховский), 21 мая 1928 г.

Конец 1920-х годов знаменуется пересмотром методологии науки, борьбой (как в то время было принято говорить) с влиянием буржуазной идеологии в археологии. В спорах, острых дискуссиях, преодолевая временные ошибки, молодое поколение археологов вырабатывало новую методику, создавало теоретическую базу советской археологической науки. В первых рядах был С.В. Киселев, для его работ с самого начала характерно стремление к историзму, к широким обобщениям, что демонстрирует, в частности, работа 1928 г. (Поселение. Социологический очерк // Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН. Вып. II. М. С. 35–68). В ней автор прослеживает трансформацию форм поселений от каменного века до средневековья в связи с общими закономерностями развития человеческого общества.

Работу в Государственном историческом музее он успешно совмещает с работой в Московском отделении ГАИМК. В 1930 г. С.В. Киселев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Минусинский неометалл».

Накопление и осмысление новых археологических материалов с территории Сибири позволили археологам того времени перейти к разработке сложных социально-экономических вопросов истории сибирского населения в древности. Пример такого историко-археологического исследования — очерк С.В. Киселева «Разложение рода и феодализм на Енисее» (Изв. ГАИМК. Вып. 65. Л., 1933). Несмотря на некоторые неоднозначные увлечения социологического характера, это была смелая, новаторская работа, исторически обобщившая огромный фактический мате-

риал и сыгравшая позитивную роль в развитии археологии.

С 1930 г. в течение многих лет С.В. Киселев возглавлял работу Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ. Ежегодно проводились планомерные археологические работы на Алтае, в Хакасии, Монголии, где были открыты и изучены памятники разных эпох от ранней бронзы до средневековья, многие из них получили мировую известность. Наряду с полевыми исследованиями, значительно обогатившими источниковую базу, большое внимание уделено изучению музейных коллекций.

В мае 1946 г. С.В. Киселев защитил докторскую диссертацию на тему «Древняя история Южной Сибири». В 1949 г. одноименная монография вышла в свет (МИА, № 9), выдержав второе издание в 1951 г. (М.), а ее автор был удостоен премий, в том числе Государственной премии СССР. Эта работа — наиболее полный сводный труд, обобщивший все предшествовавшие археологические исследования. Он охватывает огромный хронологический период — около трех тысячелетий — от неолита до расцвета средневековых государств, вплоть до монгольского нашествия в XIII в. Исследователь выделил основные этапы древней истории Южной Сибири, показал своеобразие каждого из них. Значительное внимание уделено локальной специфике хозяйства, быта и культуры древнего населения. В то же время было продемонстрировано, что культурное развитие происходило не изолированно, а в тесной связи с соседними регионами и цивилизациями.

С.В. Киселев во многом пересмотрел господствовавшие представления и сделал ряд существенных выводов о путях развития и разложения родового строя, о возникновении феодальных отношений. Разрешив краугольные проблемы происхождения древнего населения и современных народов, прежде всего хакасов, он воссоздал

неписаную историю Южной Сибири. А.В. Арциховский отмечал, что в изучении Южной Сибири книга С.В. Киселева открыла новую эру — эпоха подготовительных работ (продолжавшаяся более 100 лет) закончена, впервые написана древняя история этой страны, а все будущие исследования Южной Сибири будут в течение многих десятилетий опираться на эту книгу.

Исследуя прошлое народов Южной Сибири на широком историческом фоне, С.В. Киселев все ближе подходил к разработке проблем древней и средневековой истории Центральной Азии. В 1946–1947 гг. он работал в Туве, в 1947–1949 гг. проводил раскопки на территории Монголии, совершил две большие научные командировки в Китай.

В результате работ комплексной археолого-этнографической экспедиции в Монголии зафиксированы сотни археологических памятников, открыта многослойная палеолитическая стоянка на берегу р. Орхон, изучены средневековые городища и города.

Раскопки 1948–1949 гг. позволили рассмотреть вопрос о местонахождении города Каракорум, составить план, детально охарактеризовать отдельные кварталы, что дало основания С.В. Киселеву для воссоздания социально-экономического облика монгольской столицы XIII в. Наибольшую важность для разрешения давней дискуссии о дате основания города имели раскопки объекта, получившего название «дворец Угэдея». Дата его постройки была известна по летописи, а в подстилающих дворец слоях С.В. Киселев обнаружил остатки буддийской кумирни с фресками, датируемой

по стилю XII – началом XIII в. По мнению С.В. Киселева, этот храм с фресками относился к эпохе Чингисхана. В последние годы к проблеме идентификации Каракорума вернулась немецкая исследовательница Е. Бескер, усомнившаяся в выводах Киселева о локализации монгольской столицы. Непросто полностью соотнести материалы раскопок с описанными очевидцем В. Рубруком тремя частями города — административной с дворцом Угэдея в центре, ремесленными кварталами и торговой частью. Материалы археологического исследования не выявили следов мощного ремесленного производства. Изучение материалов Каракорума продолжается силами немецких и монгольских ученых.

С.В. Киселев впервые поставил на повестку дня вопросы глубокого теоретического значения — о городах Центральной Азии в зоне преобладания кочевого феодального хозяйства. Во второй половине 1950-х годов тему анализа монгольского средневекового города как архитектурного ансамбля и как социально-экономического феномена он развил на материалах раскопок забайкальского «Кондуйского городка».

Работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции были продолжены в 1954–1956 гг., когда велись раскопки крупнейшего на Среднем Енисее Большого Салбыкского кургана тагарской эпохи раннего железного века. Сооружение с мощной архитектурой заключало семейный склеп вождя племени или союза племен, но почти полностью было ограблено в древности. Нельзя не отметить, что масштабные раскопки велись в тяжелейших условиях.

Члены археологического сектора Гос. академии искусствознания (ГАИС). Слева направо сидят: ?, Н.И. Новосадский, П.А. Дмитриев, В.А. Городцов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, О.А. Гракова-Кривцова, ?; стоят: О.Н. Бадер, А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, П.С. Рыков, А.С. Башкиров, Г.Ф. Дебец, Л.А. Евтюхова, Н.А. Прокошев, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов, 17 октября 1931 г.

Работы Забайкальской экспедиции, вторая половина 1950-х годов.

Автопортрет Л.А. Евтюховой.

Л.А. Евтюхова и С.В. Киселев на раскопках Большого Салбыкского кургана, 1955 г.

В последние годы жизни С.В. Киселев трудился над фундаментальным трудом «Энеолит и бронзовый век Старого Света», который задумал как историческое обобщение по важнейшим периодам в истории человечества, собирал материалы на Крите и в Китае. Но завершить труд не успел, скоропостижная кончина прервала его творческий путь на взлете научной и общественной карьеры.

В современных историографических работах С.В. Киселева принято называть советским ученым, вкладывая в это явно негативный смысл. Пишут о нем, как о «комиссаре в археологии», как о «большевике в науке, хотя и не самом воинственном». Основное, что ему инкриминируется — он нигде не упоминает, что первая научная периодизация древностей Южной Сибири была разработана С.А. Теплоуховым, который был репрессирован. Упрек справедливый, но в оправдание можно сказать, что С.В. Киселев реагировал на политические веяния и понимал, что упоминание имени «врага народа» могло привлечь внимание соответствующих органов. Если бы Киселев намеревался приписать себе заслуги предшественника, то попросту переименовал археологические культуры. Но он этого не сделал. Осторожность Киселева проявилась и в том, что в своей монографии, в главе о пазырыкской эпохе Алтая упомянул имя основного исследователя этого периода С.И. Руденко только дважды. Думаю, следует проявить понимание — в те времена, когда ссылка научная легко могла быть заменена ссылкой другого рода, такая осторожность в значительной мере извинительна.

Если попытаться проследить судьбы современников С.В. Киселева, работавших на Енисее в 1920–1940-е годы, то вырисовывается трагическая картина. Среди исследователей енисейских древностей практически невозможно отыскать тех, кого не коснулись бы политические репрессии. В эти годы были расстреляны А.В. Адрианов и Е.Р. Шней-

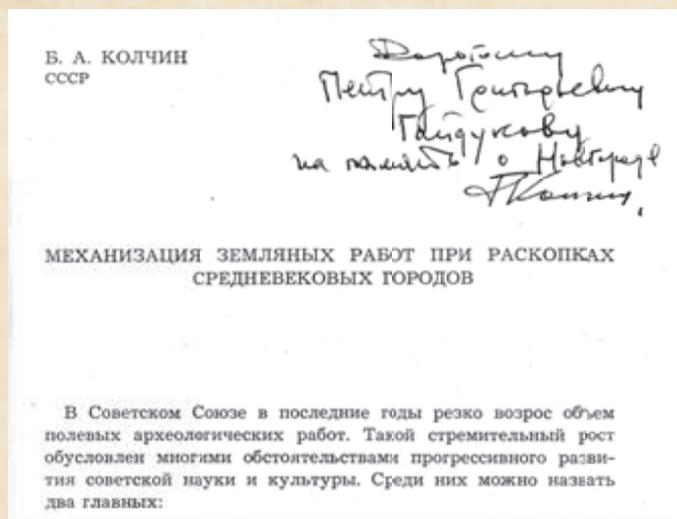
дер. В застенках НКВД покончили жизнь самоубийством Ф.А. Фиельструп и С.А. Теплоухов. Были арестованы и отбывали ссылку М.П. Грязнов и С.И. Руденко, оказавшийся оторванным от научной деятельности на 15 лет. Были репрессированы члены семей археологов, работавших на Енисее: у В.Г. Карцова арестована жена, ученица В.А. Городцова, как и он сам. У В.П. Левашевой расстреляны муж и отец — крупный церковный иерарх. Пострадали даже такие деятели, как сотрудничавший с НКВД А.Н. Липский, репрессированный, по слухам, «за превышение полномочий» — на Дальнем Востоке он якобы ликвидировал большее количество коренных жителей, чем предусматривалось разверсткой.

Времена, как известно, не выбирают. В таких предложенных обстоятельствах, в атмосфере всеобщего страха выпало С.В. Киселеву жить и работать, пришлось быть лояльным по отношению к властям и демонстрировать благонадежность. Но главное — он не предавал и не доносил, что было вполне обыденным делом в те времена. По мере возможности Киселев содействовал тем, кто нуждался в помощи. М.П. Грязнову, вернувшемуся из ссылки, он помог в течение одного года защитить и кандидатскую, и докторскую диссертации. На протяжении всей жизни он с супругой Л.А. Евтюховой, его верной спутницей и помощницей, всячески поддерживали свою однокурсницу В.П. Левашеву.

С.В. Киселев был выдающимся организатором науки, по сути, сегодняшняя структура научных археологических учреждений России сформирована и заложена при его непосредственном участии. На протяжении многих лет этот компетентный и эрудированный, амбициозный и харизматичный человек определял лицо археологии той поры (директор института историк А.Д. Удальцов мало интересовался археологией).

Широко известна преподавательская деятельность С.В. Киселева на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, многочисленные ученики и последователи Сергея Владимировича продолжают разрабатывать проблемы, впервые поднятые и развитые в его трудах, подтверждая на новых материалах его блестящий дар научного предвидения.

Б.А. Колчин (1914–1984)

Статья Б.А. Колчина «Механизация земляных работ при раскопках средневековых городов» с автографом автора. Изд.: *International symposium on mechanization of the archaeological fieldworks. Łódź, 1978. S. 51. (Archaeologia Baltica, v. III).*

Б.А. Колчин и В.В. Седов. Новгород, база Новгородской экспедиции, август 1982 г.

Борис Александрович Колчин — автор капитальных трудов по металлографии, средневековому ремеслу, классификации и датировке средневековых массовых бытовых изделий из черного металла и дерева, а также дендрохронологии Новгорода и Восточной Европы. Они остаются настольными для всех археологов-медиевистов. На протяжении почти 40 лет работы в Новгородской экспедиции Б.А. Колчин сделал много для совершенствования методики раскопок влажного многометрового культурного слоя. Начатые им более полувека назад новые научные направления получили широкое развитие. Его ученики плодотворно работают в археологии и уже воспитали поколение своих учеников.

Мой диапазон общения с Б.А. Колчиным невелик, наши контакты ограничиваются всего восемью годами. Я познакомился с ним будучи еще студентом, в 1975 г., во время летней практики в Новгородской экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова, ИА АН СССР и Новгородского музея. В то время Колчин был

заместителем начальника экспедиции, обеспечивал ее грузовым автомобилем Экспедиционной автобазы АН СССР, а также привозил из Института археологии небольшие деньги на проведение раскопок. В экспедицию приезжали и помогали ему в работе сотрудники возглавляемой им лаборатории естественнонаучных методов ИА: Л.И. Авилова, В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, А.Ф. Урьева. Борис Александрович следил за деятельностью раскопок, контролировал проведение дендрохронологических анализов, постоянно пополнял картотеку вещевых находок.

Б.А. Колчин запомнился очень знающим, мудрым и ироничным человеком. Наши встречи и беседы в Москве были не частыми. В Новгороде удавалось общаться гораздо больше: я расспрашивал, Борис Александрович охотно отвечал. Многие из этих бесед крепко врезались в память и запомнилось благодаря содержательности разговоров и его удивительному чувству юмора. Смерть Бориса Александровича в январе 1984 г. была

Из коллективного фото III выпуска
истфака МГУ (1936–1941).

Открытка А.В. Арциховского, адресованная Б.А. Колчину на рудник
«Большая Инта» (Коми АССР), 19 мая 1945 г.

неожиданной и ошеломляющей для всех знавших его людей.

Б.А. Колчин — уроженец Сормово, пригорода Нижнего Новгорода (родился в семье техника Сормовского машиностроительного завода). В 1929 г. в связи с переводом отца на новую работу Колчины переехали на жительство в Москву.

В 1930–1935 гг. Борис Александрович работал на авиационном заводе и в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ). Одновременно с этим обучался на вечернем отделении, сначала машиностроительного техникума, а позже авиационного института. Карьера технического специалиста у Бориса Александровича складывалась удачно: он вел научную работу в области взаимозаменяемости в самолетостроении, завершившуюся публикациями в соавторстве с другими инженерами двух книг.

Но в 1935 г. Колчин круто изменил свою жизнь. Он поступил на исторический факультет МГУ, как он позже напишет в автобиографии, «имея определенное желание заниматься вопросами истории материальной культуры и истории техники». К весне 1941 г. под руководством профессора А.В. Арциховского он написал дипломную работу «Обработка железа на Руси в XVI в.». 27 июня 1941 г. сдал последний экзамен и уже 30 июня был призван в армию.

В звании младшего лейтенанта Б.А. Колчин служил на Украинском фронте. Два раза в районе Оржицких болот участвовал в боях. В начале ноября попал в Киевское окружение Украинского фронта, но в середине декабря с группой бойцов вышел из окружения. После реформирования в Москве в феврале 1942 г. Б.А. Колчин переводится в Муром в 105 Запасной стрелковый полк, но в ок-

тябре 1942 г. был арестован, обвинен в уклонении от воинской повинности и, судя по архивным документам, осужден на пять лет (вероятно, за пребывание на оккупированной территории). Позже в автобиографиях он отмечал: «Из-за недоказанности преступления судим не был, но отправлен на стройку НКВД для использования по технической специальности». Наказание отбывал на северо-востоке Коми АССР, на руднике «Большая Инта».

В суровых условиях ссылки Б.А. Колчин, имея техническое образование и опыт работы на производстве, вероятно, смог профессионально хорошо себя проявить, поскольку уже в 1944 г. был назначен инженером в проектный отдел Интастроя.

В Москву Колчин вернулся в октябре 1945 г. При всех дальнейших научных успехах и достижениях, включая получение высоких государственных наград, последствия пребывания в лагерях ГУЛАГа он будет ощущать до конца своих дней.

Приведу два характерных случая подобно-го рода, первому из которых я оказался случайным свидетелем в 1978 г. Дело было в здании на ул. Дмитрия Ульянова, 19, где в те годы кроме Института археологии размещались еще три института Отделения истории АН СССР. У книжного киоска на первом этаже здания, где всегда шла бойкая торговля научной литературой, я увидел сотрудника одного из этих институтов, державшего в руках только что появившуюся книгу «Проблемы советской археологии». В этом сборнике были опубликованы статьи сотрудников Института археологии – участников Великой Отечественной войны, в том числе и статья Б.А. Колчина «Оружейное дело Древней Руси: Техника производства». «Покупатель» с показным удивлением и иронией рассуждал, что в книге опубликована статья человека, который побывал в немецком плену и за это сидел «где следует».

В 1981 г. Б.А. Колчин участвовал во Всесоюзной научной конференции в Тбилиси, посвящен-

ной 100-летию проведения V Археологического съезда. Как принято на научных форумах, организаторы запланировали культурную программу. Группу археологов, в составе которой был и Борис Александрович, должны были повезти в горный район Грузии на границу с Турцией для осмотра средневековых храмов. Вместо этого всех задержали с отъездом и после долгих проволочек увезли совсем в другое место. Как рассказал позже один из участников поездки, маршрут экскурсии был изменен из-за присутствия в группе Колчина. Все это, безусловно, психологически задевало и травмировало Бориса Александровича.

Но вернемся в 1945 год: в октябре Б.А. Колчин поступил на работу в научно-библиографический отдел Ленинской библиотеки. Летом 1946 г. он побывал в нескольких экспедициях Института истории материальной культуры (ИИМК), а осенью того же года зачислен в дневную аспирантуру ИИМК с темой диссертации «Древнерусское ремесло по обработке железа». Научным руководителем был назначен А.В. Арциховский, работавший по совместительству в ИИМК и давший своему ученику прекрасную характеристику.

В 1947 г. после долгого перерыва А.В. Арциховский решил вернуться к работам в Новгороде и главную роль в организации новгородских раскопок поручил Колчину. Результаты работ Новгородской экспедиции 1947–1948 гг. на Ярославовом дворище широко известны. Это была, если можно так выразиться, генеральная репетиция перед «Неревской эпопеей». Именно здесь начал складываться научный коллектив экспедиции. С этого времени Борис Александрович становится одним из организаторов и непременным участником проведения раскопок в Новгороде.

Вот как характеризует роль Колчина участник новгородских работ 1947 г. Д.А. Авдусин: «... Колчин поломал кустарный характер раскопок и придал экспедиции необычный размах. Она была обеспечена машинами, в первую очередь транспортерами, восхищавшими А.В. Арциховского, который, однако, не вполне и понимал, как их можно применить на раскопках. Было заказано большое количество пиломатериалов, чтобы не экономить на технике безопасности и не попрошайничать у местных организаций. Были сделаны надежные трапы, укрепления, ограждения и пр. Зная об обилии грунтовых вод, получили насос «лягушку», в чем ошиблись: нужен был насос с электрическим приводом. Событием было появление нивелиров, облегчивших и ускоривших всевозможные замеры» (Авдусин Д.А. Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 31, 32).

При новгородских раскопках 1947 г. и в более позднее время Б.А. Колчин воспользовался своим опытом инженера-строителя, приобретенным на лагерных стройках НКВД и руднике «Большая Инта». Именно там, а не в ЦАГИ, он впервые увидел практическое применение транспортеров и подъемников. Можно полагать, что таким путем некоторые приемы организации промышленных работ в ГУЛАГе пришли в практику раскопок сначала Новгородской, а потом и многих других «городских» экспедиций.

В 1950 г. Б.А. Колчин защитил диссертацию «Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси», которая в 1953 г. издана отдельной книгой. В том же году на близкую тему напечатана другая его книга: «Техника обработки металла в древней Руси». Эти-

Б.А. Колчин и А.В. Арциховский на раскопе на Ярославовом Дворище, 1948 г. Кадр из документального фильма «Новгород Великий».

Раскоп на Ярославовом Дворище, в центре – А.В. Арциховский и Т.Н. Никольская, 1948 г. Кадр из документального фильма «Новгород Великий».

1950 г.

Б.А. Колчин и А.В. Арциховский в Новгороде на берегу Волхова, середина 1950-х годов.

Карикатура, изображающая Б.А. Колчина на Неревском раскопе. Фрагмент стенгазеты «Молния», август 1952 г.

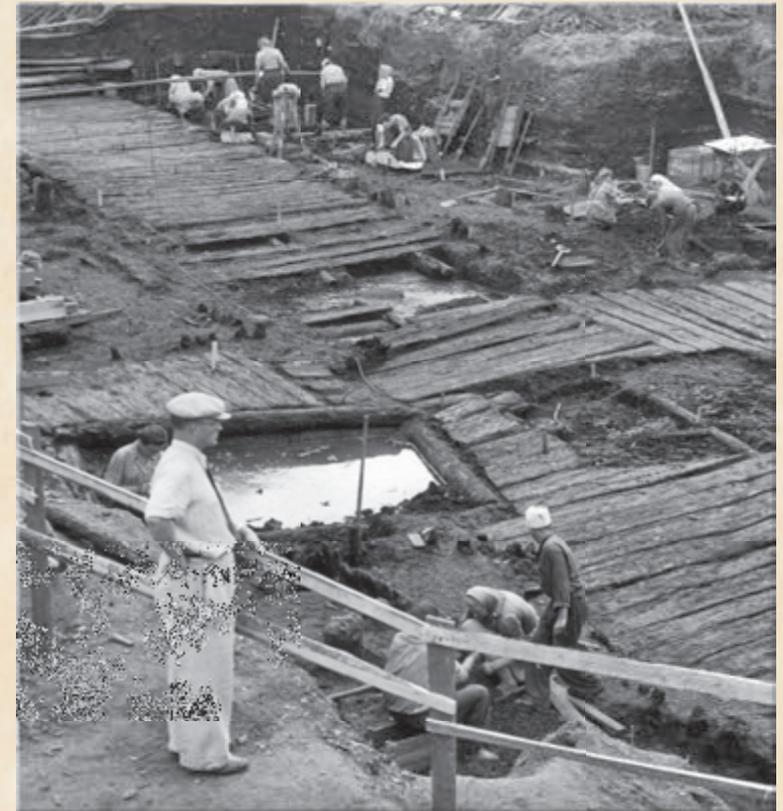
Жалоба и карикатура на Б.А. Колчина, использующего экспедиционную автомашину не по графику. Фрагмент стенгазеты «Молния», август 1952 г.

ми работами положено начало новому направлению в изучении археологического металла в СССР.

В 1951 г. Б.А. Колчин был зачислен в штат ИИМК. В его жизни начался новый период. Теперь он получил возможность направить все свои силы на изучение археологии Новгорода, а не заниматься только организацией полевых археологических работ в Новгородской экспедиции. Во многом ему в этом помог А.В. Арциховский, и Борис Александрович никогда об этом не забывал.

Летом 1951 г. началась знаменитая «Неревская эпопея» – организация и проведение широкомасштабных археологических работ в Неревском конце средневекового Новгорода, длившаяся

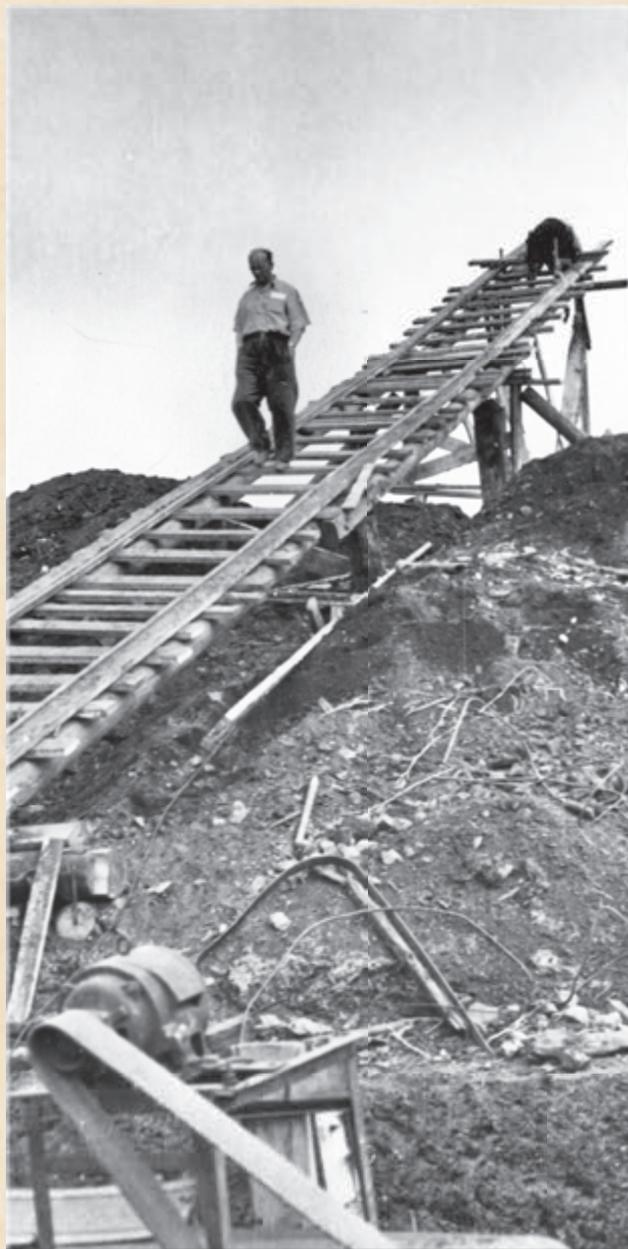

Б.А. Колчин на Неревском раскопе, перекресток Великой и Холопьей улиц, 1953 г. Фото С.Т. Бочарова.

ся 12 лет (1951–1962). За это время благодаря широкой механизации земляных работ вскрыт невиданный ранее по величине участок древнерусского города: раскопана площадь в 9000 м² при толщине культурного слоя от 6 до 7,5 м. Все эти годы Б.А. Колчин был правой рукой А.В. Арциховского. Именно на его плечах лежала основная тяжесть организации научного и хозяйственного обеспечения экспедиции, а также контроль за финансовым исполнением работ этой гигантской «фабрики по добыче древностей». Благодаря широкой механизации археологических работ, осуществленных Б.А. Колчиным, стало возможно в короткий срок исследовать культурный слой большими площадями, что принесло принципиально новую информацию по археологии древнерусского города.

Многолетний сотрудник Новгородской экспедиции и автор прорисей первых сотен берестяных грамот М.Н. Кислов в конце 1960-х годов кратко записал некоторые эпизоды о работах на Неревском раскопе. Приведу лишь один отрывок из них.

«Огромная заслуга Колчина — механизация удаления просмотренной земли из раскопа! Нужно добавить, что у Колчина, как и у других, было много огромных заслуг. Уже в песенке, сочиненной в Новгороде в 1947–1948 гг., поется: “Товарищ Колчин со взглядом волчьим крутил дурацкий транспортер”. Но при размахе раскопок в 1952 году транспортеров оказалось мало. Колчин построил скиповый подъемник. По огромной эстакаде, по деревянным рельсам двигался большой ящик с откидными стенками. Стальной трос наматывался на лебедку, которую крутили 6 рабочих. Ящик вел себя как живое существо. Он похивал,

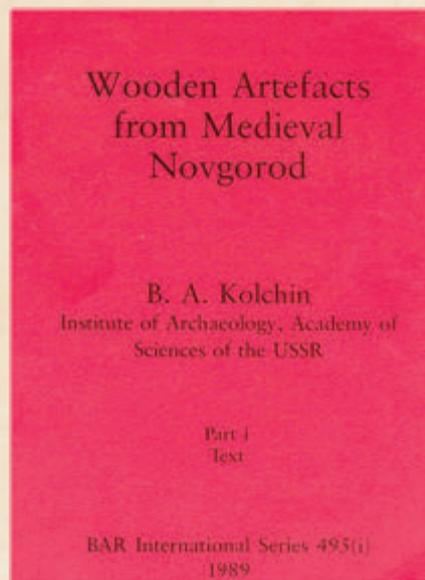
Б.А. Колчин на Неревском раскопе за проверкой функционирования скипового подъемника, 1952 г. Фото С.Т. Бочарова.

Неревский раскоп. Механизация земляных работ, 1955 г.

Б.А. Колчин и сотрудники Новгородской экспедиции в столовой, середина 1960-х годов. В углу виден экспедиционный «иконостас»: А.В. Арциховский, Б.А. Колчин (слева) и М.Н. Кислов (справа).

перекашивался с боку на бок, отдыхал... И снова полз со стоном! Восхищенный Колчин изрек: “Люди тысячи лет думали, как облегчить свой труд. И вот к чему они пришли!” <...> На ящичке вскоре написали: “СКРИП ТИП БАК-1”.

На следующий год появились усовершенствования. Металлические полосы служили полозьями, на ящичке приделали колесики, привезли электролебедки. Скипы были поставлены во все раскопы. К сожалению, существовали они недолго. Громоздкая эстакада мешала раскопкам, вырастали огромные терриконы. Спихнуть их в раскоп (когда он дойдет до материка) оказалось нелегкой задачей. Вместо скипов поставили ряд 15-метровых транспортеров. Их можно было легко переставлять, освобождая место в раскопе, а последний (верхний) транспортер менял направление, и гора земли получалась не конусом, а валом. К тому же, приспособились с помощью бульдозера убирать эту гору в стороны» (Тетрадь с записями М.Н. Кислова хранится в домашнем архиве академика В.Л. Янина).

Б.А. Колчин активно издавал материалы, полученные на Неревском раскопе. В первых двух томах «Трудов Новгородской археологической экспедиции» он опубликовал монографические статьи: «Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа» (МИА, № 55. М., 1956) и «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: Продукция и технология» (МИА, № 65. М., 1959). В середине 1960-х годов он задумал цикл книг под названием «Новгородские древности», в рамках которого подготовил двухтомник «Деревянные изделия» (М., 1968) и «Резное дерево» (М., 1971), изданный в серии «Свод археологических источников». В 1989 г. эти книги были переизданы в Англии (Kolchin B.A. 1) *Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Part I: Text.* BAR. International Series. Oxford, 1989. № 495 [I]; 2) *Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Part II: Illustrations.* BAR. International Series. Oxford, 1989. № 495 [II]).

Именно Б.А. Колчин смог убедить в необходимости проведения в Новгороде первых дендрохронологических исследований сомневавшегося в этом А.В. Арциховского. Летом 1959 г. и в последующие годы в Новгородской экспедиции начинается развертывание таких работ. На нескольких Неревских раскопах начали брать спилы с мостовых и сооружений. Уже в апреле 1961 г. на сессии ИА АН СССР прозвучал первый доклад Б.А. Колчина и В.Е. Вихрова «Дендрохронология Новгорода».

Итоги дендрохронологических работ, проведенных в Новгородской экспедиции в конце 1950 – начале 1960-х годов, подведены Колчиным в

монографических статьях, изданных в «Трудах Новгородской археологической экспедиции»: «Дендрохронология Новгорода» (МИА, № 117. М., 1963) и «Дендрохронология построек Неревского раскопа» (МИА, № 123. М., 1963). В них подробно изложен ход работ, благодаря которым для исследования было собрано около 1500 образцов дерева, из которых 1038 использовано для построения дендрохронологической шкалы. Уже весной 1964 г. Б.А. Колчин защитил докторскую диссертацию, заложив своими трудами основы отечественной дендрохронологии. С середины 1960-х годов этот метод датирования внедряется в практику полевых исследований не только Новгорода, но и других древнерусских городов с влажным культурным слоем, что дало возможность в короткие сроки создать основу дендрохронологической шкалы Восточной Европы (Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы: Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 по 1980 г. М., 1977).

В 1959 г. в составе реставрационной лаборатории ИА были образованы кабинеты дендрохронологии, металлографии, спектрального анализа. Эти кабинеты стали основой создания в 1967 г. лаборатории естественнонаучных методов, которую Б.А. Колчин возглавлял до своей смерти. Не будет преувеличением сказать, что он явился создателем отечественной школы применения естественнонаучных методов в археологии, для которой характерна направленность прежде всего на решение историко-культурных проблем.

В 1962 г. А.В. Арциховский передал руководство Новгородской экспедицией В.Л. Янину. Б.А. Колчин остался заместителем начальника Новгородской экспедиции от ИА и до самой смерти принимал самое деятельное участие в ее работах.

Список печатных трудов Б.А. Колчина насчитывает более 170 наименований (см. Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М., 1989. С. 6–13). В числе его 10 книг по археологии 7 посвящены средневековому Новгороду.

В 1980 г. во время одной из встреч в Институте археологии я спросил Бориса Александровича, над чем он сейчас работает. Он ответил, что завершает подготовку к изданию совместной с В.Л. Яниным и А.С. Хорошевым книги об усадьбе Олисея Гречина, раскопанной на Троицком раскопе в 1970-е годы, и надеется, что в будущем году она будет издана. Все так и произошло: книга «Усадьба новгородского художника XII в.» (М., 1981) вскоре появилась. Продолжая разговор, Колчин посмотрел на меня и, улыбаясь, спросил: «Собственно говоря, Петя. Вы знаете, что сказал в 1823 г. великий Гёте своему секретарю Эккерману?» «Нет, Борис Александрович, не знаю», — ответил я. Колчин продолжил: «Гёте сказал Эккерману, что он должен успеть закончить вторую часть трагедии “Фауст”, а после этого готов спокойно умереть». И после моего недоуменного вопроса рассказал, что давно подбирает находки по теме «Произведения прикладного искусства в археологии Новгорода» и намерен написать исследование по образцу своей книги о новгородском резном дереве.

Позже была издана не книга, а художественный альбом «Древний Новгород. Прикладное искусство и археология» (М., 1985), в котором в 11 разделах представлены цветные фотографии 312 археологических находок из разнообразных материалов. Борис Александрович успел лишь составить списки необходимых предметов и аннотации к отдельным разделам. Альбом был издан уже после

Б.А. Колчин и А.В. Арциховский в Новгороде, конец 1960-х годов. Фото С.Т. Бочарова.

его смерти В.Л. Яниным, написавшим вступительную статью, и С.В. Ямщиковым, следившим за его составлением на завершающей стадии подготовки к печати и контактировавшим с издательством «Искусство».

Что касается книги «Произведения прикладного искусства в археологии Новгорода», то ни общего ее плана, ни отдельных частей в архиве Колчина обнаружить не удалось. Нашлись лишь подготовительные материалы к альбому: список разделов книги, списки находок и аннотации к разделам, а также отдельные папки с фотографиями и прорисовками различных предметов прикладного искусства.

Заниматься подготовкой этой книги в последние годы жизни Б.А. Колчину помешала, вероятно, работа над двухтомником «Древняя Русь» из серии «Археология СССР». Главный редактор многотомника — академик Б.А. Рыбаков — назначил его ответственным редактором этих томов. Борис Александрович усиленно работал над общей концепцией издания, много контактировал с авторами разделов. Для первого тома «Город, замок, село» (М., 1985), который вышел в свет уже после его смерти, он написал разделы «Жилище», «Инженерные сооружения» и «Ремесло». Второй том «Быт и культура» (М., 1997) издан через 12 лет благодаря усилиям Т.И. Макаровой.

Бориса Александровича Колчина можно называть классиком советской археологии, поскольку время подтвердило ценность и востребованность его научных трудов.

Древний Новгород

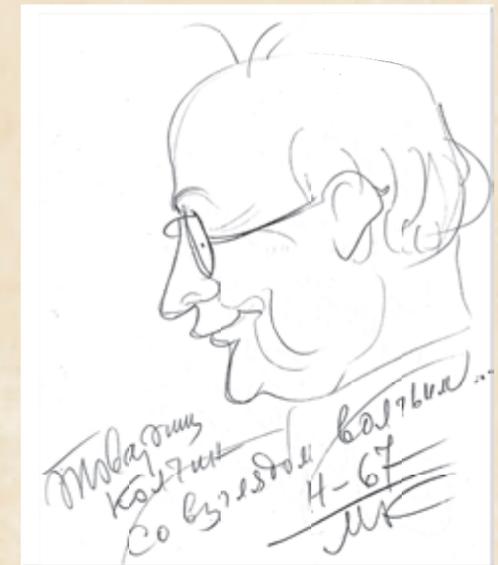
прикладное искусство и археология

раскопки
грамоты, письменность
музыкальные инструменты
маски, шлемы
высшие печати
цветной металл
кость
дерево
стекло, янтарь
камень, сланец
кожа
железо

искусство" 1985

1960 г.

Б.А. Колчин. Рисунок М.Н. Кислова, 1967 г.

Расчистка росписей буддийской ступы.
Гяур-кала (Туркмения), 1962 г.

Раскопки цитадели древнего Мерва –
Эрк-калы (Туркмения), 1993 г.

Г.А. Кошеленко (1935–2015)

В.А. Гаубов, В.Д. Кузнецов

Геннадий Андреевич Кошеленко родился 21 января 1935 года в г. Омске в обычной трудовой семье: его отец Андрей Григорьевич работал бухгалтером, а мать Анастасия Дмитриевна была рабочей на железной дороге. Казалось бы, никаких «предпосылок» для научной стези не просматривалось. Как это ни покажется странным, для характеристики этого глубоко русского по натуре человека наиболее подходит американское определение *self-made man* («человек, сделавший самого себя»). Вся его судьба с юношеских лет — тому подтверждение.

Уже в средней школе, которую он окончил с серебряной медалью в 1952 г., Геннадий Кошеленко, проявлявший явную склонность к гуманитарным наукам, решил стать историком и поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Проблема выбора будущей специализации была решена тоже довольно скоро и весьма неожиданно. Дело в том, что в университет Г. Кошеленко пришел без каких-то явных научных предпочтений, его интересовало буквально все. Однако уже после первого курса, на археологической практике в экспедиции в Пантикапее, он «влюбляется» в античную цивилизацию и полевую жизнь археолога. Огромное влияние на его выбор помимо собственно предмета оказал руководитель экспедиции и его будущий учитель профессор

В.Д. Блаватский, сумевший разглядеть в простом парне незаурядный ум и природный талант.

Каждое лето студент Кошеленко проводил в археологических экспедициях, сначала в Причерноморье (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия), однако ему не суждено было полностью посвятить себя изучению этого региона. В.Д. Блаватский, ученик основоположника современной научной классической археологии Б.В. Фармаковского, будучи человеком прозорливым, обратил внимание своего любимого (без преувеличения) студента на тогда малоизученную научную область — эллинистический Восток, что нашло отражение в дипломной работе студента Кошеленко «Греческие города Парфии». Таким образом, уже тогда, «через одно рукопожатие», сформировалась цепочка преемственности: Фармаковский–Блаватский–Кошеленко.

По окончании университета (с «красным дипломом») молодой специалист, чтобы получить право на поступление в аспирантуру (таковы были в то время правила), отправляется учителем истории и географии (и одновременно завучем) в среднюю школу рыболовецкого поселка Нижнее Пронге в самом отдаленном районе Хабаровского края, где год работы приравнялся к двум.

Годы аспирантуры (1960–1963) были временем самой интенсивной работы. С одной стороны — это участие

На раскопках Ай-Ханум (Афганистан), 1965 г.

Чильбурдж (Туркмения). Г.А. Кошеленко – второй справа, 1980 г.

Командировка в Италию (Рим), начало 1990-х годов.

в экспедициях. При этом наряду с раскопками в Средней Азии он не оставлял и Северное Причерноморье, как минимум месяц проводя в созданной В.Д. Блаватским первой в стране подводной археологической экспедиции. Работы велись в акватории Фанагории, Гермонассы, Херсонеса, Ольвии. С другой стороны — все оставшееся время молодой исследователь посвящает написанию кандидатской диссертации «Культура городов Парфии (градостроительство, фортификация, монументальное искусство)», засиживаясь в «Ленинке» буквально до закрытия.

После защиты диссертации в 1963 г. вся научная жизнь Геннадия Андреевича связана с Институтом археологии (за исключением «смутного периода», когда он был вынужден уйти на несколько лет из института). В секторе античной археологии (с 1994 г. — отдел классической археологии) он прошел все ступени от лаборанта до заведующего отделом, который возглавил в 1979 г., после защиты докторской диссертации «Греческий полис на эллинистическом Востоке», и руководил им 29 лет. Время его руководства сотрудники отдела вспоминают как «золотой век», когда во главу угла деятельности отдела был положен принцип поощрения научного творчества, не ограниченного какими-либо жесткими рамками, что создавало удивительную атмосферу товарищества и поддержки.

Вообще период конца 70-х — 90-е годы прошлого века можно назвать пиком научной, педагогической и организационной деятельности Геннадия Андреевича. Здесь не обойтись без сухого канцелярского стиля: редактор двух томов капитального издания «Археология СССР», с 1980 г. — руководитель созданной им Среднеазиатской экспедиции, участник и руководитель экспедиций в Турк-

мении и Узбекистане, Йемене и Сирии (чуть ранее — в Афганистане), организатор и участник разных симпозиумов и круглых столов, доцент истфака МГУ и заведующий кафедрой на истфаке МГПИ.

Если говорить о вкладе Г.А. Кошеленко в мировую антиковедческую науку, то нужно отметить, что именно в этот период сформулирована разработанная им теория борьбы полисных и городских структур как одного из важнейших элементов динамики развития древнегреческого общества, а также предложена концепция, согласно которой культурный синтез на эллинистическом Востоке принимает значительные масштабы только после падения власти греко-македонских завоевателей. Эта концепция, которую он продолжал разрабатывать и уточнять на протяжении всей жизни, принесла ученому поистине мировую известность и авторитет, а также многочисленных последователей. Однако эта проблематика, оставаясь главной в научном творчестве Геннадия Андреевича, отнюдь не была единственной среди его интересов. Немалое внимание он уделял вопросам искусства древнего Востока (Парфии, Бактрии, Индии). Значительное место в его трудах (которых, кстати, насчитывается свыше 500) принадлежит проблемам истории религии — христианства, буддизма, митраизма. Отдельно нужно сказать о Г.А. Кошеленко как об одном из, пожалуй, немногих ученых, кто публично выступал против всякого рода лженаучных теорий, особенно «исторических» построений А. Фоменко и иже с ним, показывая всю опасность подобного нигилистического подхода к истории.

Педагогическая деятельность — это, по существу, второе призвание Г.А. Кошеленко: его лекции привлекали к нему не только студен-

тов, которые должны были посещать их «по долгу службы», но и слушателей с других курсов и даже факультетов. Многие из этих студентов впоследствии стали его аспирантами и сейчас работают в научных, педагогических и музейных учреждениях не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья. Однако любимой формой преподавательской деятельности Геннадия Андреевича были спецкурсы и, особенно, спецсеминары, где с небольшой группой можно было детально разбирать конкретный исторический источник или прорабатывать какую-либо проблему. При этом студенты выступали равноправными партнерами в поисках истины. Эта любовь к коллективному творчеству особенно сильно проявлялась и в научной деятельности ученого. Дискуссия, столкновение предположений, выработка общей позиции — все это доставляло ему просто эстетическое удовольствие.

Однако у читателя не должно возникнуть превратное мнение об этом человеке как только о кабинетном ученом. В жизни это была страстная натура, и ничто человеческое ему было не чуждо. Душа компании на «посиделках», которые временами случались в отделе по поводу и без повода, большой любитель и знаток поэзии (особенно Пушкина и, как ни странно, Некрасова) — Геннадий Андреевич и сам не был чужд стихотворчеству. В прошлом боксер, он был весьма неравнодушен и к спорту, будучи страстным футбольным болельщиком и шахматистом-любителем, за неимением соперника сражавшимся с компьютером.

Закончить это краткое эссе об ученом можно словами о главной, наверное, отличительной черте Геннадия Андреевича — любви к книгам. Он использовал все возможности, чтобы получить новую книгу по интересующему его кругу проблем. Деньги в данном во-

просе не имели для него никакого значения. Характерный пример: в советское время каждый доктор наук мог заказать из-за рубежа книги на сумму, эквивалентную 100 долларам в год. Геннадий Андреевич имел уговор с несколькими учеными, не пользовавшимися этой возможностью, и использовал их «квоту». В последние два десятка лет, когда появилась возможность заказа книг через Интернет, он специально освоил новые методы получения научной литературы. Как результат — он стал обладателем одной из самых больших личных библиотек по античной древности в Москве.

Еще в последние годы жизни Геннадий Андреевич постепенно стал передавать свои книги в библиотеку отдела классической археологии, подчеркивая, что после его смерти туда должна быть передана вся библиотека. Его воля была исполнена, и в настоящее время личный фонд Геннадия Андреевича каталогизируется. Точное количество книг, естественно, пока назвать нельзя, можно только сказать, что при перевозке библиотеки общий вес коробок составлял порядка трех тонн...

Выступление Г.А. Кошеленко на заседании Ученого совета (слева – Р.М. Мунчаев), 2013 г.

«Кабинетная» работа на базе экспедиции, Гёбеклы-депе (Туркмения), 2001 г.

На раскопках Дура-Европос (Сирия), 2001 г.

Участники конференции по Кавказской Албании. Сидят (справа налево): Г.А. Кошеленко, Р.М. Мунчаев, М.С. Гаджиев. Баку, 2004 г.

Ополчение, 1941–1945 гг.

*Лауреат Ленинской премии (1963 г.)
Е.И. Крупнов, 1966 г.*

Е.И. Крупнов (1904–1970)

Р.М. Мунчаев

Крупнов Евгений Игнатьевич — крупнейший кавказовед-археолог России XX в. Пришел в науку в начале 30-х годов. Известно, что до него традиции археологического кавказоведения в Москве не было, именно он ее создал.

Е.И. Крупнов родился в г. Моздок (Северная Осетия) в 1904 г. В 1924 г. поступил во Владикавказе в Северо-Кавказский пединститут и в 1927 г. перевелся на исторический факультет МГУ, который окончил в 1930 г. Его учителями были во Владикавказе Л.П. Семенов, в экспедициях которого в Сев. Осетии и Ингушетии он впервые «столкнулся» с археологией, а в МГУ — В.А. Городцов, один из создателей российской археологии. Он учился и позже работал в ГИМ и ИИМК вместе с такими известными археологами, как А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов и др. Уже к началу 1940-х годов Е.И. Крупнов получил признание ведущего специалиста по археологии Кавказа в Москве. Этому способствовали как его научные публикации в различных изданиях, так и результаты проведенных им полевых работ. Он открыл в горах Северной Осетии памятники III–II тыс. до н.э. и могильник Верхняя Рутха, пробудивший в нем интерес к знаменитой кобанской археологической культуре. Но более все-

го он работал в Ингушетии, где исследовал не только средневековые, но и более ранние памятники, I тыс. до н.э. (Алхастинское поселение, Нестеровский могильник и др.). Среди созданных им трудов в предвоенные годы прежде всего «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.» (М., 1941. Рукопись. Архив ИА РАН). Интересно, что в октябре 1941 г. Е.И. Крупнова отпустили из армии на несколько дней в Москву, и он защитил эту работу в МГУ как кандидатскую диссертацию и сразу после этого возвратился на фронт.

После войны Е.И. Крупнов начинает активные работы на Северном Кавказе, охватившие не только Ингушетию и Сев. Осетию, но и Кабардино-Балкарию, Дагестан, Ставрополье, Северо-Западный Кавказ и Чечню. Поражает и его научная и печатная деятельность. Исследовав разновременные памятники от неолита и эпохи бронзы до кобанской культуры (переходный период от бронзового века к раннему железному) и средневековья, он создал первый в науке обобщающий труд по истории Центрального Кавказа (Древняя история Кабарды. М., 1957). Ему мы обязаны тем, что объединив памятники ранней бронзы Северного Кавказа в единую культуру, он дал ей название «майкопская». С тех пор эту прославленную культуру так и называют в науке.

Повсеместно работы Е.И. Крупнова сопровождались новыми открытиями и становились заметным событием в археологии Кавказа. Так, начатые в 1947 г. раскопки у с. Тарки близ Махачкалы позволили ему впервые установить факт проникновения так далеко на юг (в Дагестан) сарматских племен. Но его главным интересом становится теперь изучение кобанской культуры. Достаточно отметить, что в 1952, 1955–1957 гг. им был раскопан могильник у с. Луговое (Мужичи) в Ингушетии, содержащий свыше 160 погребений середины I тыс. до н.э. Это са-

мый крупный позднекобанский могильник, исследованный до сих пор. Кстати, на его площади были открыты впервые остатки поселения, в культуре которого сочетались элементы как майкопской, так и куроараксской культур. Такой памятник до этого не был известен в кавказской археологии.

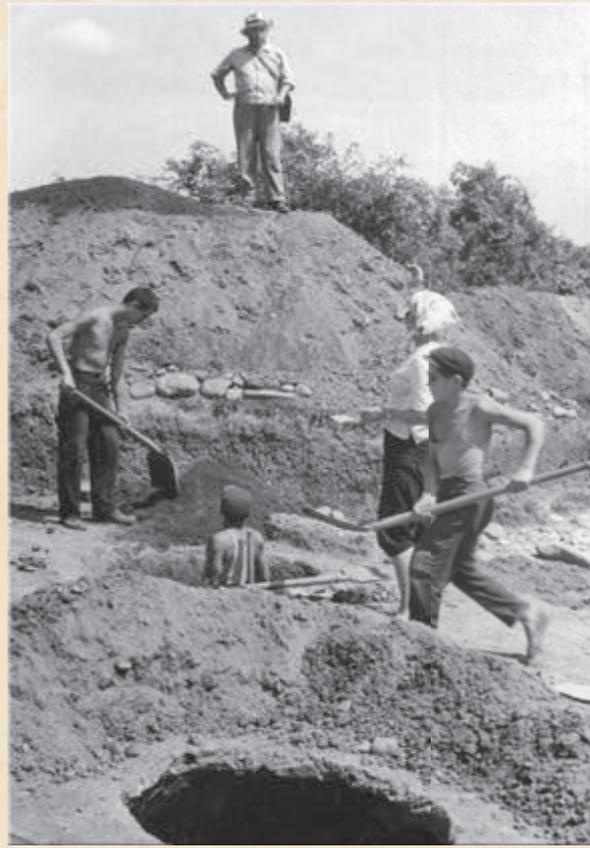
Важные результаты были получены экспедицией Крупнова в 1957–1962 гг. в районе Эльхотово–Змейское в Северной Осетии, где раскопаны кобанское поселение (IX–VIII вв. до н.э.), огромный катакомбный могильник XI–XII вв.

и средневековое городище Верхний Джулат. Невозможно переоценить и результаты его многолетних обследований в Северо-Западном Прикаспии (1946–1958). Полученные на этой полупустынной территории данные позволили установить причины запустения данного края и поставить вопрос о возможности его экономического возрождения.

Наряду с отмеченными работами Е.И. Крупнов был руководителем одной из крупных новейших экспедиций ИИМК АН СССР — Сталинградской (1951–1954). Он сделал также очень

Ст. Змейская, Сев. Осетия. Е.И. Крупнов (в центре) с коллегами, 1961 г.

Поселение Сержень-Юрт, Чечня, расчистка ям, 1963 г.

Сержень-Юрт (на расчистке В.И. Козенкова), 1961 г.

Экскурсия на поселении Сержень-Юрт, 1962 г.

Раскопки поселения Сержень-Юрт (слева – В.И. Козенкова), 1963 г.

Е.И. Крупнов и В.М. Подгорнова (в центре) с коллегами в Гобустане (Азербайджан), 1963 г.

Сержень-Юрт, раскоп VI, 1963 г.

многое для организации первой российской экспедиции в Месопотамии (1967–1969).

Рассматривая вклад Е.И. Крупнова в развитие российского кавказоведения, следует особо подчеркнуть то, что он сделал для изучения археологии Чечни. Известно, что вплоть до середины XX в. Чечня оставалась «белым пятном» на археологической карте Кавказа. После восстановления автономии Чечено-Ингушетии в 1956 г. Е.И. Крупнов перенес основные работы своей экспедиции на территорию Чечни и до конца жизни работал главным образом там. Под его руководством обследованы все регионы этого края и открыта значительная серия совершенно новых памятников, от каменного века до позднего средневековья. Отдельные из них стали объектами многолетних раскопок и дали бесценные материалы для изучения археологии и истории Чечни

(Бамутские курганы эпохи бронзы и средневековья, поселения у с. Серженьюрт (Сержень-Юрт) IV–I тыс. до н.э., могильник средней бронзы у с. Гатынкале и мн. др.). На основе их изучения издана серия монографических трудов, позволяющих охарактеризовать специфику местных культур, их взаимоотношения с соседними и более отдаленными регионами Евразии.

Е.И. Крупнов — автор около 200 печатных трудов. Наиболее значительные из них — монографии «Средневековая Ингушетия» (М., 1971) и «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960). Последняя удостоена высшей премии страны — Ленинской. Это до сих пор настольные книги всех интересующихся историей Кавказа.

Не менее выдающаяся заслуга Е.И. Крупнова — создание своей школы археологии Кавказа. Его ученики работают как в Москве, так и поч-

ти во всех научных центрах Кавказа. Они стали крупными учеными, членами РАН и Академии наук Азербайджана. После смерти Е.И. Крупнова систематически проводятся (уже более 30 раз) в разных городах Северного Кавказа и в Москве «Крупновские чтения». Эти представительные научные конференции внесли существенный вклад в развитие кавказской археологии.

Е.И. Крупнов отличался большим трудолюбием и доброжелательностью, требовательностью и высокоразвитым чувством гражданского долга. Он был великолепным семьянином, отцом двух детей — дочь Римма стала специалистом по истории архитектуры, а сын Александр — министром связи РФ. Евгений Игнатьевич Крупнов покойся на Новодевичьем кладбище в Москве, рядом со своим учителем В.А. Городцовым.

Сержень-Юрт, в саду, 1964 г.

Е.И. Крупнов (справа) с коллегами (сзади – В.И. Козенкова), Югославия, 1965 г.

В годы службы в армии (1942–1946 гг.).

Заместитель директора Института археологии АН СССР, 1964 г.

П.Д. Либеров (1904–1983)

В.И. Гуляев

Впервые я попал на Средний Дон весной 1960 г., будучи еще студентом-пятикурсником исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Время тогда у меня было горячее: заканчивал работу над дипломом, государственные экзамены «на носу», да и повседневных забот хватало с избытком. И вдруг, неожиданно в апреле приходит из Института археологии Академии наук СССР приглашение принять участие в полевых исследованиях на территории Воронежской области. И подпись — заместитель директора Института П.Д. Либеров.

Петра Дмитриевича я до тех пор не встречал, хотя, специализируясь по скифо-сарматской археологии, знал его публикации по скифским древностям Украины. После недолгих раздумий я согласился, и надо сказать, выбор этот стал для меня во многом решающим: вот уже более 50 лет занимаюсь изучением древностей Воронежской земли. Перед отъездом в экспедицию П.Д. Либеров вызвал меня в институт для личного знакомства, и здесь я впервые увидел человека, с которым потом работал рука об руку почти четверть века. Небольшого роста, худощавый, с внимательным взглядом серо-голубых, как бы выцветших от времени глаз. Ведь Петру Дмитриевичу тогда уже было 56 лет. Месяц

в разведке по р. Ведуга — левому притоку Дона — пролетел незаметно. И со следующего 1961 г. я в качестве старшего лаборанта стал постоянным сотрудником Воронежской скифской лесостепной экспедиции, бесменным руководителем которой был «ПД» (так мы, молодежь, «за глаза» называли нашего начальника).

Петр Дмитриевич Либеров родился 27 января 1904 г. в д. Труфаногоры, быв. Пинежского уезда быв. Архангельской губ., в крестьянской семье. В историческую науку в силу объективных обстоятельств (трудовая деятельность, служба по призыву в Красной Армии и т.д.) пришел сравнительно поздно. В 1934–1939 гг. обучался в Институте истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ) в Москве на историческом факультете под руководством известного отечественного скифолога — профессора Б.Н. Гракова. По окончании полного курса обучения поступает в аспирантуру того же вуза, но закончить ее не успевает. Началась Великая Отечественная война, и Петра Дмитриевича призвали в действующую армию, где он находился до 1946 г.

К мирной жизни возвратился в чине капитана, и, проявив завидное упорство, в возрасте 42 лет поступил в аспирантуру, но уже Института истории матери-

альной культуры АН СССР, по специальности «скифская археология». Руководителем его вновь становится Б.Н. Граков. Правда, за письменным столом долго сидеть не пришлось. П.Д. Либеров — активный участник всех работ Скифской степной экспедиции, возглавляемой Б.Н. Граковым. Разведки и раскопки древностей Скифии велись тогда в основном на территории Украины. И надо сказать, что, обладая богатым жизненным опытом, сравнительно немолодой уже человек, Петр Дмитриевич внес неоценимый личный вклад в общий успех экспедиции (основные объекты ее исследования — гигантское Каменское городище на Днестре и Никопольское курганное поле).

В 1948 г. закончил аспирантуру и был принят на должность младшего научного сотрудника в штат ИИМК АН СССР. В том же году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Скифские курганы Киевщины». Продолжаются полевые работы на Украине, осмысливаются и выносятся на всеобщее обсуждение коллег в секторе скифо-сарматской археологии интересные идеи об особенностях развития скифской культуры в степном и лесостепном Приднепровье. И вдруг в 1954 г. новое задание дирекции института — надо срочно провести спасательные раскопки на хорошо известном могильнике Частые Курганы на северной окраине Воронежа. Ценный археологический памятник попал в зону строительства гражданского аэродрома. Это задание «сверху» стало судьбоносным в жизни Петра Дмитриевича. Благодаря ему П.Д. Либеров стал подлинным первооткрывателем археологических богатств Воронежского края.

За сравнительно короткое время возглавляемой им (1954–1974) Воронежской скиф-

ской лесостепной экспедицией были почти полностью раскопаны курганные могильники скифского времени в урочище Частые Курганы у сел Мастюгино, Русская Тростянка, Дуровка на территории Воронежской и Белгородской обл. (всего 130 курганов). Одновременно обнаружено и частично исследовано свыше 20 городищ (раскопки велись на 6 из них) и 39 открытых поселений (раскопками охвачено 8) эпохи бронзы и раннего железного века.

Именно Петр Дмитриевич впервые в скифской археологии осуществил комплексный подход к анализу полученной информации: антропологические данные (правда, в основном только черепа) обобщил Г.Ф. Дебец, палеозоологические находки — В.И. Цалкин, палеоботанические — Г.Н. Лисицына, спектральный анализ изделий из цветного металла провела Т.Б. Барцева. Кроме того, в экспедиции П.Д. Либерова одними из первых стали широко применять современную землеройную технику при исследовании курганов без нарушения требований полевой методики. Это позволило в некоторые сезоны исследовать до 18 курганных насыпей (с. Мастюгино).

Этот новый богатый и разнообразный археологический материал (в сочетании с данными письменных источников) позволил ученому сформулировать общую концепцию существования на Среднем Дону в VI–III вв. до н.э. «скифоидной» по внешнему облику, но сугубо местной и оригинальной культуры оседлых земледельцев и скотоводов, которых он связал с будинами и гелонами Геродота и финно-угорским этносом. По мнению П.Д. Либерова, она происходит непосредственно от местных культур эпохи бронзы — «абашевцев» и «срубников».

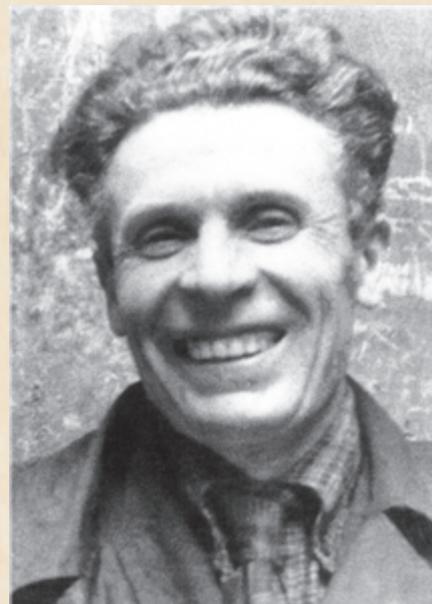
На выставке, посвященной исследованиям Куйбышевской экспедиции ИА АН СССР, 1950-е годы.

П.Д. Либеров (сидит справа) и члены Воронежской скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР, 1950-е годы.

Студенты 3-го курса ИФЛИ (справа в среднем ряду – П.Д. Либеров), 1937 г.

В экспедиции в минуты отдыха, 1950-е годы.

П.Д. Либеров на раскопках с помощницами (справа крайняя – А.И. Пузикова), 1950-е годы.

П.Д. Либеров (слева) и В.И. Гуляев (с лопатой) на раскопках кургана у с. Дуровка (Белгородская обл.), 1964 г.

В 1971 г. Петр Дмитриевич защитил докторскую диссертацию под названием «Древняя история населения Подонья» (к сожалению, издать эту фундаментальную работу в виде монографии он не успел). Не следует забывать, что наряду с большими исследовательскими проектами П.Д. Либеров много сил и времени уделял и научно-административной деятельности: в 1951–1956 гг. — заведующий лабораторией камеральной обработки, а с 1960 по 1971 г. — заместитель директора по науке ИА АН СССР. Это не помешало Петру Дмитриевичу стать автором 46 научных публикаций, в том числе монографий: Памятники скифского времени на Среднем Дону (М., 1965), Племена Среднего Дона в эпоху бронзы (М., 1964).

Конечно, не все принципиальные выводы П.Д. Либерова о характере среднедонской культуры скифского времени выдержали проверку временем. Как известно, большинство крупных научных концепций в археологии кардинально меняется (по мере накопления фактов) каждые 10–15 лет. Тем не менее тот прочный фундамент из разнообразного материала, который оставил после себя этот исследователь, никогда не потеряет своего первостепенного значения и долго еще будет служить надежной опорой для последующих научных изысканий в лесостепном Подонье, а еще шире — в Центральном Черноземье.

Студент МГУ, 1942 г.

Середина 2000-х годов.

Н.Я. Мерперт (1922–2012)

Р.М. Мунчаев

Мерперт Николай Яковлевич — один из видных представителей российской археологии второй половины XX в. Его вклад в изучение энеолита и бронзового века Старого Света весьма значителен. Он родился в Москве, отец был инженером-экономистом, а мать медработником. После окончания школы в 1940 г. начал службу в советской армии и с первых дней участвовал в Великой Отечественной войне. Получив тяжелое ранение, лечился в госпитале, откуда в 1942 г. был отчислен по инвалидности. В том же году поступил на исторический факультет МГУ им М.В. Ломоносова. Его учителями были известные российские археологи В.А. Городцов, А.В. Арциховский, С.В. Киселев и др. Незадолго до смерти Николай Яковлевич издал свои воспоминания, в которых рассказал о детстве, школе, военных годах, учебе в МГУ и т.д. (Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011).

Первые научные труды еще студентом Н.Я. Мерперт посвятил античной археологии. В 1946 г. он поступает в аспирантуру ИИМК АН СССР и пишет диссертацию по раннесредневековому Салтовскому могильнику. В 1948–1949 гг. участвует в раскопках в Монголии и становится одним из авторов фундаментальной публикации «Древнемонгольские города» (М., 1964). Более

60 лет (1949–2012) он проработал в ИИМК АН СССР — ИА РАН, где прошел все ступени научной карьеры и вырос в крупного ученого с мировым именем.

1950 г. — переломный в научной деятельности Н.Я. Мерперта, ставшего заместителем начальника Куйбышевской, крупнейшей новостроечной экспедиции в стране. Работы в зоне будущего водохранилища привели к открытию там многих сотен курганных погребений и ряда поселений, относящихся преимущественно к срубной археологической культуре. Так изучение культур энеолита и эпохи бронзы стало основным направлением в научной деятельности ученого. С конца 50-х — в 60-е годы в сферу его интересов вошли, с одной стороны, Северный Кавказ, а с другой — Балканы и Ближний Восток. Он проводит раскопки курганов III–II тыс. до н.э. на Тереке (ст. Мекенская) и поселений ранней бронзы и кобанской культуры у с. Сержень-Юрт в Чечне. В 1961–1963 гг. Николай Яковлевич участвует в первой российской экспедиции в Египте, исследовавшей в зоне затопления Асуанской ГЭС памятники бронзового века.

С 60-х годов ученый приступает к раскопкам в Болгарии. Начинается «балканская» эпопея в его жизни, продолжавшаяся более 30 лет. Все эти годы Н.Я. Мерперт

В Куйбышевской экспедиции института, 1955 г.

Куйбышевская экспедиция, 1950-е годы.

Тель Эзеро, Болгария, начало 1960-х годов.

был соруководителем Болгаро-советской/русской экспедиции, которая провела широкие исследования ряда ключевых теллей с отложениями энеолита и эпохи ранней бронзы Балкан. В итоге европейская наука обогатилась фундаментальными публикациями (в том числе на болгарском языке) таких памятников, как Эзеро (София, 1979) и Юнаците (София, 1995, 2007), посвященными культуре региона IV–III тыс. до н.э.

Одновременно с этими работами Николай Яковлевич продолжал изучение энеолита и эпохи бронзы степей Восточной Европы. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию по ямной культуре. Она была издана в виде монографии «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» (М., 1974). Подобную работу, посвященную срубной культуре, Н.Я. опубликовал раньше — «Из древнейшей истории Среднего Поволжья» (МИА, № 62. 1958). Особая заслуга его заключается и в изучении культуры евразийских степей в эпоху энеолита — см. Энеолит СССР. М., 1981 (серия «Археология СССР»). Разработав программу исследования энеолита и бронзового века степной зоны Восточной Европы, ученый внес немалый вклад в исследование индоевропейской проблематики.

За успехи в археологическом изучении Болгарии и подготовке научных кадров Н.Я. был награжден орденом Кирилла и Мефодия I степени и Большой медалью Климента Охридского (Болгария).

Н.Я. Мерперт большое внимание в своей работе уделял Месопотамии. Известно, что российская наука лишь с 1969 г. впервые начала там полевые работы, сначала в Ираке (до 1985 г.), а затем в Сирии (1988–2010). Более 30 сезонов Н.Я. Мерперт был активным участником экспедиции и внес выдающийся

вклад в ее достижения. Экспедиция исследовала группу памятников раннеземледельческих культур VIII–III тыс. до н.э. (Ярымтепе I, II, III и др.), отражающих все ступени развития дописьменной Месопотамии. Среди них впервые открытое в Ираке поселение докерамического неолита (Телль Магзалия) и памятники новой, древнейшей культуры земледельцев Двуречья, известной ныне как культура Телль Сотто. Эти беспрецедентные по масштабам и хронологическому охвату работы представили в новом свете развитие Месопотамии от возникновения земледелия и скотоводства до формирования древнейшей цивилизации человечества. За вклад в изучение Месопотамии Н.Я. Мерперт (вместе с Н.О. Бадером и Р.М. Мунчаевым) был удостоен в 1999 г. Государственной премии России в области науки и техники.

В 1988 г. работы экспедиции были перебазированы в Сирию, где Н.Я. проработал до 2004 г. на раскопках уникального поселения Телль Хазна I. Это большой холм высотой 17 и диаметром 200 м. Его нижние слои относятся к убейдской и урукской культурам (IV тыс. до н.э.), а вышележащие — мощностью не менее 12 м — к раннединастическому I периоду (первая треть III тыс. до н.э.). Благодаря исследованиям ученых стало ясным, что сирийский регион не отставал в своем развитии от других областей Месопотамии и был местом сложения глубоко оригинальных культур. Николай Яковлевич — автор (вместе с Ш.Н. Амировым и Р.М. Мунчаевым) фундаментальной публикации «Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии» (М., 2004).

Н.Я. Мерперт был не только крупным ученым, издавшим более 400 научных трудов,

включая 10 монографий, но и прекрасным педагогом. Его курсы по археологии бронзового века и культурам Ближнего Востока прослушало не одно поколение студентов кафедры археологии исторического факультета МГУ, а также Библейско-Богословского института в Москве. По материалам своих лекций Н.Я. издал большую книгу «Очерки археологии библейских стран» (М., 2000). Но самое важное — он создал школу в российской археологии, подготовив около 40 кандидатов и докторов наук. Николай Яковлевич, бывший ученым секретарем ИИМК АН СССР и много лет (1973–1988) руководивший отделом бронзового века и одновременно (1961–1980) группой зарубежной археологии ИА, имеет заслуги как организатор науки.

Н.Я. Мерперт прожил долгую и нелегкую жизнь с четкой гражданской позицией. Его всегда отличали истинный гуманизм и интернационализм, поразительная образованность, в частности, глубокое знание истории и искусства, особенно музыкального. Он был очень скромным, доверчивым и трудолюбивым человеком. Прекрасный семьянин, Николай Яковлевич боготворил дочку, внучку и правнучку.

В Монголии, 1949 г.

На раскопках Юнаците, Болгария, 1989 г.

Н.Я. Мерперт (стоит) и О.Г. Большаков, Ярмутепе (Ирак), 1970-е годы.

Тель Хазна I, Сирия, 2001 г.

Александр Львович в молодости.

А.Л. Монгайт (1915–1974)

А.В. Чернецов

Александр Львович Монгайт родился 24 апреля 1915 г. в г. Николаеве (Украина). Вскоре после того, как он окончил исторический факультет Московского университета (1940 г.) и поступил в аспирантуру кафедры археологии, началась война. А.Л. Монгайт в 1941 г. вступил добровольцем в ополчение, был демобилизован по болезни и какое-то время работал в школе (в частности, был директором школы в Алма-Атинской области).

В 1943 г. А.Л. Монгайт поступает в аспирантуру ИИМК АН СССР. В качестве темы будущей кандидатской диссертации он выбирает городище Старая Рязань. Выбор темы оказался во всех отношениях удачным. Старая Рязань — один из крупнейших городских центров средневековой Руси, столица обширной земли-княжения. В то же время это единственный город такого ранга, который не смог оправиться после нашествия Батюга и превратился в классический «мертвый город». Это драматическое и весьма печальное для обитателей Старой Рязани обстоятельство открывает перед археологами исключительно благоприятные перспективы.

Старая Рязань — первый древнерусский город, в котором еще в 1822 г. проведены первые раскопки. Они были связаны с находкой замечательного клада ювелир-

ных изделий, который привлек к себе внимание общественности, включая коронованных особ, а также выдающихся представителей ученого сообщества. Новые находки на городище послужили толчком для раскопок 1836 г. Во второй половине XIX в. к изучению памятника неоднократно обращались члены Рязанской ученой архивной комиссии. К рубежу столетий в Рязани и столичных музейных собраниях хранились значительные коллекции старорязанских древностей, включавшие уникальные экспонаты. К этому времени на городище Старая Рязань было найдено четыре клада ювелирных изделий, спрятанных жителями города при приближении монгольского воинства.

На ранней стадии изучения Старой Рязани преимущественное внимание исследователей привлекали клады и другие эффектные находки, руины храмов и богатые погребения. В 1895 г. памятник обследовал крупнейший русский археолог В.А. Городцов, работавший в методическом плане на высочайшем для того времени уровне. Он первоначально ограничился топосъемкой оборонительных сооружений и зачистками обнажений культурного слоя. При этом в Старой Рязани впервые выявлены остатки печей (ранее подобные объекты внимания исследователей не привлекали).

Городцов возвращается на памятник более чем через 30 лет, в 1926 г. Им заложено множество траншей и шурфов, исследование которых дало значительный археологический материал. Очевидно, исследователь в дальнейшем предполагал развернуть на памятнике масштабные раскопки широкими площадями. Однако эти планы осуществить не удалось. Еще одно событие, обогатившее информацию о древностях Старой Рязани, — находка в 1939 г. комплекса ювелирных изделий. В дальнейшем оказалось, что это часть очередного клада, который был доследован экспедицией А.Л. Монгайта в 1950 г.

Поскольку в военное время о новых раскопках не могло быть и речи, Александр Львович за годы обучения в аспирантуре тщательно собирал материалы из старых публикаций, архивов и музейных собраний. Ему удалось обобщить и систематизировать имеющиеся данные и успешно защитить диссертацию. К этому времени окончилась война и открылись возможности для полевых исследований.

А.Л. Монгайт приступил к археологическому изучению Старой Рязани в 1945 г. Этот этап исследований продлился до 1950 г. и завершился публикацией в 1955 г. монографии «Старая Рязань» (МИА, № 49). Это образцовое исследование древнерусского города, подготовленное в лучших традициях дореволюционной и советской археологической науки. Работа прекрасно структурирована, городские древности охарактеризованы по возможности всесторонне. В книге хорошо представлены сюжеты, не привлекавшие серьезного внимания дореволюционных исследователей, — домостроительство, ремесленное производство, торговля, находки, отражающие повседневный быт населения. Книга в полной мере сохраняет свое научное значение, она постоянно

используется современными исследователями древнерусских городских древностей.

Завершив цикл полевых исследований Старой Рязани (который можно назвать первыми серьезными научными археологическими работами по изучению памятника), Александр Львович обратился к изучению других памятников Рязанского княжества с целью подготовки фундаментальной монографии «Рязанская земля». Эта работа была им опубликована (М., 1961) и защищена в том же году в качестве докторской диссертации. Вместе с книгой Л.В. Алексея «Полоцкая земля» (М., 1966) монография А.Л. Монгайта представляет собой историко-археологическое исследование неизвестного ранее размаха и типа. Поэтому данная работа занимает видное место в истории отечественной археологии. Вместе с тем нельзя не признать, что научное значение этого труда 1961 г. по сравнению с книгой «Старая Рязань» (М., 1955) оказалось менее долговечным. Это обусловлено тем, что археологическая изученность Рязанской земли неизмеримо выросла за истекшие десятилетия, подвергались пересмотру датировка и атрибуция ряда памятников.

Было бы неправильным рассматривать Александра Львовича как специалиста только по древностям Рязанщины. Достаточно упомянуть ряд его важных исследовательских статей по археологии Новгорода. Вообще же это был человек необычайных знаний и эрудиции. Не случайно именно он оказался автором двухтомной «Археологии Западной Европы» (М., 1973–1974). Подозреваю, что достойного аналога этой работы на западных языках не существует. Александр Львович Монгайт легко брался за, казалось бы, весьма далекие от его основных исследовательских интересов сюжеты. Можно вспомнить его исследования

А.Л. Монгайт (второй справа) и сотрудники Старорязанской экспедиции (на заднем плане – Т.Н. Никольская), 1945 г.

А.Л. Монгайт с молодыми участниками раскопок. Старая Рязань, 1966–1969 гг.

В палаточном экспедиционном лагере, 1950-е (?) годы.

Работа с полевыми чертежами, Старая Рязань, 1966–1969 гг.

артиллерии позднесредневековой Руси или культа Разума и Верховного существа эпохи Великой французской революции.

Александр Львович жил в сложное время, и иногда ему приходилось отстаивать положения, навязывавшиеся науке господствовавшей идеологией. В списке его трудов можно найти статьи, посвященные критике «буржуазной археологии». После публикации книги И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» А.Л. Монгайт (совместно с Б.А. Рыбаковым) выезжал в Ленинград с целью разъяснить тамошним исследователям, как нужно преодолевать наследие «нового учения о языке» Н.Я. Марра (которое ранее активно навязывалось археологам тем же партийным руководством). Впоследствии, в эпоху «оттепели», Александр Львович пользовался репутацией представителя либеральной оппозиции.

А.Л. Монгайт легко и свободно владел пером и написал множество научно-популярных статей и книг, пользовавшихся заслуженным читательским успехом. Среди них — богато иллюстрированная «Археология в СССР» (М., 1955), переведенная на многие иностранные языки, увлекательная и полезная для заинтересо-

вавшегося археологией старшеклассника, да и студента. Она легче читается, чем сжатый и снабженный минимальным количеством иллюстраций учебник А.В. Арциховского «Основы археологии» с его телеграфным стилем.

Две, и притом очень разные, научно-популярные книги были написаны А.Л. Монгайтом в соавторстве с А.С. Амальриком. Одна из них — «Что такое археология» (М., 1957) — лучшая книга на русском языке, которую можно рекомендовать школьнику, мечтающему стать археологом. Она написана доступно, увлекательно, причем это книга именно об археологии, а не об истории древнего мира или первобытного общества. Вторая книга «В поисках исчезнувших цивилизаций» (М., 1959) адресована более зрелому читателю, она может быть полезной студентам или интересующимся археологией непрофессионалам. В ней рассказывается история науки, как она из любительского, дилетантского занятия превращалась в серьезную науку с разработанной методикой и строгими критериями достоверности. Во второй части книги рассматриваются методы исследования, используемые для изучения археологических памятников и материалов, как собственно археологические, так и методы других наук, гуманитарных и естественных, которые могут дать ответы на вопросы, встающие перед археологами. Обе книги были переизданы в 1966 г.

Александр Львович Монгайт рано умер (ему не было и 60). Между тем его деятельность (и полевая, и кабинетная, и оставленные им многочисленные книги и статьи) — весьма объемный и весомый вклад в науку. Он был признанным авторитетным научным лидером, сам это прекрасно понимал и при этом умел держаться с удивительным тактом и достоинством.

Азербайджан, Баку, во дворе мечети Биби-Эйбат, 1926 г.

Т.С. Пассек (1903–1968)

Т.Н. Мишина

Кызыл-Ванканская экспедиция, Баку. Т.С. Пассек за обработкой коллекции, 1926 г.

Спрашивая о Татьяне Сергеевне Пассек у тех, кто знал ее, работал с ней в Институте археологии, бывал в экспедициях, прежде всего можно было слышать: «Ах, какая была красавица!» С фотографии смотрит спокойное открытое лицо с правильными чертами лица, волосы собраны в пучок на затылке.

Т.С. Пассек родилась 15 августа 1903 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Одна из историй появления нашего профессионального праздника — Дня археолога, связывается именно с днем рождения Татьяны Сергеевны, который всегда отмечался в экспедиции. Одним из ее предков был археолог и этнограф В.В. Пассек (прадед). Поступив в гимназию, в 1920 г. она закончила уже советскую трудовую школу. Интерес к археологии проявился очень рано — учеба в Петербургском археологическом институте (в дальнейшем Петроградский университет), который она окончила в 1923 г., аспирантура (1926–1930). Среди ее учителей — такие известные и талантливые ученые, как А.А. Миллер, А.А. Спицин, Б.Л. Богаевский и И.И. Мещанинов. Темой диссертации Татьяны Сергеевны стала трипольская керамика — яркий и привлекательный источник, интерес к которому возник еще в студенческие годы. Тогда трипольская культура эпохи энеолита таила много за-

гадок, хотя плеяда талантливых украинских археологов плодотворно трудилась над ее исследованием.

Диссертационная работа Т.С. написана в русле классификационного подхода и систематизации форм сосудов и мотивов орнамента трипольской керамики, начата выработка принципов выделения локальных и хронологических групп. Исследовательница верно наметила круг хронологически близких поселений, хотя изначально ошибочно они были отнесены к позднему этапу — сказались недостаточность только типологического анализа и отсутствие стратифицированных памятников. Защита состоялась в Москве (1934 г.), куда незадолго до этого она переехала, через год диссертация была опубликована на французском языке.

Однако непосредственно участвовать в исследовании трипольских памятников Пассек довелось только в середине 30-х годов, до этого был опыт работы в экспедициях в Азербайджане, Чувашии, в зоне строительства канала Москва–Волга, в Брянской обл., на Украине, поездки по музеям Юга России вместе с Б.А. Латыниным, другом с институтской скамьи. Работы Трипольской археологической экспедиции, одним из руководителей которой стала Татьяна Сергеевна, начались на поселении Коломийщина I, в составе экспедиции работали археологи

Кызыл-Ванканская экспедиция (Азербайджан), Гызыл-Бурун, Нахичевань. Пассек (слева), И.И. Мещанинов (стоит во втором ряду, второй справа), за ним — Б.А. Латынин (в белой кепке) среди рабочих, 1926 г.

Гызыл-Бурун, Нахичевань. Т.С. Пассек и сотрудники экспедиции (второй слева – В.А. Латынин, третий – И.И. Мещанинов), 1926 г.

из Москвы, Киева и Ленинграда. За семь лет раскопаны десятки глинобитных площадок, получен огромный материал, а также опыт в исследовании подобного рода памятников, апробирована новая полевая методика раскопок большими площадями. Без преувеличения можно назвать этот метод новаторским, поскольку памятники синхронных культур Балкан и Подунавья копались тогда колодцами и траншеями. Передовая методика позволила реконструировать планировку поселения, приемы домостроительства, интерьеры построек. Позже исследовались Коломыйщина II, знаменитая Владимировка, где были зафиксированы площадки с остатками глиняных алтарей.

В архиве Т.С. хранится программа лекций, прочитанных ею в конце 30-х годов на историческом факультете МГУ, тематика которых весьма широка: от древнейшей археологии Востока и Греции до теоретических и методических тем, как-то: увязка археологического источника с этнографическими и лингвистическими данными. Это характеризует Т.С. как исследователя с широким кругозором и многообразием интересов. Предвоенный период был для Т.С. Пассек плодотворен, несмотря на тревожную обстановку вокруг.

Во время войны Т.С. оставалась в Москве, была ученым секретарем МО ИИМК, работала над написанием докторской диссертации «Периодизация трипольских поселений», которую успешно защитила в 1947 г. Археологи, исследующие раннеземледельческие культуры Юго-Восточной Европы, хорошо знают МИА № 10, 1949 г. издания, в 1950 г. автор получила за эту книгу Сталинскую премию. Безусловно, данная работа была важным этапом в исследовании Триполья. Разработанная ранее Т.С. Пассек периодизационная схема — этапы Триполья А, В, С и усатовская группа памятни-

ков (гамма — самый поздний этап) — подтвердилась на более широком материале и до сих пор является базовой, все последующие исследователи лишь модернизируют и уточняют ее. В качестве источника привлекались не только керамика, но типы и планировка поселений, приемы домостроительства; значительно расширен ареал памятников. В этой работе были поставлены вопросы о контактах с энеолитическими культурами Балкано-Дунайского региона, о происхождении и исторической судьбе Триполья, отмечалась важная роль культур Подунавья и Восточного Средиземноморья в процессе становления культуры.

Сразу после окончания войны Татьяна Сергеевна продолжила полевые исследования на Украине, позже начались экспедиции в Молдавии. Одновременно она активно работала в комиссии по определению убытков, нанесенных войной музеям (многие коллекции безвозвратно пропали) и археологическим памятникам. Бомбежками оказался поврежден культурный слой многих археологических объектов: так, поселение Владимировка было искорежено противотанковым рвом. Кроме того, начиная с XII выпуска «Краткие сообщения ИИМК» (вскоре «КСИА») выходят под редакцией Т.С. Пассек. Первые из этих номеров были посвящены погибшим в годы войны, умершим в блокаду археологам, а также 100-летию юбилею Н.Я. Марра, под руководством которого она работала в Ленинграде в 20-е годы. Более 100 выпусков КСИА подготовлено и издано при ее непосредственном участии.

Татьяна Сергеевна гармонично сочетала умение вдумчиво заниматься обработкой археологического источника и любовь к полевым исследованиям. А.А. Формозов вспоминал, что часто слышал на раскопе ее восклица-

ние: «Как это волнительно!» Такое трепетное увлечение процессом раскопок выдавало неподдельный интерес к полевым исследованиям.

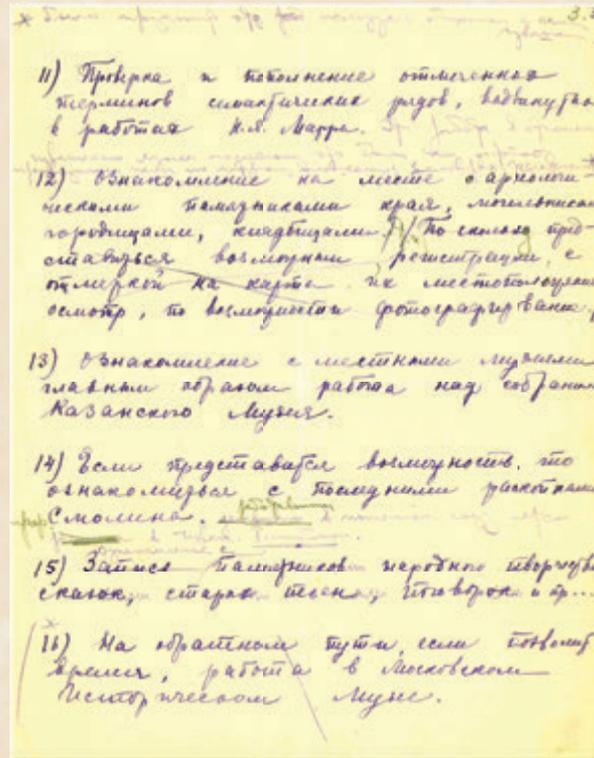
В 50-х годах Трипольская экспедиция под руководством Т.С. Пассек проводит исследования на территории Молдавии. Молдавская экспедиция состояла из нескольких отрядов, ее целью стало тотальное исследование этой территории, памятников от первобытности до средневековья. Тогда же вокруг нее собирается группа молодых талантливых археологов: из Москвы — А.Л. Монгайт, А.И. Мелюкова, Е.К. Черныш, из Киева — Т.Г. Мовша, из Ленинграда — Т.Д. Белановская.

Начались работы на трипольских поселениях Поливанов Яр, Флорешты, Новые Русешты, Голерканы. Предпочтение сознательно отдавалось ранним трипольским поселениям, имеющим культурные отложения с выразительной стратиграфией. Много сил и энергии требовало руководство столь масштабной экспедицией, однако результаты превзошли все ожидания.

Исследования поселения Флорешты побудили Т.С. Пассек пересмотреть свой прежний взгляд на происхождение Триполья, что указывает на важность для нее исторической истины, определенную смелость как исследователя. Т.С. признала роль культуры типа Боян-Джунешты в генезисе Триполья, оценив ее как решающую. Кроме того, была открыта группа памят-

Трипольская экспедиция, Украина. П.П. Ефименко (в центре), Т.С. Пассек (в верхнем ряду), 1938 г.

Страничка рукописного текста Т.С. Пассек. План поездки по музеям Юга России, 1930-е годы.

Нагорный Карабах (Азербайджан), могильник Ходжалы. Т.С. Пассек и Б.А. Латынин, 1926 г.

Могильник Ходжалы. Т.С. Пассек, И.И. Мещанинов, Б.А. Латынин, 1926 г.

Конференция в Польше. Е.Ф. Гонсовский (?) (Варшава), Т.С. Пассек, Б.А. Рыбаков, Зд. Раевский (Варшава), 1954 г.

Молдавская экспедиция, раскопки поселения Флорешты. Т.С. Пассек, Г. Георгиев (Болгария) (стоят), 1961 г.

Молдавская экспедиция. Городище Алчедар, в гостях в Пруто-Днестровской экспедиции Г.Б. Федорова. Слева направо стоят: Тарасенко (?), Мария Комшиа (Бухарест), А.Л. Монгайт, Т.С. Пассек, А.И. Мелюкова, Г.Б. Федоров; сидят: Е.К. Черныш (Москва), Т.Г. Мовша (Киев), 1957 г.

Молдавская экспедиция, раскопки Выхватинского могильника (?). Т.С. Пассек и М.М. Герасимов, 1958 г.

ников линейно-ленточной культуры и культуры гумельница, тогда неизвестных на территории СССР.

Успешно проведены исследования Выхватинского могильника, в то время единственного трипольского некрополя. К работе над антропологическими материалами был привлечен известный антрополог М.М. Герасимов. Татьяна Сергеевна одна из первых в нашей стране использовала радиоуглеродный метод, что удревнило начало трипольской культуры. Она уже тогда понимала важность комплексного подхода к изучению археологического источника с использованием новейших методов. В 60-е годы Т.С. Пассек участвовала в археологических конференциях в России и за рубежом, в том числе в Риме, Праге.

Будучи тяжело больной, Т.С. продолжала заниматься обработкой собранного в экспедициях материала, понимая важность введения его в научный оборот. Ранняя смерть не дала претвориться задуманному.

Персональный архив Т.С. Пассек, хранящийся в ИА РАН, весьма обширен — наряду с детальными полевыми дневниками, планами поездок и осмотров музейных коллекций, аккуратно выполненными сложнейшими чертежами, полевыми фотографиями, там также хранится много личных, экспедиционных снимков, экспедиционная переписка. Кроме того, имеются шуточные послания друзей и коллег, веселые шаржи и стихи, которые отражают дружескую, оживленную атмосферу экспедиций. Этот архив ждет своего исследователя.

С.А. Плетнева (1926–2008)

В.С. Флёров

Юбилей в институте, 2006 г.

На Таманском городище, 1954 г.

Светлана Александровна Плетнева вошла в археологию как кочевниковед, что связано с ее раскопками курганного могильника у стен Саркела–Белой Вежи. Кочевникам южнорусских степей IX–XIII вв. посвящена ее кандидатская диссертация (1952 г.), изложенная в первом томе Трудов Волго-Донской экспедиции (МИА, № 62. 1958). До нее русская историография относилась к кочевникам, как к досадной помехе на историческом пути Руси. Светлана Александровна сделала древности печенегов, торков, половцев таким же объектом изучения, как культуры скифов, славян, Руси и т.д. Она первой систематизировала кочевнические погребения и вещи, заложила основы их хронологии. Тема кочевников была продолжена публикацией древностей черных клобуков (М., 1973). Особая заслуга исследовательницы — первая систематизация половецкой скульптуры (М., 1974).

Вслед за десятками публикаций по разным вопросам кочевниковедения С.А. Плетнева издала обобщающее исследование «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей» (М., 1982). Книга и поныне получает неоднозначные отзывы, часто несправедливые. Тем не менее равнозначного по полноте охвата историко-археологического материала и временным рамкам исследования нет до сих пор.

Наряду с собственными научными занятиями С.А. была прекрасным редактором, чрезвычайно строгим, требовав-

шим от авторов неукоснительного соблюдения сроков подачи рукописей. Не удивительно, что первым в серии «Археология СССР» появился том под ее редакцией — «Степи Евразии в эпоху средневековья» (М., 1981).

Настоящую известность, в том числе за рубежом, С.А. Плетневой принесли труды по хазарской археологии, в которых она стала преемницей М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина. Начало этих исследований связано с Саркелом–Белой Вежей, керамику которого она публикует в МИА, № 75 (М., 1958).

Большим событием в изучении салтово-маяцкой культуры стала книга «От кочевий к городам» (М., 1967) — один из пиков научного творчества Светланы Александровны. В данной работе обозначенная археологическая культура наконец-то предстала во всей полноте ее проявлений. Описание каждой темы, содержащейся в этой работе, может начинаться словом «впервые». Название книги отразило начало формирования теоретических взглядов ученого. Книга знаменательна и в другом отношении — дала толчок стремительному росту кадров хазароведов. В 1968 г. защищена одноименная докторская диссертация.

С 1954 г. С.А. Плетнева ведет самостоятельные полевые работы, из которых отметим раскопки на Правобережном Цимлянском городище. Одни из важнейших — исследования у д. Дмитриевская в верховьях Сев. Донца. Сама С.А. характеризовала книгу о результатах

Маяцкое городище. С.А. Плетнева с коллегами по Советско-болгаро-венгерской экспедиции (справа третий – С. Ваклинов, крайний – Г. Афанасьев), 1975 г.

С.А. Плетнева и Ф.Х. Арсланова со студентами в Маяцкой экспедиции, 1977 г.

раскопок так: «...первый шаг и первый опыт публикации и обработки пока только одного археологического комплекса салтово-маяцкой культуры» (На славяно-хазарском пограничье. М., 1989). Материалы Дмитриевского комплекса еще до полного их издания легли в основу ее книги «От кочевий к городам», упомянутой выше. Оба издания составляют единое целое, о чем нельзя забывать.

Самое грандиозное предприятие Светланы Александровны Плетневой — Советско-болгаро-венгерская экспедиция (1975, 1977–1982 гг.), задуманная и осуществленная при поддержке Воронежского университета как комплексное исследование Маяцких городища, поселения и могильника. Со времен Саркелской экспедиции подобного масштаба исследований памятников салтово-маяцкой культуры не было, как нет и до настоящего времени. Благодаря заслуженному авторитету С.А. смогла привлечь к раскопкам археологов (помимо Москвы) из Белгорода, пос. Волоконовка, Кемерово, Луганска, Нахичевани, Санкт-Петербурга (тогда Ленинград), Твери (тогда Калинин), Харькова, Улан-Удэ; а также Будапешта и Софии. Экспедицию посещали археологи Воронежа, Кишинева, Махачкалы. Венгрию представляла группа во главе с И. Эрдели; Болгарию — Р. Рашев и Д. Василева. На раскопки приезжали болгарские ученые: известный археолог С. Ваклинов/Станчев и историк архитектуры С. Бояджиев. Светлана Александровна назвала происходившее «экспедицией-симпозиумом».

Думая о публикации маяцких раскопок, С.А. поступила по примеру М.А. Артамонова: предоставила возможность каждому из ведущих сотрудников издать свои участки самостоятельно. Решение, достойное большого ученого, но не всеми оно было оценено

должным образом. В библиографии Маяцкой экспедиции несколько изданий. Из них особое значение имеет единственная, в создании которой С.А. приняла участие (Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998). Раскопкам подобного масштаба и результативности и поныне не подвергалось ни одно поселение Хазарского каганата.

Что касается городища, то оно все еще ждет полной публикации. Из найденного при его раскопках большую ценность представляют серия граффити на блоках и самые длинные из известных сегодня рунических надписей.

Наряду с работами на Маяцком комплексе Светлана Александровна в 1977–1980 гг. участвует в раскопках болгарской столицы Плиски, публикуя позже (1992 г.) некоторые результаты в болгарском издании. При собственных напряженных полевых исследованиях Плетневу не оставляют воспоминания о Саркеле. Она приводит в порядок полевую документацию, на ее основе пишет в свое время не подготовленные отчеты Волго-Донской экспедиции. Добровольно взятая на себя работа завершается изданием в Воронеже книг о Саркеле (1996 г.) и его беловежском периоде (2006 г.). Данные труды ценны большим фактическим материалом, но все же их нельзя приравнивать к публикациям самих участков раскопок Саркела.

К I (в Иерусалиме) и II (в Королеве–Москве) Международным коллоквиумам по хазарам двумя изданиями выходят «Очерки хазарской археологии» (М.; Иерусалим, 1999, 2000). Как резюме «Очерков» воспринимается ее короткая статья в трудах первого коллоквиума, в которой С.А. выделила 18 основных событий и явлений в хазарских истории и археологии, а также определила значение Хазарского каганата: «Гибель сильного и развитого экономически и культурно

государства не дала ничего положительного ни одному из окружающих его и плативших ему дань народов и соседних государств» (Хазары и Хазарский каганат // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 17–24).

«Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья» (Воронеж, 2003) — книга, написанная как учебное пособие, в которой С.А. Плетнева обобщила свой собственный многолетний опыт и видение состояния хазароведения и кочевниковедения на рубеже тысячелетий. Эту работу можно определить как эстафету следующим поколениям. В упомянутой выше последней своей книге (Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж, 2006; издана одновременно самостоятельным томом в Симферополе) она подвела итог исследованиям материалов древнерусского города Беляя Вежа (IX–XII вв.) на Нижнем Дону, основанного переселенцами на месте хазарской крепости Саркел. Была поставлена точка в осмыслении материалов многолетних раскопок на Левобережном Цимлянском городище. Светлана Александровна еще на Московском коллоквиуме сказала: «Я сделала все, что могла, и мне уже нечего добавлять».

В 1993 г. Плетнева смогла добиться создания в институте самостоятельного подразделения — группы средневековой археологии евразийских степей, которую возглавляла до 2002 г. С ее отходом от руководства группа спустя время упраздняется.

Охарактеризовать Светлану Александровну как человека непросто. Она почти ничего не рассказывала о детстве и школьных годах, но всегда с любовью вспоминала о своей маме, школьной учительнице. Как ученый формировалась под влиянием М.И. Артамонова. Дружила с его женой Ольгой Антоновной. Глубокое почтение к ним сохранила до конца своих дней. Любила вспоминать о буднях Саркелской экспедиции, женщинам-заключенным, работавшим на раскопках.

Ее трудоспособность была феноменальной. Ни отпусков, ни домов отдыха, ни санаториев, редко выезжала на конференции, считая их потерей времени. Тем не менее изредка посещала концерты и театры, а для отдохновения читала английские детективы. Была непри-

язательна в экспедиционной жизни, в разведках прошла сотни километров пешком, но любила и комфорт, и «вкусненько» поесть, и хорошее вино.

Многие годы жила на тогдашней окраине Москвы, на ул. Нелидовская, куда приходилось долго ехать на трамвае от метро Сокол. Много позднее рядом с ее домом появилась станция Сходненская. Будучи широко известным ученым, жила в маленькой однокомнатной квартире, где был строгий порядок и ничего лишнего. Как ни удивительно, книг имела немного, только самые необходимые для работы. Дома всегда обитали собаки и кошки.

Характер ее был чрезвычайно сложен, как и отношения с коллегами. Людей оценивала достаточно категорично, разубедить ее в чем-либо было практически невозможно. В своих трудах предпочитала не вступать в дискуссии. Много времени посвящала аспирантам, но предпочитала не брать слишком строптивых.

Плетнева рано приобрела известность. Свое значение в археологической науке она знала и не была лишена некоторого тщеславия. Но кто из известных археологов лишен этой слабости? В последние годы жизни Светлана Александровна Плетнева говорила: «Все, что археолог раскопал, он обязан опубликовать». Она эту задачу выполнила и очень этим гордилась.

Маяцкая экспедиция: И. Эрдели, Т. Кондукторова, Г. Афанасьев, М. Урманова, В. Флёров, С. Данилов, С.А. Плетнева, 1975 г.

По городищам Дагестана, 1965 г.

Плиска (Болгария), совместная экспедиция, справа – С.А. Плетнева, 1977–1980 гг.

И.П. Русанова (1929–1998)

И.О. Гавритухин

Биография Ирины Петровны Русановой внешне очень проста. Она родилась 22 апреля 1929 г. в Москве, в 1953 г. окончила кафедру археологии МГУ, сразу же поступила в аспирантуру ИИМК АН СССР, затем была принята в институт и проработала в нем (ИА РАН) до конца жизни.

Впрочем, переводу на исторический факультет предшествовал год обучения на математическом факультете МГУ, куда она попала не случайно. Дело не только в том, что ее мать Ольга Константиновна Русанова была преподавателем математики, четкость мышления и организации работы, строгость в выборе методик исследования и построении доказательств отличали почерк Ирины Петровны и на поприще археологии. На этот выбор, наверное, повлиял пример отца, известного географа Петра Николаевича Счастнева, возможно, и близкого семье не менее известного историка-слависта академика М.Н. Тихомирова. На «карьере» И.П. Русановой не сказало то, что при советской власти создавало трудности ее родителям, — много поколений священников по отцовской линии, дворянские предки (Приклонские, Тихменевы), да и то, что она не была членом комсомола. Все же не без этих корней сложились многие черты русановского характера — простота и скромность в со-

четании с гордостью, внешняя строгость, компенсируемая душевной теплотой и открытостью тем, кого она считала близкими.

Научными руководителями И.П. Русановой были известные слависты: Д.А. Авдусин в университете, П.Н. Третьяков при написании ею кандидатской диссертации. К Даниилу Антоновичу она была очень внимательна и много позднее; с Петром Николаевичем потом нередко спорила, но гордилась характеристикой «горшковед», брошенной им в полемике, а своему аспиранту, который собирался на чтения памяти Третьякова, сказала: «обязательно поезжайте, он, можно сказать, Ваш научный дедушка». Однако ее Учителем стал Ю.В. Кухаренко, в экспедицию которого она попала в 1954 г. У них много общего. Оба — первоклассные не только «раскопщики», но и разведчики, хотя общительный Кухаренко часто опирался на помощь местных жителей, а стеснительная Русанова предпочитала все исходить сама. Оба работали с источником, выводя его в широкий и выверенный контекст; своды и карты — неременный инструмент их разработок. Оба обладали талантом доводить на этой основе строгий синтез до понимания процесса истории. Это видно уже в первых публикациях И.П. Русановой, посвященных древностям древлян и полян.

Особо следует сказать о Русановой — типологе. Причем работала она с лепной слабопрофилированной неорнаментированной раннеславянской керамикой. Штатные реставраторы отказывались иметь дело с материалами из ее раскопок. Ирина Петровна же собрала из черепков десятки полных, «археологически целых» и почти полных форм. Затем на материал не накладывалась априорная схема, а его видение переводилось в продуманную типологию. Методики были простейшими, нацеленными на работающие признаки. Это доказывалось картографированием, стратиграфией, датированными вещами. В итоге пропорции горшков позволяли говорить о культурных провинциях, субстратных или заимствованных компонентах культур, сочетание вариантов венчиков сосудов пражской археологической культуры — о хронологии комплексов.

Итак, работы на Волини и в Припятском Полесье, сначала в составе экспедиции Кухаренко, с 1957 г. отдельным отрядом и экспедицией Русановой, сделали регион к началу 1970-х годов одним из наиболее исследованных для восточноевропейских древностей V–IX вв. — учтены почти 200 памятников, на ряде из них раскопками получены эталонные комплексы (Корчак и др.), материал был проанализирован и опубликован на уровне требований того времени. Книга И.П. Русановой «Славянские древности VI–IX вв. между Днестром и Западным Бугом» (М., 1973) закрепила за Ириной Петровной место в первом ряду отечественных славистов.

Одновременно готовился следующий шаг — рассмотрение раннего пласта этих древностей (пражской культуры) в общеевропейском контексте: проштудирован огромный корпус литературы, получена возможность работать с коллекциями из Польши, Чехословакии, где аналогичные памятники изучены лучше, чем в других странах. Итог — докторская диссертация и книга «Славянские древности VI–VII вв.: Культура пражского типа» (М., 1976). Аналогов исследованию нет до сих пор.

Важным был и методико-методологический резонанс. Скрупулезная работа с керамическими формами и наборами, нюансами профилировки (то самое «горш-

коведение») после публикаций Русановой стала основой раннеславянской археологии. Именно так (естественно, с отличиями) стали работать исследователи, ныне определяющие это научное направление. Один из них — М. Парчевский — в своей итоговой книге по раннеславянской археологии Польши (1988 г.) отметил, что в книге Русановой 1976 г. очерк по памятникам VI–VII вв. в Польше для своего времени был лучшим, несмотря на наличие мощных школ польской славистики.

Один из выводов разработок И.П. Русановой — генезис пражской археологической культуры связан с пшеворской культурой, которую Ирина Петровна рассматривала как многокомпонентную. Однако в 1980-е годы в СССР стали труднодоступными некоторые издания из Польши (где находятся основные пшеворские памятники) и ряда других стран, появились затруднения для знакомства с базовыми зарубежными коллекциями. Без этого Русанова считала свои наблюдения лишь набросками, готовившаяся книга осталась незаконченной.

Много сил было отдано редактированию тома «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э.» (М., 1993) в серии «Археология СССР». Его начал готовить Э.А. Сымонович, но болезнь и смерть этого замечательного специалиста прервали работу. Ирине Петровне удалось бережно сохранить сделанное (хотя Сымонович по многим вопросам был ее оппонентом), добавить альтернативные точки зрения, привлекая других специалистов.

Параллельно с этими работами продолжались полевые исследования. С 1974 г. они переместились в Восточное Прикарпатье и велись в сотрудничестве с Б.А. Тимощуком, ставшим мужем Ирины Петровны. Были образцово раскопаны и опубликованы памятники, давшие эталон пражской культуры V в. и локальную хронологическую шкалу, до сих пор — одну из точнейших для славян V–VIII вв. Итог представлен в книге (Русанова И.П., Тимощук Б.А. Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984). Б.А. Тимощуком и его учениками на отрогах Карпат выявлены десятки «гнезд» славянских поселений, имевших естественные

И.П. Русанова в разведке, конец 1950 – начало 1960-х годов.

Б.А. Тимощук и И.П. Русанова, 1981 г.

«Офицерский» состав Прикарпатской экспедиции ИА АН СССР. Стоят: Н.П. Тельнов (археолог из Кишинёва), Лена (повар), Рома (внук Б.А. Тимощука), И.О. Гавритухин (будущий аспирант И.П. Русановой), Б.А. Тимощук (зам. начальника экспедиции); сидят: Ю.В. Волявский (археолог-любитель из Москвы), А.А. Юшко (сотрудница ИА), И.П. Русанова (начальник экспедиции), 1985 г.

Полевая камералка Прикарпатской экспедиции. И.П. Русанова и внучки Б.А. Тимощука, 1988 г.

границы и уникальную сохранность. Проверка и тщательная фиксация этих сведений стала одной из задач Прикарпатской экспедиции, возглавляемой И.П. Русановой. В итоге накоплены важные данные по структуре славянского общества второй половины I тыс. Этот источник пока лишь частично опубликован и незаслуженно мало использован в исследованиях.

Закономерно встал вопрос о выделении и исследовании общественных и культовых центров славян. Схема работ была апробированной: разведки — раскопки эталонных памятников — выявление круга аналогий — культурно-исторический анализ и интерпретация в общеевропейском контексте. Выбор пал на р. Збруч, где в 1848 г. был найден знаменитый идол. В 1984–1989 гг. Прикарпатской экспедицией тут открыто 5 городищ, более 20 поселений и связанных с ними могильников X–XIII вв., не считая памятников других культур; на важнейших из них проведены раскопки. Первый блок задач был выполнен. Ирине Петровне было уже трудно принимать непосредственное участие в полевых работах, а оставаться номинальным начальником она сочла для себя невозможным.

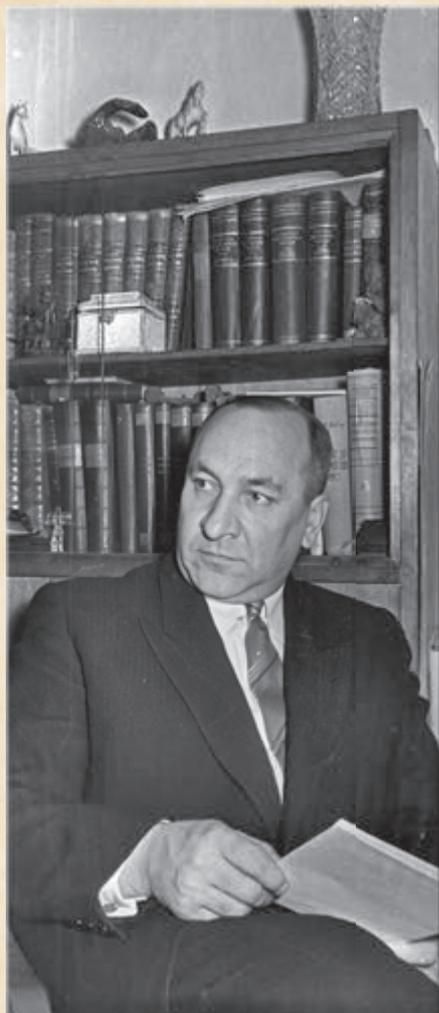
Одновременно с этими исследованиями велась аналитическая работа. Их итоги оперативно публиковались, удалось издать и книгу (Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993), переизданную в 2007 г. Открытие на Збруче группы сложно организованных славянских святилищ X–XI вв. стало сенсацией. Однако на тех же памятниках изучены многочисленные аналогичные комплексы XII–XIII вв., что было неожиданностью и для авторов раскопок. Наличие в это время на Руси языческих центров вызвало дискуссию. В ней Тимощук

развивал аргументацию в основном с точки зрения анализа археологических признаков, отличающих у восточных славян святилища от других общественных центров. И.П. Русанова сделала акцент на сравнительно-историческом анализе и, в дополнение к опубликованному в 1993 г. своду славянских культовых мест, готовила обзор форм и особенностей языческих представлений по археологическим материалам I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. (кельтов, германцев, скифов, сарматов, ряда народов балтского и финно-угорского круга). Этот грандиозный проект должен был помочь понять общие закономерности развития и специфические формы европейского язычества, дать основу и для нового взгляда на язычество у славян. Болезнь Бориса Анисимовича, затем Ирины Петровны и ее смерть 22 октября 1998 г. не дали закончить это исследование. Лишь часть его опубликована (Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Черновцы, 2002).

Непосредственных учеников (аспирантов) у И.П. Русановой — единицы. Она избирательно соглашалась на эту работу, была не «руководителем», а советчиком, старшим коллегой. В.Б. Перхавко — сотрудник Института отечественной истории РАН; А.М. Обломский и И.О. Гавритухин работают в ИА (ныне — в отделе археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, выросшего из идеи И.П. Русановой о создании в институте сектора раннеславянской археологии). С памятью об Ирине Петровне отделом публикуется серия «Раннеславянский мир», названная по сборнику 1990 г., собранному и отредактированному И.П. Русановой (совместно с С.А. Плетневой).

Б.А. Рыбаков (1908–2001)

А.А. Медынцева

В рабочем кабинете, вторая половина 1950-х годов.

Борис Александрович Рыбаков родился в Москве. В 1930 г. закончил историко-этнологический факультет МГУ. С 1936 г. и до конца своей жизни он был погружен в бесконечный трудовой ритм одного из ведущих научных учреждений страны — Института археологии АН СССР, с 1956 по 1987 г. возглавляя его и в значительной степени определяя тем самым курс развития археологической науки в стране.

Сложно в небольшой статье рассказать о научно-организационной деятельности и творческом вкладе в науку академика (1958 г.) Б.А. Рыбакова — историка, археолога, археографа, историка фольклора, опытного музейного работника и организатора науки, написавшего множество книг практически по всем областям древнерусской истории и культуры, оказавшего несомненное влияние на развитие русской и зарубежной медиевистики. Институт археологии, возглавляемый более 30 лет Б.А. Рыбаковым, осуществлял руководство полевой и научно-организаторской археологической деятельностью во всей стране и успешно вел раскопки в ряде зарубежных стран. Естественно, что научные и организационные достижения того времени, как и упущения и недостатки в работе института, неразрывно связываются с именем Рыбакова.

Конечно, ему перешло руководство уже сформировавшимся научным учреждением и плодотворно работавшим коллективом. Но именно в 1960–1980-е годы были осуществлены самые масштабные и значительные проекты, возможные лишь в условиях эффективного управления, государственного финансирования, планирования во всех видах деятельности института: научной, полевой, издательской. Как руководителю Борису Александровичу было присуще умение видеть главное, направить силы научного коллектива на решение важных и принципиально новых проблем в исторической науке. Именно в эти годы им разработаны концепция и программа издания «Свода археологических источников» (САИ), первые выпуски которого увидели свет в 1961 г. Подобного издания нет ни в одной стране мира. Другой масштабный проект, задуманный и осуществленный Б.А. Рыбаковым, — многотомная «Археология СССР». В этой серии планировалось публиковать обобщенные результаты многолетних полевых археологических работ и кабинетных исследований. Первый том был издан в 1981 г.

При активной поддержке директора в 1960–1970-е годы создается лаборатория естественнонаучных методов (первый руководитель Б.А. Колчин), оснащенная

Засыпка языческого жертвенника на городище Девичья Гора (Девичь-Гора) на Днепре. Справа – Б.А. Рыбаков, слева – В.П. Даркевич, О.М. Рапов, Л.Г. Куза, 1963 г.

Б.А. Рыбаков и С.С. Ширинский на раскопках городища Заречье (Киевская обл., Украина), 1964 г.

по тем временам передовым оборудованием. Настоящий прорыв состоялся в области сотрудничества с зарубежными коллегами как в области теоретических, так и практических полевых исследований.

Это далеко не полный перечень новых и грандиозных направлений в работе института. Общеизвестные успехи археологической науки — результат творческой активности всех его сотрудников в реализации разнообразных научных проектов. Руководство этим процессом требовало от дирекции, и прежде всего от Б.А. Рыбакова, огромной эрудиции и постоянного внимания, что было бы невозможно без искреннего интереса ко всем научным отраслям и недоступно для ученого, не имевшего собственных достижений. Даже коротко сложно перечислить все научные направления, в которые Б.А. Рыбаков внес существенный вклад. Его научное наследие составляет более 400 научных работ, в том числе 20 монографий, коллективных трудов, учебников, программ и научно-популярных изданий.

С первых самостоятельных работ у него сложилось твердое убеждение, которому Борис Александрович следовал на протяжении всей научной деятельности: необходимость комплексного исследования археологического материала и письменных источников. Как историк-археолог Б.А. Рыбаков вел археологические раскопки во многих древних городах и на городищах Руси: Гочево, Вщиж, Звенигород-Московский, Переславль-Залесский, Чернигов, Тмутаракань, Любеч, Путивль, Городище Заречье, Белгород-Киевский, Торческ (Безрадици), Витичев, Александров и др. Результаты этих полевых исследований значительны и интересны: несколько древних каменных храмов,

полностью раскопан и реконструирован замок-усадьба Владимира Мономаха с укреплениями, дворцовыми и хозяйственными постройками, деревянной церковью и сторожевыми башнями. Изучен и восстановлен облик городов-крепостей, построенных Владимиром Святославичем по Днепру и его правому притоку р. Стугна в конце X в. для защиты от печенегов южных рубежей русских земель.

Выдающемуся ученому принадлежит разработка новой методики раскопок южнорусского города. Тщательные наблюдения над стратиграфией, раскопки по слоям позволяли Борису Александровичу иногда связать исследуемые слои с годами построек храмов и пожарами, отмеченными в летописях. В полной мере эта методика была применена при раскопках древнего Любеча. Методика раскопок южнорусских городов, усовершенствованная Б.А. Рыбаковым, оказалась небесполезной и для исследования северорусских городов. Проблема хронологии городских памятников Древней Руси вызвала дискуссию между ним и «новгородцами», отразившуюся в ряде статей. Закончилась она весьма плодотворно — рождением дендрохронологии древнерусских городов. Подлинно научный переворот в археологии и истории восточных славян и Древней Руси произвел капитальный труд ученого «Ремесло Древней Руси» (М., 1948), охватывающий историческую эпоху около тысячи лет и всю территорию Древней Руси. В его основе лежит тщательная источниковедческая обработка огромного количества археологических источников, в том числе новейших, и историческое осмысление этого материала с использованием письменных источников.

Перу Б.А. Рыбакова принадлежат монографические исследования русских былин

и летописей. Научный интерес к духовной жизни древних славян и средневековой Руси в итоге оформился в двух объемных монографиях: «Язычество древних славян» (М., 1981) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987); исследования об исторической обстановке Древней Руси XII в. обобщены в книге «Петр Бориславич. Поиск автора “Слова о полку Игореве”» (М., 1991). Культура исследуемой ученым эпохи в разных ее аспектах в той или иной степени затрагивается в любой работе Б.А. Рыбакова.

При всей своей огромной загруженности, регалиях и заслугах Борис Александрович не был недоступным, далеким от реальной жизни человеком. К нему мог обратиться любой сотрудник института без предварительной записи: кто за помощью в бытовых проблемах, в сложных житейских ситуациях, кто в научных вопросах — выборе темы исследований, необходимости командировки, организации экспедиции и т.п.

Многогранность личности и творчества Б.А. Рыбакова, проявившаяся в разных областях исторического знания, его активная научная деятельность не только как «кабинетного» ученого, но и археолога-новатора, блестящего лектора, талантливого организатора и популяризатора науки, — неоспоримы.

Б.А. Рыбаков на городище Заречье, справа – А.А. Мединцева, 1964 г.

На торжественном заседании, Прага, актовъ зал Карлова университета, 1954 г.

Пресс-конференция Института археологии АН СССР, Москва, начало 1980-х годов.

Заседание общества «СССР – Греция» (Б.А. Рыбаков – его президент с 1958 г.), конец 1970-х годов.

В.В. Седов в домашнем кабинете, 2001 г.

В.В. Седов (1924–2004)

Н.А. Макаров

На Неревском раскопе в Новгороде, с Т.Н. Никольской, 1948 г.

Валентин Васильевич Седов — одна из главных фигур в изучении средневековых древностей Руси и этнокультурной истории славянства во второй половине XX в. В его научном наследии фундаментальные труды по славянскому этногенезу и этнокультурным процессам, получившим развитие на Русской равнине в эпоху становления Древнерусского государства и последующие столетия, отмеченные Государственными премиями СССР и России. Многие положения этих исследований и сам подход ученого к реконструкции этнической истории сегодня кажутся дискуссионными, тем не менее эти книги остаются едва ли не единственными сводными работами, раскрывающими целостную панораму средневековых культур, складывавшихся и трансформировавшихся на огромных пространствах славянского расселения во всем многообразии их взаимосвязей.

В течение почти четырех десятилетий В.В. Седов был основным двигателем исследований в области славяно-русской археологии: генератором новых концепций, организатором масштабных экспедиций, редактором коллективных трудов и ведущих периодических изданий (КСИА, АО, Труды Конгрессов по славянской археологии), инициатором и практическим организатором наиболее живых и продуктивных научных собраний

археологов-славистов (от конгрессов Международной унии славянской археологии до Псковского археологического семинара), неутомимым борцом за сохранение археологических памятников. В поле притяжения В.В. Седова находилось огромное количество коллег и учеников, научная работа которых подпитывалась его идеями и энергией.

Валентин Васильевич родился в 1924 г. в подмосковном Ногинске. В сентябре 1941 г. он поступил в Московский авиационный институт, но учиться там ему пришлось недолго. В ноябре 1942 г. он оказался на Сталинградском фронте и находился в действующей армии до разгрома квантунской группировки в конце 1945 г. Его мужество и боевые заслуги отмечены многочисленными наградами. В Харбине в руки Седова попали книги по истории из русских эмигрантских библиотек, многие из которых тогда были недоступны в Советском Союзе. Знакомство с этими изданиями заставило изменить сделанный ранее выбор профессии. После демобилизации В.В. Седов поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и специализировался по кафедре археологии. В 1951 г. он был принят в аспирантуру Института истории материальной культуры (в дальнейшем ИА) АН СССР, с которым оказалась связана вся его дальнейшая научная биография.

Как и многие археологи его поколения, В.В. Седов прошел школу Новгородской экспедиции, приобщившую его к изучению древнерусского города и материальной культуры средневековья. Славяно-русская археология в те годы была на подъеме и открывала возможности обращения к различным категориям древностей, регионам и проблемам. Молодой ученый ярко прокладывал свой путь в археологии открытием языческого святилища в Перыни под Новгородом, выявлением комплекса языческой братчины на Неревском раскопе, обследованием восточных форпостов древнерусского расселения XII в. — Ярополча и Гороховца в низовьях Клязьмы, новаторскими полевыми работами на Смоленщине, впервые выявившими древнерусские селища X–XIV вв. и установившими основные закономерности в организации сельского расселения. Результаты последних работ опубликованы позже в монографии «Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.)». М., 1960 (МИА, № 92).

Однако главной темой, увлекшей тогда В.В. Седова, стала этнокультурная история Восточной Европы, изучение которой было практически прервано в 1930-е годы с утверждением марровской теории стадильности. Курганные древности северо-запада Новгородской земли оказались благодатной темой для исследования славяно-финского этнического взаимодействия, выявления славянского и финского (водского и ижорского) компонентов в средневековых могильниках и разработки методических аспектов использования археологических материалов как источников для этнокультурных реконструкций. Вопросы идентификации археологических памятников двух летописных племенных объединений Северо-Западной Руси были рассмотрены в кандидатской диссертации В.В. Седова «Кривичи и сло-

вене» (1954 г.), выполненной под руководством А.В. Арциховского. Докторская диссертация «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья» защищена в 1967 г.

Северо-Западная Русь, памятники Новгородской и Псковской земель остались в центре его внимания на долгие десятилетия и стали основными объектами собственных полевых работ. Начатые в 1971 г. и продолжавшиеся более 20 лет раскопки Изборска во многом продолжили изучение темы славянской колонизации и славяно-финских взаимоотношений на Северо-Западе, соединив ее с проблематикой истории раннегородских центров. Подготовка монографии, подводящей итоги раскопок в Изборске (Изборск в раннем средневековье. М., 2007), велась ученым до последних дней его жизни. Продолжателем начатых в 1950-е годы В.В. Седовым исследований средневековых городов Северо-Восточной Руси, Ярополча и Суздаля стала его жена Мария Владимировна (1930–2004).

Задача реконструкции этнической истории славянства с опорой на археологические материалы, поставленная перед собой В.В. Седовым в 1970-е годы, требовала широкого пространственного охвата материалов и выработки ясных методических подходов к этнической атрибуции археологических древностей. Валентин Васильевич последовательно шел к решению этой задачи, обращаясь к изучению важнейших археологических культур восточнославянского ареала, систематизируя древности отдельных областей Севера и Юга, исследуя хронологическое соотношение и взаимосвязи отдельных культур. Этапы этой работы отражены в его монографиях, начиная со сводов погребальных памятников (Новгородские сопки. М., 1970; Длинные курганы кривичей. М., 1974), исследований балто-славянских взаимоотношений в Верхнем Поднепровье и

С однокурсниками в Новгородской экспедиции (В. Седов на переднем плане), 1948 г.

Дорога в Болгары. Слева – В.В. Седов, в кабине – А.П. Смирнов, 1950 г.

Экскурсия в Изборской экспедиции. В.В. Седов – справа, второй слева – А.Р. Артемьев, конец 1970-х годов.

В.В. Седов рассказывает о памятнике. Труворово городище, раскоп 1980 г.

Мария Владимировна и Валентин Васильевич Седовы, 1997 г.

Подвинье (Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970) и до итоговых трудов, созданных в 1990-е годы (Древнерусская народность. М., 1999; Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002).

Один из центральных тезисов в его концепции — славянская миграция на восток из Центральной Европы в середине I тыс., заложившая основу восточнославянского расселения на Русской равнине. Другой важный тезис — интерпретация относительного культурного единства в восточнославянском ареале в конце I тыс. как результата действия мощных интеграционных процессов, связанных с развитием городской жизни и государственности (а не как следствия изначальной культурной однородности восточнославянских племен).

В последние десятилетия в науке утверждается более осторожный подход к использованию археологических материалов в этнокультурных построениях и этнической атрибуции древностей. Но огромная работа по систематизации археологических древностей I тыс. в Восточной Европе, характеристике основных археологических культур славянского мира и реконструкции миграций и культурных связей, выполненная В.В. Седовым, не утратила своего значения.

Высокий научный авторитет Валентина Васильевича долгое время не был отмечен официальным признанием. Он был избран членом-корреспондентом РАН лишь в 1997 г., когда ему было 72 года, а действительным членом РАН — шестью годами позже. Будучи явным лидером в изучении славянских древностей в институте, он никогда не занимал должность руководителя отдела славяно-русской археологии. В сфере его ответственности неизменно оказывались наиболее «проблемные» направления археологической деятельности, развитие

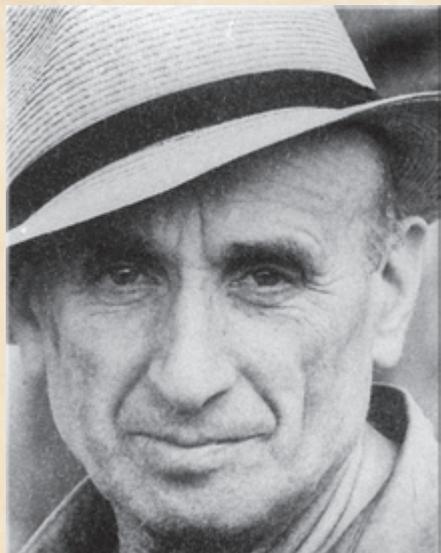
которых требовало больших организационных усилий и тяжелой технической работы.

В институте он заведовал сектором археологических сводов, затем отделом полевых исследований, отвечая за каталогизацию и учет археологических памятников, выдачу разрешительных документов на полевые работы и контроль качества полевых отчетов. Его самоотверженная готовность поддерживать цеховые традиции и сложившиеся формы организации археологической науки (в том числе централизованную систему выдачи открытых листов и хранения отчетной документации), иногда жертвуя своими собственными научными интересами, ярко проявилась в 1990-е годы и сыграла исключительную роль в сохранении профессионального пространства российской археологии от деградации в это время.

Непросто сформулировать, в чем заключалось особое человеческое обаяние Валентина Васильевича Седова, сила которого была очевидна даже для тех, кто не принадлежал к числу его друзей. За его внешней сдержанностью и немногословностью был скрыт яркий научный темперамент, проявлявшийся в самых неожиданных обстоятельствах. Уважение коллег вызывали не только его эрудиция и организационные таланты, но и независимость взглядов и суждений, никогда, впрочем, не переходившая во фронт. Сухощавый, легкий в движениях, демократичный в общении, педантичный в организации научной работы, он был человеком собственного стиля, отличного от общепринятых академических традиций. Пример его жизни показывал, что успешный путь советского ученого-гуманитария вовсе не предполагал отказа от собственных принципов и индивидуальности, внушая уверенность в себе многим из тех, кто приходил в науку в 1970–1980-х.

А.П. Смирнов (1899–1974)

В.Ю. Коваль

На раскопках в Болгаре, 1960-е годы.

Инструктаж рабочих в Болгаре (на фоне Восточного мавзолея до реставрации), 1954 г.

Алексей Петрович Смирнов родился в Москве, был участником Первой мировой (в 1916–1917 гг.) и Великой Отечественной (в 1941–1942 гг.) войн, на которые уходил добровольцем, в звании рядового. В 1941 г., воюя в составе Московского ополчения, оказался в окружении, из которого благополучно вышел в составе большой группы военнослужащих, но всю оставшуюся жизнь был вынужден указывать в анкетах весь путь этого выхода.

Высшее образование он получил в 1922–1924 гг. в МГУ на факультете общественных наук, где стал специализироваться по археологии под руководством В.А. Городцова. В 1926 г. поступил в аспирантуру отдела археологии Института археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1924–1937 гг. А.П. Смирнов руководил работами археологических экспедиций в Московской и Ивановской обл., Краснодарском крае, Крыму, на Тамани, в Республике Коми, Удмуртии, Татарстане, работал в большой бригаде археологов на трассе первой очереди Московского метрополитена.

В 1929 г. А.П. Смирнов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Археология прикамских финнов в X–

XIV вв.», в 1944 г. — докторскую диссертацию на тему «Волжские булгары» (в МГУ). После Великой Отечественной войны руководил новостроечной Куйбышевской экспедицией, а также созданными им Болгарской (с 1945 г.) и Поволжской (с 1957 г.), другими крупными археологическими экспедициями.

Таковы основные вехи биографии Алексея Петровича. В них, как в зеркале, отразились все главные события первой половины XX в. и все те беды и трудности, с которыми столкнулась научная интеллигенция страны. А.П. Смирнов не был революционером, он не участвовал в Гражданской войне и сумел оставаться беспартийным до 1952 г., пока не стал профессором МГУ (до 1955 г.) и не занял административные должности в ИИМК и ГИМ (1953–1956). Во время Гражданской войны он занимался преподавательской работой, и уже одно это говорит о многом — вместо участия в кровопролитных столкновениях он предпочел заниматься народным просвещением. Такая гражданская позиция еще совсем молодого человека, только вступающего в самостоятельную жизнь, не может не вызывать глубокого уважения. Она же во многом объясняет и последующее обращение к истории и археологии, т.е. к тем наукам, которые несут людям знания о мировом опыте человечества.

А.П. Смирнов с участниками экспедиции, Болгары, 1952 г.

На одном из раскопов в центре Болгара, 1950-е годы.

На раскопе 4 в Болгаре, 1951 г.

И вот всего за каких-то 10–15 лет рядовой труженик на ниве народного просвещения превратился в одного из ведущих ученых-археологов страны, создателя целого направления — археологического изучения поволжско-финских древностей. Он был из плеяды столь же ярких исследователей, учеников В.А. Городцова, оставшихся его друзьями всю последующую жизнь (Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, С.В. Киселев). С деятельностью А.П. Смирнова связано начало систематического изучения древностей Чувашии и Удмуртии, создание в них первых археологических научных школ. Не меньшее значение имели его исследования этногенеза марийского и мордовского народов. Это направление научной работы ученого было, конечно, самым важным как для него самого, так и для нарождавшейся советской археологии. Об уровне заслуг А.П. Смирнова в развитии исторической науки в Поволжском регионе говорит присвоение ему званий «заслуженного деятеля науки» Чувашской (1958 г.) и Татарской АССР (1959 г.).

Однако главным делом жизни Алексея Петровича стало изучение Волжской Булгарии и особенно — города Болгара (на территории с. Болгары в Спасском р-не Татарстана). Интерес к Волжской Булгарии впервые проявился в 1933 г. во время раскопок Сувары, третьего по размерам и значению города этой страны. Раскопки Болгара были проведены Алексеем Петровичем впервые в 1938 г., но систематическими, ежегодными, они стали с 1945 г. В ходе этих раскопок сформировался коллектив учеников А.П. Смирнова, работавший тут на протяжении последующих трех десятилетий. Именно тогда были заложены основы археологического булгароведения, изучения этногенеза татарского народа. С именем Алексея Петровича связано и начало золотоордынской археологии в России. Надо помнить, что даже в 1960-е годы Золотая Орда рассматривалась советской исторической наукой как «паразитическое государство», и этот ярлык подразумевал отсутствие необходимости его изучения. По этой причине выход статьи А.П. Смирнова (в соавторстве с его учеником Г.А. Федоровым-Давыдовым)

«Задачи археологического изучения Золотой Орды» (СА. 1959. № 4) был актом гражданского мужества ученого, которого, напомним, каждый раз проверяли, каким образом он вышел из окружения и не побывал ли в плену. Благодаря этой статье стала возможной в 1960-е годы организация Г.А. Федоровым-Давыдовым изучения золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

За свою жизнь А.П. Смирнов воспитал немало талантливых учеников, тружеников науки. Но все же из этого ряда надо выделить имена таких блестящих ученых, как Г.А. Архипов, П.Н. Старостин, Т.А. Хлебникова и, конечно же, Г.А. Федоров-Давыдов, продолживший одно из главных дел своего учителя — археологическое изучение Золотой Орды.

Все, кто знал А.П. Смирнова, вспоминают его с большим теплом и симпатией. Это был человек огромного обаяния, с развитым чувством юмора, который он обращал прежде всего к самому себе. Он был из тех, «кто может первым посмеяться над собой», но никогда не потешался над другими. Отличительной чертой ученого была также большая научная скромность — автор 262 публикаций, в том числе 8 монографий, не стремился и не боролся за почести и награды, а принимал лишь то, что заслужил по праву и чего ему просто «не могли не дать». При этом мог вспылить, резко выступить, даже накричать на нерадивого подчиненного. Словом, был живым человеком, которому свойственны некоторые слабости. Но не они формировали облик ученого, а именно высокие требования к себе, серьезность в науке и юмор в жизни. Именно эти качества сделали Алексея Петровича Смирнова образцом российского ученого советского периода.

К.Ф. Смирнов (справа) и А.И. Шкурко на раскопках курганов в Оренбургской степи, 1950-е годы.

1970-е годы.

К.Ф. Смирнов (1917–1980)

В.И. Гуляев

Я помню все так отчетливо, словно это было вчера. Почти квадратный полутемный зал для заседаний секторов Института археологии АН СССР — в цоколе здания на улице Дм. Ульянова, 19 и с окнами почти под потолком. Идет очередное заседание сектора скифо-сарматской археологии, и я, только что закончивший кафедру археологии истфака МГУ (1960 г.) и взятый прямо со студенческой скамьи в главный центр советской археологической науки, с изумлением и трепетом внимаю выступлениям людей — для меня почти небожителей, о которых я знал ранее лишь по их публикациям. И какие это были люди! Алексей Петрович Смирнов (заведующий сектором), Анна Ивановна Мелюкова, Петр Дмитриевич Либеров и, конечно, К.Ф. Смирнов, или «Ка-Фэ», как его звали между собой коллеги, аспиранты и студенты.

Константин Федорович внешне был очень похож на типичного западноевропейского профессора — среднего роста, румяный, круглолицый, склонный к полноте, с русыми, сильно поредевшими волосами, с близорукими голубыми глазами, в очках с тонкой металлической (золотой?) оправой. Добрый и мягкий по натуре человек,

он становился в спорах с любым оппонентом отчаянным бойцом за свои научные взгляды. Особенно часто с конца 60-х годов эта полемика велась К.Ф. с П.Д. Либеровым. Споры велись обычно вокруг этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона скифской эпохи и о влиянии на него соседних сарматских племен. Порой накал этих словесных баталий достигал апогея. Тем не менее слушать споры этих двух великолепных знатоков скифо-сарматской археологии было очень полезно и поучительно. Наряду со своими огромными теоретическими познаниями в сарматской тематике Константин Федорович всегда считался непревзойденным мастером полевых исследований. И в один из летних сезонов он пригласил меня (по-моему, это было в конце 60-х годов) в свою экспедицию в Оренбургскую степь, так как очень нуждался в человеке, имевшем опыт раскопок курганов с помощью бульдозера.

Именно тогда я смог в полной мере оценить «Ка-Фэ» в качестве руководителя довольно большого коллектива людей, способного не только хорошо организовать процесс раскопок, но и позаботиться о жизни и отдыхе весьма пестрого по составу экспедиционного отряда.

Оренбургская экспедиция. К.Ф. Смирнов – в центре, рядом с ним – А.И. Шкурко, 1960 г.

Лекция на раскопках кургана. Оренбургская экспедиция, 1960-е годы.

Июль, выжженная до желтизны Оренбургская степь — от горизонта до горизонта. Но и там, оказывается, при желании можно найти свой «райский уголок». На берегу довольно широкой речки (из-под ее обрывистого берега били кристально чистые, с ледяной водой родники), в тенистой роще был разбит походный палаточный лагерь. На кухне командовала профессиональная повариха, и вкусный борщ был всегда обеспечен. После работы — освежающее купание, а вечером — песни, танцы, беседы у костра. Жизнелюб, эрудит и добряк по натуре, Константин Федорович был всегда душой любой компании.

К.Ф. Смирнов родился 28 июля 1917 г. в с. Ненашево Алексинского уезда Тульской губернии в семье сельских учителей. После окончания местной средней школы поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы (ИФЛИ), который успешно закончил в 1940 г. по специальности «археология». Там же поступил в аспирантуру, где его руководителем был Б.Н. Граков. Но помешала война. Заканчивал аспирантуру уже на кафедре археологии истфака МГУ в 1944 г. Два года работал научным сотрудником ГИМ (1944–1946). В 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья» и был принят в сектор скифо-сарматской археологии ИИМК (впоследствии ИА) АН СССР. В 1953–1956 гг. — заведующий этим сектором и затем, до своей кончины (8 октября 1980 г.), работал в нем в должности старшего научного сотрудника. В 1965 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Савроматы».

Всю свою творческую жизнь Константин Федорович посвятил одной, хотя и гигантской по объему, тематике — проблемам савромато-сарматской археологии. Причем свои исследования он в основном осуществлял не в тиши кабинетов и библиотек, а в своих многочисленных и успешных экспедициях, которые охватили огромную территорию: от Нижнего Дона и Северного Кавказа до Оренбургских степей. Перу ученого принадлежат 120 научных публикаций, в том числе 6 монографий. Важнейшие из них — «Вооружение савроматов» (М., 1961) и «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов» (М., 1964). Последняя — главный труд всей жизни К.Ф. Смирнова — стала ярким событием в скифо-сарматской археологии и, по мнению его коллег, до сих пор остается образцом монографического исследования. По мнению М.Г. Мошковой, каждая из глав книги является практически самостоятельным исследованием, будь то дробная хронология савроматских памятников, характеристика погребального обряда, звериный стиль в искусстве и религиозные представления, торговые связи и взаимоотношения с соседями.

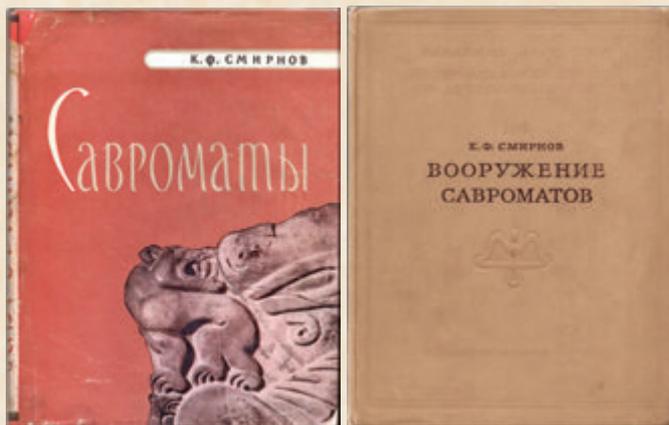
Необходимо отметить не только глубину, но и широту исследовательских усилий К.Ф. Смирнова. Ученый охватил своими исследованиями всю тысячелетнюю эпоху раннего железного века, от рубежа бронзового и железного веков и заканчивая позднесарматским временем. К.Ф. Смирнов всегда был решительным сторонником комплексного исследования археологических памятников в содружестве с антропологами, палеозоологами, палеоботаниками и специалистами других есте-

К.Ф. Смирнов с сотрудниками (на переднем плане – Г.А. Брыкина) экспедиции на отдыхе, 1960-е годы.

День рождения К.Ф. Смирнова, Оренбургская экспедиция, шоль 1972 г.

К.Ф. Смирнов (справа) и Л.Н. Петров перед закрытием Оренбургской экспедиции, 1960-е годы.

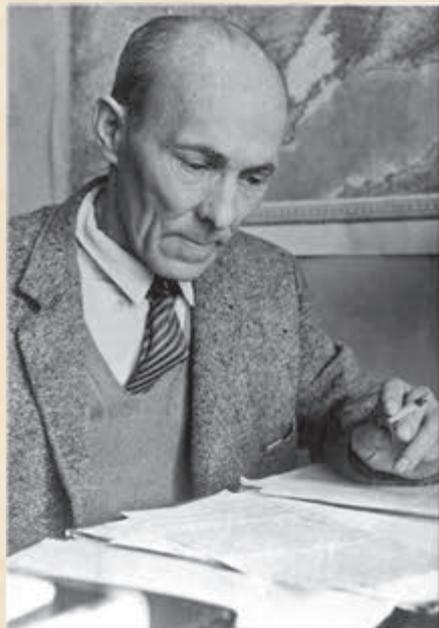
К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова после раскопок, 1960-е годы.

ственных наук. Он широко использовал при интерпретации археологических источников сведения античных авторов и достижения современной лингвистики.

В начале 1970-х годов Константин Федорович главное свое внимание сосредоточил на вопросах времени и характера проникновения сарматов в Северное Причерноморье, за реку Дон, на территорию Скифии. Этой теме была посвящена и последняя монография К.Ф. Смирнова «Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии» (М., 1984), вышедшая в свет уже после смерти ученого.

Много сил и времени уделял Константин Федорович руководству аспирантами и молодыми сотрудниками сектора скифо-сарматской археологии. Десятки его учеников успешно защитили кандидатские диссертации, и многие из них плодотворно работают до сих пор в разных регионах России.

Хочется закончить эту небольшую статью о замечательном ученом словами его любимой ученицы, а затем и надежной помощницы в полевых исследованиях — М.Г. Мошковой: «Константин Федорович был удивительно жизнелюбивым и жизнерадостным человеком, всегда проявлявшим живой интерес к делам сектора, института, ко всему происходящему. Добрый и отзывчивый, он привлекал сердца людей, особенно молодежи, которая всегда находила у него совет и дружескую поддержку». Хорошо известно, что добрая память об ушедших археологах сохраняется в их опубликованных трудах и в делах их учеников. Совершенно очевидно, что и с тем, и с другим у Константина Федоровича всегда был и будет полный порядок.

*Кабинетная работа ученого,
1960-е годы.*

В.Н. Чернецов (1905–1970)

С.В. Ошибкина

Экспедиции Института археологии АН СССР под руководством В.Н. Чернецова, его учеников и последователей многие годы работали на территории с общим названием «Приобье» (Восточное Зауралье, большая часть Западной Сибири, таежные области Ханты-Мансийского национального округа и приморские тундры Ямало-Ненецкого округа). Основное направление исследований — изучение древней этнической истории малых народов Севера Сибири, процессов их развития, реконструкции образа жизни, обычаев и верований.

Валерий Николаевич Чернецов происходил из семьи московских купцов и предпринимателей в строительном деле, он родился в 1905 г. в Москве, в 1925 г. поступил на этнографический факультет Географического института в Ленинграде, позднее ставшего географическим факультетом Ленинградского университета. После окончания в 1930 г. ЛГУ и нескольких лет работы в Ленинграде, в Институте Севера, в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), Валерий Николаевич в 1940 г. вернулся в Москву, где стал сотрудником ИИМК/ИА АН СССР. В 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н.э.».

В Москве до конца жизни он вместе с женой В.И. Мошинской жил в коммунальной квартире большого доходного дома на углу ул. Остоженка и Померанцева пер., в комнате с очень высокими потолками, в глубине которой был выстроен второй этаж. Кроме научной литературы в библиотеке была приличная подборка фантастики, которую любили читать Валерий Николаевич и мы, последователи и посетители. Создавалось общее впечатление о глубоком взаимном понимании в семье, единстве научных интересов, об уважении к коллегам по работе и аспирантам, которые нередко посещали дом, где была атмосфера обычной московской интеллигентной семьи.

Научные интересы В.Н. Чернецова как археолога и этнографа определились еще во время учебы в Ленинградском университете. Первой его экспедицией стала поездка в 1926 г. на Крайний Север, в район Сыктывкара, с небольшими разведками на стоянках бассейна рек Северная Сосьва и Конда. Летом 1929 г. проведены предварительные раскопки на памятниках, расположенных уже за Полярным кругом. На мысу Моржовый (Тигутей-Сале) исследована дюнная стоянка и на западном побережье п-ова Ямал — древнее поселение. Еще одно поселение и остатки землянки открыты и обследованы на мысу Хаэн-Сале в проливе Мальгина. В то время раз-

ведки и первичное изучение культурных отложений на памятниках могли быть только предварительными и небольшими, тем более что работу проводил пока еще студент. Однако основное направление дальнейших многолетних исследований и в целом научные интересы В.Н. Чернецова к этому времени совершенно четко определились: история народностей Нижнего Приобья и главным образом этногенез обских угров, конкретно хантов и манси, фольклор и обычаи малых народов. В.Н. Чернецов стал впоследствии даже автором первого словаря манси.

После завершения Великой Отечественной войны, в 1946 г., была организована Мангазейская экспедиция ИИМК АН СССР и Арктического института Главного управления Севморпути под руководством В.Н. Чернецова при постоянном участии в экспедиции В.И. Мошинской и И.А. Талицкой. Итоги многолетних раскопок в низовьях Оби, в районе Сыктывкара, и разведочных работ за Полярным кругом подведены в сборнике трудов участников экспедиции, основанных на материалах раскопок, изучении коллекций многих музеев Западной Сибири и частных собраний, архивных и письменных источников (Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. МИА, № 35). Важная составная часть сборника — иллюстративный материал и серия карт, на которых указана широтность размещения стоянок неолита в отдельных регионах по Оби и Иртышу. Завершает книгу каталог известных на тот период памятников древности Западной Сибири.

Обращаясь к вопросам о методах и итогах работы, В.Н. Чернецов отметил, что проблемы истории угорских народов Нижнего Приобья невозможно понять в достаточной мере без данных археологии, при помощи только фольклора и этнографии, сложение которых относится к глубокой древности.

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный неолиту низовьев Оби, в частности, это касается известной стоянки или, точнее, поселения Чэс-тый-яг, открытого геологом С.Г. Бочем в 1934 г. Памятник находится в 3,5 км от с. Саранпауль на левом берегу р. Ляпин,

притока Северной Сосьвы. Древнее поселение занимает мыс небольшого островка, лежащего среди болотистой поймы. Жилая площадка поселения возвышается над поймой на 5,5 м. Оно состояло из 5 больших квадратных жилищ, окруженных характерными валами-насыпями, и 12 малых землянок, все сохранились в виде котлованов глубиной 3–4 м от современной поверхности. В 1935 г. В.Н. Чернецов обследовал этот необычный памятник, расширил прежний шурф С.Г. Боча и убедился на основании типологии найденных здесь керамики и каменных орудий, что поселение относится к неолиту. До сих пор неолитическое поселение Чэс-тый-яг — наиболее северный памятник этого времени, поскольку находится на 65 градусе с.ш., где большая группа населения могла обитать круглый год.

Вопрос о возможном существовании постоянного большого поселения в высоких широтах естественно связан с образом жизни и возможностью жизнеобеспечения значительной по численности популяции раннего неолита. Предполагаемый возраст поселения Чэс-тый-яг и другой исследованной стоянки на р. Щучья, расположенной уже за Полярным кругом, — IV тыс. до н.э. В.Н. Чернецов еще в свое время отметил слабую изученность территории в низовьях Оби, хотя южнее, по Северной Сосьве, благодаря относительно высокой заселенности и лучшей изученности местности был открыт ряд неолитических стоянок.

Наиболее важным результатом работ Мангазейской экспедиции стало планомерное изучение городищ и курганов усть-полуйской археологической культуры раннего железного века, начатое в 1948 г. Собственно городище Усть-Полуй обнаружено еще в 1932 г. во время строительных работ около Салехарда, от которого городище находится в 3 км ниже по течению р. Полуй. В 1935–1936 гг. здесь проводила раскопки экспедиция МАЭ под руководством В.С. Адрианова. Исследовано более 250 м²; такая же площадь культурного слоя раскопана Мангазейской экспедицией. В итоге, по данным В.Н. Чернецова, коллекции с городища насчитывали более 12 тыс. предметов, среди которых в основном во-

В.Н. Чернецов в Кузнецком музее рисует материалы Кузнецкого могильника, 1951 г.

1950-е годы.

*Копирование писаниц на скалах
у р. Тобол, 1960 г.*

оружие и украшения, предназначенные для военных костюмов и ритуальных танцев. После систематизации материалов усть-полуйской культуры В.Н. Чернецов особенно отметил сходство многих ее предметов с изделиями и украшениями коряков и эскимосов, что могло быть продиктовано условиями существования и быта арктических народов.

Некоторые темы в исследовании В.Н. Чернецова, посвященном бронзовым изделиям усть-полуйской культуры, разработаны на основе разрозненных материалов, что не мешает им оставаться примером понимания древних исторических процессов, получивших отражение в археологических и этнографических источниках. Так, стоит отметить описание и типологию эполетовидных застежек и поясных накладок, получивших у населения широкое применение в раннем железном веке в Прикамье и Западной Сибири. В усть-полуйской культуре обычно на круглой части (умбоне) эполетовидной пряжки помещали изображение головы одного или голов нескольких медведей, обращенных к центру умбона и лежащих на лапах зверя. Этот символ типичен для таежных культур Западной Сибири и никогда не встречается на поясах обитателей западного склона Урала и Прикамья, что подтверждается и этнографическими материалами.

В.Н. Чернецову принадлежит первая публикация знаменитых бронзовых зеркал из коллекции Ханты-Мансийского музея природы и человека. В этой публикации представлены прочерченные на поверхности медных (с добавлением олова и свинца) зеркал изображения антропоморфных фигур с головами зверей; и зооморфные фигуры — медведь, мелкие хищники, бобры, рыбы, даже членистоногое, а также символические рисунки. Все они отнесены к усть-полуйской культуре и датированы II в. до н.э. — II в. н.э. Как отмечает исследователь, на поверхности зеркал (или дисков) остаются следы удаления рисунков с последующим нанесением новых изображений, возможно, представляющих образы потомков.

История этой коллекции достаточно сложная. Зеркала поступали в музей Ханты-Мансийска трижды — в 1936,

1937 и 1944 гг. По данным В.Н. Чернецова, они собраны на реках Ляпин, Кызым и Северная Сосьва, в ограниченном районе без точных указаний места находок. Более подробных сведений о находках исследователь не оставил, но их общее назначение, культурную принадлежность, возраст и происхождение оценил правильно. Очевидно, зеркала находились в сакральных местах или святилищах угорского населения, разрушенных в указанные годы.

Всего в коллекции числилось 29 зеркал, сейчас в музее насчитывается 21 предмет и еще два хранятся в МАЭ. В современном издании коллекции зеркал или дисков (Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. Ханты-Мансийск, 2002) упоминается и первая публикация В.Н. Чернецова, с замечанием, что он мог знать о зеркалах гораздо больше, чем сообщает. Этот скрытый упрек совершенно несправедлив, поскольку исследователь описал зеркала и другие бронзовые изделия из сакральных мест обских угров в тот период, когда это было сложно по ряду причин, а сама коллекция еще не была собрана полностью.

Последней работой В.Н. Чернецова была подготовка к изданию книги «Наскальные изображения Урала». Выявление и копирование петроглифов выполнены Западносибирской экспедицией ИА под руководством В.Н. Чернецова и при участии В.И. Мошинской, М.Ф. Косарева, С.В. Зотовой, П.М. Кожина и др. Были составлены два выпуска наскальных изображений. Первый — петроглифы по берегам р. Тагил (М., 1964), вышел в серии «САИ». Второй выпуск (также в САИ) — петроглифы по скальным берегам рек Нейва, Ряз, Ирбит, Серга, Юрюзань и по Вишере в Приуралье, опубликован после смерти автора (М., 1971). В 1970 г. Валерий Николаевич подготовил, но не успел защитить докторскую диссертацию на тему «Наскальные изображения Урала».

В предисловии к изданию петроглифов на скальных берегах р. Тагил В.Н. Чернецов приводит сведения об истории открытия сибирских каменных летописей. Эта часть работы отличается глубиной и полнотой использования всех данных, что вообще характерно для трудов

В.Н. Чернецова. Им были привлечены архивные источники, справки о первых публикациях в западной литературе. Основные задачи при изучении писаниц В.Н. Чернецов видел в вопросах о том, кем, когда и с какой целью они создавались. Хронология наскальных изображений определялась на основании параллелей в орнаментации и рисунках на керамике, хотя было ясно, что возраст петроглифов мог быть разным или очень поздним.

Этнографические аналогии — рисунки на бересте, орнаменты на одежде, современные татуировки, все приводило исследователя к выводу о принадлежности писаниц на скалах угорскому населению, конкретно ханты и манси. Особенно наглядны изображения рыболовных приспособлений или вершей, которые используют в современной практике, или охотничьих меток в виде лапы медведя, вплоть до недавнего времени люди еще оставляли такие знаки на стволах деревьев, отмечая собственную успешную охоту. Назначение писаниц В.Н. Чернецов связывал с практическими занятиями ханты и манси, в меньшей степени с сакральной практикой в их среде.

Полная публикация петроглифов Урала и Западной Сибири была выполнена на высоком научном уровне, с представлением целых скальных полотен с изображениями зверей, водоплавающих птиц, редко пейзажей, растений и человеческих фигур.

В.Н. Чернецов был не только крупным ученым, соединявшим в своей деятельности фундаментальные знания в археологии и этнографии, он был человеком высоких душевных и моральных качеств и никогда не отступал от собственных правил жизни, которые распространял и на среду академической науки.

Москва, 1946 г.

Семья, 1947 г.

Д.Б. Шелов (1919–1993)

Т.М. Арсеньева

Дмитрий Борисович Шелов родился 1 марта 1919 г. в Москве. О ранних годах его жизни известно из воспоминаний, оставленных младшим братом Вадимом Борисовичем. Он в немногих словах описал Москву тех лет, арбатские переулки, где они жили, и очень трудную и скучную жизнь людей в коммунальных квартирах. В школу Дмитрий Борисович поступил в пятый класс, до этого учился с домашними учителями. Рано стал заниматься рисованием и ходить на уроки к художнице Елизавете Николаевне Орловой (род ее шел от дочери М.В. Ломоносова и генерала Орлова). Вначале он рисовал понравившиеся ему виды Москвы, позднее — карикатуры и шаржи, а на раскопках — археологические находки. В школе учился легко и в 1936 г. был уже студентом ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского). Окончил институт перед самой войной, из-за плохого зрения в действующую армию его не взяли, но отправили строить укрепления под Смоленском, Вязьмой и Ростовом.

Осенью 1941 г. Д.Б. Шелов уехал в Калмыкию, куда был распределен после института. В Элисте зачислен сотрудником в Институт языка, литературы, истории, но очень скоро был отправлен на земляные работы строить аэродром. К этому времени он был женат на

своей однокурснице Т.Д. Златковской. Из Элисты, при приближении немцев, они с женой пешком уходили в большой веренице беженцев. Затем был Астраханский педагогический институт, и только в конце 1944 г. Д.Б. вернулся домой. В Москве он поступил в аспирантуру кафедры древнего мира Московского государственного педагогического института им. В.П. Потемкина, а через год перешел в ИИМК АН СССР (ныне ИА РАН), где после окончания аспирантуры стал штатным сотрудником, проработав в институте с 1948 г. до конца своей жизни.

Дмитрий Борисович был очень одаренным и образованным человеком, видимо поэтому, хотя он и не был членом партии, его назначили ученым секретарем, а вскоре и заместителем директора института. В последние годы он возглавлял отдел полевых исследований. Работа в отделе не была случайной. Постоянно принимая участие в экспедициях, Шелов накопил большой раскопный опыт. При просмотре поступавших в отдел отчетов он сразу замечал недочеты и ошибки. Д.Б. руководил созданием свода методических инструкций для археологов.

Научную тему, ставшую едва ли не главной в его исследованиях, Дмитрий Борисович начал разрабатывать

еще в аспирантуре с изучения боспорских монет архаического и классического времени. Кандидатскую диссертацию он защитил в 1948 г. Работу над исследованием, по совету своего учителя профессора Б.Н. Гракова, аспирант Шелов совмещал с подготовкой к печати рукописи А.Н. Зографа «Античные монеты» (автор рукописи погиб в блокаде Ленинграда, не успев окончить книгу). Постоянные занятия с боспорскими монетами способствовали тому, что уже в середине 1950-х годов Д.Б. становится одним из ведущих ученых в области античной нумизматики. В 1956 г. выходит его книга «Монетное дело Боспора VI–III вв. до н.э.» (М.), позднее, в 1978 г., переизданная в Оксфорде.

В круг интересов Д.Б. Шелова стали входить и монеты позднего времени, вплотную ими он стал заниматься с начала раскопок Танаиса в 1955 г. Ученый представил подробный анализ монет из раскопок и осветил денежное обращение города на протяжении всей его истории. Большие заслуги Д.Б. Шелова, связанные с нумизматикой, неоднократно отмечались коллегами. В 2016 г. на конференции в Керчи о них говорил С.И. Безуглов, продолживший работу над монетами из Танаиса. Он подчеркнул, что труды Д.Б. Шелова на десятилетия вперед определили основные направления и задачи нумизматики всего Северного Причерноморья. По инициативе Шелова была образована Секция нумизматики, которая собиралась в рамках ежегодной археологической конференции Академии наук с 1950 г.

Еще одна большая тема исследований Дмитрия Борисовича — античная керамическая эпиграфика — наметилась в середине 50-х годов. Он обработал и опубликовал керамические клейма на амфорах и черепицах из раскопок Фанагории и Пантикапея, продолжив тем

самым работу своего учителя Б.Н. Гракова. Позднее, занимаясь находками раннего Танаиса, он издал книгу, посвященную амфорным и черепичным клеймам города (Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975). На основе анализа этих материалов сделаны важные выводы о торговых путях и экономических связях крупных городов Боспора.

Д.Б. Шелов работал во многих археологических экспедициях, принимал участие в исследованиях в Албании. В 1955 г. институтом и Ростовским музеем краеведения была создана Нижне-Донская экспедиция, одна из наиболее плодотворно работающих до настоящего времени экспедиций ИА РАН. Ее главной задачей стало исследование Танаиса и его некрополя — наиболее самобытного центра античной культуры Северного Причерноморья, основанного в глубине варварского окружения. Особенно следует подчеркнуть титанический труд Д.Б. Шелова по созданию музея-заповедника «Танаис». Уже в 1961 г. музей был открыт, а на городище стали сохранять выявленные раскопками постройки для показа туристам.

В материалах Танаиса первых веков нашей эры внимание исследователя сразу привлекли узкогорлые светлоглиняные амфоры с сохранившимися на них дипинти в виде отдельных букв, знаков и реже надписей, нанесенных красной краской. Д.Б. Шелов постоянно занимался расшифровкой смысла этих пометок и посвятил им несколько публикаций. В 1998 г. вышла двуязычная (на рус. и нем. языках) книга Д.Б. Шелова и Б. Бетгера «Дипинти на амфорах из Танаиса» (М.), в которую вошли все предшествующие разработки ученого. В книге учтено 2233 надписи III в. н.э., разработана методика работы с ними и указаны комплексы, в которых они найдены.

Д.Б. Шелов и В.Д. Блаватский на афинском акрополе, 1960-е (?) годы.

Д.Б. Шелов (в центре) на базе в Танаисе (слева – Т.М. Арсениева), 1980-е годы.

Д.Б. Шелов читает лекцию в Танаисе, 1970-е годы.

Огромный материал, полученный раскопками Нижне-Донской экспедиции, постоянно обрабатывался, основные категории находок были учтены и описаны. Эта работа позволила Д.Б. Шелову достаточно полно воссоздать историю Танаиса, выделить разные периоды его жизни с характерными для каждого из них особенностями, показать связь с Боспорским царством и окрестным варварским миром, остановиться на вопросах этнической, экономической и культурной истории города. Эти исследования, связанные с жизнью Танаиса, стали основой его докторской диссертации (защита состоялась в 1968 г.), они опубликованы в двух книгах: «Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.» (М., 1970) и «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры» (М., 1972).

На протяжении всей научной жизни у Дмитрия Борисовича много времени занимала издательская работа. Он был прекрасным редактором, членом редколлегии археологических журналов, редактором-консультантом издательства «Советская энциклопедия» и ряда других. Выпуски созданного им сборника «Нумизматика и эпиграфика» были наиболее авторитетным и популярным нумизматическим изданием во второй половине XX в. Шеловым написана обобщающая глава «История античных государств Северного Причерноморья» для тома «Античные государства Северного Причерноморья» (М., 1984) серии «Археология СССР». Издательством АН СССР изданы его научно-популярные книги «Античный мир в Северном Причерноморье» (М., 1956) и «Северное Причерноморье 2000 лет назад» (М., 1975). Д.Б. Шелов — автор 242 печатных работ, в том числе 11 монографий.

Педагогической работой Дмитрий Борисович занимался сравнительно немного. Читал

курсы лекций на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, в педагогических институтах Москвы, Воронежа, Элисты, Астрахани, выступил оппонентом на 31 кандидатской и 15 докторских диссертациях, привозил студентов на практику на раскопки в Танаис, руководил работой аспирантов.

Вспоминая Дмитрия Борисовича, могу сказать, что таких широко образованных людей на моем пути встречалось немного. Его значительность отмечалась во всем. В экспедициях, не будучи физически сильным человеком, он кидался разгружать машины с тяжелыми мешками и толкал грузовик, если он где-нибудь застревал; к нему с уважением относились на раскопе рабочие, он всегда объяснял им где, как и почему надо копать. С большой симпатией и уважением относились к нему и сотрудники института, которые нередко обращались за советом и с просьбой отредактировать статью или книгу. Д.Б. много работал, много читал, хорошо и глубоко знал историю, выступал с докладами на конференциях внутри страны и за рубежом, на заседаниях в институте, успевал ходить на выставки, хорошо разбирался в живописи, ценил поэзию и знал много стихов наизусть. Прекрасный ученый и организатор, он умел создать эмоционально комфортную обстановку в экспедиции и организовать увлеченный исследованиями коллектив. Д.Б. Шелов — один из самых известных археологов-антиковедов, сыгравший важную роль в развитии классической археологии в стране.

Д.Б. Шелов (справа), левее – И.Б. Зеест и Т.М. Арсеньева, Феодосия, 1951 г.

Инспекционная поездка. Д.Б. Шелов – в центре, рядом с ним – Ю.А. Краснов и В.В. Седов. Крайний справа – Э.В. Шавкунов, 1980 г.

Д.Б. Шелов возглавляет транспортировку тифоса, Танаис, 1960 г.

Танаис, 1980-е годы.

Экспедиционный автошарж Д.Б. Шелова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРСОНАЛИИ — справочная информация

АЛЕКСЕЕВ Валерий Павлович (1929–1991) — антрополог, археолог, этнограф, д.и.н., академик АН СССР. Ученик Г.Ф. Дебеца. 1955–1988 — сотрудник ИЭ АН СССР, 1988–1991 — директор ИА АН СССР. С 1990 г. — председатель Музейного совета АН СССР.

Научные интересы: антропогенез, расогенез, этническая антропология, антропоэкология, биоархеология.

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Ивановна (1928–2007) — антрополог, д.и.н., академик РАН, профессор. Ученица Я.Я. Рогинского. С 1992 г. — в ИА РАН, зав. группой физической антропологии. Член ученого совета ИА, член редакционного совета журнала «Российская археология». Председатель Музейного совета РАН.

В 2002 г. удостоена премии Президиума РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (совместно с Н.О. Бадером). Неоднократно награждена правительственными наградами, в том числе орденом Дружбы (1999).

Научные интересы: происхождение русского народа, этногенез восточных славян, экология человека.

АРЦИХОВСКИЙ Артемий Владимирович (1902–1978) — археолог, историк, д.и.н., чл.-корр. АН СССР, профессор. Ученик В.А. Городцова. 1925–1938 — сотрудник ГИМ. С 1931 по 1960 г. — научный сотрудник, а затем зав. сектором ГАИМК, ИИМК/ИА АН СССР. Основатель и руководитель Новгородской археологической экспедиции (1932–1962). С 1956 г. — главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (серия «История»), с 1957 г. — журнала «Советская археология». Профессор МИФЛИ, с 1939 г. — зав. кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Дважды Лауреат Государственной премии (1970, 1977). Награжден орденами «Знак Почета» (1945, 1951). Лауреат премии имени М.В. Ломоносова (1966).

Научные интересы: славяно-русская археология, история средневековой Руси.

БАДЕР Отто Николаевич (1903–1979) — археолог, д.и.н. Ученик В.А. Городцова и Б.С. Жукова. С 1924 г. — зав. археологическим отделом Музея Центрально-Промышленной области; 1925–1930 — специалист-археолог в Музейном отделе Главнаука НКП РСФСР. В 1926–1941 гг. —

научный сотрудник, с 1931 г. — ученый секретарь Института и Музея антропологии МГУ. В 1933–1941 гг. — научный сотрудник Московского отделения ГАИМК–ИИМК, с 1937 г. — ученый секретарь, 1944–1946 — сотрудник Тагильского краеведческого музея, 1946–1955 — доцент исторического факультета Пермского университета. С 1955 г. — сотрудник ИИМК/ИА АН СССР. 1966–1972 — зам. председателя Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры СССР, руководитель археологической секции. Член редколлегии журнала «Советская археология».

Член Четвертичной комиссии Отделения наук о земле АН СССР и Советской секции INQUA, Комиссии по изучению геологии и географии карста АН СССР, Уральской археологической комиссии, Итальянского института предыстории, Общества доисторической археологии Франции.

Участник ополчения МГУ 1941 г., мобилизован в стройармию в Магнитогорск и Нижний Тагил. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946).

Научные интересы: первобытная археология, палеоэтнология, древнейшее искусство.

БЛАВАТСКИЙ Владимир Дмитриевич (1899–1980) — археолог, историк-антиковед, д.и.н., профессор. Ученик Б.В. Фармаковского. С 1923 г. — сотрудник ГМИИ, с 1939 г. — доцент истфака МГУ, с 1944 г. — зав. сектором античной археологии ИИМК/ИА АН СССР.

Заслуженный деятель науки РФ, чл.-корр. Германского археологического института, Венгерского общества классических исследований, почетный член Археологического общества Югославии и Международного совета подводной археологии.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Ленина (1954), Трудового Красного Знамени (1945), Великой Отечественной войны II степени, медалями.

Научные интересы: античная история и археология Средиземноморья и Северного Причерноморья, подводная археология.

ВАГНЕР Георгий Карлович (1908–1995) — археолог, искусствовед, художник, доктор искусствоведения. Поздний ученик Н.Н. Воронина и Б.А. Рыбакова. С 1955 г. сотрудник ИИМК/ИА АН СССР/РАН. Член ученых советов ИА РАН, Академии художеств, МГУ им. М.В. Ломоносова, музеев Московского Кремля, музея им. Андрея Рублева.

Лауреат Государственной премии (1983), Почетный гражданин Рязани (1992). Награжден золотой медалью Академии художеств СССР (1980).

Научные интересы: скульптура, архитектура, изобразительное искусство и культура Древней Руси.

ВОРОНИН Николай Николаевич (1904–1976) — археолог, историк, д.и.н. Ученик К.К. Романова. С 1932 г. — сотрудник, с 1934 г. — ученый секретарь ГАИМК, 1942–1951 — зав. сектором славяно-русской археологии, 1953–1966 — зав. отделом архивных исследований (архивом) ИИМК/ИА АН СССР.

Лауреат Государственной (Сталинской) (1952) и Ленинской (1965) премий.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1954), медалями.

Научные интересы: древнерусская архитектура, проблемы социально-политической и социально-культурной истории средневековья, охрана памятников истории и культуры.

КИСЕЛЕВ Сергей Владимирович (1905–1962) — археолог, д.и.н., чл.-корр. АН СССР. Ученик В.А. Городцова и С.В. Бахрушина. В 1929–1938 гг. — сотрудник Отдела феодализма ГИМ. С 1930 г. — в МО ГАИМК, ИИМК/ИА АН СССР, 1945–1951 — заместитель директора, 1951–1962 — зав. сектором неолита и бронзы. С 1939 г. — профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. 1950–1954 — ученый секретарь Президиума АН СССР. 1952–1962 — член бюро Отделения истории АН СССР. 1949–1962 — главный редактор журнала «Вестник древней истории».

Лауреат премии имени М.В. Ломоносова МГУ (1947), Государственной (Сталинской) премии (1950). Награжден орденами Ленина (1954) и «Знак Почета».

Научные интересы: древняя и средневековая археология Южной Сибири и Центральной Азии.

КОЛЧИН Борис Александрович (1914–1984) — археолог, историк естествознания и техники. Ученик А.В. Арциховского. С 1947 г. — один из организаторов и зам. начальника Новгородской археологической экспедиции, с 1946 г. — в ИИМК/ИА АН СССР, 1967–1984 — зав. лабораторией естественнонаучных методов (инициировал разработку трех основных научных направлений: история древних производств, история производящего хозяйства, датировка средневековых деревянных сооружений).

Лауреат Государственной (1970) и Ленинской (1984) премий СССР.

Участник Великой Отечественной войны.

Научные интересы: черная металлургия и металлообработка, дендрохронология памятников Древней Руси, археология Новгорода.

КОШЕЛЕНКО Геннадий Андреевич (1935–2015) — археолог, историк, д.и.н., чл.-корр. РАН, профессор. Ученик В.Д. Блаватского. 1963–1966 — научный сотрудник ИА АН СССР, 1966–1968 — научный сотрудник НИИ теории и перспективных проблем советской архитектуры, 1968–1972 — ученый секретарь, зав. отделом Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей МК СССР, 1972–1974 — научный сотрудник Института информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, с 1974 г. — в ИА АН СССР/РАН, 1979–2008 — зав. отделом классической археологии.

Заслуженный деятель науки РФ. Чл.-корр. Французской академии надписей и изящной словесности, Германского археологического института, Итальянского института Африки и Востока. Член редколлегий нескольких российских и зарубежных журналов.

Научные интересы: история и археология Древней Греции, античного Причерноморья и эллинистического Востока.

КРУПНОВ Евгений Игнатьевич (1904–1970) — археолог, кавказовед, д.и.н. Ученик Л.П. Семенова, В.А. Городцова. 1930–1941, 1945–1950 — сотрудник ГИМ; 1936–1941, 1945–1970 — научный сотрудник ИИМК/ИА АН СССР, 1951–1960 — зам. директора по науке, 1962–1970 — зав. сектором неолита и бронзы.

Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР.

Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Ленинской премии (1963). Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Великой Отечественной войны II степени и медалями. Посмертно — орденом Республики Ингушетия «За заслуги» (2004).

Научные интересы: археология, древняя и средневековая история и культура Кавказа.

ЛИБЕРОВ Петр Дмитриевич (1904–1983) — археолог, д.и.н. Ученик Б.Н. Гракова. С 1948 г. — сотрудник ИИМК АН СССР, 1951–1956 — зав. лабораторией камеральной обработки, 1961–1971 — зам. директора по науке ИА АН СССР.

Участник Великой Отечественной войны.

Научные интересы: культура скифского времени в Северном Причерноморье.

МЕРПЕРТ Николай Яковлевич (1922–2012) — археолог, д.и.н., профессор. Ученик В.А. Городцова. С 1949 г. — сотрудник ИИМК/ИА АН СССР/РАН, 1956–1961 — ученый секретарь института, зав. отделом бронзового века (1973–1988), зав. группой зарубежной археологии (1961–1980, 1989–2006), с 2006 г. — главный научный сотрудник. Член ученого совета ИА РАН, член редакционного совета журнала «Российская археология».

Заслуженный деятель науки РФ, чл.-корр. Германского археологического института. Лауреат Государственной премии РФ в области наук и техники (1999).

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Великой Отечественной войны II степени и медалями, а также болгарскими орденами.

Научные интересы: археология энеолита и бронзового века Восточной Европы, Балканского п-ова, Кавказа и Ближнего Востока, степной полосы Евразии эпохи бронзы и средневековья.

МОНГАЙТ Александр Львович (1915–1974) — археолог, славист, д.и.н. Ученик А.В. Арциховского. С 1946 г. — сотрудник ИИМК/ИА АН СССР, член ученых советов Института этнографии АН СССР и Института истории и теории искусств Академии художеств.

Участник Великой Отечественной войны.

Научные интересы: археология Древней Руси, археология Западной Европы, история, теория, методика и популяризация археологии.

ПАССЕК Татьяна Сергеевна (1903–1968) — археолог, д.и.н. Ученица А.А. Миллера, А.А. Спицина. В 1924 г. — сотрудник ЯИ/ИЯМ/ЛОИЯ АН СССР, созданного Н.Я. Марром. С 1928 г. — сотрудник ГАИМК–ИИМК АН СССР; с 1931 г. — в ГАИС, с 1932 г. — в МО ГАИМК, МО ИИМК, ИИМК/ИА АН СССР. С 1941 г. — ученый секретарь МО ИИМК. С 1946 г. — редактор, с 1958 г. — главный редактор журнала «Краткие сообщения Института истории материальной культуры/Института археологии».

Лауреат Государственной (Сталинской) премии (1950).

Научные интересы: археология неолита, энеолита и бронзового века Юго-Восточной Европы.

ПЛЕТНЕВА Светлана Александровна (1926–2008) — археолог, д.и.н., профессор. Ученица Б.А. Рыбакова, М.И. Артамонова. С 1952 г. — в ИИМК/ИА АН СССР/РАН. 1972–1974 — зав. сектором археологических сводов, 1974–1991 — зав. отделом славяно-русской археологии, 1993–2002 — зав. группой средневековой археологии евразийских степей. 1988–1994 — главный редактор журнала «Советская археология» (с 1992 г. — «Российская археология»).

Лауреат Государственной премии СССР (1986). Награждена орденом «Знак Почета», медалями.

Научные интересы: археология и история Хазарского каганата и средневековых кочевников Восточной Европы.

РУСАНОВА Ирина Петровна (1929–1998) — археолог, славист, д.и.н. Ученица Д.А. Авдусина, П.Н. Третьякова, Ю.В. Кухаренко. С 1956 г. — сотрудник ИИМК/ИА АН СССР/РАН.

Научные интересы: археология славян.

РЫБАКОВ Борис Александрович (1908–2001) — историк, археолог, д.и.н., академик АН СССР, профессор. Ученик В.А. Городцова, С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье. В 1931–1952 — в ГИМ, зав. III археологическим отделом (1936–1938, 1943–1952). С 1936 г. — в МО ИИМК, ИИМК/ИА АН СССР/РАН. 1943–1948 — зав. отделом раннего феодализма ГИМ; 1944–1946 — зав. сектором Института этнографии АН СССР; 1951–1974 — зав. сектором славяно-русской археологии ИИМК/ИА АН СССР; 1956–1987 — директор ИИМК/ИА АН СССР; 1987–2001 — почетный директор ИА РАН; 1969–1971 — директор Института истории СССР АН СССР; 1973–1975 — академик-секретарь Отделения истории АН СССР, член Президиума АН СССР; 1958–1987 — член Исполкома Международного союза до- и протоисториков; 1962–1969 — председатель Научного Совета по координации Научно-исследовательских работ в области славяноведения АН СССР; с 1963 г. — член Международного и Российского комитета славистов; 1965–1985 — член Исполкома и Постоянного Совета Международной унии славянской археологии; 1967–1991 — член Советского комитета историков.

1933–1934 — доцент Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской; 1934–1949 — доцент, а с 1943 г. — профессор Московского областного педагогического института; с 1939 г. — доцент, 1943–2001 — профессор, 1951–1952 — декан, 1953–1963 — зав. кафедрой истории СССР феодального периода исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 1952–1954 — проректор исторического факультета МГУ по гуманитарным наукам.

Действительный член Чехословацкой, Польской, Болгарской Академий наук, дважды лауреат Государственной премии СССР (1949, 1952), лауреат Ленинской премии (1976), Герой Социалистического Труда (1978), кавалер трех орденов Ленина (1968, 1971, 1978), орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Октябрьской революции, «За заслуги перед Отечеством» II степени и др. отечественных и зарубежных орденов и медалей.

Научные интересы: археология, история, археография, историческая картография, культура восточных славян и Руси, средневековая история России.

СЕДОВ Валентин Васильевич (1924–2004) — историк, археолог, д.и.н., академик РАН, профессор. Ученик А.В. Арциховского. С 1955 г. — в ИИМК/ИА АН СССР/РАН, 1974–1989 — зав. сектором археологических сводов, 1988–2004 — зав. отделом полевых исследований; 1979–1990 — председатель Национального комитета и Международного научного совета по изданию «Энциклопедии ранней истории Европы», с 1980 г. — член Исполкома и Постоянного Совета, с 1985 г. — член Бюро Международной унии славянской археологии; 1980–1993 — член ИКОМОС (1992–1993 — президент Российского комитета); 1990–1995 — член славянской комиссии Международного Союза исторических наук; член редколлегии (с 1989 г.), член редакционного совета (с 1996 г.) журнала «Российская археология»; 1993–2004 — отв. редактор ежегодника «Археологические открытия»; 2001–2004 — главный редактор журнала «Краткие сообщения Института археологии».

Почетный академик АН Латвии, лауреат Государственной премии СССР (1984), Государственной премии России (1998), премии РАН имени И.Е. Забелина (1994), Демидовской премии (1988).

Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Научные интересы: история и этногенез славян, финно-угров, балтов и их соседей; история и культура Древней Руси.

СМИРНОВ Алексей Петрович (1899–1974) — археолог, д.и.н., профессор. Ученик В.А. Городцова и Ю.В. Готье. С 1929 — в ГИМ, 1933–1949 — зав. II археологическим отделом, 1949–1962 — зам. директора. С 1932 г. — в МО ГАИМК, МО ИИМК, ИИМК/ИА АН СССР, 1953–1956 — зам. директора, 1958–1974 — зав. отделом скифо-сарматской археологии. Член редколлегии журнала «Советская археология» (с 1957 г.), 1966–1974 — зам. главного редактора.

Заслуженный деятель науки Чувашской АССР (1958), заслуженный деятель науки Татарской АССР (1959).

Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Кавалер боевых наград (в том числе медали «За оборону Москвы») и ордена Трудового Красного Знамени (1954).

Научные интересы: археология и история финно-угров Поволжья и Приуралья, Волжской Булгарии и Золотой Орды.

СМИРНОВ Константин Федорович (1917–1980) — археолог, д.и.н., профессор. Ученик Б.Н. Гракова. 1944–1946 — научный сотрудник ГИМ. С 1946 г. — сотрудник ИИМК/ИА АН СССР, 1950–1951 — зав. аспирантурой, 1953–1956 — зав. сектором скифо-сарматской археологии.

Научные интересы: археология ранних кочевников степей Евразии.

ЧЕРНЕЦОВ Валерий Николаевич (1905–1970) — этнограф, археолог, фольклорист, лингвист, к.и.н. Ученик В.Г. Богораз-Тана и Л.Я. Штернберга.

В 1930–1935 гг. — в Институте народов Севера, в 1935–1940 гг. — в Музее антропологии и этнографии АН СССР (с 1938 г. — зав. Сибирским отделом) в Ленинграде. С 1940 г. — сотрудник МО ИИМК (в военные месяцы 1941–1942 гг. — руководитель Отделения), ИИМК/ИА АН СССР, 1963–1970 — руководитель группы урало-сибирской археологии, член редколлегии журнала «Советская этнография». Один из авторов первых азбуки и учебника мансийского языка.

Заграничный член Финно-угорского общества в Хельсинки (с 1961 г.). Награжден орденом Трудового Красного Знамени (1954).

Научные интересы: археология, этнография, история, язык, фольклор угров и самодийцев Урала и Западной Сибири, первобытное искусство, проблемы реконструкции древних верований.

ШЕЛОВ Дмитрий Борисович (1919–1993) — археолог-антиковед, историк, нумизмат, д.и.н., профессор. Ученик Б.Н. Гракова. С 1948 г. — научный сотрудник ИИМК/ИА АН СССР/РАН, 1953–1956 — ученый секретарь института, 1956–1968 — зам. директора, 1974–1988 — руководитель отдела полевых исследований. Создатель и отв. редактор издания «Нумизматика и эпиграфика» (1960–1989), член редколлегии журналов «Краткие сообщения Института археологии» и «Советская археология», международного журнала *Eigene*, научно-методического Совета по охране памятников культуры Министерства культуры и археологической секции Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Чл.-корр. Германского археологического института, член Венгерского общества исследователей древностей, почетный член Румынского нумизматического общества.

Научные интересы: античная археология, нумизматика, керамическая эпиграфика, методика полевых исследований.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ — СПИСКИ КНИЖНЫХ ИЗДАНИЙ*

Археология СССР (Археология)

Палеолит СССР / Отв. ред. П.И. Борисковский; авт.: З.А. Абрамова, М.В. Аникович, Н.О. Бадер и др. М., 1984. 383 с.

Мезолит СССР / Отв. ред. Л.В. Кольцов; авт.: Н.О. Бадер, Н.Н. Гурина, П.М. Долуханов и др. М., 1989. 349 с.

Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина; авт.: Т.Д. Белановская, В.В. Бжания, Н.Н. Гурина и др. М., 1996. 377 с.

Энеолит СССР / Отв. ред.: В.М. Массон, Н.Я. Мерперт; авт.: В.М. Массон, Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев, Е.К. Черныш. М., 1982. 359 с.

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин; авт.: О.М. Джапаридзе, К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин, Т.К. Микеладзе, Р.М. Мунчаев. М., 1994. 382 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред.: О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев; авт.: Ж.В. Андреева, И.И. Артеменко, О.Н. Бадер и др. М., 1987. 470 с.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г.А. Кошеленко; авт.: Ю.Ф. Бурья-

ков, Ю.А. Заднепровский, Г.А. Кошеленко и др. М., 1985. 496 с.

Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред.: Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков; авт.: Е.М. Алексеева, А.К. Амброз, Т.М. Арсеньева и др. М., 1984. 392 с.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова; авт.: М.П. Абрамова, С.С. Бессонова, О.Д. Дашевская и др. М., 1989. 463 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова; авт.: Б.В. Андрианов, Н.А. Боковенко, Э.Б. Вадецкая и др. М., 1992. 493 с.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Отв. ред.: И.П. Русанова, Э.А. Сымонович; авт.: В.И. Бидзиля, О.А. Гей, К.В. Каспарова и др. М., 1993. 326 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. 327 с.

Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б.А. Колчин; авт.: Г.В. Борисевич, В.П. Даркевич, А.Н. Кирпичников и др. М., 1985. 431 с.

Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.И. Макарова; авт.: Д.А. Беленькая, Г.К. Вагнер, Е.В. Воробьева, Л.А. Голубева и др. М., 1997. 368 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов; авт.: Л.А. Голубева, В.А. Могильников, В.В. Седов, Р.Л. Розенфельдт. М., 1987. 509 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева; авт.: А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов и др. М., 1981. 302 с.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнева; авт.: А.И. Айбабин, Б.Н. Аракелян, Е.А. Армарчук и др. М., 2003. 532 с.

Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г.А. Брыкина; авт.: Б.В. Андрианов, К.М. Байпаков, Г.А. Брыкина и др. М., 1999. 376 с.

* Составители: П.Г. Гайдуков, Н.В. Лопатин, Н.А. Тюкавкина.

Материалы и исследования по археологии СССР (МИА)

№ 1. Археологические памятники Урала и Прикамья. [Т. I] / Под ред. П.Н. Третьякова. М.; Л., 1940. 168 с.

№ 2. Палеолит и неолит СССР. [Т. I] / Под ред. П.П. Ефименко. М.; Л., 1941. 303 с.

№ 3. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Под ред. М.И. Артамонова. М.; Л., 1941. 324 с.

№ 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Под ред. С.А. Жебелева, В.Ф. Гайдукевича. М.; Л., 1941. 278 с.

№ 5. Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. М.; Л., 1941. 150 с.

№ 6. Этногенез восточных славян. Т. I / Под ред. М.И. Артамонова, М.; Л., 1941. 287 с.

№ 7. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. I / Под ред. А.В. Арциховского. М.; Л., 1947. 178 с.

№ 8. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. М.; Л., 1948. 127 с.

№ 9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 362 с.

№ 10. Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений (III–II тыс. до н.э.). М.; Л., 1949. 245 с.

№ 11. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I / Под ред. Н.Н. Воронина, М.; Л., 1949. 248 с.

№ 12. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского. М.; Л., 1949. 310 с.

№ 13. Материалы по археологии Верхнего Поволжья / Под ред. П.Н. Третьякова. М.; Л., 1950. 178 с.

№ 14. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / Отв. ред. А.Ю. Якубовский. М.; Л., 1950. 158 с., 95 табл.

№ 15. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. I. 1946–1947 гг. / Под ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1950. 252 с.

№ 16. Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. 201 с.

№ 17. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М., 1950. 255 с.

№ 18. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I–II. М.; Л., 1950. 412 с.

№ 19. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. [Т.] I / Под ред. В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова. М., 1951. 291 с.

№ 20. Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере Европейской части СССР / Под ред. М.Е. Фосс. М.; Л., 1951. 175 с.

№ 21. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II / Под ред. А.Я. Брюсова. М., 1951. 269 с.

№ 22. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / Под ред. В.Н. Чернецова. М., 1951. 191 с.

№ 23. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Под ред. Е.И. Крупнова. М., 1951. 306 с.

№ 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / Под ред. С.В. Киселева. М., 1952. 159 с.

№ 25. Боспорские города. [Т.] I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / Под ред. В.Ф. Гайдукевича, М.И. Максимовой. М.; Л., 1952. 422 с.

№ 26. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952. 348 с.

№ 27. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М.В. Талицким). М., 1952. 228 с.

№ 28. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. 278 с.

№ 29. Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952. 280 с.

№ 30. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. 322 с.

№ 31. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси / Под ред. Н.Н. Воронина. М.; Л., 1952. 380 с.

№ 32. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период). М., 1953. 259 с.

№ 33. Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. [Т.] II / Отв. ред. М.И. Кобылина. М., 1954. 214 с.

№ 34. Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М., 1953. 436 с.

№ 35. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. 358 с.

№ 36. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954. 238 с.

№ 37. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948–1950 гг. / Под общ. ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1953. 316 с.

№ 38. Бибииков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. М.; Л., 1953. 460 с.

- № 39. Палеолит и неолит СССР. [Т. II] / Под ред. А.П. Окладникова. М.; Л., 1953. 475 с.
- № 40. Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. М.; Л., 1953. 463 с.
- № 41. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. Воронин Н.Н. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). М., 1954. 236 с.
- № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1954. 508 с.
- № 43. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. III. Глазковское время. М.; Л., 1955. 374 с.
- № 44. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III / Под ред. Н.Н. Воронина. М., 1955. 356 с.
- № 45. Рогачёв А.Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М., 1955. 163 с.
- № 46. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955. 162 с.
- № 47. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956. 431 с.
- № 48. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М.; Л., 1956. 160 с.
- № 49. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. IV. Монгайт А.Л. Старая Рязань. М., 1955. 228 с.
- № 50. Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В.Ф. Гайдукевича. М.; Л., 1956. 278 с.
- № 51. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. М., 1956. 183 с.
- № 52. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. V. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956. 183 с.
- № 53. История скотоводства в Северном Причерноморье / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1960. 166 с.
- № 54. Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957. 240 с.
- № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М., 1956. 250 с.
- № 56. Пантикапей / Отв. ред. И.Б. Зеест. М., 1957. 253 с.
- № 57. Фанагория / Под ред. А.П. Смирнова. М., 1956. 182 с.
- № 58. Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957. 250 с.
- № 59. Палеолит и неолит СССР. Т. III. Материалы по стратиграфии и относительной хронологии верхнего палеолита СССР / Под ред. А.П. Окладникова. М.; Л., 1957. 325 с.
- № 60. Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1959. 598 с.
- № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1958. 458 с.
- № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1958. 425 с.
- № 63. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959. 362 с.
- № 64. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.; Л., 1958. 314 с.
- № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М., 1959. 362 с.
- № 66. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. III. 1951–1953 гг. / Отв. ред. А.М. Белецкий. М.; Л., 1958. 389 с., 99 табл.
- № 67. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I. 1953–1955 гг. / Отв. ред. А.А. Иессен. М.; Л., 1959. 452 с.
- № 68. Древние племена и народности Кавказа / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.; Л., 1958. 195 с.
- № 69. Некрополи Боспорских городов / Под ред. В.Ф. Гайдукевича. М.; Л., 1959. 321 с.
- № 70. Памятники зарубинецкой культуры / Под ред. П.Н. Третьякова. М.; Л., 1959. 192 с.
- № 71. Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. М., 1958. 123 с.
- № 72. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н.э. М., 1959. 150 с.
- № 73. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959. 215 с.
- № 74. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л., 1958. 328 с.
- № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1959. 390 с.
- № 76. Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. / Отв. ред. М.А. Тиханова. М.; Л., 1960. 452 с.
- № 77. Кирпичников А.Н., Воронин Н.Н., Косточкин В.В., Хлопин И.Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М., 1958. 251 с.
- № 78. Древности Нижнего Поволжья: (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М., 1960. 308 с.
- № 79. Палеолит и неолит СССР. Т. IV / Ред. А.П. Окладников. М.; Л., 1960. 288 с.
- № 80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1960. 252 с.

- № 81. Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960. 216 с.
- № 82. Черняховская культура / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1960. 347 с.
- № 83. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. 177 с.
- № 84. Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. М., 1961. 221 с.
- № 85. Боспорские города. [Т.] II. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. / Под ред. В.Ф. Гайдукевича, Т.Н. Книпович. М.; Л., 1958. 503 с.
- № 86. Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. I. Древние культуры Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Окладников. М.; Л., 1960. 243 с.
- № 87. Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. 534 с.
- № 88. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. 285 с.
- № 89. Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. М., 1960. 378 с.
- № 90. Гришин Ю.С., Тихонов Б.Г. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1960. 206 с.
- № 91. Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I. М., 1960. 188 с.
- № 92. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. 156 с.
- № 93. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М., 1960. 152 с.
- № 94. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. 264 с.
- № 95. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. 169 с.
- № 96. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М., 1961. 224 с.
- № 97. Абашевская культура в Среднем Поволжье / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М., 1961. 228 с.
- № 98. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. Раскопки 1955–1958 гг. М., 1961. 94 с.
- № 99. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М., 1961. 196 с.
- № 100. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. М., 1961. 165 с.
- № 101. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М., 1961. 98 с.
- № 102. Неолит и энеолит юга Европейской части СССР / Отв. ред. Т.С. Пассек. М., 1962. 151 с.
- № 103. Пантикапей / Отв. ред. И.Б. Зеест, И.Д. Марченко. М., 1962. 260 с.
- № 104. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1961. 381 с.
- № 105. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л., 1961. 241 с.
- № 106. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. 134 с.
- № 107. Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М., 1962. 129 с.
- № 108. Славяне накануне образования Киевской Руси / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1963. 388 с.
- № 109. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1963. 529 с.
- № 110. Труды Горьковской археологической экспедиции / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л., 1963. 275 с.
- № 111. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1962. 274 с.
- № 112. Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.; Л., 1963. 354 с.
- № 113. Лесостепные культуры скифского времени / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М., 1962. 151 с.
- № 114. Труды Северо-Кавказской экспедиции. 1958–1960 гг. Т. II. Средневековые памятники Северной Осетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1963. 161 с.
- № 115. Памятники скифо-сарматской культуры / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М., 1962. 286 с.
- № 116. Древности эпохи сложения восточного славянства / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Симонович. М., 1964. 362 с.
- № 117. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. Новые методы в археологии / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М., 1963. 332 с.
- № 118. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962. 328 с.
- № 119. Спегальский Ю.И. Псковские каменные жилые здания XVII века. М.; Л., 1963. 175 с.
- № 120. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л., 1962. 207 с.
- № 121. Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л., 1963. 231 с.
- № 122. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969. 114 с.
- № 123. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. Жилища древнего Новгорода / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М., 1963. 315 с.
- № 124. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. IV. 1954–1959 гг. / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.; Л., 1964. 300 с.
- № 125. Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II. 1956–1960 гг. / Отв. ред. А.А. Иессен, К.Х. Кушнарера. М.; Л., 1965. 230 с.
- № 126. У истоков древних культур (эпоха мезолита) / Отв. ред. Н.Н. Гурина. М.; Л., 1966. 240 с.

- № 127. Древности Нижнего Дона / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М., 1965. 262 с.
- № 128. Лисицына Г.Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965. 168 с.
- № 129. Археология и естественные науки / Под ред. Б.А. Колчина. М., 1965. 346 с.
- № 130. Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М., 1965. 291 с.
- № 131. Палеолит и неолит СССР. Т. V / Под ред. П.И. Борисковского. М.; Л., 1965. 308 с.
- № 132. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. 144 с.
- № 133. Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. III. Средневековые памятники Азербайджана / Отв. ред. А.А. Иессен, К.Х. Кушнарера. М.; Л., 1965. 111 с.
- № 134. —*
- № 135. Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966. 159 с.
- № 136. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. V. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966. 232 с.
- № 137. —
- № 138. —
- № 139. История и археология Юго-Западных областей СССР начала нашей эры / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М., 1967. 264 с.
- № 140. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнонорусских земель X–XIV вв. Л., 1967. 241 с.
- № 141. Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968. 183 с.
- № 142. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 198 с.
- № 143. —
- № 144. Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР. Л., 1967. 207 с.
- № 145. Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. VI. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968. 184 с.
- № 146. Блаватский В.Д. Античная полевая археология. М., 1967. 208 с.
- № 147. —
- № 148. Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967. 139 с.
- № 149. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве. М., 1969. 140 с.
- № 150. Древние фракийцы в Северном Причерноморье / Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М., 1969. 191 с.
- № 151. Население Среднего Дона в скифское время / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1969. 144 с.
- № 152. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Л., 1968. 192 с.
- № 153. Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М., 1972. 161 с.
- № 154. Античные древности Подонья–Приазовья / Отв. Д.Б. Шелов. М., 1969. 287 с.
- № 155. Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М., 1970. 169 с.
- № 156. Древнее поселение в Подмосковье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М., 1970. 208 с.
- № 157. Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968. 156 с.
- № 158. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969. 216 с.
- № 159. —
- № 160. Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Отв. ред. П.Н. Третьяков. Л., 1969. 170 с.
- № 161. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. 280 с.
- № 162. —
- № 163. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. 200 с.
- № 164. Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1970. 219 с.
- № 165. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи бронзы на территории СССР. М., 1969. 255 с.
- № 166. Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А.А. Формозов. М., 1970. 207 с.
- № 167. Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV. Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М., 1971. 294 с.
- № 168. Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970. 224 с.
- № 169. Древности Восточной Европы. К семидесятилетию Алексея Петровича Смирнова / Ред. Л.А. Евтюхова. М., 1969. 303 с.
- № 170. —
- № 171. —
- № 172, [1]. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. 180 с.
- № 172, [2]. Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита / Под ред. Н.Н. Гуриной. Л., 1973. 236 с.
- № 173. Палеолит и неолит СССР. Т. VI / Отв. ред. П.И. Борисковский. Л., 1971. 315 с.
- № 174. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н.э. – I-я половина I тысячелетия н.э. М., 1971. 168 с.
- № 175. —

* Здесь и далее прочерком обозначены номера, не присвоенные изданным книгам.

№ 176. Древние славяне и их соседи: [сб. статей: посвящен 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности П.Н. Третьякова] / Отв. ред. Ю.В. Кухаренко. М., 1970. 158 с.

№ 177. Проблемы скифской археологии / Отв. ред. П.Д. Либеров, В.И. Гуляев. М., 1971. 220 с.

№ 178. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. 290 с.

№ 179. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. 156 с.

№ 180. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971. 208 с.

№ 181. —

№ 182. Членова Н.Л. Хронология памятников Карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.

№ 183. —

№ 184. Древнее поселение в Подмоскowie (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М., 1971. 115 с.

№ 185. Палеолит и неолит СССР. Т. VII. Посвящается 60-летию П.И. Борисковского / Отв. ред. З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов. Л., 1972. 282 с.

№ 186. —

№ 187. Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972. 119 с.

Свод археологических источников (САИ)

A1-5. Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л., 1964. 56 с., 31 отд. л. табл.

A4-3. Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962. 86 с., 62 отд. л. табл.

B1-11. Пассек Т.С., Черныш Е.К. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963. 44 с.: рис., 26 отд. л. табл.

B1-18. Кухаренко Ю.В. Первобытные памятники Полесья. М., 1962. 24 с., 12 отд. л. табл.

B3-8. Хлопин И.Н. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении М.; Л., 1963 (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 1). 30 с., 25 отд. л. табл.

B3-8. Массон В.М. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении М.; Л., 1962 (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2). 30 с., 20 отд. л. табл.

B3-8. Хлопин И.Н. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении М.; Л., 1969 (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 3). 54 с.: рис., 26 табл.

B3-8. Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. М., 1965 (Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 4). 56 с., 27 отд. л. табл.

V1-3. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая общность (Южнобугский вариант). Киев: Наук. думка, 1986. 162 с.: 79 рис.

V1-10. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Т. I / Науч. ред. Н.К. Качалова; отв. ред. Н.М. Малов; авт.: Л.Л. Галкин, И.И. Дремов, Б.Ф. Железчиков, М.А. Изотова и др. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993 (Археология России. САИ). 200 с.: 69 табл.

V1-11. Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону: Кобьяковская культура. Л., 1980. 128 с.: 37 табл.

V1-19. Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. М., 1963. 52 с., 24 отд. л. табл.

V1-20. Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. М., 1964. 71 с., 29 отд. л. табл.

V1-21. Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа. М., 1976. 136 с.: 35 табл.

V1-22. Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. М., 1987. 145 с.: 71 табл.

V1-24. Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980. 128 с.: 60 табл., 5 карт.

V1-25. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры. М., 1976. 168 с.: 52 табл., 9 карт.

V1-27. Свешников И.К. Культура шаровидных амфор. М., 1983. 87 с.: 25 табл.

V2-5. [Т. 1]. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977. 88 с.: 25 табл.

V2-5. [Т. 2]. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М., 1982. 177 с.: 55 табл.

V2-5 (на титуле — V2-6). Вып. 3. Козенкова В.И. Кобанская культура: Западный вариант. М., 1989. 196 с.: 44 табл.

V2-5. Вып. 4. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): Западный вариант. М., 1995 (Археология России. САИ). 167 с.: 29 табл.

V2-5. Т. 5. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант. М., 1998 (Археология России. САИ). 200 с.: 42 табл.

V3-2. Андроновская культура. Вып. 1. Памятники западных районов / Отв. ред. М.П. Грязнов; сост. В.С. Сорокин. М.; Л., 1966. 65 с., 38 табл.

V3-12. Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. 90 с., 18 табл.

V4-4. Брюсов А.Я., Зимина М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1966. 99 с.: 22 табл.

V4-9. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. М., 1966. 152 с.: 18 табл.

- В4-12. Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. М., 1974. 56 с.: 19 табл.
- В4-12. [1]. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1964. 52 с., 26 отд. л. табл.
- В4-12. [2]. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971. 120 с.: рис., 16 табл.
- Г1-9. Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990. 168 с.: 73 табл.
- Г1-11. Терракоты Северного Причерноморья / Отв. ред. М.М. Кобылина; авт.: М.М. Кобылина, И.Б. Клейман, В.М. Скуднова и др. М., 1970. 128 с., 57 табл.
- Г1-11. Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей / Отв. ред. М.М. Кобылина; авт.: П.Ф. Силантьева, И.Д. Марченко, М.М. Кобылина и др. М., 1974. 62 с., 63 табл.
- Г1-11. Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Придонье и Таманский полуостров / Отв. ред. М.М. Кобылина; авт.: К.К. Марченко, Т.М. Арсеньева, А.К. Корovina и др. М., 1974. 58 с., 59 табл.
- Г1-12. [т. I]. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. 94 с., 19 табл.
- Г1-12. [т. II]. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. 104 с.: табл. 20–34.
- Г1-12. [т. III]. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 105 с.: табл. 35–54.
- Г1-17. Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969. 192 с.: 48 табл.
- Г1-20. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / Отв. ред. И.Б. Зеест; авт.: Ю.И. Козуб, В.В. Борисова, Г.А. Цветаева и др. М., 1966. 160 с.: 46 табл.
- Г4-4. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. 135 с.: рис., 13 отд. л. рис.
- Д1-4. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. 91 с., 23 отд. л. табл.
- Д1-4. Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М., 1967. 180 с.: 37 табл.
- Д1-7. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 142 с.: 75 табл.
- Д1-7. Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры. М., 1981. 128 с.: 46 табл.
- Д1-9. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963. 40 с., 30 отд. л. табл.
- Д1-10. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 56 с., 32 отд. л. табл.
- Д1-12. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. I. Археологическая карта / А.К. Амброз, Л.В. Артишевская, В.П. Даркевич и др. II. Погребальные обряды / сост. Г.Ф. Соловьева. М., 1962. 76 с., 12 отд. л. табл.
- Д1-14. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М., 1965. 40 с., 21 отд. л. табл.
- Д1-19. Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М., 1964. 68 с., 20 отд. л. табл.
- Д1-22. Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племени черняховской культуры. М., 1983. 151 с.: 22 табл.
- Д1-27. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970. 280 с.: 81 рис.
- Д1-27. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М., 1966. 124 с.: 25 табл.
- Д1-27. Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. М., 1970. 214 с.: 45 табл.
- Д1-29. Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961. 70 с., 46 отд. л. табл.
- Д1-30. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М., 1966. 111 с., 28 табл.
- Д1-31. Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965. 112 с.: 38 табл.
- Д1-32. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М., 1967. 100 с.: 26 табл.
- Д1-33. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). М., 1977. 68 с.: 33 табл.
- Д3-8. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири. М., 1965. 88 с.: 21 табл.
- Д3-9. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. 52 с., 27 отд. л. табл.
- Д4-5. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1978. 144 с.: 52 табл.
- Д4-7. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М., 1980. 66 с.: 29 табл.
- Е1-2. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979. 58 с., 7 табл. данных, 22 табл. ил.
- Е1-8. Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970. 56 с., 20 табл.
- Е1-8. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. 68 с., 31 табл.
- Е1-19. Плетнева С.А. Древности черных клобуков. М., 1973. 96 с.: 46 табл.
- Е1-24. Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966. 48 с., 22 табл.
- Е1-25. Русанова И.П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. 100 с.: 47 табл.
- Е1-32. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище Л., 1975. 180 с.: 60 рис., 5 карт.
- Е1-34. Никитин А.В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М., 1971. 84 с.: 11 табл.
- Е1-36. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли. IX–XIII вв. М.; Л., 1966. 110 с., 35 табл.
- Е1-36. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII. М.; Л., 1966. 148 с., 34 табл.

- Е1-36. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств. IX–XIII вв. М.; Л., 1971. 93 с., 22 табл.
- Е1-36. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. 116 с., 24 табл.
- Е1-36. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М., 1966. 184 с.: 31 табл.
- Е1-38. Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967. 76 с., 26 табл.
- Е1-39. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968. 124 с.: 24 табл.
- Е1-43. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978. 124 с.: 31 табл.
- Е1-44. Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. 48 с., 48 отд. л. табл.
- Е1-47. Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.: 16 табл.
- Е1-49. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. М., 1971. 194 с.: 81 табл.
- Е1-55. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968. 184 с.: 85 табл.
- Е1-55. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. 62 с., 48 табл.
- Е1-57. Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966. 148 с.: 36 табл.
- Е1-57. Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники Полесья. М., 1961. 40 с., 14 отд. л. табл.
- Е1-59. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. 112 с.: 25 табл.
- Е1-60. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983. 220 с.: 68 табл.
- Е1-60. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981. 124 с.: 25 табл.
- Е3-18. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 126 с.: 37 табл.
- Е4-2. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. 200 с.: 83 табл.
- Е4-4. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. 64 с., 21 отд. л. карт и рис.

Содержание

Институт археологии: взгляд в прошлое <i>Н.А. Макаров</i>	5	Научно-отраслевой архив <i>У.Ю. Кочкаров, С.В. Селезнева</i>	110
Из истории Института археологии РАН в 1920–1940-е годы <i>П.Г. Гайдуков, И.В. Белозёрова, С.В. Кузьминых</i>	11	ЭКСПЕДИЦИИ	117
ОЧЕРКИ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ	27	Северная Палеолитическая/Сунгирская экспедиция <i>К.Н. Гаврилов</i>	118
Отдел каменного века <i>Х.А. Амирханов</i>	28	Уральская Палеолитическая экспедиция (Капова пещера) <i>А.С. Пахунов</i>	122
Отдел бронзового века <i>А.Ю. Скаков</i>	35	Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР (петроглифы Саянского каньона Енисея) Е.Г. Дэвлет	125
Отдел скифо-сарматской археологии <i>А.А. Малышев</i>	43	Археологическая экспедиция в Месопотамии <i>Р.М. Мунчаев</i>	129
Отдел классической археологии <i>А.А. Завойкин, В.А. Гаубов</i>	53	Болгаро-советская/российская экспедиция <i>Т.Н. Мишина</i>	134
Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья <i>А.М. Обломский</i>	63	Саяно-Алтайская экспедиция (Большой Салбыкский курган) Е.Г. Дэвлет	138
Отдел средневековой археологии <i>А.В. Чернецов, И.Н. Кузина</i>	68	Экспедиции В.Д. Блаватского и развитие подводной археологии <i>С.В. Ольховский</i>	142
Отдел археологии Московской Руси <i>Л.А. Беляев</i>	77	Анапская экспедиция (Горгиппия) <i>Е.М. Алексеева</i>	146
Отдел теории и методики <i>Д.С. Коробов</i>	85	Новгород. Неревский раскоп <i>П.Г. Гайдуков</i>	151
Отдел сохранения археологического наследия <i>А.В. Энговатова</i>	93	Изборская экспедиция <i>Н.В. Лопатин</i>	160
Лаборатория естественнонаучных методов <i>С.В. Кузьминых</i>	99	Московская археологическая экспедиция: Зарядье (1941–2015) <i>Л.А. Беляев</i>	164
Отдел полевых исследований <i>А.А. Масленников, С.В. Меснянкина</i>	106	Археологические исследования летописного Любеча Ю.Ю. Моргунов	169

Верхневолжская археологическая экспедиция <i>А.В. Энговатова</i>	173	Н.Н. Воронин (1904–1976) <i>Н.А. Макаров</i>	242
Куйбышевская экспедиция <i>О.В. Зеленцова</i>	178	С.В. Киселев (1905–1962) <i>Е.Г. Дэвлет</i>	247
Северо-Кавказская экспедиция <i>А.Н. Гей</i>	183	Б.А. Колчин (1914–1984) <i>П.Г. Гайдуков</i>	251
ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ	189	Г.А. Кошеленко (1935–2015) <i>В.А. Гаибов, В.Д. Кузнецов</i>	259
Археологические открытия (ежегодник) <i>Н.В. Лопатин</i>	190	Е.И. Крупнов (1904–1970) <i>Р.М. Мунчаев</i>	262
Археология СССР (многотомник) <i>П.Г. Гайдуков</i>	193	П.Д. Либеров (1904–1983) <i>В.И. Гуляев</i>	266
Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия) <i>И.О. Гавритухин, С.В. Кузьминых, Н.В. Лопатин</i>	196	Н.Я. Мерперт (1922–2012) <i>Р.М. Мунчаев</i>	269
Свод археологических источников (книжная серия) <i>И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин</i>	200	А.Л. Монгайт (1915–1974) <i>А.В. Чернецов</i>	272
Краткие сообщения Института археологии (журнал) <i>Л.И. Авилова</i>	204	Т.С. Пассек (1903–1968) <i>Т.Н. Мишина</i>	275
Российская археология (журнал) <i>Л.А. Беляев</i>	208	С.А. Плетнева (1926–2008) <i>В.С. Флёров</i>	279
ПЕРСОНАЛИИ	213	И.П. Русанова (1929–1998) <i>И.О. Гавритухин</i>	282
В.П. Алексеев (1929–1991) <i>М.В. Добровольская</i>	214	Б.А. Рыбаков (1908–2001) <i>А.А. Медынцева</i>	285
Т.И. Алексеева (1928–2007) <i>М.Б. Медникова</i>	218	В.В. Седов (1924–2004) <i>Н.А. Макаров</i>	288
А.В. Арциховский (1902–1978) <i>П.Г. Гайдуков</i>	221	А.П. Смирнов (1899–1974) <i>В.Ю. Коваль</i>	291
О.Н. Бадер (1903–1979) <i>К.Н. Гаврилов</i>	230	К.Ф. Смирнов (1917–1980) <i>В.И. Гуляев</i>	293
В.Д. Блаватский (1899–1980) <i>А.А. Масленников</i>	234	В.Н. Чернецов (1905–1970) <i>С.В. Ошибкина</i>	296
Г.К. Вагнер (1908–1995) <i>Вл.В. Седов</i>	238	Д.Б. Шелов (1919–1993) <i>Т.М. Арсеньева</i>	300
		ПРИЛОЖЕНИЯ	305
		ПЕРСОНАЛИИ — справочная информация	306
		ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ — списки книжных изданий	310

Научное издание

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН:
100 ЛЕТ ИСТОРИИ

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакторы Г.Г. Король, Г.С. Пузакова
Корректор А.В. Меньшиков
Дизайн и верстка: Д.В. Щепоткин

Подписано к печати 12.03.2019.
Формат 60 x 90 1/8
Усл.печ.л. 40,0. Уч.-изд.л. 37,5. Тираж 800 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Отпечатано в ООО «Красногорский
полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-270-4

9 785943 752704